

КОНРАД

ДОРЕНШ

*Человек
и его друг*

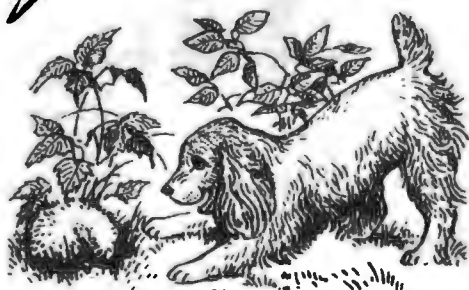

**КОНРАД
ЛОРЕНЦ**

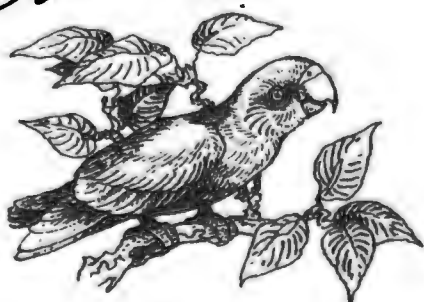

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

Чарльз
Спенсер

Колумб Бейкер
Самуэля

КОНРАД ЛОРЕНЦ

Перевод с английского

АРМАДА
Москва
1995

ББК 84.4А
Л 78

Составитель
М. Жданова

Оформление
Т. Самгулина

Рисунок на переплете
С. Цылова

Иллюстрации
О. Келейниковой

Л $\frac{4703010100-58}{9СЗ(03)-95}$ Без объявл.

ISBN 5-7632-0031-4

- © Состав, художественное оформление, АРМАДА, 1995
- © Иллюстрации, Келейникова О.А., 1995

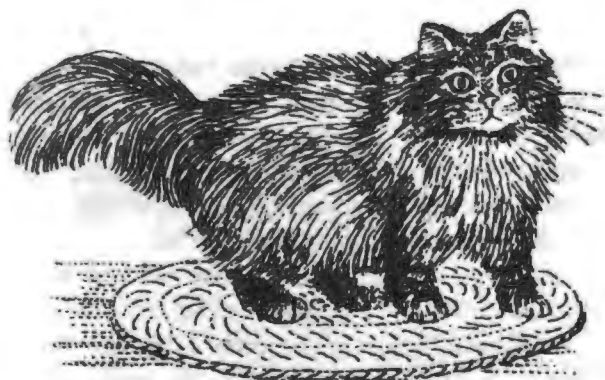
Человек ищет друга

Перевод с английского
И. ГУРОВОЙ

Konrad Z. Lorenz
MAN MEETS DOG
Penguin books, London, 1969

© Перевод, Гурова И. Г., 1977

ВВЕДЕНИЕ

Необходимость обрекает их
Жить с человеком — на его лугах,
В его дворе иль у него в дому.
И часто нам являет их пример,
Сколь дорогую цену он берет
За покровительство.

Ф. Кутер. Прогулка в зимний полдень

Сегодня я позавтракал поджаренным хлебом с колбасой. И колбасой и жиром, на котором поджаривался хлеб, я был обязан свинье, которую знал очаровательным юрким поросенком. Однако, едва она вышла из этого нежного возраста, я прекратил с ней всякое знакомство, дабы избавить свою совесть от угрызений, когда придет неизбежный час. Я уверен, что, если бы мне пришлось самому убивать животных, которых я ем, на мой стол никогда не попадали бы существа, по интеллектуальному уровню стоящие выше рыбы или в крайнем случае лягушки. Разумеется, снимать с себя таким способом ответственность — чистейшей воды лицемерие. Но в любом случае отношение человека к жи-

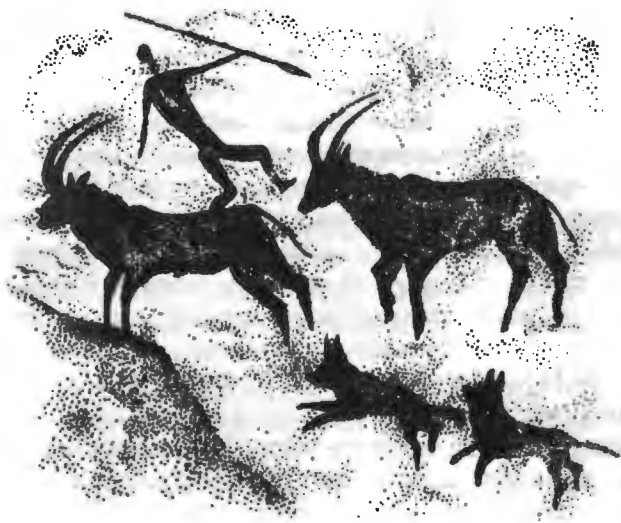
вотным, которых он выращивает для еды, носит противоречивый характер. У фермеров оно определяется вековыми традициями и давно уже вылилось в строго определенную, почти ритуальную форму поведения, что полностью освобождает их от ощущения моральной ответственности и вины. Для человека же, профессионально занимающегося изучением умственных способностей животных, эта проблема приобретает совсем иное освещение. С его точки зрения, необходимость убивать домашних животных куда более тягостна, чем отстрел дичи. Охотник не знаком со своей добычей лично — во всяком случае, он сам ее не выращивал. А главное, дикие звери знают, что им постоянно грозит гибель. В моральном аспекте свернуть голову домашнему гусю, доверчиво тянущемуся к вам за кормом, куда труднее, чем, затратив немало терпения и физических усилий, подстрелить его дикого собрата, который не только знает о подстерегающей его опасности, но и имеет возможность избежать ее. Однако позиция человека по отношению к тем домашним животным, которых он не ест, а использует для других целей, пожалуй, еще более сомнительна, чем его позиция по отношению к тем, которых он потребляет в пищу и которые до своей обычно быстрой и безболезненной смерти ведут легкую и беззаботную жизнь. Судьба лошади, чье существование по мере приближения старости становится все более тяжким, слишком трагична, чтобы на ней хотелось останавливаться. К наименее приятным чертам взаимоотношений человека и домашних животных относится хладнокровие, с которым он забивает телят и даже самих коров, когда, выдоенные досуха, они перестают «оправдывать себя».

Только с самой широкой биологической точки зрения, рассматривая не индивидуальные особи, а вид в целом, мы можем считать связь между человеком и домашними животными взаимовыгодным «симбиозом». Ведь как виды и лошадь, и корова, и овца, и прочие домашние животные получили от своего одомашнивания бесспорную выгоду, поскольку их дикие предки, неспособные существовать в цивилизованных странах, давно уже вымерли.

К тому же человек никогда не брал на себя по отношению к ним никаких моральных обязательств, и, собственно говоря, он обращается с ними так, как в древности даже высокоцивилизованные народы обращались с пленниками, захваченными на войне. А в первобытные времена таких пленников нередко просто ели. И победители при этом испытывали куда меньше нравственных сомнений, чем испытывал их сегодня утром я, завтракая колбасой.

Только два вида животных стали членами домашнего круга человека не как пленники и были приручены не с помощью принуждения. Я имею в виду собаку и кошку. Их объединяют два момента — оба они хищники и у обоих человек использует их охотничьи способности. А во всем остальном, и главное по характеру своих отношений с человеком, они разнятся между собой, как день и ночь. Нет другого животного, которое так кардинально изменило бы весь свой образ жизни, всю сферу своих интересов, стало бы до такой степени домашним, как собака; и нет другого животного, которое за долгие века своей связи с человеком изменилось бы так мало, как кошка. Утверждение, что кошки, если исключить несколько декоративных пород, вроде ангорской или сиамской, в сущности вовсе не домашние животные, а подлинно дикие существа,— во многом справедливо. Кошка, сохраняя полную независимость, предпочитает селиться в домах и хозяйственных постройках человека по той простой причине, что нигде больше мыши не водятся в таком количестве. Сила обаяния собаки заключена в глубине дружбы и крепости духовных уз, которые связывают ее с человеком, а очарование кошки объясняется как раз тем, что она не вступила с ним в тесный контакт, что она охотится в его конюшнях и амбарах с гордой независимостью тигра или леопарда, что она остается таинственной и недоступной даже тогда, когда нежно трется о ноги хозяйки или убаготворенно мурлычет у огня. Для меня мурлыкающая кошка — это символ домашнего очага, уютного покоя. Мне было бы так же трудно обойтись без кошки в моем доме, как и без собаки, которая трясется мной по улице или по лугу. С самого раннего детства я всегда был окружен собаками и кошками, и в этой книге я

расскажу о них. Деловитые друзья советовали мне написать отдельную книгу про собак и отдельную книгу про кошек, потому что люди, любящие собак, нередко питают неприязнь к кошкам, а те, кто любит кошек, часто не выносят собак. На мой взгляд, истинная любовь к животным и понимание их доказываются как раз тем, что один и тот же человек испытывает симпатию и к собакам и к кошкам, умея ценить особые достоинства как тех, так и других. А потому эту маленькую книгу я посвящаю всем тем, кто любит и понимает и собак и кошек.

Глава первая
КАК, ВЕРОЯТНО, ВСЕ ЭТО НАЧАЛОСЬ

Дана им мудрость тонкая чутья,
И по лицу, по виду человека
Цель тайную его прочесть умеют.
Не раз спасенье обретали мы
В том свойстве, что самим нам
недоступно.

Ф. Купер

Сквозь густые заросли высоких степных трав пробирается кучка нагих людей — первобытная орда. Да, это, несомненно, люди, такие же, как мы с вами, их сложение ничем не отличается от сложения современного человека. В руках они держат копыя с костяными наконечниками, а некоторые даже вооружены луками и стрелами, однако в их поведении есть что-то, чего в наше время нельзя найти даже у племен, стоящих на самом низком уровне развития, что-то, что мы привыкли замечать только у животных. Эти люди — еще далеко не владыки Земли, бесстрашно вззирающие на все, что их окружает. Нет, они то и дело ис-

путанно оглядываются через плечо, и их темные глаза все время беспокойно бегают. Они ведут себя, как олени, как гонимые животные, которые должны быть все время настороже. Они стараются подальше обходить кусты и купы деревьев, где, возможно, спрячется хищник, а когда навстречу им, зашуршав ветками, внезапно выскакивает крупная антилопа, нервно вздрагивают и поднимают копыта, готовясь обороняться. Но тут они узнают безобидное травоядное, и страх сменяется облегчением — они начинают возбужденно переговариваться, а потом разражаются радостным смехом.

Однако веселье быстро угасает: орда охвачена унынием, и это вполне понятно. Недавно другое, более сильное и многочисленное племя вытеснило их из привычных охотничьих угодий, и вот они вынуждены уходить все дальше на запад, а эти места им совсем незнакомы, и к тому же здесь встречается гораздо больше опасных хищников, чем там, где они обитали раньше. Их прежний предводитель, опытный старый охотник, погиб несколько недель назад — его растерзал саблезубый тигр, который ночью подкрался к стойбищу и схватил девочку. Все мужчины кинулись на тигра с копьями. Предводитель был впереди, и удар огромной лапы обрушился именно на него. Девочка была уже мертва, а старый охотник умер от ран на другой день. Правда, и тигр, пораженный копьем в брюхо, неделю спустя сдох, но это несколько не облегчало положения орды. Теперь в ней осталось только пять мужчин, а пятерым мужчинам не под силу защитить женщин и детей от крупного хищника. Да и новый предводитель далеко не так опытен и силен, как погибший. Зато лоб у него выше и выпуклее, а глаза более живые и сметливые. Больше всего орда страдает от недосыпания. В своих родных местах люди спали вокруг большого костра, а кроме того, у них была стража, хотя осознали они это только теперь. По ночам их стоянку тесным кольцом окружали шакалы, которые следовали за ордой, подбирая объедки. Людей и их назойливых спутников не связывала никакая дружба. В шакала, пытавшегося подобраться поближе к костру, летели камни, а иногда и стрела, хотя охотники пред-

почитали не расходовать стрелы на таких малосъедобных зверей.

Ведь даже и в наши дни у многих народов собака считается нечистым животным из-за своих предков-мусорщиков. Тем не менее шакалы приносили первобытным людям несомненную пользу: следуя за ними, они в какой-то мере избавляли их от необходимости выставить часовых, так как начинали тявкать и завывать, едва неподалеку появлялся опасный хищник.

Люди, еще не умевшие мыслить абстрактно и жившие только настоящей минутой, не замечали помощи своей четвероногой свиты. Но сейчас они лишились этой помощи, и по ночам вокруг их стоянки воцарялась такая жуткая и мловещая тишина, что даже те, кто не должен был сторожить сон остальных, не решались сомкнуть глаз. Вот почему все они были истомлены, и особенно пятеро мужчин, которым теперь, когда их осталось так мало, постоянно приходилось перенапрягать внимание. Так члены этой маленькой орды, усталые, измученные и телом и духом, продолжали плестись по степи, вздрагивая при каждом неожиданном шорохе и хватаясь за копыта и луки, — но теперь они все реже раздражались хохотом, когда тревога оказывалась ложной. Начинало смеркаться, и в них пробуждался ужас перед наступающей ночью; ими владел тот страх перед неизвестным, который в давно прошедшие эпохи так сильно запечатлелся в мозгу человека, что даже в наши дни ночная темнота пугает ребенка, а для взрослых служит символом зла. Это древние воспоминания о тех временах, когда силы мрака, воплощенные в хищниках-людоедах, кидались из непроницаемой тьмы на свою двуногую добычу. Для наших первобытных предков ночь, несомненно, таила в себе неисчислимы ужасы.

Люди сбиваются в тесную кучку и начинают оглядываться в поисках удобного места для ночлега подальше от густого кустарника, грозящего внезапным нападением. Когда такое место будет найдено, они после длительной и сложной процедуры добывания огня разожгут наконец костер, поджарят и разделят скудную еду. Сегодня им удалось раздобыть уже сильно «тронутые» остатки вепря, недоеденные саблезубым тигром, от которых мужчины не без труда

отогнали стаю гиеновых собак. Нам эти кости с лохмотьями гниющего мяса вряд ли показались бы аппетитными, но члены орды поглядывают на них с голодной жадностью. Несет добычу сам предводитель, чтобы не подвергать соблазну более безответственных своих собратьев. Внезапно группа останавливается, точно по команде. Все головы поворачиваются, и, подобно встревоженным оленям, люди сосредоточивают зрение, слух и обоняние на одном — на том, что настигает их сзади, оттуда, откуда они пришли. Они услышали звук, сигнал, поданный животным. Но он в отличие от большинства подобных звуков, как ни странно, не означает опасности, хотя подают такие сигналы только преследователи, а жертвы давно уже научились хранить полное безмолвие. И этот звук напоминает скитальцам об их родных местах, о днях, когда их подстерегало меньше опасностей, когда они были счастливы. Где-то далеко позади завыл шакал! И орда с детской, почти обезьяньей импульсивностью уже готова кинуться обратно — туда, откуда доносится вой. Люди стоят и ждут, охваченные неясным волнением. И тут молодой предводитель с высоким лбом совершает замечательный, хотя и непонятный для остальных поступок: он бросает останки вепря на землю и принимается отдирать большой лоскут кожи с бахромкой мяса. Дети, решив, что сейчас будут распределять ужин, подходят к нему поближе, но он отгоняет их сердитым бурчанием, кладет оторванный кусок на землю, взваливает вепря на плечи и делает знак орде продолжать путь. Едва они проходят несколько шагов, как мужчина, стоящий на следующей иерархической ступени — он даже сильнее предводителя, но далеко не так сообразителен, — оборачивается и с вызывающим видом указывает глазами и движением головы (не руками, как сделали бы это мы) на брошенный лоскут кожи. Предводитель хмурится и идет дальше. Вскоре второй мужчина поворачивается к оставленному мясу. Предводитель кладет свою ношу, бежит за ним и в ту секунду, когда тот подносит тухлое лакомство ко рту, толкает его плечом так, что он чуть не падает. Они стоят друг против друга с угрожающим видом, наморщив лбы и оскалив зубы, но потом второй мужчина опускает глаза и, что-то бормоча, догоняет орду.

И никто из них не сознает, что они только что были свидетелями события, кладущего начало новой эпохе, свидетелями гениального прозрения, историческая роль которого неизмеримо превосходит разрушение Трои или изобретение пороха. Этого не понимает даже сам высоколобый предводитель. Он поступил так импульсивно, не отдавая себе отчета в том, что им руководит желание подманить шакалов, заставить их последовать за ордой. Он инстинктивно и верно рассчитал, что ветер, который дует им в лицо, донесет запах мяса до ноздрей воющих шакалов. Орда продолжает идти, но по-прежнему нигде не видно достаточно открытого места для безопасного ночлега, и несколько минут спустя предводитель повторяет свой странный поступок, а остальные мужчины сердито ворчат, протестуя. Когда же он отрывает третий лоскут кожи, они почти выходят из повиновения, и предводителю удастся настоять на своем только после бешеной вспышки первобытной ярости. Но вскоре заросли редеют и начинается открытая степь. Предводитель сбрасывает остатки вепря на землю, к ним подходят остальные мужчины и начинают, ворча и угрожая друг другу, делить ароматный деликатес на куски, а женщины и дети тем временем собирают топливо для костра, который должен гореть всю ночь.

Ветер стихает, и в наступившем безмолвии чуткий слух первобытных людей улавливает очень далекие звуки. Внезапно предводитель подает негромкий сигнал — все замолкает,стораживаются и застывают в неподвижности. До них вновь доносится вой, но более громкий, чем раньше, — шакалы нашли первый лоскут кожи, и, судя по рычанию и визгу, между ними завязывается драка. Предводитель улыбается и делает знак остальным продолжать работу. Некоторое время спустя рычание и щелканье зубов раздаются еще ближе. И вновь люди внимательно прислушиваются. Внезапно мужчина, который первым хотел вернуться к оставленному мясу, оборачивается и напряженно вглядывается в лицо предводителя. Тот с удовлетворенной ухмылкой слушает рычание дерущихся шакалов. Теперь наконец второй мужчина понимает его намерение. Схватив нару почти дочиста обглоданных ребер, он с улыбкой подходит к вожаку, толкает его локтем, издает лающие звуки,

подражая шакалам, а затем идет с костями в том направлении, откуда они только что пришли. Шагах в тридцати от стоянки он нагибается, кладет кости на землю, потом выпрямляется и вопросительно смотрит на предводителя, который с интересом следит за его действиями. Они ухмыляются друг другу и неожиданно раздражаются громким беззаботным хохотом, точно двое современных мальчишек после удачной шалости.

Уже наступила темнота, на стоянке пылает костер. Предводитель снова делает остальным знак замолчать. Из мрака доносится хруст разгрызаемых костей, и внезапно отблеск костра освещает шакала, упоенно пожирающего свою долю ужина. Шакал поднимает голову и опасно поглядывает на них, но все сидят неподвижно, и он вновь принимается грызть, а они продолжают тихонько наблюдать за ним. Поистине эпохальное событие — впервые человек покормил полезное животное! И когда люди укладываются спать, их всех охватывает такое ощущение безопасности, какого они давно уже не испытывали.

Проходят века. Сменяется много поколений. Шакалы становятся все более ручными и смелыми. Они собираются вокруг стойбищ большими стаями. Люди тем временем научились охотиться на диких лошадей и оленей, а шакалы изменили некоторые свои привычки. Если прежде они днем прятались и только с темнотой рисковали выходить из густого кустарника, то теперь самые умные и смелые из них превращаются в дневных животных и следуют за людьми, когда те отправляются на охоту. И вполне возможно, что однажды, когда охотники гнались за жеребой кобылой, которую они ранили копьем, произошло что-нибудь вроде нижеследующего. Люди радостно возбуждены, так как уже довольно давно голодали, и шакалы, которым все это время от них ничего — или почти ничего — не выпадало, сопровождают их с особым усердием. Ослабевшая от потери крови кобыла прибегает к обычной хитрости затравленной дичи и скрадывает след, то есть возвращается на какое-то расстояние назад, а затем скрывается в кустарнике, расположенном в стороне от ее прежнего следа. Этот

прием часто спасал почти обреченную жертву, да и теперь охотники в недоумении останавливаются там, где следы внезапно обрываются.

Шакалы сопровождают людей на почтительном расстоянии, все еще опасаясь приблизиться к шумным охотникам. Идут они по следу людей, а не кобылы, поскольку им нет никакого смысла гнаться за такой крупной дичью — ведь сами они справиться с ней не могут. Однако у этих шакалов, нередко получавших от людей кусочки добычи, выработалось к запаху мяса особое отношение, и в то же время такой вот кровавый след постепенно стал связываться в их мозгу с близкой кормежкой. Сегодня оголодавшие шакалы особенно возбуждены запахом свежей крови, и вот происходит нечто, кладущее начало новым отношениям между человеком и его шакальей свитой: ведущая стаю старая самка с поседелой мордой замечает то, чего не заметили люди, — разветвление кровавого следа. Шакалы сворачивают и идут по следу самостоятельно; охотники, сообразив наконец, что произошло, также возвращаются назад. У того места, где след раздваивается, они слышат в стороне лавывание шакалов, спешат на звук и видят кровавые пятна там, где шакалья стая утоптала траву. И тут впервые складывается будущий порядок преследования дичи — впереди собака, за ней человек. Шакалы быстрее людей настигают жертву и вынуждают ее остановиться.

Когда собаки загоняют крупную дичь, в дело вступает особый психологический механизм: затравленный олень, медведь или кабан, бегущий от человека, но готовый драться с собаками, приходит в ярость из-за назойливости этих более слабых преследователей и забывает про главного врага. Усталая кобыла, которая видит в шакалах только стаявкующих трусов, принимает оборонительную позу и яростно бьет передним копытом того из них, кто рискнул подойти слишком близко. Тяжело дыша, кобыла описывает круг, вместо того чтобы бежать дальше. Тем временем охотники, которые слышат, что шакалы теперь сосредоточились в одном месте, вскоре добираются туда и бесшумно окружают добычу. Шакалы было разбегаются, но так как им никто не угрожает, они остаются. Их предводительница, уже ничего не боясь, кидается на кобылу с яростным лаем,

а когда та падает, пораженная копьем, свирепо вцепляется ей в горло и отбегает, только когда к туше подходит вождь охотников. Этот человек — возможно, прапрапраправнук того, кто первым бросил шакалам кусок мяса, — распарывает брюхо кобылы и вырывает кишки. Не глядя на шакалов (это подсказывает ему интуитивный такт), он бросает кишки не прямо им, а чуть в сторону. Седая самка испуганно пятится, но, заметив, что человек не делает никаких угрожающих жестов, а только издает дружелюбные звуки вроде тех, которые часто доносились до их ушей от костра, вцепляется в теплые внутренности. Зажав их в зубах и то-ропливо проглатывая кусочки, она настороженно оглядывается на человека, а ее хвост вдруг начинает двигаться из стороны в сторону. Впервые шакал завилял хвостом при виде человека, еще на один шаг приблизив заключение вечной дружбы между людьми и собаками. Даже такие умные животные, как хищники семейства собачьих, не сразу обретают абсолютно новый тип поведения, каким бы благотворным ни был первый опыт. Для этого требуется, чтобы в психике животного образовались определенные связи в результате многократного повторения одной и той же ситуации. Возможно, прошло несколько месяцев, прежде чем эта старая самка снова побежала впереди охотника за животным, проложившим ложный след. И пожалуй, только ее отдаленный потомок научился постоянно и целеустремленно вести за собой охотников к затравленной добыче.

В раннем неолите человек, по-видимому, переходит к оседлому образу жизни. Первые известные нам жилища воздвигались на сваях — они принадлежали людям, которые ради безопасности строили их на отмелях озер, рек и даже Балтийского моря. Мы знаем, что к этому времени собака уже превратилась в домашнее животное. Черепа небольшой, похожей на шпица торфяной собаки, впервые обнаруженные при раскопках свайных поселений у балтийского побережья, хотя и неопровержимо свидетельствуют о ее происхождении от шакала, тем не менее показывают признаки одомашнивания.

Однако важно вот что: хотя в ту эпоху шакалы были распространены гораздо более широко, чем в наши дни, по

берегам Балтийского моря они тогда уже не водились. Следовательно, можно предположить, что человек, продвигаясь на север и запад, привел с собой и собак, или полуприрученных шакалов, которые следовали за ним в его странствованиях. Когда же он начал строить жилища на сваях над водой и изобрел пирогу (два нововведения, несомненно знаменовавшие значительный культурный прогресс), его взаимоотношения с четвероногими спутниками неминуемо должны были претерпеть кардинальные изменения. Вода уже не позволяла шакалам жить вокруг его стойбища, как прежде. Не могли они и охранять жилища своих хозяев от других людей, нападавших с воды. Представляется логичным, что человек, когда он впервые сменил прежнее стойбище на свайный поселок, захватил с собой и несколько наиболее ручных шакалов — тех, например, которые особенно отличались на охоте и были покладистее большинства своих полудиких собратьев, — и таким образом создал из них домашних собак в буквальном смысле слова.

Даже в наши дни разные народы содержат собак по-разному — вплоть до самого примитивного способа, когда собаки живут стаями вокруг селения и их связь с людьми носит весьма непрочный характер. Другой тип содержания собак мы находим в любой европейской деревне, где несколько собак связаны с одним домом и принадлежат одному конкретному хозяину. Вполне вероятно, что такой тип взаимоотношений выработался в процессе развития свайных поселений. Много собак там держать было нельзя, и это, естественно, должно было привести к инбридингу¹, что в свою очередь способствовало передаче по наследству черт подлинного одомашнивания. Два факта свидетельствуют в пользу этого предположения: во-первых, торфяная собака, обладавшая более короткой мордой и более выпуклым черепом, несомненно, представляет собой одомашненную разновидность шакала, а во-вторых, кости этих животных удавалось отыскать почти исключительно среди остатков свайных поселений.

¹ Инбридинг — скрещивание между собой двух близкородственных организмов. Постоянно применяется селекционерами-практиками для улучшения линий сельскохозяйственных животных и растений. — *Прим. ред.*

Эти собаки, должно быть, уже были настолько приручены, что входили в пирог и спокойно сидели в ней, пока охотник греб к берегу, а по возвращении домой взбирались на помост. Полуприрученная собака-пария ни за что не сделает этого, и даже выросшие у меня в доме щенки соглашаются в первый раз спуститься в мою лодку или войти в железнодорожный вагон только после долгих и терпеливых улещиваний.

Возможно, приручение собаки уже завершилось к тому моменту, когда люди начали возводить свайные постройки, или же оно происходило параллельно с этим процессом. Вполне вероятно, что какая-то женщина, а то и маленькая девочка, играя в «дочки-матери», подобрала осиротевшего щенка и вырастила его в своем доме. Быть может, родителей, а также братьев и сестер этого щенка сожрал саблезубый тигр, так что в живых остался он один. Бедняжка, наверно, скулил и плакал, но никто не обращал на него внимания — в те дни чувствительность была людям несвойственна.

Но вот мужчины ушли на охоту, а женщины занялись рыбной ловлей, и почему бы нам не вообразить, что маленькая дочка обитателей озерной хижины отправилась туда, откуда доносилось жалобное повизгивание, и в конце концов обнаружила в земляной пещерке крохотного щенка, который бесстрашно заковылял к ней навстречу и принялся лизать ее протянутые руки? Мягкое, круглое, пушистое существо, без сомнения, пробудило в этой маленькой девочке каменного века такое же стремление таскать его на руках и нянчить, какое мы наблюдаем у маленьких девочек нашей собственной эпохи, ибо порождающий его инстинкт материнства не менее древен, чем сам человек. И вот девчушка каменного века, подражая взрослым женщинам, дала щенку поест и, следя за тем, с какой жадностью он набросился на угощение, испытывала не меньшую радость, чем испытывает хлебосольная хозяйка наших дней, когда гость отдает должное какому-нибудь искусно приготовленному блюду. Вернувшись домой, родители девочки с удивлением и без особого восторга обнаруживают там сонного объевшегося шакаленка. Отец, конечно, намеревается тут же его утопить, но девочка со слезами вцепляется в колени

отца, так что он спотыкается и роняет щенка. А когда он выпрямляется и хочет опять его схватить, то обнаруживает, что его дочка забилась в самый дальний угол и, обливаясь слезами, прижимает щенка к груди. Родительское сердце даже в каменном веке все-таки не могло быть настолько уж камнным, и щенку разрешают остаться в доме. Благодаря сытному и обильному корму он быстро растет, становясь большим и сильным. Тут его пылкая любовь к девочке начинает претерпевать изменения, и хотя отец, глава семейства, не обращает на собаку внимания, она постепенно отдаст свою привязанность уже не ребенку, а взрослому. Другими словами, наступает момент, когда щенок, будь он на воле, ушел бы от матери.

До сих пор в жизни нашего щенка девочка играла роль матери, но теперь отец занимает для него место вожака стаи, которому рядовой член стаи обязан неколебимой верностью. Вначале мужчине эта привязанность только досаждала, однако вскоре он осознает, что на охоте такая прирученная собака будет гораздо полезнее полудиких шакалов, которые держатся на берегу возле поселка, но, по-прежнему боясь человека, нередко убегают именно в тот момент, когда им следовало бы задержать затравленную дичь. Да и к дичи прирученная собака относится куда бесстрашнее, чем ее дикие собратья, так как ее юность прошла в безопасности человеческого жилья и ей не пришлось на опыте познакомиться с клыками и когтями крупных хищников. Вот так собака вскоре становится постоянным спутником мужчины, к немалому огорчению девочки, которая видит теперь своего бывшего питомца, только когда ее отец возвращается домой,— а в каменном веке отцы отлучались из дому очень надолго.

Однако весной, в ту пору, когда шакалы щенятся, отец как-то вечером входит в дом, таща на плече мешок из невыделанной шкуры, в котором кто-то копошится и повизгивает. Он раскрывает мешок, и девочка подпрыгивает от радости, потому что на пол выкатываются четыре меховых шарика. Только мать недовольно морщится — по ее мнению, хватило бы и двух...

Действительно ли это случилось именно так? Ну, нас там не было, однако, если исходить из всего, что нам изве-

стно, мы можем спокойно принять и подобную версию. В то же время нельзя закрывать глаза и на тот факт, что мы не знаем, действительно ли только обыкновенный шакал (*Canis aureus*) связал подобным образом свою судьбу с человеком. Весьма вероятно, что в различных областях земного шара приручались, а впоследствии скрещивались различные виды шакала — более крупные и более сходные с волком. Ведь многие домашние животные имеют не одного, а нескольких диких предков. В пользу этого предположения свидетельствует то обстоятельство, что собаки-парии нигде и никогда не общаются с шакалами и не скрещиваются с ними. Господин Шеббер любезно обратил мое внимание на тот факт, что на Ближнем Востоке многие местности изобилуют как одичалыми собаками, так и шакалами, однако смешения между ними не наблюдается никакого. Но, во всяком случае, мы твердо знаем, что тундровый волк вовсе не является предком большинства наших домашних собак, как считалось прежде. Лишь несколько собачьих пород ведут свое происхождение от волков (и то не в чистом виде), и их особенности служат лишним доказательством того, что они представляют собой исключение из общего правила. Эти породы, обладающие не только внешним сходством с волком, — эскимосская собака, ездовые лайки, чау-чау и еще некоторые — сложились на Крайнем Севере. Чистой волчьей кровью не может похвастаться ни одна из них. Вполне правдоподобным является предположение, что человек, продвигаясь все дальше и дальше на север, вел с собой уже одомашненных собак с шакальей кровью, которые после неоднократных скрещиваний с волками и потомками волков в конце концов стали предками вышеперечисленных пород. Об особенностях психического склада собак с волчьей кровью я еще буду говорить подробно.

В отличие от собаки кошка совсем недавно стала домашним животным, да и то лишь настолько, насколько она вообще способна к одомашниванию. Недавно, конечно, лишь по сравнению с собакой, история которой, по мнению знающих людей, насчитывает сорок—шестьдесят тысяч лет. Я думаю, что человек впервые покормил шакала при-

верно пятьдесят тысяч лет назад, а впервые поселил его у себя в озерном жилище приблизительно за двадцать тысяч лет до начала исторической эры. Рядом с такими цифрами кот и кошки с человеком можно считать событием вчерашнего дня. Те же самые люди, которые в следующем тысячелетии построили пирамиду Хеопса, уже создали более высокую форму культуры: коровы, овцы, лошади были у них такими же домашними животными, какими мы их знаем сейчас, человек жил в каменных домах и обрабатывал свои поля, запрягая в плуг волов,— иначе говоря, различия между тем временем и нашим не так уж велики. Весьма вероятно, что именно в Египте, первой в истории аграрной стране, кошка и присоединилась к человеку — ведь огромные хлебные житницы Египта упоминаются еще в Библии. А где есть большие зернохранилища, там всегда заводится множество мышей и крыс, и если в Ветхом Завете среди «казней египетских» мыши не упомянуты, то, наверное, лишь потому, что их и так уже было чрезвычайно много и увеличение их числа не могло произвести заметного впечатления.

Древние египтяне умели внимательно наблюдать и тонко чувствовать природу, о чем свидетельствуют хотя бы удивительные рисунки животных, сохранившиеся на стенах гробниц и храмов, и, конечно, они совершенно точно знали, какие из местных мелких хищников опасны для мышей и крыс. Геродот сообщает, что ихневмон, которого называли также «фараоновой мышью», был священным животным, а в гробницах Среднего царства обнаружено много тщательно изготовленных мумий степной кошки (*Felis ocreata*), уроженки Африки и Сирии, дикого предка нашей домашней кошки. Однако исследования показали, что кошка почиталась не сама по себе, но как символ львицы, животного, посвященного богине Баст. Едва ли можно упрекать жрецов этой богини, что для своих богослужений они избрали животное поменьше и попокладистей львицы, хотя бы даже и совсем ручной. Возможно, какая-нибудь львица осрамилась самым неприятным образом, скусав во время богослужения особенно дородного жреца богини Баст. Но, если говорить серьезно, мне очень приятно представление о кошке как о символе льва, как о миниатюрной

копии царя зверей. Кошка нравится мне именно потому, что она приносит в мой дом неукротимую дикость и гибкое изящество, которые роднят ее с пантерой, ягуаром и тигром и которыми она наделена в равной степени с ними. Всякий, кому довелось поближе узнать степных кошек, без сомнения, согласится, что они очень легко приручаются. В какой-то мере это прирожденные домашние животные. Если дикие европейские кошки (*Felis silvestris*) приручению не поддаются, хотя бы они и попали в неволю совсем маленькими котятками, то даже взрослая степная кошка настолько быстро становится ручной без всяких к тому стараний со стороны присматривающих за ней людей, что вскоре содержание ее в клетке превращается в бессмысленную жестокость. Во многих зоопарках такие кошки, прибыв туда пленницами, позже становились любимцами своих сторожей и на них возлагались обязанности домашней кошки. Среди моих многочисленных четвероногих знакомцев я не могу назвать ни единой по-настоящему дикой или пугливой степной кошки и ни единой действительно приручившейся европейской дикой кошки.

Когда древние египтяне, сознавая, насколько полезны им эти животные, благоразумно поместили кошек под защиту закона (за убийство кошки полагалась смертная казнь — это исторический факт), священные кошки через несколько поколений, естественно, утратили всякий страх перед человеком и стали столь же назойливо ручными, как современные священные коровы в Индии. А уж если этот горбатый скот так уверен в своей безнаказанности, что спокойно заходит в овощные лавочки и, к ужасу торговцев, пожирает самые сочные фрукты и овощи, то насколько лучше должны были осознать преимущества своего положения и воспользоваться ими несравненно более умные священные кошки! Будем надеяться, что они при этом не забывали о своем долге и продолжали усердно ловить мышей.

Нетрудно представить себе, с какой презрительной небрежностью тогдашние кошки относились к своим хозяевам, раз уж даже наши самые обыкновенные кошки редко уделяют нам внимание; право же, чувствуешь себя польщенным, когда маленький тигр изредка побалуется тобой каким-нибудь изъявлением вежливости или привязанности.

Существует несомненная связь между независимым нравом кошек и медленностью появления у них физических признаков одомашнивания. Хотя кошка была объявлена священным храмовым животным во времена пятой или шестой династии, легкие признаки мутации в сторону одомашнивания удастся обнаружить у кошачьих мумий только двенадцатой и тринадцатой династий — например, заметные изменения в строении уха и вариациях окраски, которая к тому времени становится довольно разнообразной, хотя черные, белые и крапчатые шкурки остаются еще делом будущего. Тогда же череп кошки начинает обнаруживать некоторую выпуклость височных костей и укорачивание морды, то есть те черты, которые уже характеризовали торфяную собаку как домашнее животное за несколько десятков тысячелетий до этого. Даже в наши дни у кошек, которых не выводили специально с заранее заданной целью, физические и психические изменения, связанные с одомашниванием, заметны очень мало, и худые, длинноногие, короткошерстные кошки с тигровой окраской, каких немало в Центральной Европе, сохраняют удивительное сходство с древними кошками.

Хотя кошка как домашнее животное была с давних пор широко распространена по всему Египту, потребовалось невероятно долгое время, чтобы она проникла в другие страны. Античные писатели, по-видимому, не имели о ней практически никакого представления, и первым о появлении кошек в Европе рассказывает нам Плутарх уже в первом столетии нашей эры. Любопытно, что одновременно он упоминает о ласке как о полезном животном, которое держат в доме только ради уничтожения мышей. По-видимому, ласка тогда еще не была вытеснена домашней кошкой, во всех отношениях более удобной для содержания в доме. Дальнейшее распространение домашней кошки по Европе происходило на удивление медленно — в уэльских законах Ноуэлла Дью точно указывается, какую цену можно запросить за кошку и каких ее качеств имеет право требовать покупатель. В ту эпоху, примерно в тысячном году нашей эры, человек, убивший кошку, обязан был уплатить штраф — овцу, ягненка или такое количество пшеницы, какого хватило бы для того, чтобы полностью засыпать уби-

тую кошку, подвешенную над землей за хвост. Поскольку в таком положении тело сильно вытягивается, зерна пришлось отдавать немало.

В VIII веке в Германии кошек, по-видимому, не было — во всяком случае, в «Салических правдах» они не упоминаются. В этой стране еще в XIV веке кошки ценились настолько высоко, что в некоторых купчих они указывались в списке движимости, которую продающий уступал вместе с фермой. Я привел здесь все эти сведения, которые, разумеется, почерпнул из Брема, не без задней мысли — виды домашних животных, специально выводимые человеком, распространялись гораздо быстрее, чем это произошло с кошками. Даже и теперь не так-то просто продать кошку на сторону, особенно если она обладает тем независимым охотничьим духом, который повышает ее ценность как крысолова. Руководствуясь своим изумительно хорошо сохранившимся чувством направления, кошки упрямо возвращаются в прежние жилища, покрывая немыслимые расстояния. И даже если отвезти кошку в такое место, откуда она уже не сможет найти дорогу домой, это вовсе не означает, что она приживется там, — такая кошка вполне способна проявить полную независимость и вернуться к дикому образу жизни. Поэтому сначала кошка, вероятно, распространялась вовсе не потому, что покорно позволяла людям продавать себя, — нет, она перебиралась из дома в дом и из деревни в деревню, пока не завладела постепенно всем континентом.

Глава вторая

ДВА ИСТОЧНИКА ПРЕДАННОСТИ

Все, кому приходилось иметь больше одной собаки, знают, насколько различными бывают собачьи индивидуальности. Нет двух абсолютно похожих друг на друга собак, как нет и двух абсолютно одинаковых людей — даже среди близнецов. Но, выявляя конкретные черты каждого данного человеческого характера и объединяя их в категории, можно до известной степени объяснить различные темпераменты, хотя подобный анализ из-за бесконечного разнообразия изучаемого материала никогда не достигнет статуса точной науки. Собачья индивидуальность много проще, а потому нам гораздо легче объяснить особенности различных характеров, рассматривая развитие определенных «характерологических» черт и их сочетания у данного индивида.

Конечно, я не собираюсь проводить в этой книге научное исследование характерологических черт домашней собаки, но тем не менее попробую показать, как взаимодействие некоторых врожденных особенностей поведения, и в частности двух из них, создает чрезвычайно широкую гам-

му собачьих характеров, на первый взгляд кардинально различающихся между собой. Именно эти два выделенных мною свойства в первую очередь определяют отношения собаки к ее хозяину, а потому они представляют большой интерес для любителей собак. Преданность собаки хозяину возникает из двух совершенно разных источников. Во многом она объясняется теми узами, которые связывают дикую собаку с матерью только в детском возрасте, а у домашней собаки сохраняются на всю жизнь и вместе с рядом других моментов способствуют тому, что некоторые детские черты характера не исчезают и когда животное становится взрослым. Другой корень преданности заложен в той верности, которая связывает рядовую собаку с вожаком стаи или же возникает из привязанности, питаемой отдельными членами стаи друг к другу. У собак с волчьей кровью этот корень уходит гораздо глубже, чем у потомков шакалов и по очевидной причине: сохранение стаи играет гораздо большую роль в жизни волка, чем в жизни шакала.

Если взять в дом щенка неодомащенного представителя семейства собачьих и растить его как собаку, легко можно вообразить, будто потребность дикого детеныша в заботе и уходе равнозначна той пожизненной связи, которая существует между большинством наших домашних собак и их хозяевами. Пленный волчонок обычно бывает робким, предпочитает темные углы и явно боится пересекать открытые пространства. Он в высшей степени недоверчив к незнакомым людям, и если такой человек попытается его погладить, может яростно и без предупреждения вцепиться в ласкающую руку. Он уже с рождения весьма склонен кусаться от страха (по-немецки таких животных называют «ангстбайсер»), но к хозяину волчонок привязывается и полагается на него точно так же, как щенок. Если речь идет о самке, которая при нормальном ходе событий, вырастая, начинает воспринимать самца-вожака как «хозяина», опытным дрессировщикам иногда удается занять место такого вожака в тот период, когда детская зависимость самки сходит на нет, и таким образом обеспечить себе ее привязанность и в дальнейшем. Один венский полицейский сумел добиться такой преданности от своей знаменитой волчицы Польди. Но того, кто воспитывает волка-самца, ждет нем

путное разочарование — как только волк становится взрослым, он внезапно перестает подчиняться хозяину и держится абсолютно независимо. В его поведении по отношению к бывшему хозяину не появляется ни злобы, ни свирепости — он по-прежнему обходится с ним как с другом, но ему больше и в голову не придет слепо повиноваться хозяину, и, возможно, он даже попытается подчинить его себе и стать вожаком. Учитывая силу волчьих зубов, не приходится удивляться, что эта процедура иногда приобретает исключительно кровавый характер.

То же произошло с динго, которого я взял на пятый день его жизни, подложил к кормящей собаке и воспитывал, не жалея времени и сил. Эта дикая собака не пыталась подчинить меня себе или искушать, но, став взрослой, она постепенно утратила прежнюю послушность, причем происходило это весьма любопытным образом. Пока мой динго был щенком, его поведение ничем не отличалось от поведения обыкновенной собаки. Когда я наказывал его за какую-нибудь провинность, он выражал свое раскаяние на обычный собачий манер, то есть пытался умиротворить разгневанного хозяина выражениями покорности и мольбы, причем успокаивался, только когда добивался ласки, означающей прощение. Однако, когда ему исполнилось полтора года, его поведение коренным образом изменилось — он все еще без сопротивления принимал наказание, даже побои, но едва все кончалось, как он встряхивался, дружелюбно вилял мне хвостом и убегал, приглашая меня погоняться за ним. Иными словами, наказание никак не влияло на его настроение и не производило на него ни малейшего действия, вплоть до того, что он мог тут же повторить проступление, за которое только что понес справедливую кару, например вновь покуситься на жизнь одной из самых ценных моих уток. В том же возрасте он утратил всякое желание сопровождать меня во время прогулок и просто убегал, куда хотел, не обращая никакого внимания на мои команды. Тем не менее я должен подчеркнуть, что пользовался самым теплым его расположением, и когда бы мы ни встречались, он приветствовал меня с соблюдением полного собачьего церемониала. Не следует ждать, что дикое животное будет обходиться с человеком иначе, чем с особями

своего вида. Мы еще вернемся к этому вопросу, когда будем рассматривать отношения между людьми и кошками. Мой динго, совершенно несомненно, питал ко мне самые горячие чувства, какие вообще способен питать один взрослый динго к другому, но покорность и послушание тут просто ни при чем.

Одомашненные собаки, в которых преобладает шакалья кровь, всю жизнь остаются в той же зависимости от своего хозяина, в какой находятся молодые дикие собаки от взрослых. И это не единственная детская черта, которую в отличие от дикой собаки они сохраняют до конца жизни. Короткая шерсть, хвост кольцом и висящие уши, свойственные многим породам, а главное, укороченная морда и выпуклость черепа, которые мы уже видели у торфяной собаки (*Canis familiaris palustris*), — эти черты характеризуют у диких форм только молодых животных, но у домашней собаки сохраняются на протяжении всей ее жизни.

Как и большинство характерологических черт, инфантильность может быть и достоинством и недостатком — все зависит от степени. Собаки, полностью ее лишенные, хотя и интересны своей независимостью, хозяину особой радости не доставят, так как они — неисправимые бродяги и лишь время от времени снисходят до посещения дома своего владельца (слово «хозяин» тут явно не подходит). С возрастом такие собаки часто становятся опасными, так как, лишенные типичной собачьей покорности, они могут искушать или сбить с ног человека, словно другую собаку. Однако, осуждая дух бродяжничества и сопутствующее ему отсутствие верности хозяину или месту, я должен добавить, что избыток юношеской зависимости может, как ни странно, привести почти к тем же результатам, к каким приводит полное ее отсутствие.

Хотя у большинства наших домашних собак истоки их преданности лежат именно в этой, до известной степени сохраняющейся инфантильности, избыток ее дает противоположную картину. Такие собаки чрезвычайно ласковы со своими хозяевами — а заодно и со всеми другими людьми. В «Кольце царя Соломона» я сравниваю этот тип собак с избалованными детьми, которые каждого мужчину называют «дядей» и любому незнакомому человеку навязывают

свою испрошенную дружбу. И дело не в том, будто такая собака не знает своего хозяина, — наоборот, она радуется его приходу и приветствует его более восторженно, чем других, после чего охотно убегает с первым встречным. Подобная неразборчивая дружелюбность по отношению ко всему роду человеческому, несомненно, порождается сильнейшей инфантильностью — это доказывается всем строем поведения подобных собак. Они всегда излишне склонны к игре, и много времени спустя после того, как им исполнится год и все их нормальные ровесники успеют давно остепениться, они все еще грызут хозяйские шлепанцы и наносят смертельные раны занавескам, а главное — сохраняют рабскую покорность, которая у других собак при взрослении быстро сменяется здоровой уверенностью в себе. Полаяв из чувства долга на незнакомого человека, такая собака угодливо валится перед ним на спину, стоит ему строго заговорить с ней. И тот, кто держит ее поводок, для нее уже — грозный и всемогущий хозяин.

Счастливая середина между слишком зависимой и слишком независимой собакой — это и есть идеал истинно преданной собаки. Этот идеал встречается далеко не так часто, как принято считать, и уж во всяком случае гораздо реже, чем кажется среднему владельцу собаки.

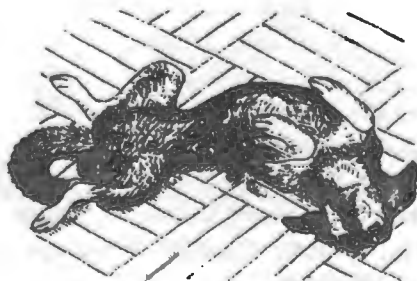
Определенная степень непреходящей инфантильности необходима, чтобы собака питала к своему хозяину любовь и преданность, но ее избыток заставляет собаку так же покорно обожать всех людей без разбора. Поэтому лишь относительно немногие собаки будут действительно защищать своего хозяина от хулигана: хотя они вовсе не остаются равнодушными к тому, что на хозяина кто-то напал, однако человек вообще внушает им благоговейное почтение, и они не в состоянии причинить ему вред. Мой маленький французский бульдог подбежит со свирепым рычанием не только к незнакомому прохожему, но и к члену моей семьи, в шутку или всерьез замахнувшимся на меня, он яростно вцепится в юбку или штанину агрессора, однако его зубы при этом никогда не заденут кожи. И немецкая овчарка Тита, кусавшая даже тех, кто осмеливался просто заспорить со мной, ни разу не цапнула никого по-настоящему — даже бродяг, которые заглядывали к нам во двор

в надежде чем-нибудь пожить. А укусы ее куда более свирепой внучки Стаси, которая в прошлую войну опрокинула на спину генерала и продержала его в этом уютном положении более четверти часа, никогда не бывали действительно опасными. Не знаю, как повели бы себя Тита и Стаси, если бы я подвергся реальному нападению, но они были гораздо более сметливыми, чем французский бульдог, прекрасно понимали притворный характер нападения и не приходили в ярость, а отворачивались, обиженно взглянув на меня. Поэтому я склонен думать, что в случае настоящего нападения они тоже разобрались бы в ситуации и поступили бы соответствующим образом.

Преданность собак, принадлежащих к тем породам, в жилах которых течет какая-то доля волчьей крови, принципиально отлична от преданности наших центральноевропейских пород, ведущих, по-видимому, свое происхождение непосредственно от шакалов. Вряд ли существуют породы, восходящие прямо к волкам: есть все основания считать, что человека в то время, когда он начал селиться в арктических областях, где вошел в соприкосновение с тундровым волком, уже сопровождали собаки шакальской крови. Скрещивание волков с домашними собаками северных народов произошло, очевидно, сравнительно поздно, и уж во всяком случае гораздо позднее, чем первое приручение шакала. Поскольку волк сильнее и выносливее, могла возникнуть потребность в породах со значительным преобладанием волчьей крови, а свирепость и неукротимость, вероятно, не слишком беспокоили обитателей Крайнего Севера — прирожденных дрессировщиков, умеющих справляться с самыми независимыми псами. Непосредственным результатом этого большого и сравнительно недавнего прилива волчьей крови явилось значительное ослабление в «волчьих» породах черт одомашненности, и в частности непреходящей инфантильности. Она заменяется зависимостью совсем иного типа, которая обязана своим происхождением специфическим волчьим особенностям. Если шакал в основном питается падалью, то волк — настоящий хищник и зимой нуждается в помощи своих собратьев, охотясь на крупных травоядных — его единственный корм в эту пору года.

Чтобы обеспечить себя достаточным количеством пищи, волчья стая вынуждена покрывать очень большие расстояния, а результаты охоты зависят от взаимной поддержки в те минуты, когда ее членам удастся затравить дичь. Строгая организация стаи, беззаветная преданность вожаку и безоговорочная взаимная выручка — вот необходимые условия успешного выживания этого вида в тяжелой борьбе за существование. Такие волчьи свойства полностью объясняют сущность весьма заметных различий в характере «шакальных» и «волчьих» собак — различий, очевидных для всех, кто по-настоящему понимает собак. Если первые относятся к своим хозяевам как к собакам-родителям, то вторые видят в них скорее вожаков стаи и ведут себя с ними соответственно.

Покорности инфантильной шакальной собаки у волчьей собаки соответствует гордая «мужская» лояльность, в которой подчинение играет весьма малую роль, а рабская покорность — никакой. Волчья собака в отличие от шакальной вовсе не видит в хозяине чего-то вроде помеси отца и бога, для нее он скорее товарищ, хотя ее привязанность к нему гораздо прочнее и не переносится с легкостью на кого-нибудь другого. Это «однолюбие» развивается в молодых волчьих собаках весьма своеобразно — в определенный момент детская зависимость от родителей четко сменяется взрослой преданностью вожаку стаи, причем это происходит, даже когда щенок растет в изоляции от себе подобных, а «собака-родитель» и «вожак стаи» воплощены в одном человеке.

Глава третья **СОБАЧЬИ ЛИЧНОСТИ**

В этой главе я попытаюсь на конкретных примерах проиллюстрировать, каким образом упоминавшиеся выше характерологические черты проявляются в индивидуальных особенностях отдельных собак. При этом я буду исходить из общего деления собак на две противоположные группы по признаку либо полного сохранения детской зависимости, либо столь же полного ее отсутствия в сочетании с соответствующей степенью преданности вожаку со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Я начну с рассказа о собаке, чья на первый взгляд трогательная, детская привязанность к хозяину принимала настолько преувеличенные формы, что это был уже не пес, а какая-то пародия. Речь пойдет о таксе по кличке Кроки, которую подарил мне добрый дядюшка, плохо разбиравшийся в животных. Я был тогда еще совсем маленьким мальчиком, но уже заядлым натуралистом. Кличку «Кроки» песик получил потому, что мой добрый родственник сначала облагодетельствовал меня крокодильчиком, но тот наотрез

отказывался есть (мне не удавалось нагревать мой террариум до нужной температуры), и мы обменяли его в зоологическом магазине на животное, наиболее напоминавшее его внешне, — на аристократическую таксу с очень длинным туловищем и очень короткими лапами. Этот кобелек действительно был похож на крокодила, а его отвислые уши поднимали пол в буквальном смысле слова.

Его отличало ласковое дружелюбие, и при первой же встрече он приветствовал меня как давно потерянного хозяина. Конечно, это мне очень льстило, пока я не заметил, что Кроки точно так же встречает всех и каждого. Его томил бурная любовь ко всему роду человеческому без всяких исключений. Он никогда ни на кого не лаял, и хотя, возможно, я и мои близкие нравились ему больше остальных людей, без колебаний следовал за первым позвавшим его человеком, если нас не оказывалось поблизости. С возрастом Кроки не избавился от своей страсти, и нам постоянно приходилось уводить его из соседних и не соседних домов, куда он отправлялся погостить. В конце концов моя двоюродная сестра, питавшая слабость к этой красивой таксе, взяла ее себе, и Кроки обосновался у нее в Гринцинге (пригороде Вены), где продолжал вести тот же рассеянный образ жизни. Он на самые разные сроки поселялся то у одних, то у других знакомых, и несколько раз его крали и продавали простодушным людям, которых пленяла его «преданность». Возможно, крал Кроки один и тот же вор, который, ознакомившись с его привычками, сделал из него статью постоянного и довольно приличного дохода.

Диаметральной противоположностью этой таксе я назвал бы Волка, одну из двух собак, которые живут у нас сейчас. Впрочем, вряд ли можно сказать, что он «живет у нас». Это типичная независимая волчья собака, в характере которой нет ни капли инфантильности, и она никому не подчинена; собственно говоря, Волк явно считает себя вожаком нашей «стаи». Объяснение его характера кроется в истории его жизни.

Период, когда волчья собака навеки отдает свою привязанность одному какому-то человеку (период «запечатления»), наступает у нее сравнительно рано — примерно на пятом месяце жизни. Мне как-то пришлось дорого запла-

тить за свою неосведомленность в этом вопросе. Первую нашу суку чау-чау я купил в подарок жене ко дню ее рождения и, желая сделать ей сюрприз, попросил мою двоюродную сестру поддержать щенка (которому было около шести месяцев) оставшуюся неделю у себя. Хотите верьте, хотите нет, но этих семи дней оказалось достаточно, чтобы маленькая чау-чау раз и навсегда отдала свою любовь моей кухне, что несколько снизило ее подарочную ценность. Хотя кузина бывала у нас редко, упрямая чау-чау явно считала своей законной владелицей ее, а не мою жену. Правда, она постепенно привязалась к жене, но, несомненно, эта привязанность была бы куда более горячей, если бы я принес ее из питомника прямо домой. Даже много лет спустя она охотно ушла бы от нас к своей первой «хозяйке».

Период, во время которого такая собака выбирает себе хозяина, может миновать бесплодно, если она будет оставаться в питомнике слишком долго либо по какой-то другой причине для нее не найдется подходящего хозяина. И в том и в другом случае складывается своеобразный абсолютно независимый собачий характер, олицетворенный, в частности, в Волке. Он родился вскоре после окончания второй мировой войны, когда остро ощущалась нехватка продовольствия, но моя жена сохранила его, чтобы сделать мне подарок, так как думала, что я вот-вот вернусь домой. К несчастью, вернулся я далеко не так скоро, и Волку в период запечатления не к кому было привязаться. Его маленькая сестра жила (и до сих пор живет) в соседней деревне у трактирщика, страстного любителя собак, особенно чау-чау. Волк довольно скоро отыскал свою сестру в ее роскошном новом доме и в возрасте семи месяцев переселился туда. Одновременно, используя свойственное ему надменное обаяние, он втерся минимум в два других дома, и было время, когда четыре семьи наивно считали себя единственными хозяевами этого великолепного пса. Когда я наконец вернулся домой, Волку исполнилось уже полтора года. Держась с ним тактично и ненавязчиво, я сумел завоевать его доверие настолько, что он по доброй воле сопровождал меня в далеких прогулках, хотя я, безусловно, не мог гарантировать, что ему вдруг не взбредет в голову расстаться со мной и отправиться по каким-то другим своим делам. Он послушно бежал за моим велосипедом, только

Если мне удавалось заманить его подальше. В неисследованных местах, куда собака не забредает во время своих самостоятельных экскурсий и где она чувствует себя уверенной только рядом со знакомым человеком, отношение собаки к хозяину уподобляется отношению волка к вожаку стаи, ведущему его через чужую территорию. В результате человек обретает в глазах собаки статус волка-вожака, и я не знаю лучшего способа заставить собаку признать в вас хозяина. Чем менее привычна окружающая обстановка, тем более тесным становится контакт между собакой и вами, а потому наиболее эффективны ситуации, в которых собака ощущает полную растерянность. Возьмите выросшую в деревне собаку в город, где ее уверенность в себе будет подорвана воздействием множества незнакомых раздражителей — трамваями, автомобилями, неведомыми запахами, чужими людьми, — и самая непокорная собака из страха лишиться единственного друга пойдет рядом с вами, как вымуштрованный полицейский пес. Конечно, не следует приводить собаку туда, где она будет испытывать панический ужас, так как, хотя в первый раз она и проявит безупречное послушание, во второй раз вы ее туда уже не заманите, а попытка насильно тащить на поводке собаку с сильным характером приведет к результатам, противоположным тому, которого вы добиваетесь. Мне удалось настолько заслужить уважение Волка, что он перебрался из трактира назад к нам и признал меня хозяином — в том смысле, что сопровождал меня повсюду, даже в места, ему неприятные. Но этим все и исчерпывалось. Послушание было ему абсолютно чуждо, и он по-прежнему часто пропадал из дому. До самого последнего времени он регулярно отсутствовал по субботам и воскресеньям. Я заметил это потому, что его никогда не оказывалось под рукой, когда мне хотелось показать его друзьям, приезжавшим погостить к нам на эти дни. Тайна раскрылась быстро — вечер субботы и все воскресенье Волк проводил... в трактире. По видимому, он обнаружил, что именно в это время может рассчитывать на наиболее лакомое угощение, да и присутствие двух красавиц чау-чау тоже, вероятно, располагало его чувствовать себя там как дома.

Довольно поверхностная дружба, связывающая меня с Волком, служит мне неистощимым источником полезных

сведений и развлечения. Исследователю психологии животных крайне интересно изучать собаку, не чувствующую себя обязанной верностью ни одному человеку, а Волк — первая собака этого типа, с которой мне довелось близко познакомиться. И очень смешно, как все (включая и меня самого), кто знаком с этим гордым, властным псом, чувствуют себя польщенными, если он величественно почтит их знаком своего расположения. Даже Сюзи питает к нему такое благоговейное восхищение, что я нередко начинаю ее ревновать.

Описав таксу Кроки и чау-чау Волка, которые по диаметрально противоположным причинам не обрели настоящего контакта с хозяином, я перейду к третьей собачьей личности и расскажу о характере моей овчарки Стаси. В ее отношении к хозяину счастливо сочетались сильная детская зависимость, полученная от бабушки Титы, и исключительная преданность вожаку, унаследованная от предков с волчьей кровью.

Стаси родилась у нас в доме ранней весной 1940 года, и ей было семь месяцев, когда я объявил ее своей личной собакой и занялся ее воспитанием. В ее внешности, как и в ее темпераменте, необыкновенно удачно сочетались особенности немецких овчарок и чау-чау. Острая волчья морда, широкие скулы, раскосые глаза, короткие пушистые уши, короткий мохнатый хвост, а главное — удивительно пластичные и изящные движения делали ее похожей на миниатюрную волчицу. Только огненная, золотисто-рыжая шерсть выдавала в ней кровь шакалов. Но по-настоящему золотым у нее был характер. Она с удивительной быстротой постигла азы собачьего воспитания — послушно ходила «рядом», как с поводком, так и без него, садилась и ложилась. Она сама научилась соблюдать чистоту в доме и не трогать домашнюю птицу, так что этих правил ей внушать не пришлось.

После двух кратких месяцев судьба разлучила нас — 2 сентября 1940 года я уехал читать курс психологии в Кенигсбергском университете, расставшись с семьей, домом и собаками. Когда я вернулся на рождественские каникулы, Стаси обезумела от радости, доказывая, что ее великая любовь ко мне не изменилась. Она по-прежнему четко выполняла команды, которым я ее научил, и во всех отношениях

была той же самой собакой, с которой я расстался четыре месяца назад. Но когда я начал собираться в дорогу, разыгралось несколько трагических сцен. Многим любителям собак, несомненно, самим приходилось переживать нечто подобное. Еще до того, как я принялся упаковывать чемоданы — видимый признак отъезда, — Стаси заметно приуныла и отказывалась отойти от меня хотя бы на шаг. Когда я выходил из комнаты, она с нервной поспешностью выскакивала и бежала за мной, сопровождая меня даже в ванную комнату. Когда вещи были уложены и мой отъезд стал неминуемой реальностью, тоска бедняжки Стаси сменилась отчаянием, почти неврозом. Она отказывалась есть, ее дыхание стало ненормальным — очень неглубоким, перемежающимся судорожными вздохами. Мы решили запретить ее перед моим уходом, чтобы она не бросилась за мной. Но как ни странно, Стаси, которая последние дни не оставляла меня ни на минуту, тут вдруг убежала в сад и не находила на мой зов. Послушнейшая из собак внезапно стала своевольной, а поймать ее мы не сумели. Когда наконец в сопровождении обычной свиты детей и ручной тележки с багажом я отправился на вокзал, шагах в пятидесяти за нами следовала собака самого дикого вида — хвост у нее был опущен, шерсть на загривке стояла дыбом, глаза сверкали безумием. Я сделал еще одну попытку поймать Стаси, но у меня ничего не получилось. Даже когда я вошел в вагон, она продолжала сохранять вызывающую позу бунтовавшей собаки и, прижав уши, подозрительно следила за мной с безопасного расстояния. Поезд тронулся, а Стаси все еще стояла неподвижно. Однако, когда поезд набрал скорость, она внезапно метнулась вперед, стрелой промчалась вдоль состава и вскочила в него на три вагона впереди того, на площадке которого я продолжал стоять, чтобы согнать ее в случае необходимости. (В Австрии вагоны поездов местного следования снабжены с обоих концов очень широкими площадками.) Я кинулся по вагонам вперед и, схватив ее за загривок и основание хвоста, сбросил с поезда, который к этому времени шел уже очень быстро. Стаси ловко приземлилась на все четыре лапы. Насторожив уши и наклонив голову, в позе, в которой уже не было ничего вызывающего, она смотрела вслед поезду, пока он не скрылся из виду.

Вскоре после моего возвращения в университет я получил тревожные известия о Стаси: она передумала многих соседских кур, завела привычку бесцельно бродить по окрестностям, разучилась вести себя в доме и не желала никому подчиняться. Она сохраняла ценность только как сторожевая собака, потому что со дня на день становилась все более свирепой. После того как Стаси совершила целый ряд преступлений, включая несколько массовых истреблений кур, кровопролитный налет на крольчатник и, наконец, превращение в лохмотья брюк почтальона, она была низведена до положения дворовой собаки и в унылом одиночестве сидела на веранде у западной стены дома. То есть одинокой она была только в смысле человеческого общества, так как делила большую и удобную конуру с красавцем динго, о котором я уже рассказывал во второй главе. Таким образом, с января по июнь она просидела взаперти, точно пленный дикий зверь и вместе с диким зверем.

Вернувшись в Альтенберг в конце июня, я сразу пошел в сад повидаться со Стаси. Едва я начал подниматься на веранду, как Стаси и динго бросились мне навстречу с той свирепостью, на которую способны только собаки, лишенные свободы. Я остановился на верхней ступеньке, а они приближались с рычанием и лаем, так как ветер относил мой запах в сторону. Я решил проверить, когда они узнают меня зрительно, но до этого дело не дошло. Внезапно Стаси учуяла меня, и дальнейшего я никогда не забуду: она резко остановилась и замерла, как статуя. Шерсть у нее на загривке еще стояла дыбом, уши еще были прижаты, а хвост опущен, но ее ноздри уже широко раздувались, ловя вест, которую нес ей ветер. Затем шерсть легла, по телу пробежала дрожь, и она поставила уши торчком. Я думал, что она кинется ко мне вне себя от восторга, но этого не произошло. Душевные страдания, которые были настолько интенсивны, что изменили всю ее личность и заставили такое восприимчивое существо на много месяцев забыть все правила поведения, не могли исчезнуть без следа в одну секунду. Задние ноги Стаси подогнулись, морда задралась, горло задергалось, и многомесячные муки нашли исход в жутких и тем не менее прекрасных звуках волчьего воя. Она была долго, не меньше полминуты, а потом молнией кинулась на меня. Я оказался в центре тайфуна собачьей радости.

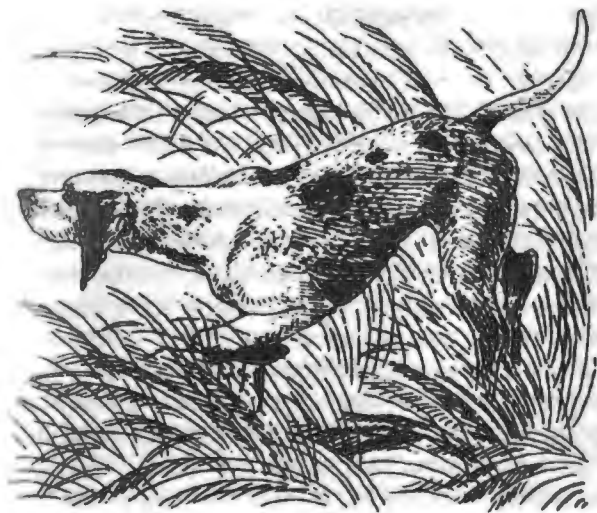
Она прыгала мне на плечи, чуть не сорвала с меня пиджак — она, Стаси, сдержанная, корректная, обычно ограничивавшая свое приветствие легким помахиванием хвоста, а для выражения любви клавшая голову мне на колено, не болшая; она, молчаливая Стаси, теперь свистела, как паровоз, и виляла даже еще более пронзительно, чем минуту назад виляла. Потом она вдруг отпрыгнула в сторону, подбежала к камитке и оглянулась на меня через плечо, умоляя, чтобы я ее выпустил. Для нее само собой разумелось, что с моим приездом ее арест кончился и она опять может вести прежнюю жизнь. Как не позавидовать крепости этой нервной системы! Душевная травма, едва ее причина исчезла, не оставила никаких следов, кроме тех, для уничтожения которых достаточно было повить полминуты и полторы минуты исполнять пляску восторга, после чего собака уже готова была вернуться к нормальному существованию!

Когда я направился в дом, жена, увидев, что рядом со мной бежит Стаси, вскрикнула: «Боже мой! Куры!» Но Стаси даже не взглянула на кур. Вечером, когда я взял ее в комнаты, жена предупредила меня, что Стаси теперь «не следит за чистотой». Однако манеры Стаси вновь стали безупречными. Она по-прежнему помнила и исполняла все, чему я ее обучил, то есть была точно той же собакой, какой ее сделали неполных два месяца занятий со мной. В течение девяти месяцев глубочайшей собачьей тоски она преданно сохраняла все, что получила от меня. И теперь для Стаси начались недели ничем не омраченного блаженства. Во время этих летних каникул она была моей неразлучной спутницей, и мы почти ежедневно совершали длинные прогулки по берегу Дуная, а иногда и купались. Но всему наступает конец, и когда пришла пора упаковывать чемоданы, возникла опасность, что уже описанная трагедия повторится вновь. Стаси притихла и уныло ходила за мной по пятам. На сей раз тот бесспорный факт, что собака не понимает смысла человеческих слов, стоил бедняжке Стаси немалых мучений. Я решил взять ее с собой, но не мог объяснить ей этого. Сколько ни повторял я ей, что не брошу ее, она все время оставалась в крайнем нервном напряжении и не отходила от меня ни на шаг. Однако под конец все же удалось вывести ее из этого состояния. Незадолго до отъезда Стаси снова уединилась в саду, по-види-

тому, с теми же намерениями, что и в прошлый раз. Я оставил ее в покое до самой последней минуты, а тогда позвал ее таким голосом, каким обычно звал на прогулку. Тут она все поняла и в восторге запрыгала вокруг меня.

Однако побыть с хозяином Стаси было суждено лишь несколько месяцев, потому что в октябре меня призвали на военную службу. При расставании повторилась бывшая трагедия с той только разницей, что Стаси сбежала и два месяца вела дикую жизнь в предместьях, совершая одно преступление за другим. Я твердо уверен, что именно она была таинственной «лисицей», опустошившей крольчатник на загородной вилле одного муниципального советника. В конце декабря Стаси, худая как скелет, со слезящимися глазами и воспаленным носом, вернулась домой, и моя жена окружила ее заботливым уходом. Однако держать Стаси в доме после того, как она поправилась, оказалось невозможным, и ее отослали в зоопарк, где она делила клетку с огромным таежным волком, который стал ее супругом. К сожалению, этот брачный союз оказался бесплодным. Позже, когда я работал невропатологом в тыловом госпитале, мне удалось взять ее к себе. Потом меня отправили на фронт, а Стаси и ее шестерых щенят я отослал в Вену, в Шенбруннский зоопарк, где в самом конце войны она погибла во время воздушного налета. Но один из наших альтенбергских соседей купил ее сына, и все наши нынешние собаки — это его потомство. Хотя Стаси провела со своим хозяином меньше половины своей шестилетней жизни, она была самой верной собакой из всех, с которыми мне приходилось иметь дело, — а мне приходилось иметь дело с очень большим числом собак.

Глава четвертая

ОБУЧЕНИЕ

Существует множество книг об обучении собак, написанных людьми, гораздо более компетентными, чем я, и у меня нет намерения превращать эту главу в трактат о со-
личьем воспитании. Я хочу только поговорить о нескольких четко прививаемых навыках, которые облегчают взаимоотношения любого владельца с его подопечной. Обычному современному владельцу собаки вряд ли окажется полезным пес, приученный по команде «братъ вора», или приносить тяжелые предметы, или разыскивать потерянные вещи, — мне хотелось бы спросить у счастливого хозяина такой умной собаки, сколько раз в году его верному спутнику приходится использовать свое умение на практике. Самого меня собаки никогда не спасали от грабителей, и единственной моей собакой, которая подала мне предмет, брошенный на улице, была молоденькая сука, вовсе не обученная приносить предметы. Это был интереснейший случай: Циги II, дочь Стаси, трусившая позади меня по городской улице, внезапно ткнула носом мне в ногу, а когда я по-
гнулся на нее, она потянулась мордой к моей руке, сжимая

в зубах кожаную перчатку, которую я обронил. Не знаю, что она думала в ту минуту и действительно ли сообразила, что предмет, упавший позади меня и пропитанный моим запахом, принадлежит мне. Разумеется, после этого я начал часто «терять» перчатки, но Пиги ни разу даже не взглянула на них. И во всяком случае, мне было бы интересно узнать, сколько собак, обученных «искать потерянное», хотя бы раз принесли хозяину вещь, потерянную по-настоящему.

В «Кольце царя Соломона» я исчерпывающим образом излагаю свой взгляд на людей, отдающих собак на обучение профессиональному дрессировщику. Три урока, о которых пойдет речь ниже, чрезвычайно просты, и можно только удивляться тому, как редко владельцы собак берут на себя труд обучить своих псов этим командам: «Лежать!», «Место!» и «Рядом!».

Но прежде я хотел бы сделать несколько общих замечаний об обучении собак и начну с вопроса о поощрении и наказании. Считать, что последнее действеннее первого,— это глубокое заблуждение. Многие элементы собачьего воспитания, в частности умение соблюдать чистоту в доме, гораздо лучше постигаются без помощи наказаний. Для того чтобы приучить только что приобретенного трехмесячного щенка к соблюдению чистоты, следует в течение первых часов его пребывания в вашем доме постоянно следить за ним и в тот момент, когда он, по-видимому, будет готов запятнать пол, тотчас выносить его наружу и ставить на землю всегда в одном и том же месте. Когда он сделает то, что от него требуется, похвалите его и погладьте, словно он совершил героический поступок. Щенок, с которым обходятся подобным образом, вскоре соображает, что к чему, и если его регулярно выводить, убирать за ним больше не потребуется.

Очень важно, чтобы наказание следовало за проступком немедленно. Нет никакого смысла бить собаку даже через несколько минут после того, как она сделает что-то не так, поскольку она не в состоянии понять связь событий. Отсроченное наказание может быть полезным только для собаки, которая постоянно совершает что-то недозволенное и знает это. Конечно, из этого правила есть исключения—как-то, когда одна из моих собак по чистому неведению убила новое животное в моей коллекции, я спустя некоторое время дал ей понять, насколько чудовищное преступле-

что она совершила, раза два сильно ударив ее трупом злополучной жертвы. Но я отнюдь не ставил себе целью внушить собаке понятие о преступности данного деяния и рассчитывал только возбудить у нее отвращение к определенному объекту. Ниже я расскажу, как мне иной раз приходилось прибегать к «профилактическому» наказанию, чтобы принить собакам уважение к неприкосновенности новых членов моей живой коллекции.

Приучить собаку к послушанию с помощью наказаний нельзя, и столь же бессмысленно бить ее, если, соблазненная запахом дичи, она во время прогулки убежит от вас. Псы не отучат ее убежать — это происшествие уже далеко отодвинулось в ее памяти, — а скорее отучат возвращаться, так как в ее представлении они будут связаны именно с возвращением. Единственный способ отучить ее от этой манеры — стрелять в нее из рогатки, когда она задумает удирать. Выстрел должен быть произведен неожиданно для нее, и будет лучше, если она не заметит, что камешек, свалившийся на нее неведомо откуда, был послан рукой хозяина. Полная незащитность перед этой болью поможет собаке крепко ее запомнить, и к тому же этот способ не внушит ей «страха к рукам».

Наказывать собак, как и детей, можно только любя, так, чтобы наказывающий сам страдал от этого ничуть не меньше виновного; для определения же степени наказания нужно хорошо знать и понимать собаку. Разные собаки принимают наказание по-разному, и для нервного впечатлительного пса легкий шлепок может значить гораздо больше, чем настоящая порка для его более уравновешенного и флегматичного брата. Здоровая собака на редкость нечувствительна к физическому воздействию, и рукой ей почти невозможно причинить настоящую боль, если только не бить ее по носу. Моя овчарка Тита отличалась большой силой, и после возни с ней я, как правило, бывал весь в синяках. Во время игры я мог ударить ее кулаком, пнуть, резко стряхнуть на землю, когда она повисала у меня на руке, но она считала все это увлекательной забавой, дававшей ей право отплачивать мне сторичей. Однако, если я ударял ее не в шутку, а всерьез, пусть совсем легонько, она взвизгивала и тоскливо замыкалась в себе.

Когда в одной собаке соединяются физическая и душевная чувствительность, как, например, у спаниелей, сеттеров и сходных с ними пород, телесные наказания надо применять с величайшей осмотрительностью, иначе собаку легко совсем запугать, так что она станет робкой, неуверенной себе, скучной и в конце концов навсегда проникнется страхом к рукам. Во время моих экспериментов по скрещиванию немецких овчарок с чау-чау выяснилось, что — особенно вначале, когда кровь овчарки еще преобладает, — крайности характера, от «мягкого» и впечатлительного до совершенно бесчувственного, часто распределяются среди потомства без всякой системы.

Стаси была необычайно «душевно крепкой» собакой, и ее дочь Пиги оказалась полной ее противоположностью. И в тех случаях, когда они обе сходили с узкой тропы добродетели (например, чуть не разорвали пополам мальтийского терьера), прохожие негодовали на мою явную пристрастность и несправедливость, так как я сурово хлестал мать, а дочь отпускал, ограничившись шлепком и строгим выговором. Тем не менее обе собаки получали равное наказание.

Любое наказание собаки действительно не столько благодаря связанной с ним боли, сколько потому, что оно демонстрирует власть и силу наказывающего. И для того чтобы наказание принесло пользу, собака должна воспринять его именно как проявление власти. Поскольку собаки, как обезьяны, при установлении иерархического порядка и бьют, а кусают друг друга, битые, в сущности, оказываются не слишком эффективной и не слишком понятной карой.

Один из моих старых друзей обнаружил, что легкий укус в предплечье, даже не оставляющий ран, производит на обезьяну куда большее впечатление, чем самые жестокие побои. Другое дело, конечно, что не всякому понравится кусать обезьяну. Однако в отношении собак карательные методы вожака доступны каждому человеку и в отличие от побоев не требуют насилия над собой: собаку надо поднять за шиворот и хорошенько встряхнуть. Более сурового наказания для собаки я не знаю, и оно неизменно производит на нарушителя закона и порядка самое сильное впечатление. В реальной действительности вожак, способный по-

бить и встряхнуть собаку ростом с овчарку, должен быть великаном, сверхвожаком, и именно так воспринимает собака своего хозяина в момент наказания. Хотя, на наш взгляд, подобная кара кажется менее строгой, чем побои, наносимые хлыстом или тростью, ее даже со взрослыми собаками следует пускать в ход очень осторожно, если мы не хотим совсем сломить их дух.

Занимаясь любым видом обучения, требующим от собаки активного участия (как, например, прыжки, подача предмета и тому подобное), надо помнить, что и самая лучшая собака не обладает человеческим сознанием долга, а потому в отличие даже от маленьких детей будет сотрудничать с вами только до тех пор, пока работа ей нравится. Поэтому наказание тут не только нелепо, но даже вредно, так как оно может внушить собаке непреходящее отвращение именно к этому виду деятельности. Только привычка заставляет хорошо обученную собаку приносить зайца, идти по указанному следу или прыгать через препятствие, когда она «не в настроении». Поэтому, пока собака еще не приобрела привычки выполнять определенную команду, необходимо, особенно в начале обучения, ограничивать урок несколькими минутами и немедленно прекращать его, если интерес собаки начинает угасать. Обучаемому животному необходимо любой ценой внушить, что его не только не заставляют что-либо делать, а, наоборот, позволяют ему выполнить данное упражнение.

Вкратце обсудив общие принципы обучения, вернемся к трем конкретным навыкам, которые необходимо привить любой собаке. Главный из них, на мой взгляд, — беспрекословное выполнение команды «Лежать!»; благодаря этому навыку любая собака становится приятнее и полезнее. Собака должна научиться ложиться по команде и не вставать без разрешения — такое умение обеспечивает ей много преимуществ: владелец может спокойно покинуть ее в любом месте, например перед дверью магазина или учреждения, так что она получает возможность сопровождать его почти повсюду, и ее лишь изредка приходится оставлять дома, что для истинно преданной собаки является худшим из несчастий. Еще важнее воспитательная ценность этой коман-

ды, так как ее выполнение означает существенное развитие привычки к послушанию. Для собаки не так просто подавить желание следовать за хозяином и остаться одной в каком-нибудь непривычном месте — выполнение этой команды равносильно выполнению неприятного долга. Поэтому команды «Встать!» и «Ко мне!» воспринимаются как счастливое избавление, и в результате «приход на зов» превращается из работы в удовольствие. Очень часто заставить плохо поддающуюся обучению собаку идти на зов удается только через промежуточную стадию обучения лежать. Эгон Бойнебург, один из лучших дрессировщиков собак, каких я только знаю, при обучении охотничьих собак сосредоточивал усилия именно на команде «Лежать!», а не на «Ко мне!». Он разработал метод остановки в разгар травли для тех собак, которые в обычных условиях были послушны, но оказывались столь азартными охотниками, что, гонясь за добычей, повиновались своей страсти, а не свистку хозяина. Добивался он этого, приучая собак по команде «Лежать!» прерывать любую деятельность и даже гон: они ложились и ждали распоряжения «Ко мне!». Когда собака бросалась преследовать дичь, Бойнебург не пробовал ее отозвать, а просто кричал громко: «Лежать!» Взметывалось облако пыли, поднятое резко затормозившими лапами, а когда оно рассеивалось, зрители видели послушно улегшуюся собаку.

Обучение команде «Лежать!» настолько просто, что доступно даже людям, вообще лишенным способности дрессировщика. Начинать его следует между седьмым и одиннадцатым месяцем жизни собаки, в зависимости от ее породы. Слишком раннее начало ни к чему хорошему не приводит, так как нельзя требовать от подвижного веселого щенка, чтобы он по команде ложился и сохранял абсолютную неподвижность. Когда же он подрастает и остепеняется, обучающий сталкивается с гораздо меньшим сопротивлением. Уроки следует начинать на мягкой сухой земле, например в поле, где собаке лежать приятно. Ее следует крепко взять за шею и крестец и легонько прижимать к земле, повторяя: «Лежать! Лежать!» или какое-нибудь другое подходящее слово. В первый раз, возможно, придется

применить и силу. Одни собаки очень быстро понимают, что от них требуется, другие — не сразу, третьи же будут стоять окостенев и начнут разбираться в ситуации, только когда им силой согнут задние, а потом передние ноги.

Эта предварительная подготовка может показаться постороннему наблюдателю несколько комичной, но поразительно, как мало повторений требуется для того, чтобы собака поняла, чего от нее хотят, и начала ложиться по команде сама. И сразу же следует препятствовать собаке вставать, если ей вздумается сделать это до подачи соответствующей команды. Разделять эти два момента между разными уроками неправильно. Нужно стоять вплотную к собаке и чуть-чуть покачивать пальцем перед ее носом, чтобы у нее не было возможности вскочить на ноги. Затем вы внезапно зовете: «Ко мне!» — отбегаете на несколько шагов и ласкаете собаку или играете с ней в награду за только что перенесенное испытание. Если собака проявит признаки усталости и начнет сторониться хозяина, стараясь избежать повторения упражнений, урок следует прервать и отложить до последующего дня. Время пребывания в лежащей позе следует увеличивать очень постепенно, и обучающему требуется немалый такт, чтобы найти счастливую середину между излишней строгостью и чрезмерной ласковостью.

Урок никогда не следует превращать в игру — игра должна оставаться наградой за успех — и ни в коем случае нельзя позволять щенку в ответ на команду шаловливо валиться на спину. С другой стороны, нужно внимательно следить, чтобы собака не прониклась отвращением ко всей процедуре. Когда собака научится послушно лежать несколько минут, надо от раза к разу постепенно отходить от нее, вначале так, чтобы она продолжала вас видеть, а когда она освоится с этим маневром настолько, что будет сохранять свою позу и несколько минут спустя после того, как хозяин отойдет, можно уйти совсем. Это испытание ей будет легче перенести, если вы оставите возле нее какую-нибудь свою вещь, и даже не одну. Чем больше их будет и чем они будут крупнее, тем спокойнее собака будет себя чувствовать. Если взять собаку в туристский поход и оста-

вить ее возле палатки со спальными мешками, она даже в самом начале обучения останется возле них на какое угодно время, терпеливо ожидая возвращения хозяина. При попытке чужого человека посягнуть на какую-нибудь вещь собака придет в ярость, но не потому, что чувствует себя обязанной защищать хозяйское имущество, а потому, что эти вещи, пропитанные запахом хозяина, символизируют для нее дом и гарантируют возвращение хозяина. Вот почему она сердится, если кто-то пытается их унести. Нередко можно увидеть собаку, как будто охраняющую портфель своего хозяина, однако психологическое объяснение этой ситуации совсем не таково, как может показаться на первый взгляд. Портфель в сознании собаки является как бы символом дома, и хозяин оставил здесь не собаку сторожить портфель, а наоборот — портфель, чтобы помешать собаке уйти.

При таком обучении, особенно если оно проходит в местности, которая собаке незнакома, очень важно хорошенько обдумать, где именно приказать собаке лечь. И прежде чем отдать команду, следует прикинуть, какое место избрала бы сама собака, если бы она хотела прилечь отдохнуть. Было бы жестоко укладывать собаку на совершенно открытой тропе, по которой часто проходят люди: в ее глазах более неподходящее место для отдыха найти невозможно, и она будет испытывать тяжкие душевные мучения, но в то же время с удовольствием ляжет в каком-нибудь тихом уголке, предпочтительно хорошо укрытом, например под садовой скамейкой. Это правило требует строгого соблюдения, так как «лежать» — задача очень нелегкая, и для ее выполнения собаке требуется сделать над собой большое усилие. Разумеется, умелое и в меру строгое обучение такого рода — отнюдь не жестокость по отношению к собаке; наоборот, оно приводит к обогащению ее жизни, так как хорошо обученная собака получает возможность сопровождать своего хозяина почти повсюду. Если собака исключительно умна, строгие правила обучения можно со временем несколько смягчить. Стаси, превосходно владевшая искусством «лежать», прекрасно знала, что я вовсе не хочу, чтобы она, сторожа мой велосипед, и в самом деле сохраняла ка-

менную неподвижность, как того требует буква закона. По команде она ложилась и некоторое время оставалась в этой позе, однако, незаметно подглядывая за ней в окно, я видел, что потом она вставала и начинала прохаживаться, правда, не отдаляясь от велосипеда больше чем на метр-два. Если же мы шли с ней в гости и я приказывал ей лечь в углу комнаты, она никогда не вставала. Другими словами, она прекрасно понимала, с какой конкретной целью отдавалась ей эта команда и в том и в другом случае. В конце концов мы совсем произвольно выработали следующий компромисс: получив приказ лежать, когда рядом не было моего велосипеда или портфеля, Стаси ждала меня около десяти минут, а потом, если я не появлялся, вставала и отправлялась домой самостоятельно, но рядом с моими вещами она, если бы понадобилось, прождала бы меня до скончания века.

Стаси достигла такого совершенства в искусстве «лежать и охранять», что, как это ни невероятно, сама решала, когда ей следует занять сторожевой пост. В дни моей работы в госпитале она принесла щенят, отцом которых был динго (после того как ее союз с таежным волком оказался бесплодным, ей предложили в супруги динго). Мой знакомый доктор одолжил мне, а вернее ей, конуру своей овчарки, которую, к несчастью, украли. Три дня Стаси провела в конуре со щенятами. На четвертый день, выйдя из госпиталя, я обнаружил, что она лежит возле моего велосипеда. Все попытки отправить ее назад к детям терпели неудачу: она во что бы то ни стало желала вернуться «на действительную службу». Дважды в день она убегала покормить щенят, но через полчаса вновь занимала свой пост рядом с моим велосипедом.

Вторая команда — «Место!» — соответствует по своей сути команде «Лежать!», но применяется дома, а не на улице. Нередко случается, что общество собаки вам мешает и вы хотите на время избавиться от нее. Приказ «Пошла вон!» не способна понять ни одна даже самая умная собака, поскольку «вон» — понятие абстрактное и для нее непостижимое. Собаке необходимо конкретно объяснить, куда именно вы ее отправляете. И «место» — это четко определенное место,

куда собака должна уходить по команде и где она должна оставаться до тех пор, пока ей не разрешат его покинуть. Лучше остановить выбор на том уголке, который собака предпочитает,— туда она всегда пойдет охотнее. Дети и собаки, имеющие привычку вмешиваться в разговоры взрослых людей, мало кому нравятся, и собака, умеющая оставлять людей в покое, несомненно, будет пользоваться общими симпатиями. То же относится и к детям.

Третий навык, способствующий превращению собаки в приятного спутника, не причиняющего особых хлопот,— это умение идти «рядом». К несчастью, это умение, делающее излишним поводок для хорошо воспитанной собаки, приобретается с заметно большим трудом, чем два навыка, описанные выше, и при отсутствии частых повторений вскоре может быть забыто. Обучение собаки идти «рядом» сводится к тому, чтобы заставить ее идти возле правой или левой ноги хозяина (нога должна быть всегда одной и той же!) — при этом ее морда не должна выдвигаться вперед, а скорость движения все время должна соответствовать скорости движения хозяина. Выполняя это упражнение, собаки редко пытаются отставать, и, наоборот, большинство из них, как правило, вырываются вперед — ошибка, которую надо исправлять немедленно, сильно дернув поводок или хлопнув собаку по носу. Каждый раз, когда хозяин поворачивает, собака также должна повернуть; лучше всего это достигается следующим образом: надо слегка наклониться и повернуть голову собаки в нужную сторону рукой, свободной от поводка.

Работа требует терпения —
Не только знания и умения.

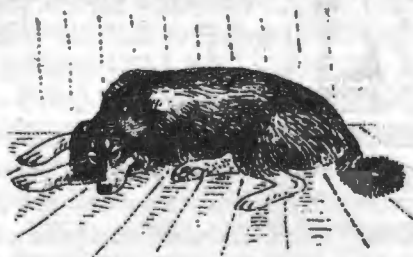
Прежде чем собака научится идти «рядом», ее приходится очень долго тренировать на поводке. Тут следует отработать две команды — приказание идти «рядом» и разрешение отойти, и, на мой взгляд, второе значительно труднее. Контрприказ лежащей собаке «Ко мне!» ей хорошо понятен, и она вскоре выучивается не двигаться, пока его не услышит. Но команда «Вперед!», разрешающая собаке отойти от хозяина, естественно, не так понятна. В начале обучения лучше остановиться, сказать «Вперед!» и подождать, пока

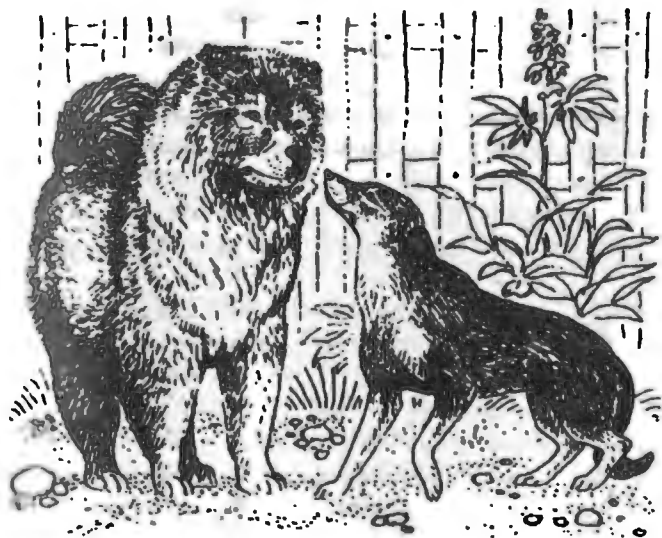
собака не двинется вперед. Собаке ни в коем случае нельзя разрешать отходить в сторону по собственной инициативе, иначе она решит, что это ей дозволено, и тем самым в значительной степени будут сведены на нет уже достигнутые результаты.

Еще одна трудность заключается в том, что умная собака очень скоро начинает разбираться, надет на нее поводок или нет, и часто игнорирует команды, когда его с нее впервые снимают. Поэтому с самого начала собаку следует приучить к узкому легкому поводку, который она практически ощущает только в тот момент, когда его резко дергают. Собака, по-видимому, не в состоянии понять тут причинную связь — во всяком случае, в начале обучения Стаси выполняла команду «Рядом!» всегда, когда на ней был поводок, независимо от того, держал я его или нет и какое расстояние нас разделяло. Без поводка она чувствовала себя «свободной» и не выполняла команды. Даже хорошо обученную собаку следует время от времени водить на поводке «для освежения памяти». В целом, однако, как с командой «Лежать!», не следует в каждом случае требовать обязательного выполнения буквы закона при условии, что собака во всем хорошо разобралась и выполняет команду безупречно. Стаси еще щенком часто забывала смысл команды «Рядом!», но в этом не было ничего страшного, так как необходимость в команде вскоре вообще отпала: в соответствующих ситуациях Стаси шла «рядом», соблюдая все правила не менее строго, чем призовой пес на испытаниях. Когда, например, движение по улице усиливалось, она по собственному почину пристраивалась к моей ноге, и я не опасался потерять ее даже в густых толпах, неизменно заполнявших вокзалы в годы войны. Она точно следовала за каждым моим шагом, так что ее шея все время была у моего левого колена.

С большой трогательностью она прибегала к такому добровольному самоограничению и тогда, когда бывала вынуждена бороться с искушением — например, когда мы шли через скотный двор, где испуганные появлением рыжего голка куры начинали кудахтать и метаться, а ягнята блеять, так что бедной собаке приходилось прилагать немало уси-

лий, чтобы обуздать естественное желание расправиться с ними. В этих случаях Стася, чтобы устоять перед соблазном, прижималась к моему левому колену. Она дрожала от возбуждения, ноздри ее раздувались, уши стояли торчком, и я буквально видел, как натягивался невидимый поводок, который она на себя надела. Конечно, Стася никогда не использовала бы так своего умения ходить «рядом», если бы в юности не отработала все главные его правила, и все-таки мне приятно думать, что собака, выучив этот урок, не просто рабски его повторяет, но может применять его с выбором, чтобы не сказать — творчески.

Глава пятая СОБАЧЬИ ОБЫЧАИ

И носом дружеским
И нюхал и толкал...

Р. Бернс. Две собаки

Способы обмена информацией между животными, живущими в сообществах, и механизмы, обеспечивающие перебойную совместную деятельность индивидов в стаде или стае, не имеют ничего общего с речью, на которой строится осуществление этих важнейших функций у человека. В «Кольце царя Соломона» я подробно рассматриваю этот вопрос в главе «Язык животных». Смысл конкретных сигналов и различных выразительных движений и звуков у животных не условен, как смысл слов в человеческом языке, но определяется врожденными инстинктивными действиями и ответными реакциями. Таким образом, «язык» каждого данного вида животных гораздо более консервативен, а их «обычаи и привычки» несравненно более устойчивы и обязательны, чем у человека. Можно написать целую

книгу о нерушимых законах, которые управляют церемониалом, определяющим поведение более сильных и более слабых, кобелей и сук. Рассматриваемое в целом действие этих законов, опирающихся у собак на наследственные поведенческие стереотипы, напоминает проявление наших собственных человеческих обычаев. Это относится и к воздействию упомянутых законов на жизнь сообщества, и именно в таком смысле следует понимать название данной главы.

Нет ничего скучнее сухого изложения законов, пусть даже и необыкновенно интересных, и я попробую обойтись без отвлеченных рассуждений — просто постараюсь с помощью ряда будничных примеров нарисовать достаточно живую картину общения собак между собой, чтобы читатель сам мог вывести теорию, объясняющую эти законы. Я начну с поведения, связанного с иерархическим порядком, древние обычаи которого не только выражают, но и в значительной степени определяют положение собаки в этой системе доминирования и подчинения. Рассмотрим несколько встреч — несомненно, читатель сам не раз бывал свидетелем чего-либо подобного.

Мы с Волком идем по проулку, огибаем водоразборную колонку и, выйдя на главную улицу деревни, видим, что метрах в двухстах впереди стоит Рольф, старый враг и соперник Волка. Нам нужно пройти мимо него, и, следовательно, встреча неизбежна. Эти две собаки, самые сильные в деревне и внушающие наибольший страх остальным, то есть занимающие верхнюю ступень иерархической лестницы, терпеть друг друга не могут, но в то же время исполнены такого взаимного уважения, что еще ни разу не подрались.

И Волк и Рольф — оба, по-видимому, одинаково не рады этой встрече. Каждый из них сотни раз яростно облаивал другого из своего сада в твердой уверенности, что только забор мешает ему вцепиться в ненавистную глотку. Но теперь они испытывают иные эмоции, и, несколько очеловечивая ситуацию, я истолковываю их так: каждый пес чувствует, что обязан поддержать свой престиж, приведя в исполнение былые угрозы, и опасается в противном случае

«отратить лицо». Они, разумеется, сразу же заметили друг друга и приняли демонстративные позы, то есть напряглись и задрали хвосты вертикально. Теперь, сближаясь, они постепенно замедляют шаг. Когда между ними остается не более пятнадцати метров, Рольф внезапно припадает к земле, точно готовый к прыжку тигр. Морды обоих не выражают ни колебаний, ни угрозы. Лбы и носы не наморщены, уши стоят торчком, глаза широко раскрыты. Волк никак не реагирует на позу Рольфа, хотя человеческому глазу она представляется весьма злобщей, а продолжает ровным шагом приближаться к сопернику и замирает возле него в неподвижности. Рольф мгновенно вскакивает, и теперь оба пса стоят бок о бок, голова к хвосту, и обнюхивают взаимно подставленные задние части туловища. Это добровольное предъявление анальной области есть выражение полной уверенности в себе, и если собака ее вдруг утрачивает, хвост немедленно опускается. Хвост в таких случаях служит точным индикатором храбрости.

Некоторое время псы продолжают сохранять эту напряженную позу, а затем постепенно морды их начинают морщиться, лбы прорезаются горизонтальными и вертикальными бороздами, сходящимися в двух точках над глазами, кожа на носу собирается гармошкой, клыки оскаливаются. Такое выражение морды можно истолковать только как угрожающее, но оно бывает и у перепуганных собак, которые угрожают ради самозащиты, когда их загоняют в угол. Духовное состояние собаки и ее контроль над ситуацией отражаются лишь в двух местах — ушах и уголках рта. Если уши чуть наклонены вперед, а уголки рта совсем не оттянуты, значит, собака не испытывает страха и может напасть в любой момент. Возрастание боязни находит выражение в соответствующем движении ушей и уголков рта — словно невидимые силы тянут собаку назад, побуждая ее к бегству. Угрожающая поза сопровождается рычанием, и чем оно басистее, тем более уверена в себе собака, разумеется, с поправкой на естественный тон ее голоса: самоуверенный фокстерьер, конечно, будет рычать на более высокой ноте, чем струсивший сенбернар.

Все ещё держась бок о бок, Рольф и Волк начинают теперь обходить один другого по дуге. Я жду, что вот-вот завяжется драка, однако полное равновесие сил препятствует объявлению войны. Рычание становится все более злоеющим, но... ничего не происходит. У меня возникает смутное подозрение, подкрепляемое косыми взглядами, которые бросает на меня сначала Волк, а потом Рольф, что они не просто ждут моего вмешательства, но и очень хотят, чтобы я разнял их и тем самым освободил от моральной обязанности вступить в драку. Стремление сохранить свой престиж и достоинство свойственно не только человеку, оно заложено глубоко в инстинктивных слоях психики, которые у высших животных близки к нашим собственным.

Я не вмешиваюсь, предоставляя собакам самим найти не унизительный выход из положения. Они очень медленно расходятся и шаг за шагом начинают удаляться друг от друга. В заключение, все еще косясь на соперника, они одновременно, словно по команде, задирают заднюю ногу — Волк у телеграфного столба, Рольф у забора. Затем, приняв демонстративную позу, каждый идет своей дорогой, гордясь одержанной моральной победой и посрамлением противника.

Суки, присутствующие при встрече кобелей, равных по силе и рангу, ведут себя особым образом. В таких случаях Сюзи, супруга Волка, совершенно явно хочет, чтобы началась драка; активно она супругу не помогает, но ей нравится смотреть, как он берет верх над другим псом. Я дважды наблюдал, как она прибегала к коварной хитрости, чтобы достичь своей цели. Волк стоял головой к хвосту рядом с другим псом — оба раза это был чужак, «летний гость», — а Сюзи осторожно, но с большим любопытством крутилась возле них, они же не обращали на нее никакого внимания, поскольку она была сукой. Вдруг она безмолвно, но энергично кусала супруга за заднюю часть, подставленную противнику. Волк, считая, что тот в нарушение всех древних собачьих обычаев нагло укусил его за зад во время обнюхивания, тотчас набрасывался на святотатца. Второй пес, естественно, расценивал это нападение как столь же непростительное нарушение ритуала, и завязывалась на редкость свирепая драка.

Волк встречает старую дворнягу, живущую в доме у дальнего конца нашей деревни. В дни своей юности он сильно побаивался старика. Те времена давно миновали, но он ненавидит дряхлого пса больше всех других собак и не упускает случая показать ему это. Когда Волк и дворняга замечают друг друга, старик немедленно принимает напряженную позу, но Волк бросается на него, сильно ударяет его плечом, изогнувшись, толкает задом и встает рядом с ним. Старик попытался было встретить врага свирепым укусом, но из-за толчка его зубы сомкнулись в воздухе. Теперь он стоит неподвижно, выпрямившись во весь рост, но хвост опущен, так как у него не хватает уверенности подставить для обнюхивания свой зад. Его нос и лоб угрожающе сморщены, голова опущена и выставлена вперед. Эта поза, сопровождаемая сердитым рычанием, производит самое зловещее впечатление, и когда Волк снова делает движение вперед, старик отчаянно лязгает зубами и Волк чуть-чуть отступает. Не сгибая ног, преувеличенно надменной походкой Волк обходит своего врага, затем задирает ногу у ближайшего подходящего предмета и удаляется. Чувства старой дворняги, если облечь их в слова, сводятся примерно к следующему: «Я тебе не соперник и не претендую ни на равенство с тобой, ни на превосходство; я не посягну на твою территорию. И прошу тебя только об одном — чтобы ты оставил меня в покое. Но если ты этого не сделаешь, я буду драться, как могу, не брезгуя и нечестными приемами». Но что чувствует Волк?

У водоразборной колонки Волк встречает маленькую светло-рыжую дворняжку, которая в смертельном ужасе пробует ускользнуть от него в открытую дверь бакалейной лавки. Волк стремительно бросается наперерез, загораживает дверь и тем же боковым движением, о котором я уже говорил, отбрасывает собачонку на мостовую, тут же настигает ее и снова толкает. При каждом ударе собачонка взвизгивает, как от сильной боли, и в конце концов в отчаянии кусает своего врага. Волк не рычит, не морщит угрожающе носа, а, не обращая внимания на укусы, продолжает ее толкать. Он настолько презирает своего противника, что не

считает даже нужным приоткрыть пасть. Но вместе с тем он ненавидит рыжего полукровка, который то и дело залезал к нам в сад, когда у Сюзи была течка, и теперь сводит с ним счеты столь пошлым образом. Тип страха, который находит выражение в вопле боли, издаваемом еще до того, как собака успеет ощутить реальную боль, характеризуется особым положением уголков рта — они настолько оттягиваются назад, что становится видимой слизистая оболочка, обрамляющая губы темной каемочкой. Даже на человеческий взгляд собачья морда при этом приобретает особое скулящее выражение, вполне соответствующее звукам, которыми оно сопровождается.

Волк I навещает свою супругу Сенту и взрослых детей на передней веранде нашего дома. Он здоровается с Сентой, оба виляют хвостами, а она нежно облизывает уголки его рта и ласково трогает его носом. Затем Волк I поворачивается к одному из своих сыновей, и тот радостно подходит к отцу, толкает его носом, но не дает обнюхать свой зад, опускающая непрерывно виляющий хвост между задними ногами. Спина молодого пса выгнута, поведение его подобострастно, однако он не проявляет никакого страха перед отцом, а, наоборот, то и дело тычется в него носом и пытаетсялизать уголки его рта. Волк при этом держится с таким чопорным достоинством, что кажется почти смущенным, — он отворачивает голову от лижущегося щенка и высоко задирает нос. Когда молодой пес, ободренный этим отступлением, становится более настойчивым, на морде отца появляется неодобрительная складка. Лоб же щенка не просто гладок, но и на нем настолько растянута, что внешние уголки глаз кажутся прищуренными. Манера Сенты здороваться с Волком I и движения щенка, выражающие его чувства, точно совпадают с движениями, которыми очень послушная собака здоровается со своим хозяином. Очеловечивая ситуацию, можно сказать, что молодой пес нашел счастливый компромисс между определенной степенью страха и любовью, которая заставляет его подойти к тому, кто стоит над ним выше его на иерархической лестнице.

И деревне Сюзи встречает крупного пса, помесь колли и немецкой овчарки — сына уже упоминавшегося Рольфа. На приветствие, приняв ее за Волка, которого он смертельно боится, пес пугается.

Зрение у собак плохое, и на расстоянии они различают только общие очертания предметов, а так как Волк — единственный чау-чау, которого местные псы привыкли тут встречать, Сюзи нередко путают с ее внушительным родичем. Нахальство, очень рано развившееся у молоденькой сучки, несомненно, объясняется общим почтением, которое она встречает у всех из-за этой ошибки и, конечно же, приписывает собственной свирепости. Весьма любопытно наблюдать такое доказательство скверного цветового зрения у собак: Волка и Сюзи их сородичи часто путают, несмотря на то что у Волка шерсть рыжая, а у Сюзи — голубовато-серая.

Но вернемся к описываемому случаю. Молодой пес обращается в бегство, однако Сюзи быстро его настигает и останавливает. Он смиренно стоит перед ней, опустив уши и растянув кожу на лбу, а эта восьмимесячная сучка начинает презрительно помахивать хвостом. Она пытается обнюхать его зад, но он смущенно опускает хвост между ног и быстро поворачивается, подставляя ей грудь и голову. И только теперь он, по-видимому, замечает, что перед ним не грозный самец, а миленькая самочка. Пес вытягивает шею вверх, вздергивает хвост и идет на нее, пританцовывая передними лапами. Несмотря на эти знаки самоутверждения, его морда и уши все еще выражают иерархическое подчинение, но оно постепенно сменяется выражением, которое я назову «галантной миной» и которое отличается от «почтительной мины» только положением ушей и уголков рта — уши все еще прижаты к голове, но сведены так, что их кончики соприкасаются, а уголки рта оттянуты, как и при почтительной мине, но не опущены жалобно, а, наоборот, вздернуты вверх, словно от смеха. Когда это выражение становится четким, за ним обязательно следует приглашение к игре. При этом пасть приоткрыта так, что виден язык, и вздернутые уголки рта, растянутого почти до ушей, придают собаке еще более смеющийся вид. Такой «улыбка» чаще всего наблюдается у собак во время игры с объектом, которым они интересуются, когда они приходят в такое воз-

буждение, что начинают пыхтеть. Возможно, эти движения мышц морды являются предвестником пыхтения, которое начинается, когда желание играть берет верх над всем остальным. Такое предположение подкрепляется тем фактом, что в сексуально окрашенной игре собаки также часто «смеются» и начинают пыхтеть даже после незначительных усилий. Пес, который сейчас стоит перед Сюзи, «сместся» все больше и все энергичнее переступает передними лапами. Внезапно он прыгает на юную чау-чау и толкает ее передними лапами в грудь. Затем стремительно поворачивается и кидается прочь, держа тело по-особому: спина все еще почтительно выгнута, зад поджат, а хвост пропущен между задними лапами. Но хотя весь его вид говорит о смирении, он проделывает самые дружелюбные прыжки, а хвост виляет настолько сильно, насколько позволяют задние ноги. Через несколько метров он останавливается, снова молниеносно поворачивается и подбегает к Сюзи с широкой ухмылкой на морде. Он приподнимает хвост так, чтобы голени не мешали ему вилять, причем теперь он виляет не только хвостом, но и всей задней частью туловища. Он снова прыгает на Сюзи, и теперь его заитрывания приобретают слегка сексуальный характер, но лишь символически, поскольку период течки для Сюзи еще не наступил.

В замке Альтенберг, где обитает огромный угольно-черный ньюфаундленд по кличке Лорд, маленькая дочь хозяина в день рождения получила в подарок очаровательного карликового пинчера, которому только-только исполнилось два месяца. Я был свидетелем первой встречи этих собак. Хотя Квик, пинчер, был юным зазнайкой, он до смерти перепугался, увидев, что на него надвигается гора черного меха, и, подобно всем щенкам при столь жутких обстоятельствах, перевернулся на спину, а когда большой нес обнюхал его брюшко, пустил вверх крохотный желтый фонтанчик. Понюхав и это эмоциональное излияние, Лорд неторопливо и величественно отвернулся от потрясенного щенка. Однако в следующую минуту Квик вскочил и начал, как заведенный, описывать стремительные восьмерки между ног ньюфаундленда. Затем он дружески прыгнул на него, при-

маленькая Лорда бежать за ним, Рыдающая маленькая хозяйка пинчера, которая не вмешалась только потому, что ее удерживали жестокосердные старшие братья, вздохнула с облегчением, так как знакомство завершилось истинно трогательным зрелищем: очень большая собака добродушно играла с очень маленькой.

Эти шесть собачьих встреч я выбрал в качестве примеров потому, что их характер был выражен очень отчетливо. Но в действительности, естественно, существуют бесчисленные переходные и усложненные формы эмоций и соответствующие им выразительные движения — уверенности в себе и страха, вызова и смирения, нападения и защиты. Это крайне затрудняет анализ форм поведения, и надо очень хорошо знать типы выражений, которые я описал — и многие иные, — чтобы уловить их на собачьей морде, где они иногда сильно смазаны, а иногда совмещаются с другими.

Существует одна чрезвычайно милая черта в поведении собак, которая очень рано зафиксировалась в их центральной нервной системе как свойство, передающееся по наследству. Я имею в виду рыцарственное обхождение с самками и щенятами. Ни один нормальный самец ни при каких обстоятельствах не укусит самку; суку охраняет абсолютное табу, и она может вести себя с кобелем, как нищенка, и покусывать его, причем даже всерьез. В распоряжении кобеля нет никаких средств защиты, кроме почти-тельных движений и «галантной мины», с помощью которых он может попытаться превратить наскоки разъяренной суки в игру. Мужская гордость не позволяет ему прибегнуть к другому способу — к драке, так как кобели всегда прилагают максимум усилий, чтобы в присутствии суки «охранить лицо». У волков и у гренландских ездовых собак преобладающей волчьей кровью этот рыцарственный самоконтроль распространяется на самок только собственной стаи, но у собак с преобладающей шакальской кровью он действует в присутствии любой самки, даже совершенно незнакомой. Кобель чау-чау занимает промежуточное положение: если он всегда находится в обществе своих родственников, с сукой шакальской крови он может обойтись до-

вольно грубо, хотя я не знаю случая, чтобы он укусил ее по-настоящему.

Если бы мне нужно было еще одно доказательство коренного зоологического различия между собаками с сильной примесью волчьей крови и обычными европейскими породами, я указал бы на вражду, проявления которой постоянно наблюдаются между этими двумя типами, ведущими свое происхождение от разных диких предков. Спонтанная ненависть, которую испытывают к чау-чау деревенские собаки, никогда прежде их не выдавшие, и, наоборот, готовность, с какой любая дворняжка принимает шакаля или динго в качестве «своего», представляются мне куда более убедительными доводами в пользу такого различия, чем все измерения и расчеты пропорций черепа и скелета и их статистическая обработка, положенные в основу обратного мнения. Мое убеждение подкрепляется и некоторыми аномалиями в групповом поведении — представители противоположных типов часто настолько не признают себя членами одного вида, что кобели не уважают самых элементарных «собачьих прав» сук и щенят. Исследователь поведения, зоолог, тонко ощущающий генеалогические и систематические соответствия, не может не заметить, что волчья собака принадлежит к иной ветви, чем шакаль. А поскольку сами собаки, на которых научные споры, разумеется, никак не влияют, несомненно, также это видят, я доверяю им больше, чем любым статистическим данным.

У представителей семейства собачьих, принадлежащих к одному виду и к одному сообществу, щенок моложе шести месяцев пользуется абсолютной неприкосновенностью. Действия, выражающие смирение — перевертывание на спину и мочеиспускание, — необходимы только в первую минуту: по-видимому, они должны информировать взрослую собаку, что она имеет дело с щенком. Я не вел специальных наблюдений и не ставил экспериментов, а потому не берусь утверждать, эти ли действия показывают взрослой собаке, что перед ней беспомощный юнец, или запах щенка также помогает ей распознать его нежный возраст. Безусловно, различия в величине между молодой и взрослой особью не играют в этом узнавании никакой роли. Сердитый фокстерьер обходится с молодым сенбернаром

как с беспомощным младенцем, даже если тот вдвое больше его. И наоборот, кобели крупных пород преспокойно затевают драки со взрослыми кобелями мелких пород, хотя с человеческой точки зрения это и представляется малоблагородным. Я не рискую полностью взять под сомнение рыцарственное поведение по отношению к маленьким собакам, которое так часто приписывают сенбернарам, ньюфаундлендам и догам, но сам я в весьма широком кругу моих собачьих знакомств еще ни разу не встретил такого великодушного великана.

Когда высокомерному кобелю, свято блюдущему свое достоинство, бессердечно предлагают «поиграть» с юными щенятами, это всегда обещает много забавных, а нередко и трогательных сцен. Я специально проделывал такие эксперименты с нашим стариком Волком. Он был чрезвычайно горд и вовсе не любил играть, а потому испытывал невольное смущение и неловкость, когда вынужден был напасть на веранде своих двухмесячных детей и динго, их сводного братца. Щенята в пять месяцев и старше уже питают определенное уважение к профессорской важности старых кобелей, но щенки помоложе ничего подобного не испытывают. Они накидываются на отца, падают его за ноги беспощадными, острыми, как иглы, зубками, а он только по очереди вздергивает лапы, словно обжигаясь. Бедному мученику не положено даже рычать, и уж тем более он не смеет задать трепку своим назойливым отпрыскам. Немного погодя наш ворчливый Волк позволял вовлечь себя в возню с щенятами, но тем не менее, пока они были маленькими, он никогда добровольно на веранду не заходил.

Кобель оказывается в сходной ситуации и когда на него нападает сука. Он не может ни кусаться, ни даже рычать, однако приблизиться к агрессивной самке его толкает негравитационно более сильный импульс, и конфликт между мужским достоинством, страхом перед острыми зубами противницы и силой его сексуальных побуждений порождает поведение, которое иногда превращается в настоящую пародию на человеческое. Смешным старого пса делает главным образом игривость, «галантность» которого я опи-сывал выше. Когда такой суровый зверь, давно уже выпеш-ший из щенячьего возраста, начинает изыскиваться в любви,

ритмично перебирая передними лапами и прыгая взад и вперед, даже наименее склонный к антропоморфизму наблюдатель невольно начинает проводить определенные сравнения, чему способствует и поведение суки, которая, зная, что ее ухажер все стерпит, ведет себя весьма высокомерно.

Однажды мне довелось наблюдать очень четкий пример такого поведения. Это произошло, когда я вместе со Стасей посетил волка в его клетке. Более подробно я опишу эту встречу позже. Довольно скоро волк пригласил меня пощипать, и я, весьма польщенный, согласился. Однако Стася обиделась, что я уделяю волку больше внимания, чем ей, и внезапно набросилась на моего нового приятеля. Надо сказать, что суки чау-чау, ставя на место не угодивших им самцов, пускают в ход удивительно противный сварливый лай и особую манеру кусаться — не свирепо, в полную силу, как дерущиеся псы, а неглубоко, захватывая как будто только кожу, однако их противник при этом визжит от боли. Волк тоже завизжал, одновременно пытаясь обезоружить Стасю почтительными позами и галантным обхождением. Естественно, мне не хотелось подвергать его рыцарственности слишком тяжелому испытанию, поскольку я опасался, как бы это не обошлось дорого мне самому, и я строго приказал рассерженной Стасе замолчать, то есть мне пришлось сделать ей выговор, чтобы она не обижала покладистого волка, а ведь всего лишь десять минут назад я поставил перед клеткой два ведра с водой и железный лом, чтобы было чем спасать мою бесценную Стасю, если лесной хищник накинется на нее. *Sic transit gloria... lupi*¹.

¹ Так проходит слава... волка (лат.).

Глава шестая **ХОЗЯИН И СОБАКА**

Люди заводят собак и кошек из самых разных побуждений, причем далеко не всегда из добрых. Среди страстных любителей животных, и в частности среди любителей собак, существует особая категория несчастных людей, которые по той или иной горькой причине утратили веру в себе и ищут эмоциональной помощи у животных. Известное присловье «Животные настолько лучше людей!» всегда наводит меня на грустные размышления. Ведь это не так. Бесспорно, в отношениях между людьми не существует точного подобия преданности, на которую способна собака. Но ведь собака не плутает по лабиринту моральных обязательств, часто противоречащих друг другу. Ей известен только простейший конфликт между желаниями и обязанностями — другими словами, над ней не тяготеет все то, что нас, бедных людей, иной раз сводит с пути истинного. С точки зрения человеческой ответственности даже самая верная собака выглядит в значительной степени аморальной. Изучение поведения высших животных, во-

преки мнению некоторых, вовсе не приводит к тому, что ты начинаешь недооценивать различия между ними и человеком. Наоборот, я утверждаю, что только те, кто по-настоящему разбирается в поведении животных, способны в полной мере оценить то особое возвышенное место, которое в мире живых существ занимает человек.

Сравнение человека и животных, которое играет такую значительную роль в наших исследовательских методах, унижает его не более, чем принятие теории происхождения видов. Суть эволюции органического мира в том и заключается, что она создает абсолютно новые и более высокие признаки, которые на предыдущей стадии не существовали даже в зачатке. Конечно, и в наши дни в человеке есть еще что-то от животного, но в животном от человека нет ничего. Генеалогические исследования, по необходимости ведущиеся от низшего, от животных, позволяют нам особенно ясно увидеть человеческую сущность, великие достижения человеческого разума и этики, которых мир животных вообще не знает. Они явственно выступают на фоне тех более древних свойств и способностей, которые человек еще и теперь делит с высшими животными. Утверждать, что животные лучше человека, значит кощунствовать — для критически мыслящего биолога в подобном заявлении прячется святотатственное отрицание подлинного развития в мире живого.

К несчастью, слишком многие любители животных, особенно члены общества защиты последних, упорно отстаивают вышеуказанную этически вредную точку зрения. Прекрасна и поучительна только та любовь к животным, которая порождается любовью ко всякой жизни и в основе которой должна лежать любовь к людям. Только те, кто способен чувствовать именно так, могут дарить свою привязанность животным без нравственного ущерба для себя. Разочарованный и ожесточенный человек, который из-за прегрешений отдельных индивидов восстает против всего человечества и отдает свою любовь только собакам и кошкам, совершает роковую и отвратительную ошибку. Ненависть к людям и любовь к животным — зловещая и опасная комбинация. Разумеется, это не относится к тем, кто по той или иной причине обречен на одиночество и обзаво-

дится собакой, чтобы удовлетворить свою потребность любить и быть любимым. Желание это вполне законно и безобидно, а одиночеству, бесспорно, нет места, если на свете есть хотя бы одно существо, которое радуется вашему возвращению домой.

Изучение гармонического согласия, царящего между человеком и собакой, дает чрезвычайно много для понимания психологии как людей, так и животных, а иногда бывает и очень увлекательным. Выбор собаки уже говорит о многом, а еще больше можно узнать из отношений, складывающихся затем между этим человеком и его подопечным.

Как и у людей, полная противоположность характеров, как и полное их сходство, часто гарантирует безоблачное счастье обеих сторон. Муж и жена, долго состоящие в браке, нередко становятся похожими друг на друга, как брат и сестра, и точно так же у хозяина и собаки вырабатывается общность манер и привычек, производящая подчас комическое и в то же время трогательное впечатление. У опытных владельцев такое сходство усиливается благодаря выбору определенной породы или конкретной собаки, так как этот выбор обычно подсказывается симпатией и родственными чертами характера. Суки чау-чау, которых поочередно выбирала себе моя жена, могут служить типичным примером таких «симпатичных» и «гармонизирующих» собак. То же относится ко мне самому, и наши друзья, хорошо знающие нас и наших собак, нередко развлекаются тем, что выискивают черты сходства между ними и нами. Собаки моей жены всегда особенно чистолюбивы и в известной мере любят порядок. Они никогда не побегут напрямик через лужу, а проходя между клумбами или грядками, не наступят на взрыхленную землю и не заденут ни единого растения, хотя их специально этому не обучали. Мои же собаки, увы, готовы валяться в любом мусоре и натаскивают в дом чудовищное количество грязи. Короче говоря, различия между нашими собаками аналогичны различиям моего характера и характера моей жены. Отчасти это объясняется тем, что жена всегда выбирает из нового помета тех щенков, в которых преобладает наследственность более «благородных», сдержанных, почти как кошки чистолюбивых чау-

чау, тогда как я предпочитаю потомство тех, в ком проявляется более живая и бойкая, хотя и безусловно более плебейская, натура их прародительницы, моей овчарки Титы. Еще одна аналогия обнаруживается в том, что собаки моей жены едят умеренно и изящно, а их кровные родственники, принадлежащие мне, предаются гнусному обжорству. Но почему так получается, право, сказать не могу.

На мой взгляд, «параллельная», или гармонирующая, собака приносит человеку ощущение душевного равновесия и даже удовлетворения собой. Но все складывается по-иному с типом собак, обратным гармонирующему типу. Совсем недавно мне довелось наблюдать на улице иллюстрацию вышесказанного. Бледный узкогрудый человек с хмурым тревожным лицом, одетый бедно, но респектабельно, как одеваются мелкие чиновники, и даже в пенсне, шел в сопровождении тощей овчарки, которая уныло брела рядом с ним. В руке у него был тяжелый хлыст, и когда он внезапно остановился и собака на несколько сантиметров переступила запретную черту, рукоятка этого хлыста с силой опустилась на ее нос, а на лице неизвестного отразилась такая черная ненависть и нервное раздражение, что я с трудом удержался, чтобы не вмешаться и не устроить публичный скандал. Держу пари на что угодно, что злополучная собака играла в жизни своего еще более злополучного хозяина ту же роль, какую он сам играл в жизни своего, вероятно, столь же жалкого начальника.

Глава седьмая **СОБАКИ И ДЕТИ**

Других нисколько не манило
Помериться с тобою силой.
Иное дело, что, любя,
Трепал меня ты, я — тебя.

У. Лендор

Мне очень не повезло в том смысле, что я провел свое раннее детство без собаки. Моя мать принадлежала к поколению, которое только что открыло для себя микробов. Тогда в зажиточных семьях большинство детей болело рахитом, потому что молоко стерилизовалось до тех пор, пока все витамины не разрушались полностью. Только когда достиг мыслящего возраста и с меня можно было взять достаточно надежное честное слово, что я не дам собаке облизывать себя, мне наконец было дозволено обзавестись первой в моей жизни собакой. К несчастью, этот песик оказался настоящим дураком и надолго отбил у меня всякое желание иметь собаку. Я уже рассказывал вам об этом бесчетном существе — таксе Кроки.

Моя же дети росли в теснейшем общении с собаками — в годы их раннего детства у нас было пять собак. Я словно сейчас вижу, как эти крошки к неопишному ужасу моей бедной мамы, проползают на четвереньках под животом огромной овчарки. Когда мой сын учился ходить, он имел обыкновение вцепляться в длинный хвост Титы, чтобы принять вертикальную позицию, необходимую для хождения на двух, а не на четырех конечностях. Тита переносила эту операцию с ангельским терпением, но едва малыш выпрямился и отпустил ее истерзанный хвост, как она принималась вилять этим хвостом с таким облегчением, что, как правило, задевала своего маленького мучителя, и он снова валился на пол.

Чуткие собаки особенно ласковы с детьми любимого хозяина, словно они понимают, как дороги ему эти существа. И бояться, что собака причинит вред ребенку, — нелепо; наоборот, существует опасность, что собака, спуская детям слишком многое, может приучить их к грубости и неумению замечать чужую боль. Этого следует остерегаться, особенно когда речь идет о крупных и добродушных псах вроде сенбернаров и ньюфаундлендов. Но обычно собаки прекрасно умеют уклоняться от слишком уж назойливого внимания детей — факт, обладающий значительной воспитательной ценностью; поскольку нормальные дети получают большое удовольствие от общества собак и огорчаются, когда те от них убегают, они вскоре начинают соображать, как следует себя вести, чтобы собаки видели в них хороших товарищей. В результате дети, хотя бы немного тактичные от природы, еще в очень раннем возрасте привыкают считаться с другими.

Когда, придя в гости, я замечаю, что собака не избегает пяти-шестилетнего ребенка, а спокойно к нему подходит, мое уважение и к ребенку и ко всей его семье немедленно возрастает. К несчастью, дети наших соседей лишены той мягкости, которая необходима для общения с собакой. В окрестностях нашей деревни вы не встретите группы мальчишек, которых сопровождала бы собака — и тем более несколько собак. Конечно, я знаю немало ребятшек, которые у себя дома ласковы с собаками, но стоит им собраться

большой компанией, как в ней непременно отыщется хотя бы один любитель мучить животных и он подчинит своему влиянию остальных. Как бы то ни было, но средняя нижеавстрийская собака, заведя среднего нижеавстрийского мальчика, пускается наутек. Однако такое положение вещей отнюдь не обязательно и существует оно далеко не везде. Например, в Белоруссии почти в любой деревне вы обязательно увидите на улице смешанную компанию мальчишек и собак — белоголовых карапузов пяти—семи лет и разнообразных дворняжек. Собаки нисколько не боятся мальчишанов, а, наоборот, питают к ним глубочайшее доверие, что позволяет многое узнать о характере и наклонностях этих малышей.

Самый удивительный из известных мне примеров дружбы между собакой и ребенком относится к дням моего собственного детства. Ребенком был мой будущий шурин, Петер Пфлаум, сын владельца замка Альтенберг, а собакой — огромный угольно-черный ньюфаундленд. Лорд, как звали ньюфаундленда, обладал поистине идеальным характером: он был храбр до безрассудства, предан, умен и благороден. Петер же, как он любит похвастать и теперь, заслуженно слыл отпетым шалуном и проказником. И вот этого одиннадцатилетнего мальчика огромный ньюфаундленд выбрал своим хозяином, когда его уже взрослым полторагодовалым псом привезли в Альтенберг. Мне до сих пор непонятно, чем объяснялся его выбор, поскольку Лорд принадлежал к тому типу собак, которые обычно тяготеют к взрослым мужчинам — чаще всего к главе семейства. Возможно, тут какую-то роль сыграли рыцарственные побуждения, так как Петер был самым маленьким и слабым не только по сравнению со своими тремя братьями, но и со всей буйной компанией из множества мальчишек и двух-трех девочек — грозой альтенбергского леса, где они играли в индейцев и устраивали взрывы, очень реалистические, а зачастую и вполне реальные. Во время игр нам нередко доставалось друг от друга, и Петеру больше, чем остальным, — по моему мнению, вполне заслуженно. Но хотел бы я посмотреть, какой мальчишка рискнет ударить другого мальчишку, если собака, могучая, как лев, и черная, как ночь, тут же поло-

жит ему на плечи две тяжелые лапы, обнажит у самого его носа огромные белоснежные зубы и угрожающе заворчит в тоне самой низкой органной трубы. Петер платил за эту преданность горячей любовью, и они с Лордом были неразлучны. В результате его образование несколько страдало, так как даже сам господин Нидермейер, строгий гувернер мальчика, рано лишившегося отца, не осмеливался повысит голос на Петера — в противном случае из угла комнаты донеслось бы злое рычание и к ним величественно приблизился бы черный лев, после чего господину Нидермейеру осталось бы только беспомощно пожать плечами и отвернуться.

Моя мать рассказывала мне о таком же случае в доме ее родителей, где могучий леонбергер (эта порода также принадлежит к крупнейшим) избрал своей хозяйкой младшую из сестер, которую, как и Петера, безжалостно тиранили старшие дети.

Я питаю предубеждение против людей (и даже очень маленьких детей), которые боятся собак. Предубеждение это абсолютно неоправданно — вполне естественно, что маленькое существо при первом знакомстве пугается большого зверя. Однако то, что я люблю детей, которые не боятся больших незнакомых собак и умеют обходиться с ними, вполне оправданно, так как на это способны лишь те, кто чувствует природу и животных. Мои собственные дети становились зяблыми собачниками еще задолго до того, как им исполнился год, и они даже подумать не могли, что собака способна причинить им зло. По этой причине моя дочь Агнеса, когда ей было около шести лет, напугала меня до полусмерти. Случилось это при следующих обстоятельствах. Однажды Агнеса и ее брат вернулись с прогулки в сопровождении большой красивой овчарки, которая пристала к ним по дороге. Я решил, что собаке лет шесть-семь — в дальнейшем оказалось, что я не ошибся. Овчарка шла за детьми до самого дома, держась «рядом». Она казалась пришибленной и дала мне погладить себя с большой неохотой, наморщив губы. Но к детям она льнула с непонятным упорством. Я ничего не мог понять. Собака казалась душевно неуравновешенной, а главное, с какой стати она

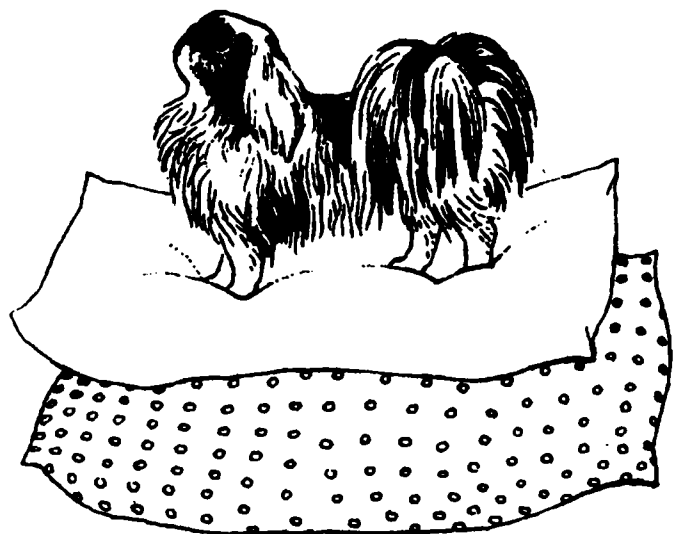
внезапно прониклась любовью к моим детям? Позже все объяснилось самым естественным образом. Овчарка была очень нервной и боялась ружейных выстрелов. Она жила в деревне, километрах в десяти выше по реке, и во время местного праздника стрельба в тире привела ее в такой ужас, что она убежала куда глаза глядят и не сумела отыскать дорогу домой. У ее владельца было двое детей, которых овчарка обожала и которые были примерно ровесниками моим. Вот почему она и пристала к Агнесе и ее брату, когда повстречала их. Но тогда я ничего этого не знал и не слишком охотно уступил мольбам детей, которые упрашивали оставить овчарку у нас, если ее хозяин не отыщется. Конечно, им очень нравилось, что такая большая и красивая собака с таким упорством ищет их общества.

Ситуация, помимо всего прочего, осложнялась еще и тем, что наш собственный пес Волк I также был чрезвычайно привязан к детям на особый независимый и сдержанный лад волчьей собаки-самца. Нетрудно понять, что появление этого угодливого раба, этого наглого самозванца, который узурпировал его место в сердце детей, смертельно уязвило гордость Волка. Сначала моих многозначительных угроз, обращенных к обоим псам, и робкого вида прищельца оказалось достаточно, чтобы предотвратить драку, но в целом это новое приобретение не вызвало у меня восторга.

Взрыв был неизбежен. Мне пришлось удалиться в некое небольшое помещение за ванной на верхнем этаже, как вдруг мои мирные размышления были прерваны шумом ожесточенной собачьей драки, к которому — о ужас! — тут же примешались вопли моей маленькой Агнесы, звавшей на помощь! Я кинулся вниз по лестнице, одной рукой придерживая брюки, и увидел перед крыльцом ужасающее зрелище — двух собак, сцепившихся в беспощадной схватке, и торчащие из-под них ножки моей дочери. Обезумев, я кинулся к ним, схватил собак за загривки, с нечеловеческой силой разнял их и увидел, что Агнеса лежит на спине и тоже крепко держит Волка и незнакомца за шеи, стараясь их растащить. Потом она объяснила мне, что произошло: увидевшись на землю между двумя псами, она принялась

гладить обоих, чтобы помирить. Конечно, это средство возымело противоположное действие, и псы бросились друг на друга. Агнеса хотела их разнять и не выпустила, даже когда они опрокинули ее на спину и продолжали драться над ней. И все-таки она ни на секунду не подумала, что тот или другой может укусить и ее.

Глава восьмая **КАК ВЫБРАТЬ СОБАКУ**

Как я узнаю, верен ли мой выбор?

В. Шекспир. Венецианский купец

Выбор — всегда дело затруднительное, и особенно когда речь идет о выборе собак, так как существует множество самых разнообразных пород; знаток же может дать правильный совет, только если он знаком с будущим владельцем и понимает, чего тот хочет от своей собаки. Например, сентиментальная и одинокая старая дева, ищущая подходящий предмет для любви и забот, не обретет искомого утешения в сдержанной и высокомерной чау-чау, которая притирает ласки и встречает вернувшуюся хозяйку только легким помахиванием хвоста, вместо того чтобы запрыгать от радости, как другие собаки. Тем, кому нужна нежная и привязчивая собака, которая положит голову на колено хозяина, поднимет янтарные глаза и будет часами взирать на него с немым обожанием, я порекомендую ирландского сеттера или представителя какой-нибудь сходной длинноухой

и длинношерстной породы. На мой же вкус эти собаки слишком сентиментальны. В наши беспокойные и тревожные времена хватает причин для грусти и, пожалуй, для большинства из нас не так уж полезно постоянное соприкосновение с существом, которое время от времени напоминает о своем присутствии пусть кротким, но глубоким вздохом. Веселое и печальное настроения равно заразительны, и человек с живым и солнечным характером повсюду несет с собой бодрость и радость. То же относится и к веселой собаке, и мне кажется, что популярность многих смешных пород объясняется именно нашей потребностью в веселье. Шаловливость селям-терьера и его преданность хозяину могут послужить неплохой моральной поддержкой человеку меланхолического склада. Кто не улыбнется, когда забавное маленькое существо, преисполненное радости жизни, подбежит, подпрыгивая на своих коротеньких лапках (один мой знакомый окрестил их «ходильными сосочками»), наклонит голову и с невинным лукавством поглядит на хозяина, приглашая его поиграть?

Тому, кто ищет не просто друга, но и неискаженный характер, я посоветую обзавестись собакой совсем иного типа. Сам я предпочитаю собак, относительно недалеко ушедших от диких форм. Мои гибриды чау-чау и немецких овчарок и внешне и внутренне очень близки к своим диким предкам. Чем меньше одомашнивание изменило породу, чем больше свойств вольного хищника сохраняет собака, тем выше я ценю ее дружбу. По той же причине мне не нравится излишнее искажение истинной природы собаки, к которому может привести обучение, и я не хочу даже, чтобы мои собаки утратили свой первобытный охотничий инстинкт, который причиняет мне немало хлопот и обходится довольно дорого. Будь они кроткими ягнятами, не способными обидеть и мухи, мне не казалось бы таким чудом, что я спокойно могу верить им моих детей. Впервые я понял это после одного довольно страшного случая. Както в жестокие зимние морозы в наш занесенный снегом сад забежал олень, и три мои собаки его растерзали. Я стоял, пораженный ужасом, возле окровавленного трупa и вдруг осознал, какое безусловное доверие внушает мне система запретов, управляющих действиями этих свирепых

ищников,— ведь в то время мои дети были гораздо меньше и беззащитнее оленя, чьи истерзанные останки лежали передо мной. Я даже удивился абсолютному бесстрашию, с каким я ежедневно отдавал хрупкие тельца моих детей во власть этих челюстей, столь похожих на волчьи.

Действительно, для собаки напасть на детей хозяина — вещь почти неслыханная, и я убежден, что психически здоровая собака вообще на это не способна. Однако нервную высокопородистую собаку, а иногда даже и полукровку, ревность, к которой все собаки очень склонны, может довести до ужасных поступков. Недавно я узнал о действительно жутком происшествии, когда нечистопородный терьер, прежде баловень семьи, был после рождения ребенка посажен на цепь и при первом удобном случае прыгнул в коляску и загрыз младенца. К счастью, это редчайший случай, и ревность, как правило, не достигает столь опасного накала, причем, насколько можно судить, в такой степени поддаваться ей способны только собаки наиболее инфантильного типа. Мои волчьи собаки никогда не ревновали к маленьким детям, а, наоборот, сами относились к ним более или менее по-родительски. И, возможно, тут кроется одна из причин, почему я так люблю этот тип собак.

Впрочем, здесь мы переходим в область вкуса, и я прекрасно понимаю, что моя дикая хищная собака далеко не обязательно должна внушать симпатии всем и каждому. Волчьи собаки из-за чувствительности, сдержанности и независимости характера довольно туго поддаются обучению, и использовать присущие им поистине невероятные психические ресурсы удастся только тому, кто знает их и понимает по-настоящему, и только для такого человека они могут стать источником радости и удовлетворения. Другие обретут то же в честном добром боксере или эрдельтерьере — ведь начинающий фотограф добивается значительно больших успехов, когда работает с простой зеркалкой, а не со сложной, снабженной множеством приспособлений камерой.

Это вовсе не значит, что я хочу опорочить собак с сложной и прямолинейной психикой. Наоборот, я очень люблю боксеров и больших терьеров, чью мужественную и привязчивую натуру не удастся испортить даже очень не-

умелым воспитателям. К тому же я хотел бы подчеркнуть, что мои высказывания о качествах отдельных собачьих пород, естественно, носят очень обобщенный характер, так как существует безграничное множество индивидуальных исключений. В сущности, такое обобщение не менее уязвимо, чем попытка подвести под одно исчерпывающее определение всех англичан, французов или немцев. Я знаю чрезвычайно чувствительных боксеров и бесхарактерных чау-чау, я даже был знаком с весьма решительным и независимым спаниелем. Моя серебристо-серая Сюзи, на чей характер, бесспорно, значительное влияние оказала кровь ее предков-овчарок, бывает обаятельно-дружелюбной с нашими гостями и почти совсем лишена гордого высокомерия других чау-чау.

Пожалуй, вместо того чтобы давать конкретные советы, полезней будет предостеречь начинающих, каких собак приобретать не следует и каких наклонностей в них нужно избегать. Но прежде чем продолжать, я хотел бы указать, что, предостерегая, вовсе не ставлю себе целью отговорить кого-нибудь от приобретения собаки. Любая собака лучше, чем ничего, и даже если начинающий владелец собаки пренебрежет всеми изложенными здесь правилами, он все-таки получит от своей собаки много удовольствия. Однако удовольствие это будет еще больше, если он учтет мои заветы, первый из которых гласит: покупайте собаку, здоровую и телом и духом. Если у вас нет каких-либо веских причин для иного выбора, берите самого сильного, толстого и бойкого щенка в помете (эти три свойства сопутствуют друг другу с удивительным постоянством). Необходимо учитывать, что сучки всегда бывают мельче кобельков. Если у родителей или щенят проявляются какие-либо признаки вырождения, лучше вовсе отказаться от щенка. Особенно осторожным следует быть, имея дело с иностранными породами, так как тут из-за малого числа хороших экземпляров возможен тесный инбридинг. Лучше собака с родословной победнее — лист, официально ее заверяющий, как правило, вскоре исчезает, погребенный под другими бумагами в каком-нибудь ящике письменного стола, — но зато более жизнеспособная, менее нервная. Как станет ясно из главы «Призыв к тем, кто разводит собак», я придержи-

также весьма низкого мнения о современных принципах разведения собак, принципах, которые слишком большое значение придают «красоте» собак, пренебрегая их умственными способностями, а потому искренне советую начинающим не приобретать собаку со слишком уж «хорошей» родословной. Приобретая помесь, вы имеете гораздо меньше шансов оказаться владельцем нервного, умственно ущербного животного, чем купив собаку с восемью чемпионскими в родословной. Немецкую же овчарку всегда следует брать от родителей, принадлежащих к служебной линии, и в этом случае удостоверение ее происхождения от чемпионов имеет вполне реальную практическую ценность.

Прежде чем обзавестись собакой, следует взвесить, не окажется ли это для вас слишком большой нервной нагрузкой. Очень подвижные собаки, вроде фокстерьеров, легко могут вывести из себя неуравновешенного человека, особенно если их непоседливость порождается не столько жизнерадостностью, сколько чрезмерно возбудимой нервной системой. Прикидывая размеры собаки с учетом размеров вашего жилища, следует принимать во внимание и ее темперамент. Сентиментальный сеттер, для которого главное удовольствие — умильно взирать на хозяина, будет меньше страдать от тесноты городской квартиры, чем шаловливый маленький терьер. Впрочем, и в самой маленькой квартире можно держать большую собаку при условии, что с ней будут достаточно много гулять. В конце-то концов для собаки требуется не больше, чем для вашего собственного здоровья, — вполне достаточно двух получасовых прогулок по свежему воздуху.

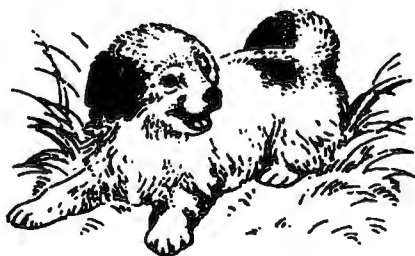
Многие неопытные любители собак часто делают ошибку, выбирая того щенка, который в первые же минуты знакомства начинает делать им дружеские авансы. Следует помнить, что в этом случае вы, несомненно, выбираете наибольшего подхалима, и вряд ли в дальнейшем вам будет приятно наблюдать, как ваша собака точно так же приветствует всех чужих подряд. Выбрав из девяти твякающих меховых клубочков именно Сюзи, я предпочел ее остальным отчасти потому, что именно она проявила наибольшее негодование, когда ее коснулись мои руки, то есть руки постороннего.

Пресмыкательство — это один из худших собачьих пороков, и, как я уже упоминал, оно развивается в результате сохранения неразборчивого дружелюбия, которое молодые щенята проявляют по отношению ко всем людям и ко всем взрослым собакам. Пороком это становится только у взрослых собак, для молодых же такое поведение вполне нормально и ничего дурного в нем нет. К несчастью, невозможно предсказать, вырастет ли из ласкового щенка подхалим или с возрастом он приобретет необходимую сдержанность по отношению к чужим. Поэтому, имея дело с породами, у которых эта сдержанность развивается позднее, лучше подождать с покупкой щенка, пока ему не исполнится пять-шесть месяцев. Вышесказанное особенно относится к спаниелям и другим длинноухим охотничьим собакам; у чау-чау эта черта развивается раньше, и даже в два — два с половиной месяца у них уже можно заметить черты индивидуального характера. Если опасность заполучить подхалима отсутствует, то есть дело касается пород, для которых такая склонность чужда, или если покупатель знает обоих родителей своей будущей собаки, я посоветовал бы ему забрать щенка как можно раньше, едва его можно будет без вреда для него разлучить с матерью. Разумеется, такого щенка нужно будет очень хорошо кормить, преимущественно мясом и молоком, через довольно короткие промежутки, не забывая добавлять к его рациону средства против рахита, например рыбий жир.

Чем более молодой взята собака, тем, как правило, крепче становится ее привязанность к хозяину впоследствии и тем больше удовольствия будет она ему доставлять, особенно когда он будет вспоминать, чего это ему стоило. Ради таких воспоминаний можно смириться с изгрызенными туфлями и ботинками или с двумя-тремя пятнами на ковре.

И последний совет. Он продиктован моими личными пристрастиями, а потому читатель может сразу же пропустить его мимо ушей: если возможно, выбирайте суку, несмотря на то что две ее течки в году и причинят вам некоторые неудобства. Думаю, все опытные владельцы собак согласятся со мной, что с точки зрения характера сука всегда предпочтительнее, чем кобель. Одно время у нас в Альте

Вот жили четыре суки: моя немецкая овчарка Тита, Пиги — чау чау моей жены, Кати — такса моего брата и бульдог моей свояченицы. Только собака моего отца была кобелем, и ему было нелегко отгонять от нашего дома непрошенных ухажеров. Как-то течка у Пиги и Кати началась одновременно, но мы продолжали брать их с собой на Дунай, поскольку могли не опасаться мезальянса — Пиги хранила абсолютную верность нашему псу Буби, а для миниатюрной таксы в окрестностях просто не нашлось бы подходящего партнера. Я давно привык, что нас сопровождают и чужие собаки, но после того как мы вышли из деревни на этот раз, размеры нашей свиты меня поразили и я начал подсчет — оказалось, что, кроме наших пяти, за нами бежало еще шестнадцать псов. Следовательно, наш эскорт состоял из двадцати одной собаки. И тем не менее я повторяю свой совет: сука бизнес преданна, чем кобель, ее психика тоньше, богаче и сложнее, чем у кобеля, и, как правило, она умнее, чем кобель. Мне довелось близко узнать очень многих животных, и я с полной уверенностью утверждаю, что из всех четвероногих созданий ближе всего к человеку по тонкости восприятия и по способности к истинной дружбе стоит именно сука. И странно, что в некоторых языках ее название превратилось в ругательство.

Глава девятая

ПРИЗЫВ К ТЕМ, КТО РАЗВОДИТ СОБАК

У цирковых собак, исполняющих сложные трюки, которые требуют большой сообразительности, редко имеются родословные. И дело не в том, что бедным дрессировщикам не по карману породистые собаки — талантливые цирковые собаки стоят бешеных денег, — а в том, что животным-артистам требуются не физические, а психические качества. Помеси подходят для этой работы не только потому, что они умнее, но главным образом потому, что они куда менее «нервны», поскольку их более крепкий организм позволяет им выдерживать значительное нервное напряжение. Из всех моих собак только одна была чистопородной: могла бы участвовать в выставках — немецкая овчарка Бинго. Это был очень благородный пес, рыцарь без страха и упрека, но по тонкости восприятия и сложности психики он не шел ни в какое сравнение с Титой, весьма плебейской овчаркой, вообще не имевшей родословной. У моего французского бульдога родословная, правда, была, но он не пошел в своих аристократических предков и не стал воплоще

нием породистости — этому препятствовало крупное сложение, слишком вытянутая голова, слишком длинные ноги и слишком прямая спина. Короче говоря, для французского бульдога он слишком уж походил на нормальную собаку. Но одно я знаю твердо: ни один чемпион его породы по умственным качествам не годился моему Булли и в подметки.

Как ни грустно, но стремление поддерживать в породе строжайшие стандарты определенных физических данных несовместимо с развитием умственных качеств. Индивиды, отвечающие и тем и другим требованиям, настолько редки, что не в состоянии послужить основой для дальнейшего развития своей породы. При всем желании я не могу вспомнить ни одного великого мыслителя, который физически был бы сравним с Аполлоном, и ни одной настоящей красавицы хотя бы со средними умственными способностями, и точно так же мне не известен ни один собачий чемпион, которого я хотел бы получить в свою собственность. Нельзя сказать, что эти два разнонаправленных идеала обязательно должны исключать друг друга, и трудно понять, почему собака с безупречным физическим сложением не может быть и умственно столь же одаренной; однако и по отдельности эти идеалы настолько редки, что их объединение в одной особи крайне маловероятно. Если даже кто-нибудь поставит себе целью вывести такое совершенство, он убедится, что достигнуть его без какого-либо компромисса невозможно. Для собак, как и для голубей, выход из этой дилеммы был найден в организации двух выставок разного типа, на которых животных судят либо по экстерьеру, либо по умению «работать». У голубей дело шло уже так далеко, что функции декоративных и почтовых пород разграничены полностью. Тенденция к подобному разделению, на мой взгляд, намечается и в отношении немецких овчарок. Несомненно, некоторые нервные и злобные обладатели медалей за экстерьер отличаются характером, настолько далеким от идеала, что их следует отнести к совсем иной категории, чем настоящих «рабочих» овчарок, чьи исключительные качества позволяют человеку использовать их для самых различных целей. В прошлом, когда собаки больше использовались для дела, а не для за-

бавы, при выборе производителя вряд ли пренебрегали его психическими способностями. С другой стороны, дефекты характера проявляются и у отдельных типов собак, которые используются только для рабочих целей. По мнению весьма видного авторитета в этом вопросе, отсутствие преданности одному хозяину у некоторых охотничьих собак объясняется именно их специализацией. При выведении этих пород основное внимание обращалось на остроту чутья, и вполне возможно, что предпочтение отдавалось животным, которые не отличались преданностью одному хозяину, поскольку богатые охотники-любители нередко поручают поиски раненой дичи наемным служителям и хорошая охотничья собака должна уметь работать с ними не хуже, чем со своим владельцем.

Но проблема становится очень серьезной, когда мода, эта глупейшая из глупейших особ женского пола, начинает диктовать бедной собаке, какой должна быть ее внешность и из всех вошедших в моду пород не найдется ни единой, чьи первоначально прекрасные психические способности не были бы в результате погублены. Только там, где эту породу продолжали культивировать ради дела, без реверансов в сторону моды, она сохраняла свои первозданные достоинства. На родине шотландской овчарки все еще имеются линии, в которых уцелели изначальные способности, но породистые экземпляры, бывшие в первые годы века «последним криком» по всей Европе, подверглись почти невероятному процессу умственной деградации. Точно так же пока еще существуют настоящие сенбернары в монастыре Святого Бернарда и на Тибете, но в Центральной Европе мне приходилось видеть только умственных недоносков. Когда практическая польза перестает быть целью при «модернизации» какой-нибудь породы, ее можно считать обреченной. Даже щепетильно честные владельцы питомников, которые скорее умрут, чем используют собаку, не отвечающую всем необходимым требованиям, считают вполне этичным получать потомство от физически красивых, но умственно отсталых собак, а затем и продавать этих щенят. Любящий животных читатель, для которого я и пишу эту книгу, поверь мне: ты довольно скоро перестанешь гордиться тем, что твоя собака почти точно соответствует иде-

какому физическому стандарту своей породы, но такие психические недостатки, как нервность, злобность или трусость, будут раздражать тебя все сильнее и сильнее. Так что в конечном счете ты, несомненно, извлеч бы больше радости из общества умной, верной и храброй собаки, не блещущей родословной, чем из общества своего чемпиона, который, возможно, обошелся тебе в целое состояние.

Как я уже упоминал, при отборе физических и психических черт возможны определенные компромиссы — это подтверждается тем фактом, что различные чистые породы собак долгое время сохраняли лучшие черты характера, пока не стали жертвой моды. И все-таки собачьи выставки опасны уже сами по себе, так как сравнение чистопородных собак по экстерьеру неминуемо приводит к культивированию и гиперболизации тех черт, которые, собственно, и определяют каждую данную породу. Если просмотреть старинные рисунки, которые в Англии, например, восходят к средним векам, и сравнить эти изображения с современными представителями тех же пород, последние начинают казаться злыми карикатурами на своих отдаленных предков. Особенно это заметно у чау-чау, вошедших в моду только в последние десятилетия. В двадцатых годах чау-чау все еще оставалась собакой, тесно связанной с дикими формами: ее заостренная морда, раскосые глаза и острые уши придавали ей то чудесное выражение, которое отличает гренландских ездовых собак и других лаек: короче говоря, всех собак с сильной примесью волчьей крови. Современное разведение чау-чау привело к подчеркиванию тех черт, которые придают им сходство с толстым медведем — морда стала короткой и широкой, почти как у мастифа, глаза утратили раскосость, а уши почти исчезли в густой и длинной шерсти. И психически эти темпераментные создания, в которых еще сохранилось что-то от диких хищников, также превратились в неуклюжих плюшевых мишек. Но к моим чау-чау это не относится — вопреки всем законам собачьих клубов в них еще имеется сотая доля крови немецких овчарок.

Шотландские терьеры — вот еще одна порода, которую я очень любил и психическую деградацию которой оплакиваю. Лет тридцать пять назад, когда мой шотландский

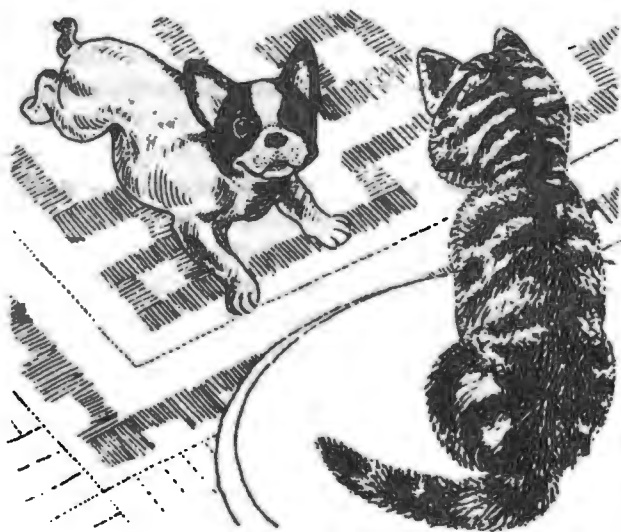
терьер, сука Эли, следовал за мной по пятам, собаки этой породы все без исключения обладали образцовым мужеством и преданностью. Никакая другая собака не защищала меня так доблестно, как Эли, ни одну из них мне не приходилось так часто выручать из схваток с намного более сильными противниками, ни от одной я не должен был спасать столько кошек и ни одна из них, кроме Эли, не залезала за кошкой на дерево! Как-то она загнала кошку на нижнюю развилку сливы, которая росла чуть наклонно. Развилка эта находилась на высоте плеч взрослого человека, но мгновение спустя кошке пришлось перебраться выше, так как Эли одним прыжком взлетела на дерево. Затем Эли вскочила на довольно тонкую ветку, на которой было расположилась кошка, и загнала ее еще выше, но сама не удержалась и свалилась на нижний сук, зацепивший ее заднюю лапу и помешавший упасть прямо на землю. Секунду Эли провисела вниз головой, потом с большим трудом кое-как опять взобралась на развилку и принялась яростно лаять на кошку, которая примостилась на гибкой ветке всего в метре над ней. И вот тут произошло невероятное! Эли отчаянно напрягла все мышцы и взметнулась вверх. Тонкие ветки, конечно, не могли выдержать ее веса, но зато она успела ухватить кошку, которая еще несколько секунд провисела на дереве, изо всех сил цепляясь за свой сучок. Затем они вместе пролетели добрых три метра и шлепнулись на траву, а я бросился на помощь кошке, которую Эли не выпустила, хотя падение и оглушило ее. Кошка осталась цела и невредима, но Эли несколько недель хромала из-за разрыва мышцы в плече, которым она стукнулась о землю. В отличие от кошек собаки отнюдь не всегда падают на четыре лапы.

Таковыми были шотландские терьеры тридцать пять лет назад — ведь Эли вовсе не выделялась среди прочих. А теперь я испытываю гнетущую печаль, когда наблюдаю поведение нынешних изящных, словно вырезанных из черного дерева представителей этой породы на улицах нашей Вены, издавна любившей собак. Я знаю, что моя косматая Эли с кривым ухом, которое пересекал шрам, не могла бы соперничать на выставке с этими холеными красавцами. Но зато

они трепещут перед собаками, которые с визгом пустились наутек, повстречай они Эли.

Еще не поздно. Еще найдутся шотландские терьеры, которые не отступят перед сенбернаром и вцепятся в ногу любого человека, посмеявшегося хотя бы повысить голос на их хозяина. Но их осталось очень мало, и среди медалистов собачьих выставок вы их не найдете. А потому я хотел бы задать следующий вопрос тем, кто занимается разведением собак и искренне интересуется их будущим: разве не стоило бы в виде исключения получить потомство от такой верной и мужественной собаки, даже если бы ее экстерьер заметно отступал гармонично сложенным шедеврам современного прикмахерского искусства?

Глава десятая **ПЕРЕМИРИЕ**

Собаки, даже заядлые охотники, удивительно легко усваивают, что они не должны трогать других животных, обитающих в том же доме. Самые отпетые кошконенавистники, которые, несмотря ни на какие наказания, продолжают гоняться за кошками в саду, не говоря уж об улице, без труда выучиваются не покушаться в доме ни на кошек, ни на других животных. Поэтому я всегда знакоблю своих собак с только что купленными животными у себя в кабинете. Почему собака в стенах дома становится менее кровожадной, я не знаю, но одно несомненно: внутри дома утасует только ее страсть к охоте, но не к дракам. Все мои собаки вели себя очень агрессивно с любой чужой собакой, которая осмеливалась войти в наши комнаты. У меня не было случая проверить эти наблюдения на других собаках, так как я принципиально не беру своих псов с собой, когда иду к друзьям, у которых в доме есть собака. Мной руководит простая деликатность, и не только потому, что собачьи драки нервируют большинство людей (сам я отношусь к ним

спокойно, так как мои псы обычно берут верх), но и потому, что у среднего кобеля появление в его владениях чужого представителя его вида вызывает реакцию, малопривлекательную для хозяйки дома. У собак задирание ноги имеет совершенно четкий смысл — как ни парадоксально, точно тот же, что и соловьиная песня. Это способ обозначения границ своего участка, предупреждение всем чужакам, что они вторгаются на территорию, которая уже кому-то принадлежит. Почти все млекопитающие ставят на своих участках пахучие метки, так как обоняние — одно из наиболее развитых у них пяти чувств. Хорошо воспитанная собака воздержится от такого обозначения территории у себя дома, так как воздух там и без того пропитан и ее собственным запахом и запахом ее владельцев. Но если чужой пес или — что еще хуже — давно известный заклятый враг хотя бы на несколько секунд переступит порог, тормозящее влияние всех этих моментов тотчас исчезает. В этом случае любая не совсем бесхарактерная собака сочтет своим святым долгом уничтожить запах врага, оставив свой более пахучий знак. К негоднованию своего хозяина (и особенно хозяйки), этот чисто плотный комнатный пес отправится в обход дома, бесстыдно задирая ногу у каждого стола, стула или шкафа. Подумайте об этом, прежде чем вы решите навестить владельца собаки в сопровождении своего пса!

Таким образом, миролюбие собаки в ее собственном доме обеспечивает безопасность только потенциальной добычей, но не другим собакам. Возможно, тут мы сталкиваемся с извечной и широко распространенной в мире животных особенностью поведения, а точнее сказать, запретом. Известно, что ястребы и другие хищные птицы не охотятся возле своего гнезда. В непосредственной близости от их гнезд не раз обнаруживали гнезда вяхирей с полностью оперившимися птенцами; существуют подтвержденные сведения, что пеганки выводили утят в обитаемых лисьих норах. О чем-то сообщалось, что они не трогают ланей, выращивающих свое потомство в непосредственной близости от их логова. Мне представляется вполне возможным, что именно этот неписаный закон «перемирия» и объясняет, почему наша домашняя собака у себя дома ведет себя так сдержанно с самыми разными животными.

Однако запрет этот не является абсолютным, и требуются сильные меры воздействия, чтобы молодая собака, полная сил, и к тому же азартный охотник, поняла, что кошка, барсук, дикие кролики, мыши и другие животные, которыми она отныне должна делить внимание своего хозяина, не только не предназначаются для еды, но неприкасаемы, священны и вообще табу! В мою память навсегда врезалось, как много лет назад я принес домой нашего первого котенка (это был Томас I) и попытался внушить моему псу Булли, заядлому охотнику на кошек, что он должен оставить малыша в покое. Когда я вынул котенка из корзинки, Булли бросился ко мне, исполненный радостного предвкушения — он по-особому басисто с подвыванием повизгивал, что делал лишь в редких случаях, а стремительно виляющий обрубок его хвоста почти превратился в смутную полоску. Конечно, Булли не сомневался, что котенка я принес специально для того, чтобы он расправился с ним по-свойски. Его уверенность имела под собой некоторые основания, так как в прошлом я не раз презентовал ему для расправы старых плюшевых мишек или тряпичных собачек, потому что он очень смешно терзал эту добычу. Но теперь, к большому разочарованию Булли, я совершенно ясно дал ему понять, что котенка он трогать ни в коем случае не должен. Булли был на редкость добрым и послушным псом, и я не опасался, что он пренебрежет моим приказом и все-таки набросится на котенка. Поэтому я вмешался, когда он подошел к малышу и тщательно его обнюхал, хотя пес буквально дрожал от возбуждения, и гладкая глянцевиная шерсть на плечах и шее — там, где должна была бы дыбиться грива, — зловеще потемнела и потускнела.

Булли не тронул котенка, но продолжал время от времени оглядываться на меня с басистым визгом, крутить хвостом, как лопастью электрического вентилятора, и пританцовывать на всех четырех лапах. Таким способом он упрямился меня поскорее позволить ему начать желанную игру — погоняться за этой чудесной новой игрушкой, схватить ее и встряхнуть так, чтобы она уже больше не шевелилась. Но я продолжал все более категорически отвечать «Нет!», грозно указательным пальцем, и в конце концов он посмотрел на

меня так, словно сомневался в здравости моего рассудка, спросил последний, презрительно-равнодушный взгляд на котенка, опустил уши, испустил самый глубокий вздох, на такой только способен французский бульдог, вспрыгнул на диван и свернулся там калачиком. С этой минуты он просто перестал замечать котенка, и в тот же день я оставил их наедине очень надолго, зная, что могу положиться на свою собаку. Однако это вовсе не означало, что желание расправиться с котенком у Булли полностью угасло. Наоборот, каждый раз, когда я занимался котенком, и особенно когда брал его на руки, безразличие Булли тотчас исчезало и он кидался ко мне, отчаянно вертя хвостом и так стуча лапами, что пол содрогался. При этом он смотрел на меня с тем же выражением напряженно-блаженного предвкушения, которое озаряло его морду, когда он изнывал от голода, а я вносил в комнату миску с еще не остывшей едой.

В то время я был еще очень молод, но тем не менее меня поразило простодушно-веселое выражение морды собаки, которая всем своим существом жаждала разорвать в клочья крохотного котенка. Я уже хорошо знал признаки собачьей злости, и мне были отлично знакомы те выразительные движения, какими собака демонстрирует ненависть, однако тут я впервые постиг истину, которая и огорчила и утешила меня, а именно: хищник убивает без всякой ненависти. Совершенно ясно (хотя в этом есть какой-то парадокс), что хищник испытывает к животному, которое он намерен убить, примерно те же чувства, какие у меня вызывает предназначенная на ужин ветчина, когда я вдыхаю ее доносящийся из кухни пленительный аромат — залог приятного вечера. Ведь для хищника его жертвы — вовсе не «ближние». Умудрись ты втолковать яву, что антилопа, на которую он охотится, — его сестра, а кролик — что кролик ее брат, они, без сомнения, удивились бы не меньше, чем мы, если бы нам заявили, что наш самый заклятый враг — это человек. Только те существа, которые не сознают, что их добыча подобна им самим, могут убивать, не вызывая осуждения, и вот этой-то безгрешности тщетно ищет человек, когда он пытается забыть, что его жертва — такое же живое существо, как и он сам, или внушает себе, что его враг — настоящий дьявол и заслуживает сострадания даже меньше, чем бешеная собака.

В одной из своих северных повестей Джек Лондон с жуткой реалистичностью описывает простодушную кроваважность хищников. Большая стая волков окружила стоянку путешественника, у которого не осталось больше патронов. По мере того как силы человека иссякают, волки становятся все более дерзкими и свирепыми. В конце концов, не выдержав усталости и долгой бессонницы, он ненадолго засыпает у своего догорающего костра. К счастью, он успевает вовремя проснуться и видит, что кольцо волков придвинулось ближе. Теперь ему хорошо видны их морды, и он вдруг замечает, что их прежнее злобное угрожающее выражение исчезло — носы не наморщены, глаза не прищурены жестоко, клыки не обнажены, уши не прижаты к голове. Рычание смолкло, воцарилась тишина, и повсюду вокруг себя он видит дружелюбные собачьи морды с торчащими ушами и широко раскрытыми глазами. И только когда один из волков нетерпеливо переступает с ноги на ногу и облизывается, путешественник в ужасе осознает жуткое значение этой дружественной успокоенности — волки настолько утратили страх перед ним, что видят в нем уже не опасного врага, а лакомый обед. Я не сомневаюсь, что, сфотографируй меня кто-нибудь «с точки зрения» вышеупомянутой ветчины, мое лицо на снимке тоже источало бы одно благодущие.

Даже много недель спустя самого легкого знака с моей стороны было бы достаточно, чтобы Булли убил юную кошку. Однако, не получая такого разрешения, он не только на нее не нападал, но, наоборот, мужественно защищал ее от других собак. Объяснялось это отнюдь не тем, что он питал к ней симпатию, а, вероятнее всего, следующим взглядом на ситуацию: «Уж если мне не позволяют разделяться с этой мерзкой кошкой в моем собственном доме, так пусть же она и другой собаке не достанется!»

С самого начала котенок не проявлял в присутствии Булли ни малейших признаков страха — верное свидетельство того, что у кошек нет инстинкта, который помогал бы им понять выражение собачьей морды. Я бы — и всякий, кто в них разбирается, — насмерть перепугался этих взглядов, исполненных плохо сдерживаемого нетерпения. Но ко-

иснок и в ус не дул. Не подозревая, как он рискует, малыш постоянно пытался затеять игру, то выдавая бульдогу дружеские авансы, то (что было гораздо опаснее) приглашая его побегать за собой. Он приближался к псу с вкрадчивой миной и тут же пускался наутек в надежде, что тот бросит-ся его догонять. В подобные минуты моему бравому маленькому Булли требовалось все его самообладание, и по его напряженному телу пробегала дрожь подавляемой страсти. Я абсолютно убежден, что кошки, если только у них нет предварительного индивидуального опыта, не понимают движений, которыми собаки выражают свои чувства, хотя эти движения очень сходны с их собственными. Кошки, находящиеся в дружеских отношениях с собаками, живущими в том же доме, доверчиво подходят и к чужим собакам, что может привести — а часто и приводит — к их гибели. Я много раз наблюдал, как такая кошка с бесстрашным простодушием смотрит прямо в глаза незнакомой собаке, хотя та явно вот-вот на нее бросится. Столь же редко и собака, которая дружит с кошкой, понимает смысл пощипывания, принятой рассерженной кошкой, разве что она знает его по прежнему горькому опыту. Удивительно! Ведь, казалось бы, собака может понять ворчание кошки, так похожее на ее собственное.

Как-то мы с Сюзи (ей тогда было семь месяцев) пришли в гости к владельцам большой ангорской кошки, которая встретила мою юную чау-чау выгнутой спиной и мовещим урчанием. Сюзи и ухом не повела, а направилась прямо к кошке и, повиливая хвостом и с любопытством подняв уши, потянулась к ней носом, точно к дружески настроенной собаке. Даже получив первый удар когтистой лапой, она, по-видимому, сочла, что произошла ошибка, и не оставила попытки завязать знакомство. Следующий довольно сильный удар, который обрушился на ее серебристо-серый нос, тоже не обидел ее по-настоящему — она только чихнула, потерла нос мохнатой щечной лапой и презрительно отвернулась от негостеприимной киски.

Через несколько недель отношение Булли к котенку изменилось. Я не знаю, произошло ли это внезапно или

дружба между ними крепла постепенно в мое отсутствие. Как-то я увидел, что Томас опять игриво подобрался к бульдогу и тотчас ударился в бегство. К моему удивлению и ужасу, Булли вскочил и кинулся за котенком, который скрылся под диваном. Втиснув свою большую голову под диван, Булли продолжал лежать в этой позе и на все мои растерянные уговоры только бурно вилял коротким обрубок хвоста. Это отнюдь не означало дружеского расположения к кошке, так как Булли вилял бы с не меньшим пылом, если бы его клыки вонзались в ненавистного врага. Он беспощадно работал бы зубами, а хвостом выражал бы самые лучшие чувства. Какой это поразительно сложный механизм — мозг! Выразительные движения обрубка Булли следовало бы истолковать так: «Милый хозяин, пожалуйста, не сердись, но, к моему большому сожалению, в данную минуту я совершенно не способен отпустить эту мерзкую тварь, даже если ты сочтешь нужным задать мне трепку или — боже упаси! — окатить меня холодной водой». Но теперь Булли вилял не совсем так. А секунду спустя, когда подчиняясь моей команде, он все-таки выбрался из-под дивана, Томас тоже вылетел оттуда, как пушечное ядро, прыгнул на бульдога, вцепился одной лапкой ему в шею, другую запустил в шерсть над глазом и, немыслимым образом вывернув голову, попытался укусить его за горло. На мгновение на ковре передо мной застыла удивительно пластичная группа, точно воспроизводившая известную картину знаменитого художника-анималиста Вильгельма Кунерта, на которой лев убивает буйвола этим же самым артистичным движением.

Булли немедленно подыграв Томасу, весьма убедительно изобразив движения сраженного буйвола. Он тяжело упал на грудь, подчиняясь рывку крохотных лапок, и перекатился на спину с таким убедительным предсмертным хрипом, какой способен испустить только счастливый бульдог или издыхающий буйвол. Когда Булли надоело быть жертвой, он перехватил инициативу, вскочил и стрянул с себя котенка. Тот пустился наутек, но почти сразу же позволил себя догнать, перекувырнувшись в воздухе особым способом, который я опишу позже. И впервые в жи-

я стал свидетелем одной из наиболее очаровательных игр, какие только бывают в мире животных. Контраст форм и движений толстого, глянцевого-черного мускулистого тела собаки и гибкой серой кошачьей фигуры, полосками и стремительностью точно подобной тигру, создавал замечательное зрелище. Такие игры кошек с животными крупнее их для науки интересны тем, что эта система движений пускается в ход для умерщвления добычи и никогда — в драках. Мне приходилось видеть и притворные и настоящие кошачьи драки, и, насколько я могу судить, дерущаяся кошка таких движений не делает. Добыча, в шею которой нападающий вонзает когти, стараясь перегрызть ей горло снизу, должна быть крупнее хищника, но ни наша домашняя кошка, ни ее дикий предок за подобной добычей не охотились. Следовательно, этот очень интересный и, безусловно, вовсе не редкий феномен, вероятно, объясняется тем, что система движений, возникшая в незапамятные времена и широко распространенная у родственных групп животных, для данной группы утратила свою первоначальную функцию поддержания жизни вида. Однако она сохранила наследственный характер, хотя используется теперь только в игре.

После смерти Томаса I прошло много лет, прежде чем мне вновь довелось увидеть, как играющая кошка проделывает движения «убийства буйвола». На этот раз «львом» был серебристый полосатый кот, задушевный друг моей полуторагодовой дочери Дагмары. Кот, вспыльчивый и менее всего добродушный, спускал девочке очень многое и покорно ей подчинялся, когда она принималась таскать его по комнате, хотя он был одного с ней роста, и его прекрасный, в серебристо-черных кольцах хвост всегда волочился по полу, так что рано или поздно Дагмара на него наступала, спотыкалась и падала на свою ношу. Коту, несомненно, делает большую честь тот факт, что даже в этом положении он не кусался и не царапался. Однако он отыгрывался, навязывая Дагмаре роль буйвола. Было на редкость интересно наблюдать, как он подстерегал девочку, а потом прыгал, крепко обхватывал ее лапами и впивался зубами в ту или иную часть ее тела. Но, разумеется, не всерьез.

Она принималась вопить, и тоже больше в шутку. Моя теория, что эти движения представляют собой реликт' былых охотничьих привычек, подтверждается тем, что в игре им предшествует весьма реалистическое ожидание в засаде и подкрадывание.

Дружба между Булли и Томасом выходила далеко за рамки взаимной терпимости, которая повсеместно наблюдается у собак и кошек, живущих в одном доме, и прочность их привязанности доказывалась их встречами вне дома. В этих случаях они обменивались приветствиями — кот слегка урчал, а пес вилял хвостом. Это вовсе не означает, что собаки, которые в доме обходятся с кошками по-дружески, обязательно будут столь же терпимы с ними и на улице. У меня в кабинете наши нынешние собаки вполне мирятся с присутствием нашей довольно ленивой кошки, а Сюзи даже нередко играет с ней, причем кошка совсем не боится собак, крадет у них еду и ловит кончики их хвостов — она слишком апатична, чтобы играть в «льва и буйвола». Однако в других комнатах кошка держится более настороженно и тщательно избегает собак, в лучшем случае дразня их из безопасного места под низким диваном или откуда-нибудь со шкафа. Провоцировать же погоню за собой она всячески остерегается. Во дворе её поведение снова меняется — она проявляет явный страх перед собаками, причем у нее есть для этого все основания, так как Волчик, несомненно, изнывает от желания затравить какую-нибудь кошку. Еще более натянутые отношения существовали между суровым серебристым приятелем Дагмары и моей Стаси. В доме Стаси игнорировала кота, но на дворе начинала охотиться за ним с таким упорством, что, признаюсь, когда он однажды пропал, виновницей этого таинственного исчезновения я счел Стаси.

Если под одной кровлей с собакой живут и другие четвероногие или пернатые, то насколько трудно или легко будет ей справляться со своим охотничьим инстинктом, зависит от того, кто они такие. Даже самого азартного охотника можно быстро приучить к тому, чтобы он не трогал ручных птиц, как следует из ответа пса Красавчика его хозяину Куперу:

Когда твой чиж упал без сил,
Из клетки как-то улетев,
Его я дерзко не схватил,
Дабы не пробудить твой гнев.
Священным был он для меня —
Никак не лакомым куском,
И только перья нежно я
Ему пригладил языком.

Но внушить ему такое же уважение к различным мелким зверькам — задача чрезвычайно сложная. Наиболее соблазнительными собаке, по-видимому, представляются кролики, и тут не следует полагаться даже на тех собак, которые никогда не трогают кошек. Это относится и к моим собакам — Сюзи, например, непонятно почему не проявляет ни малейшего интереса к золотистым хомячкам, но даже не трудится скрывать, как ей хотелось бы прикончить очаровательного тушканчика, который скачет на свободе по моему кабинету и которого ей строго-настрого запрещено трогать. Много лет назад я был несказанно удивлен, когда принес домой молодого ручного барсука и познакомил его с тогдашними моими собаками — свирепыми немецкими овчарками. Я полагал, что этот незнакомый дикий зверь пробудит в них худшие охотничьи инстинкты, но случилось обратное: барсук, который прежде жил у лесника и, несомненно, привык к собакам, бесстрашно пошел на овчарок, и те, хотя обнюхивали его с непривычной осторожностью, с самого начала признали в нем не добычу, а несколько странного члена собачьего племени. Уже через два-три часа они увлеченно играли с ним, и любопытно, что приемы мохнатого новичка оказались слишком грубыми для его тонкокожих товарищей, которые то и дело взвизгивали от боли. И все-таки игра ни разу не перешла в драку. Собаки сразу же положились на осведомленность барсука в соответствующих запретах и позволяли ему валить себя на спину, хватать за горло и «душить» в соответствии с правилами игры, как позволили бы это приятелям-собакам.

Поведение всех моих собак по отношению к приматам было весьма своеобразным. Мне пришлось как следует их вышколить, чтобы сберечь лемунов и особенно очарова-

тельную самочку Макси, за которой собаки, застав ее в саду, продолжали охотиться даже после всех преподанных им уроков. Впрочем, ее это только забавляло, да и они были не так уж виноваты, потому что Макси обожала подкрадываться к ним, щипать за зад или дергать за хвост, чтобы потом удирать на дерево и, расположившись на безопасной высоте, провокационно болтать хвостом над головами разъяренных псов. Еще более двусмысленными были отношения Макси с кошками, и в частности с Пусси, матерью бесчисленного множества котят. Макси была девицей, и хотя я дважды находил ей женихов, замуж она так и не вышла. Ее первый поклонник ослеп почти сразу же после того, как я его купил, жизнь же второго безвременно оборвал несчастный случай. А потому Макси осталась бездетной и, как часто бывает в подобных случаях, завидовала счастливым матерям, обремененным потомством; Пусси же обзаводилась потомством дважды в год. Макси прониклась к котяткам такой же нежной любовью, какую питает к нашим детям моя незамужняя тетушка, но, если жена бывала только рада поручать малышей заботам тети Гедвиги, Пусси смотрела на такие вещи иначе. Она испытывала к Макси глубочайшее недоверие, и та, когда ее охватывало желание ласкать и баловать котенка, должна была прибегать к особой тактике, обычно приносившей ей победу. Как бы тщательно ни прятала Пусси своих детей, как бы бдительно ни сторожила их, Макси все-таки их разыскивала и, бесшумно подкравшись сзади, похищала котенка. Ей было совершенно достаточно одного — двух она никогда не брала. Малыша она держала так, как держат маленьких лемуров их матери — прижимала его к животу задней лапой. Трех свободных лап ей вполне хватало для того, чтобы убежать от кошки и раньше нее вскарабкаться на дерево, даже если та сразу же замечала похитительницу и бросалась в погоню немедленно. Обычно преследование завершалось тем, что Макси с котенком устраивалась на самых верхних ветках, куда кошка не могла за ней последовать, и принималась упоенно его нянчить. Наиболее важную часть церемонии составляли врожденные инстинктивные движения, которыми она приводила в порядок шерстку приемыша. Макси самозабвенно вылизыва-

ни котенка — ему эта процедура очень нравилась — и главное внимание обращала на те части тела, которые у всех младенцев требуют особо тщательного ухода. Конечно, мы старались как можно скорее отобрать у нее котенка, опасаясь, как бы она не уронила его на землю, но этого, по правде говоря, ни разу не произошло.

Возникает любопытный вопрос, ответа на который я так и не нашел: каким образом Макси узнавала в котенке «младенца»? Дело было не в величине: к столь же маленьким, но взрослым зверькам она относилась с полнейшим равнодушием, а когда позже Тита принесла щенят, любвеобильная «тетушка» прониклась к ним такой же нежностью, какой она прежде пылала к котяткам, и ее чувства нисколько не остыли и после того, как быстро развивающиеся овчарки переросли ее вдвое. По моему настоянию Тита — хотя и с большой неохотой — позволяла Макси изливать на щенят ее неудовлетворенную потребность в материнстве. Какие разыгрывались забавные сцены и какие восхитительные игры завязывались между лемуром и молодыми собаками!

Когда родился мой старший сын Томас, Макси восприняла его как наиболее подходящий объект для своих забот и часами просиживала на краю коляски. Люди, не привыкшие к виду лемуров, вероятно, испытывали жутковатое чувство — ведь не всякий сумеет отгадать по далеко не обычному облику этих странных существ, как они на самом деле милы и привлекательны. Непосвященные усматривают что-то призрачное в этих черных личиках с «человеческими» ушами, узким носом, слегка торчащими собачьими зубами и огромными янтарно-желтыми глазами, зрачки которых, как у всех ночных животных, днем сужаются в крохотную чернильно-черную точку. В прошлом зоологи объединяли эту группу животных под названием «лемуры-привидения». Но я поручил бы своего ребенка заботам лемура так же спокойно, как и собственной тете. Макси была способна причинить ему вред не больше, чем та. Однако именно любовь Макси к ребенку и привела к трагическому конфликту — она ревновала его к законным няням и вела себя с ними настолько агрессивно, что пришлось огра-

ничить ее свободу. Ведь когда Макси «присматривала за ребенком», она не подпускала к нему никого, кроме меня.

Совсем не так, как с лемуром, держались мои собаки и кошки с настоящими обезьянами, была ли то крохотная мармозетка или самка-капуцин Глория, которая была чуть побольше домашней кошки.

Существует широко распространенное заблуждение, будто человеческий взгляд обладает странной силой. Маугли волки изгнали из своей стаи именно потому, что не выдерживали его взгляда, и даже пантера, его лучший друг, не могла смотреть ему прямо в глаза. Это суеверие, как и многие другие, хотя и не все, содержит зерно истины. Для птиц и млекопитающих, безусловно, можно считать характерным, что они не смотрят прямо друг на друга или на человека, которому доверяют, то есть не смотрят пристально. Лишь очень немногие животные обладают теми особенностями строения сетчатки, которые позволяют человеку видеть предметы отчетливо. У человека центральный участок сетчатки дает отчетливое изображение, а периферические — размытое; потому-то наши глаза все время переходят с одной точки на другую, по очереди фиксируя на каждой центральную часть сетчатки (центральный ямку). Мы вовсе не видим всю охватываемую нашим взглядом картину одинаково четко, как она получается на фотографии. У подавляющего большинства животных функции центрального и периферических участков сетчатки разделяются не так резко, как у человека. Другими словами, первые дают менее, а вторые — более четкое изображение.

Поэтому животные, как правило, сосредоточивают взгляд на одной точке гораздо реже и на гораздо более короткое время, чем человек. Отправьтесь в длительную прогулку со своей собакой и наблюдайте, часто ли она смотрит на вас прямо. Вы обнаружите, что за несколько часов это произойдет раза два, не больше — и по одной с вами дороге она идет словно бы случайно. На самом же деле собака прекрасно видит хозяина периферическим зрением.

Большая часть животных, способных смотреть обоими глазами одновременно в одну точку, — рыбы, пресмыкаю-

ицы, птицы и млекопитающие — пользуются этой способностью только в моменты большого напряжения, когда их внимание сосредоточено на конкретном предмете. Человек постоянно фиксирует центральный участок сетчатки то на том, то на другом, и мы отмечаем как некую странность, если наш собеседник вдруг «устремит взгляд в пространство». У большинства же животных такой взгляд в никуда — это норма. Если животное надолго остановит свой взгляд на чем-то, это означает либо страх, либо определенные намерения, как правило, не сулящие ничего хорошего объекту его внимания. Фиксирование взгляда у такого животного, в сущности, равносильно взятию на прицел. Желая привести конкретные примеры случаев, когда моя собака смотрит на меня подобным взглядом, я после долгих раздумий могу припомнить лишь три: во-первых, когда я вхожу в комнату с ее миской, во-вторых, во время шутливых драк и, в-третьих, когда я резко ее окликаю. Друг на друга животные смотрят пристально только перед тем, как предпринять решительные действия, или испытывая страх. Поэтому долгий взгляд для них — нечто враждебное и угрожающее, и у человека они его расценивают как признак самых черных намерений. В этом и заключается весь секрет «силы человеческого взгляда». Если я внезапно окажусь в обществе крупного хищника, причем нас не будет разделять решетка, и если, еще не разобравшись в его отношении ко мне, я замечу, что он не спускает с меня взгляда широко раскрытых глаз — как это делает всякий нормальный человек, общаясь с ближними, — тогда, не скрою, я поспешу ретироваться елико возможно быстрее. В этом случае «сила львиного взгляда» окажется весьма значительной.

В соответствии с различиями в строении зрительного аппарата прямой взгляд у человека означает обратное тому, что он знаменует у хищников семейства кошачьих или собачьих. Человек, который не смотрит мне в глаза и все время отводит взгляд, либо замышляет в отношении меня что-то дурное, либо боится меня (ведь смущение — это определенная степень страха). Точно то же справедливо и для животного, которое считает нужным пристально меня рассматривать. Эти наблюдения подсказывают нам, как мы

должны вести себя, имея дело с животными. Тот, кто хочет завоевать доверие робкой кошки, нервной собаки или им подобных, должен взять за правило никогда не устремлять на них пристального взгляда голодного льва. Смотреть нужно мимо, так, чтобы ваши глаза останавливались на них как бы случайно и лишь на самое короткое время.

Глаз же обезьяны устроен, как человеческий. У обезьян глаза тоже посажены в черепе так, что они смотрят прямо вперед и точно таким же образом фокусируются на отдельных предметах. Поскольку обезьяны наделены ненасытным любопытством и в то же время ни тактом, ни дипломатичностью в общении с другими существами не отличаются, они отчаянно действуют на нервы всем остальным высшим млекопитающим, и в особенности собакам и кошкам. То, как эти последние реагируют на обезьян, прекрасно показывает их отношение к человеку. Собаки, кроткие и послушные с человеком, позволяют даже крохотным обезьянам тиранить себя на все лады. Мне ни разу не пришлось защищать моих капуцинов даже от самых сильных и свирепых собак. Наоборот, я нередко бывал вынужден заступаться за собаку. Маленький белолобый капуцин Эмиль, который, несомненно, по-своему очень любил Булли, использовал его попеременно то как верховую лошадь, то как грелку. Если бульдог пробовал хоть в чем-то воспротивиться желаниям этого нахального крошки, он немедленно карался пощечинами или укусами. Ему не разрешалось вставать с дивана, пока Эмиль возле него грелся, а когда наступало время кормить Булли, я всегда прежде удалял Эмиля, иначе он совсем замучил бы бедную собаку, хотя ему и в голову не пришло бы в самом деле съесть неприхотливый собачий обед. В целом собаки ведут себя с обезьянами, словно с избалованными и злыми детьми, которые, как хорошо известно, могут безнаказанно дразнить добродушных собак, и последние не только их не укусят (чего они вполне заслуживают), но даже не зарычат на них.

Все, что я говорил о поведении собак по отношению к детям, в значительной мере относится и к кошкам. Однако кошки далеко не так терпеливы, хотя и сносят от детей много больше, чем от взрослых. Что же касается обезьян,

Томас I, когда Макси таскала его за хвост, без всяких колебаний с шипением и ворчаньем награждал ее оплеухой, и остальные мои кошки не хуже него умели поставить обезьян на место. Возможно, им благоприятствовал тот факт, что обезьянам, согласно моим наблюдениям, свойственен некоторый прирожденный страх перед хищниками семейства кошачьих. Две мои мармозетки были парализованы ужасом при виде чучела тигра в зоологическом музее, хотя обе они родились в неволе и никак не могли иметь в прошлом неприятных встреч с подобными животными. И обе они очень остерегались кошек. Мой капуцин вначале тоже относился к кошкам гораздо почтительнее, чем к собакам, хотя кошки, конечно, были заметно меньше последних.

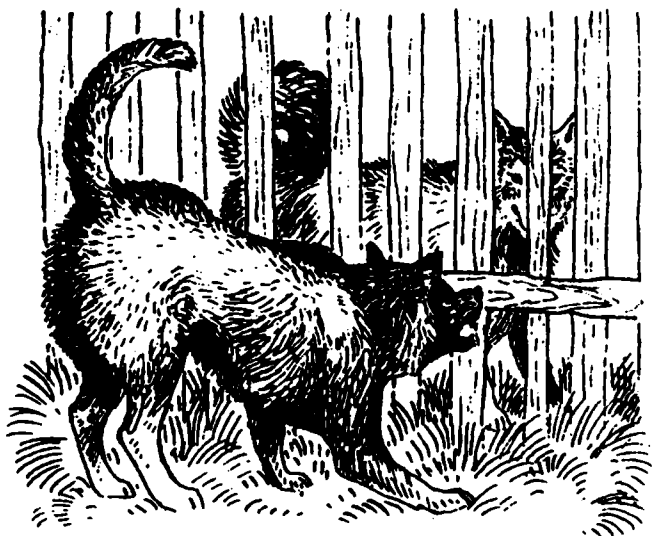
Мне не нравится сентиментальное очеловечивание животных. Меня всегда слегка поташнивает, когда в журнале какого-нибудь общества защиты животных я вижу подпись: «Добрые друзья» (или еще что-нибудь в том же духе), а над ней фотографию, на которой кошка, такса и зарянка едят втроем из одной миски или — это совсем уж нестерпимо, но такую фотографию я видел совсем недавно — сиамская кошка и маленький аллигатор восседают бок о бок, равнодушно игнорируя друг друга. Исходя из своего собственного опыта, я считаю, что настоящая дружба между животными разных видов чрезвычайно редка. По этой причине я и назвал настоящую главу «Перемирие», а не «Дружба животных» или как-нибудь еще в том же роде. Взаимная терпимость — это, безусловно, не синоним дружбы, и даже когда животных объединяет общий интерес (например, когда они играют вместе), все-таки, как правило, нельзя говорить, будто между ними существует истинное доброжелательство и уж тем более прочная дружба. Мой ворон Роа, который пролетал по нескольку километров, чтобы отыскать меня на каком-нибудь дунайском пляже, моя серая гусыня Мартина, которая встречала меня с тем большим восторгом, чем дольше я отсутствовал, мои дикие молодые гусаки Петр и Виктор, которые мужественно защищали меня от наскоков старого гусака, хотя сами смертельно его боялись, — все эти животные действительно были моими

друзьями, то есть наша привязанность была взаимной. Отсутствие подобных чувств между животными разных видов в основном объясняется «языковым барьером». Я уже упоминал о трениях, которые возникают между собаками и кошками потому, что они лишены врожденного понимания смысла даже наиболее важных из демонстрационных движений другого вида — движений, означающих угрозу или гнев. Еще меньше способны они понимать проявления более тонких оттенков дружеских эмоций. Даже отношения Булли и Томаса I, которые благодаря силе привычки и благоприобретенной способности к определенному взаимопониманию достигли кое-какой глубины, все-таки едва ли заслуживают названия дружбы, как и приятельские игры Титы и барсука. И тем не менее отношения этих двух пар наиболее приближаются к истинной дружбе между животными двух разных видов из всего, что мне довелось наблюдать у себя в доме, где на протяжении десятков лет очень много животных самых разных видов жили в состоянии прочного перемирия и в условиях, которые как будто должны были бы способствовать возникновению дружбы.

Правда, мне однажды пришлось стать свидетелем случая, показывающего, что пятнистую дворняжку и трехцветную кошку, которые обитали на ферме неподалеку от нас, связывали совершенно особые узы. Пес был несилен и трусоват в отличие от кошки, которая была намного старше его и, по-видимому, прониклась к нему чем-то вроде материнского чувства, когда он был еще щенком. На этой основе сложилась самая тесная дружба между собакой и кошкой, какая мне известна. Они не только вместе играли, но и вообще предпочитали общество друг друга всему остальному и (этого я больше никогда нигде не наблюдал) отправлялись вдвоем гулять по саду и даже по деревенской улице. Их необычайный союз выдержал самое суровое испытание, какому может подвергнуться дружба. Дворняжка входила в число признанных врагов моего французского бульдога, главным образом потому, что была меньше, чем он, — в отличие от подавляющего большинства других собак — и побаивалась его. Как-то раз Булли настиг пятнистого песика на улице и собрался задать ему хорошую трепку. Хотите верьте, хотите нет, но трехцветная кошка пулей вылетела из дома,

пронеслась через сад, выскочила на улицу, ринулась в бой, через пару секунд обратила Булли в бегство и проехала на исм, точно ведьма на помеле, довольно-таки порядочное расстояние! Если возможны такие подвиги, то тем более нельзя говорить о «дружбе» только потому, что раскормленная и флегматичная городская собака и столь же раскормленная и флегматичная кошка едят из одной миски, не бросаясь друг на друга.

Глава одиннадцатая **ЗАБОР**

Кому не доводилось идти вдоль садового забора, за которым рычит и лает большая собака? Она беснуется, грызет штaketник оскаленными клыками, и кажется, что только он мешает ей вонзить их в ваше горло. Но меня подобные угрозы не пугают, и я всегда открываю калитку спокойно и без малейших колебаний. Собака теряется: не зная, как поступить, она продолжает лаять, но уже не так грозно, и весь ее вид явно показывает, что она никогда не позволила бы себе так неистовствовать, если бы предвидела такое непочтение с моей стороны к святости забора. Бывает даже, что при виде открывающейся калитки она отбегает на несколько шагов и лает уже с безопасного расстояния другим тоном. И наоборот, очень робкая собака или волк, который за прутьями клетки не проявлял никаких признаков враждебности или тревоги, может броситься во вполне реальную атаку, едва кто-нибудь покажется на пороге.

Эти, на первый взгляд противоположные, типы поведения опираются на один и тот же психологический меха-

ним. Каждое животное, и в частности крупное млекопитающее, бежит от более сильного соперника, едва тот приблизится на определенное расстояние. «Дистанция бегства», как назвал это расстояние профессор Хедигер, открывший это явление, увеличивается пропорционально страху, который внушает животному его противник. Можно совершенно точно определить точку, при достижении которой животное пустится наутек, едва враг посягнет на «дистанцию бегства». Кроме того, существует столь же определенная, но значительно ближе расположенная точка, при достижении которой животное вступит в драку с врагом. В естественных условиях подобное вторжение в пределы «критической дистанции» (термин Хедигера) происходит только в двух случаях — либо когда животное захвачено врасплох, либо когда оно по какой-то причине не может обратиться в бегство. Вариантом первой возможности является случай, когда крупное животное, само способное напасть, видит приближающегося врага, но не убегает, а прячется, рассчитывая остаться незамеченным. Если враг его все-таки обнаружит, оно дает отчаянный бой. Именно этот механизм и делает таким рискованным преследование раненой крупной дичи. Нападение на агрессора, который переступит границу критической дистанции, подкрепляется всем мужеством отчаяния и потому наиболее опасно. Такая реакция свойственна отнюдь не только крупным хищникам — она очень развита у хомяка, а загнанная в угол крыса защищается так, что во многих языках возникло выражение «дерется, как загнанная в угол крыса».

Понятия дистанции бегства и критической дистанции помогают объяснить поведение собаки за забором, когда калитка закрыта и когда она открыта. Забор эквивалентен значительному разделяющему расстоянию, собака позади него чувствует себя в безопасности и соответственно исполнена храбрости. Распахивающаяся калитка создает у нее ощущение, что враг вдруг резко приблизился. Это может привести к опасным последствиям для неопытных людей, особенно когда дело касается животных в зоологическом саду, которые долго прожили в неволе и убеждены в неприступности своих клеток. Когда человек отделен от животного преградой, оно чувствует себя в безопасности — его дис-

танция бегства сохраняется полностью. Оно даже готово вступить в дружеский контакт с человеком, стоящим по ту сторону прутьев. Но если этот человек, ободренный тем, что животное только что позволило погладить себя сквозь прутья, неожиданно войдет в клетку, животное может в ужасе кинуться в дальний угол, а может и напасть, потому что и дистанция бегства и критическая дистанция с исчезновением барьера оказались нарушенными. И такое животное будет, разумеется, обвинено в коварстве.

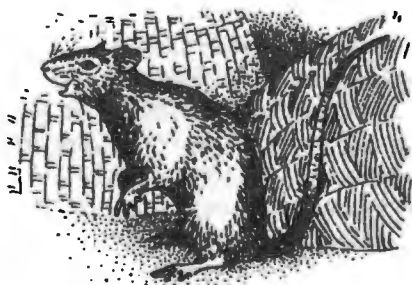
Тот факт, что прирученный волк на меня не бросился (о чем рассказывается ниже), я объясняю моей осведомленностью в этих законах. Как я уже упоминал, однажды я попробовал свести мою чау-чау Стаси с таежным волком, хотя меня отговаривали от этого намерения, так как он слыш в зоопарке чрезвычайно свирепым. Однако я решил рискнуть, но из предосторожности для начала поместил их в две сообщающиеся клетки. Соединяющую их дверь я сначала приоткрыл ровно настолько, чтобы Стаси и волк могли просунуть в щель носы и обнюхать друг друга. После этой церемонии они оба завиляли хвостами, и несколько минут спустя я широко распахнул дверь — и не раскаиваюсь, так как между ними все сразу пошло как по маслу.

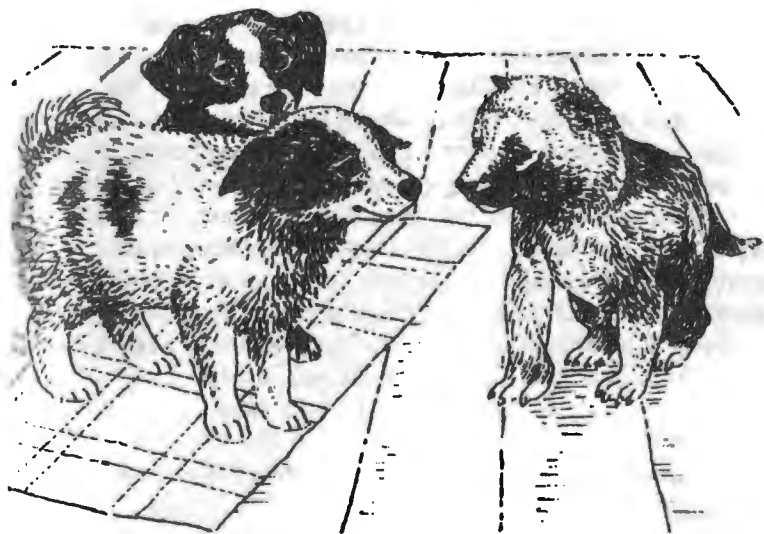
Когда я увидел, что моя Стаси весело играет с гигантским волком, во мне внезапно проснулось желание испытать себя на поприще укротителя диких зверей и тоже войти в «логово» волка. Сквозь прутья он здоровался со мной весьма приветливо, и непосвященным могло бы показаться, что я могу войти к нему, ничем не рискуя. Однако это было бы весьма опасным предприятием, не зная я о сходстве роли прутьев клетки и критической дистанции. Я заманил Стаси и волка в самую дальнюю из ряда клеток, из которых для этой цели эвакуировал пару собак, шакала и гиену. Затем я открыл все соединительные дверцы, медленно вошел в первую клетку и остановился так, чтобы хорошо видеть весь сквозной проход. Ни Стаси, ни волк сначала меня не заметили, так как они стояли в стороне от внутренней дверцы, но вскоре волк заглянул в нее и увидел меня. И тот же самый волк, который прекрасно знал меня, который сквозь прутья лизал мне руки и позволял почесывать ему голову, который, завидев меня, начинал радостно

прыгать, теперь перепугался насмерть, увидев меня в нескольких метрах, не отделенного от него прутьями. Его уши опустились, шерсть на загривке угрожающе встала дыбом, и, опустив хвост между ногами, он с быстрой молнии отскочил от дверцы. Через секунду он вернулся на прежнее место. Вид у него все еще был испуганный, но шерсть уже не щетинилась; он принялся меня разглядывать, чуть-чуть склонив голову набок. Затем его хвост начал коротко вилять, все еще оставаясь между ногами. Я тактично смотрел в сторону, так как пристальный взгляд пугает животных, выведенных из душевного равновесия. В этот момент меня заметила Стаси. Искося поглядывая на анфиладу клеток, я увидел, как она галопом помчалась ко мне, а следом за ней и волк. Признаюсь, на секунду меня охватил жуткий страх, но он тут же рассеялся, когда я обнаружил, что волк приближается ко мне неуклюжей игривой рысцой и словно бы покачивает головой — это, как известно всем наблюдательным любителям собак, означает приглашение поиграть вместе. Поэтому я напряг все мышцы, чтобы выдержать дружеский прыжок огромного зверя, и повернулся боком, рассчитывая избежать известного зловещего удара лапами в живот. Несмотря на эти предосторожности, я отлетел к стене и больно стукнулся. Однако волк держался дружески и доверчиво. Чтобы понять, каково было играть с ним, представьте себе собаку с подвижностью фокстерьера и силой датского дога; во время этой игры мне стало ясно, почему волк нередко бывает способен справиться с целой сворой собак, — как ни приплясывал я по-боксерски, мне то и дело приходилось лететь на пол.

Вторая история о заборе связана с Булли и его заклятым врагом, белым шпицем, жившим в доме, длинный узкий сад которого тянулся вдоль улицы и был огорожен зеленым штакетником метров в тридцать длиной. Два наших героя опрометью носились взад и вперед по обеим сторонам этого забора, заливаясь бешеным лаем и останавливаясь на мгновение у последнего столба, чтобы перед тем как повернуть обратно, обрушить на врага ураганный взрыв обманутой ярости. Затем в один прекрасный день возникла весьма двусмысленная ситуация: забор начали чинить и половину штакетника, расположенную ближе к Дунаю, разобрали, так

что теперь он метров через пятнадцать обрывался. Мы с Булли спустились с нашего холма, направляясь к реке. Шпиц, конечно, нас заметил и уже поджидал Булли, рыча и дрожа от волнения в ближайшем к нам углу сада. Сначала противники по обыкновению обменялись угрозами, стоя на месте, а затем обе собаки, каждая на своей стороне, помчались, как положено, вдоль забора. И тут произошла катастрофа — они не заметили, что дальше штaketник был снят, и обнаружили свою ошибку, только когда добрались до дальнего угла, где им полагалось снова облаять друг друга, застыв в неподвижной позе. Они и встали, вздыбив шерсть и оскалив клыки... а забора-то между ними не оказалось! Лай сразу оборвался. И что же они сделали? Точно по команде, оба повернулись, помчались бок о бок к еще стоящему штaketнику и там вновь подняли лай, точно ничего не произошло.

Глава двенадцатая

МНОГО ШУМА ИЗ-ЗА МАЛЕНЬКОГО ДИНГО

Как-то в пасмурный день 1939 года мне позвонил мой близкий друг, профессор Антониус, директор Шенбруннского зоопарка.

— Вы говорили, что хотели бы дать вашей собаке на воспитание маленького динго. Шесть дней назад одна из наших динго оценилась; приезжайте немедленно и выберите какого хотите...

Услышав эту ошеломляющую новость, я тотчас же бросился в зоопарк, хотя у меня было какое-то важное дело. Я легко заманил совсем ручную и очень добродушную мать-динго в смежное помещение, а сам выбрал из копошившихся в ящике рыжевато-коричневых меховых клубочков единственного кобелька, на котором не было никаких меток, свидетельствовавших о том, что его предки были когда-то спутниками человека.

Динго — очень интересное животное; это единственное крупное млекопитающее, не принадлежащее к подклассу сумчатых, которое было обнаружено на австралийском кон-

тиненте, когда он был открыт. Помимо динго, высшие млекопитающие были представлены там только несколькими видами летучих мышей, каким-то образом перебравшихся в Австралию. Прочие же млекопитающие обитатели этого континента, с очень давних пор пребывавшего в географической изоляции, принадлежали исключительно к сумчатым, во многом еще очень примитивным. Кроме того, там жили еще и люди — темнокожие аборигены, находившиеся на первобытном уровне: они не обрабатывали землю, не имели домашних животных и, видимо, по культурному и духовному развитию стояли заметно ниже своих предков, когда-то поселившихся там. Эти предки, по всей видимости, были такими же хорошими мореходами, как нынешние обитатели Новой Гвинеи. Такой регресс был, возможно, связан с тем, что добывание пищи было для аборигенов сравнительно простой задачей — многие сумчатые глупы, и охота на них не требует большой изобретательности.

Вопрос, является ли динго настоящей дикой собакой или он происходит от домашней собаки, попавшей в Австралию вместе с первыми поселенцами, вызвал много споров. Сам я твердо убежден в правильности второй версии. Всякий, кто хорошо знаком с физическими признаками одомашнивания, ни на мгновение не усомнится в том, что динго — домашнее животное, одичавшее вторично. Утверждение Брема, будто пробежка динго — это пробежка «настоящей дикой собаки, не наблюдающаяся ни у одной домашней собаки», в корне неверно; эскимосские собаки гораздо больше, чем динго, напоминают своими движениями волков и шакалов. К тому же для динго характерны белые «чулки» или звездочки, а кончик хвоста у них почти всегда белый, причем у разных особей эти метки распределяются по-разному — особенность, никогда не наблюдающаяся у всех домашних пород. Я не сомневаюсь, что в Австралию динго привез человек и что динго обособлялся от него по мере того, как культура австралийцев регрессировала. Тот же самый фактор, который, возможно, вызывал этот регресс, — медлительность большинства сумчатых и легкость охоты на них, — вероятно, способствовал и полному одичанию австралийской собаки.

Мне хотелось составить собственное мнение о сущности натуры динго и о его поведении с домашними собаками, а потому я решил вырастить щенка-динго у себя дома. Удобный случай представился, когда Сента, мать Стаси, и самка-динго в Шенбрунском зоопарке забеременели одновременно.

Я как раз засунул моего динго в портфель, когда Антониус внезапно взглянул на часы и воскликнул:

— Боже мой! Мне пора. Я должен быть на похоронах старика Вернера! А вы разве не идете?

Конечно, иду! Тут я вдруг сообразил, что именно это важное дело маячило все время где-то у меня в памяти. Профессор Фриц Вернер был моим учителем, и я питал к нему глубочайшее уважение — в наши дни трудно найти человека, который знал бы животных так, как он. Его узкой специальностью была герпетология, то есть он занимался амфибиями и рептилиями, но в то же время он был выдающимся зоологом широкого профиля и принадлежал к тому ныне почти исчезнувшему типу ученых, которые способны с одного взгляда узнать любое ползающее или летающее существо. Его эрудиция была огромна и охватывала буквально все классы животного мира. Ходить с ним на экскурсии было столь же интересно, сколь и поучительно, потому что он почти без колебаний сразу же называл практически любое живое существо. Те, кто бывал с ним в его многочисленных экспедициях в Северной Африке и на Ближнем Востоке, рассказывали мне, что фауну этих областей он знал не хуже, чем фауну своей родной страны. Вдобавок профессор Вернер с большим успехом разводил животных в неволе, и я получил от него массу сведений о том, как нужно содержать террариумы.

И вот теперь я оказался в весьма затруднительном положении: я хотел отдать последний долг моему глубоко почитаемому учителю, но в то же время мне нужно было как можно скорее доставить динго к его приемной матери в Альтенберг. Однако я был уверен, что щенок будет спокойно спать в теплом гнезде, которое я устроил для него у себя

в портфеле, а потому мы отправились из Шенбрунна прямо на кладбище. Я надеялся затеряться где-нибудь в конце процессии, но профессор Вернер был холостяком и почти не имел родственников, и мы с Антониусом, как ученики покойного, которых он всегда отличал, вынуждены были идти за гробом в первых рядах. И вот, когда мы, полные искреннего горя, стояли перед открытой могилой старого зоолога, из глубины моего портфеля внезапно раздался тонкий пронзительный вопль — вопль щенка, призывающего мать. Я расстегнул портфель и сунул в него руку, чтобы утихомирить маленького динго, но он только завизжал еще пронзительнее. Мне оставалось одно — поскорее скрыться. Я осторожно пробрался сквозь густую толпу, а Антониус, как настоящий друг, последовал за мной. Подавив смех, он сказал:

— Это оскорбило чувства всех, кто там присутствовал... кроме старика Вернера.— И на глазах у него показались слезы.

И как знать? Возможно, из всех, кто стоял у могилы, ближе всех старому профессору были мы с маленьким динго в портфеле.

Приехав в Альтенберг с моим портфелем, я сразу же прошел на террасу, которая на время была отдана в распоряжение Сенты, и преподнес ей австралийского кукушонка. Динго тем временем успел отчаянно проголодаться и теперь непрерывно скулил и повизгивал. Сента услышала его еще издали и направилась мне навстречу, тревожно наострив уши. Собаки видят довольно плохо, да Сента была и не настолько умна, чтобы сообразить, что ее малыши на месте. Жалобные вопли, доносившиеся из портфеля, разбудили в ней материнские инстинкты, и она уже считала невидимого щенка своим.

Я извлек динго на свет и положил посреди террасы, надеясь, что она сама унесет его к себе в ящик. Если вы хотите, чтобы млекопитающая мать приняла чужого малыша, лучше всего подложить его ей перед логовом и в наиболее беспомощном виде. В этом случае копошащееся существо

стимулирует материнский инстинкт гораздо сильнее, и приемная мать скорее всего осторожно унесет к себе сиротку, подброшенного снаружи; если же она обнаружит его среди своих малышей, то воспримет как чужака и съест. В определенной мере такое поведение понятно и с человеческой точки зрения.

Но хотя малыш и унесен в логово, это еще не означает усыновления. У низших млекопитающих, вроде крыс и мышей, чужой детеныш, лежащий у гнезда, нередко вызывает реакцию перетаскивания, но позже, в гнезде, он опознается как чужак и безжалостно пожирается. Еще более элементарно-рефлекторной и, с точки зрения человека, еще менее последовательной представляется та форма материнской реакции прихода на помощь, которая существует у многих птиц. Предположим для примера, что пеганка, ведущая выводок, увидит в руках экспериментатора надрывно пищущего утенка кряквы. Пеганка немедленно с удивительным мужеством бросится на человека и буквально вырвет утенка из его пальцев. Однако в следующую секунду, когда спасенный малыш попытается присоединиться к ее выводку, она накинется на него и, если ей не помешать, закроет его до смерти. Объясняется такое противоречивое поведение очень просто: призывный писк утенка кряквы почти не отличается от писка молодых пеганок, и он чисто рефлекторно вызывает у матери-пеганки стремление прийти утенку на помощь. Однако пушок птенцов кряквы заметно отличается от пушка пеганок, а потому спасенный было утенок воспринимается рядом с ее собственными утятами как чужак, и его вид пробуждает в ней реакцию защиты выводка — также чисто рефлекторную. И маленькая кряква из птенца, которого надо спасти, внезапно превращается во врага, которого необходимо прогнать. Даже у столь высокоразвитого в психическом отношении млекопитающего, как собака, легко может возникнуть такой же внутренний конфликт, вызванный противоположными побуждениями рефлекторного порядка.

Маленький динго поскуливал, и Сента кинулась к нему, явно намереваясь унести его в ящик. Она даже не остановилась обнюхать его, чтобы убедиться, что перед ней дейст-

вительно ее собственный щенок. Вместо этого она сразу же нагнулась над плачущим малышом и широко открыла пасть, готовясь ухватить его для переноса — собаки в этих случаях забирают щенка так глубоко в пасть, что он оказывается позади клыков, которые могли бы его поранить. И в этот момент в ноздри Сенты ударил чужой дикий запах, который динго привез с собой из зоопарка. Она в ужасе отпрянула и при этом выдохнула воздух с каким-то кошачьим шипением — ни до, ни после мне не приходилось слышать, чтобы собаки испускали подобный звук. Однако затем она снова направилась к щенку, осторожно принюхиваясь. Прошло не меньше минуты, прежде чем она коснулась его носом. Но после этого Сента внезапно принялась ожесточенно вылизывать его шкурку — мне были хорошо знакомы эти продолжительные подсасывающие движения ее языка: при обычных обстоятельствах собака слизывает таким образом с новорожденного щенка оболочку плодного пузыря.

Для того чтобы объяснить ее поведение, я должен буду несколько отвлечься. В тех случаях, когда млекопитающие матери поедают своих новорожденных детенышей (это явление наблюдается у домашних животных, например у свиней и кроликов, а иногда и в питомниках, где разводят пушных зверей), причина обычно заключается в какой-то патологии тех реакций, которые приводят к удалению плодной оболочки, а также плаценты и к перегрызанию пуповины. Едва детеныш родится, как мать начинает подсасывающими, лижущими движениями подцеплять складку плодной оболочки таким образом, чтобы захватить ее резцами и аккуратно прокусить. (При этом нос ее сморщивается, а резцы оскаливаются примерно так же, как при «выкусывании» насекомых, когда собака, пытаясь избавиться от паразитов, жует собственную кожу в надежде прихватить при этом одного из своих мучителей.) После того как плодная оболочка таким образом в крывается, мать все глубже и глубже всасывает ее в пасть и постепенно заглатывает; дальше наступает черед плаценты и соединенной с ней части пуповины. На этом этапе покусывание и всасывание замедляются и становятся более осторожными, пока нако-

и свободный конец пуповины не открутится, как кончик сосиски, и не будет высосан досуха. Тут, конечно, операция должна прекратиться. К несчастью, у домашних животных процесс часто на этом не останавливается. В таком случае не только проглатывается пуповина, но и распарывается брюшко новорожденного в области пупка.

У меня была крольчиха, которая продолжала вылизывание до тех пор, пока не съедала печень своего детеныша. Фермеры и кролиководы знают, что свиноматке или крольчихе, которая имеет обыкновение съедать свой приплод, можно в этом воспрепятствовать, если сразу же забрать у нее новорожденных детенышей и подложить их ей обчищенными и сухими несколько часов спустя, когда у нее угаснет потребность поедать плодную оболочку и плаценту. Ясно, что эти животные, несмотря на подобное отклонение, обладают абсолютно нормальными материнскими инстинктами. Другие самки с вполне нормальным поведением, принадлежащие к самым разным видам млекопитающих, избавляются от мертвых или больных новорожденных, поедая их. Движения, которые они проделывают, точно совпадают с теми, к каким они прибегают, поедая плодную оболочку и плаценту, и начинают они, естественно, с пупка.

Мне как-то довелось наблюдать чрезвычайно яркий пример такого поведения в Шенбрунском зоопарке, где жила чета ягуаров — оранжево-желтый самец и великолепная черная самка, которая чуть ли не ежегодно приносила прекрасных здоровых котят, таких же черных, как она сама. В том году, о котором идет речь, у нее родился только один котенок, хилый заморыш. Тем не менее он дотянул до двух месяцев. Как раз в то время я заглянул к профессору Антониусу, и когда мы, прогуливаясь по зоопарку, подошли к клеткам с крупными хищниками, он сказал мне, что ягуаренок последнее время начал хиреть и вряд ли выживет. В ту минуту мать как раз «умывала» его, то есть вылизывала с головы до ног. Возле клетки стояла художница, постоянная посетительница зоопарка, очень любившая животных. Она сказала, что ее очень трогает заботливость, с какой эта

большая кошка ухаживает за своим больным малышом. Но Антониус печально покачал головой и повернулся ко мне:

— Вопрос на экзамене специалисту по поведению животных: что происходит сейчас с самкой ягуара?

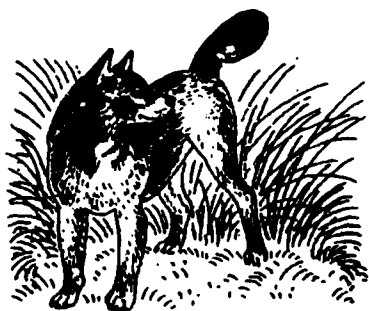
Я сразу понял, на что он намекал. В вылизывании чувствовалась нервная торопливость и в нем проскальзывала тенденция к подсасыванию; кроме того, я заметил, как мать дважды подсовывала нос под брюхо детеныша, метясь языком в пупок. Поэтому я ответил:

— Начинается конфликт между реакцией ухода за пометом и стремлением сожрать мертвого детеныша.

Добросердечная художница отказалась этому поверить, но мой друг согласно кивнул, и, к несчастью, я оказался прав: наутро маленький ягуар исчез бесследно. Мать съела его.

Вот о чем я вспомнил, глядя, как Сента вылизывает маленького динго, и не ошибся в своем заключении. Через минуту-другую она подсунула нос под щенка и перекатила его на спину. Затем она принялась тщательно вылизывать его пупок и вскоре уже начала прихватывать зубами кожу брюшка. Динго взвизгнуло и громко заскулило. Снова Сента в ужасе отпрянула, словно подумав: «Я сделала малышу больно!» Было ясно, что реакция ухода за пометом, «жалость», вызванная визгом, вновь взяла верх. Сента решительно потянулась к голове щенка, словно намереваясь унести его в ящик, но когда она открыла пасть, чтобы взять его, она вновь ощутила странный незнакомый запах и опять принялась торопливо, со все большим жаром вылизывать динго, пока вновь не ущипнула его за живот. Он опять взвизгнуло от боли, и она опять отскочила в ужасе. Потом вновь подошла к нему, но теперь ее движения стали еще торопливее, язык работал еще отчаяннее, а противоположные побуждения сменялись еще чаще — она никак не могла решить, унести ли ей сироту к себе или съесть его, как нежеланного и «неправильно пахнущего» подкидыша. Легко было заметить, какие внутренние мучения испытывает Сента, и вскоре она не выдержала: присев перед динго на задние лапы, она подняла нос к небу и излила свое смятение в долгом волчьем вое. Тут я забрал не только динго, но и всех щенят Сенты, посадил их в картонную коробку возле кухон-

ной плиты и поставил там на ночь, чтобы они хорошенько потерлись друг о друга, перемешав все запахи. Когда на следующее утро я отнес щенят Сенте, она приняла их с некоторым сомнением и пришла в сильное возбуждение. Но вскоре она перетаскала их в конуру, захватив и маленького динго, причем не первым и не последним, а среди прочих. Однако позже она распознала в нем чужака и, хотя не выгнала и даже вскармливала вместе со своими детьми, как-то укусила его за ухо с такой свирепостью, что ухо это навсегда осталось искалеченным и жалобно свисало набок.

Глава тринадцатая

**КАКАЯ ЖАЛОСТЬ, ЧТО ОНА НЕ ГОВОРИТ,—
ВЕДЬ ОНА ПОНИМАЕТ КАЖДОЕ СЛОВО**

**Как впечатлительна натура колли!
Достаточно бывает слова, чтобы
Возликовал он или приуныл.**

У. Уотсон

Домашние животные отнюдь не менее умны, чем их дикие предки, как это иногда считают. Бесспорно, у многих из них органы чувств в известной степени стали работать хуже, а некоторые инстинкты притупились. Но ведь то же относится и к человеку, а человек возвысился над животными не вопреки такой утрате, а благодаря ей. Снижение роли инстинктов, исчезновение жестких рамок, которыми определяется поведение большинства животных, были необходимой предпосылкой для появления особой, чисто человеческой свободы действий. Подобным же образом и у домашних животных угасание некоторых врожденных форм поведения означает не уменьшение способности к ра-

циональным действиям, а новую степень свободы. Еще в 1898 году Ч. О. Уайтмен сказал: «Подобные дефекты инстинкта сами по себе еще не интеллект, но они — та распахнутая дверь, через которую может войти великий учитель (Опыт, принося с собой все чудеса интеллекта).

Выразительные движения и вызываемые ими реакции также принадлежат к инстинктивным, наследственным формам поведения, характерным для данного вида. Все, что животные, ведущие групповой образ жизни, вроде галок, серых гусей или хищников семейства собачьих, «имеют сказать друг другу», относится исключительно к области этих взаимосвязанных видотипичных форм действий и реакций. Р. Шенкель изучил выразительные движения у волков и проанализировал их значение. Если мы сравним «словарь» сигналов, которыми располагает волк для общения с себе подобными, и соответствующие сигналы у наших домашних собак, мы обнаружим те же признаки упрощения и стирания, какие находим и во многих других врожденных видотипичных формах поведения. Возможно, такие движения менее четко выражены (по сравнению с волками) уже у шакалов — этот вопрос пока остается открытым, но ничего удивительного в этом не было бы, поскольку у волков структура сообщества, несомненно, отличается гораздо более высоким уровнем развития, чем у шакалов. У собак волчьей крови, таких, как чау-чау, можно обнаружить все формы выражения эмоций, свойственные волкам, за исключением тех сигналов, которые выражаются движениями или положением хвоста. Хвост чау-чау завернут баранкой, и они физически не в состоянии проделывать эти движения, но тем не менее у них из поколения в поколение передается наследственная тенденция пользоваться специфически волчьими «хвостовыми» сигналами. Все мои полукровки, которые унаследовали от немецких овчарок нормальный зад «дикого образца», проделывают все типичные волчьи движения хвостом, какие никогда не наблюдаются у чистопородных немецких овчарок и других собак с большей или меньшей дозой шакальей крови.

По врожденным выразительным движениям, мимике, осанке и постановке хвоста некоторые из моих собак стоят к волку гораздо ближе, чем остальные европейские породы.

Но даже мои собаки в этом отношении далеко уступают волку — их мимика менее четко выражена, чем у волка, хотя другим собакам до них далеко. Опытному любителю шакальных собак это утверждение может показаться парадоксальным, так как он, без сомнения, подумает об общей способности выражения различных эмоций, но я-то тут говорю только о врожденных движениях. Указанный выше принцип, сводящийся к тому, что ослабление врожденных стереотипов открывает новые горизонты для «вольного изобретения» форм поведения, расширяющих возможности приспособления, нигде не проявляется так ясно, как в способности выражать эмоции. Чау-чау почти так же, как волк, ограничены лишь той мимикой, с помощью которой дикие животные демонстрируют друг другу чувства вроде злобы, покорности или радости, а эти мышечные движения относительно мало заметны — ведь они приспособлены к острому реагированию, которое свойственно диким представителям данного вида. Человек в значительной степени утратил эту способность, так как он располагает хотя и менее тонким, но зато намного более четким средством общения — речью. Поскольку у человека есть дар слова, ему уже не требуется читать по глазам своих ближних малейшие изменения в их настроении. Большинству людей кажется, что мимика диких животных крайне скудна, однако в действительности дело обстоит как раз наоборот. Те, кто привык к шакальным собакам, не понимают чау-чау; точно так же лица жителей Восточной Азии кажутся европейцам непроницаемыми. Однако натренированный глаз способен прочесть по морде сдержанного волка или чау-чау ничуть не меньше, чем наблюдая выразительную мимику шакальных собак. Правда, последние стоят на более высоком интеллектуальном уровне — их мимические движения меньше зависят от врожденных факторов. Они по большей части выучены, а иногда и заново изобретены каждой данной собакой. Собака кладет голову на колено хозяина для выражения своей любви не по велению жесткого инстинкта, а потому такое движение гораздо ближе к человеческой речи, чем «язык», при помощи которого общаются друг с другом дикие животные.

Еще ближе к дару речи стоит использование для выражения чувства какого-то заученного действия, например

протягивание лапы. Многие собаки, обученные «давать лапу», протягивают ее хозяину в определенных ситуациях — скажем, желая умиловить его и прося прощения. Кто не видел, как провинившийся пес тихонько подползает к хозяину, садится перед ним, прижав уши к затылку, и с чрезвычайно смиренной миной неуклюже пытается подать ему лапу. У меня был знакомый пудель, который подавал лапу не только людям, но и другим собакам; правда, это редчайшее исключение, так как при «разговорах» с себе подобными даже собаки, располагающие в общении с хозяином богатым репертуаром индивидуальных средств выражения, пользуются исключительно врожденной мимикой своих диких предков. В целом можно сказать, что чем сильнее развита у собаки способность к независимым, благоприобретенным или свободно «изобретаемым» средствам выражения эмоций, тем в меньшей степени сохраняется у нее видоспецифическая мимика, характерная для диких форм. Так, наиболее одомашненные собаки в среднем наиболее свободны и гибки в своем поведении, хотя индивидуальные способности также играют тут значительную роль.

Очень умная собака, по типу приближающаяся к дикой форме, может при определенных обстоятельствах изобрести более доходчивый и сложный способ выражения того, что ей нужно сообщить, чем собака, менее скованная в своем поведении инстинктами, но зато не такая умная. Отсутствие инстинкта — это дверь, распахнутая перед интеллектом, но отнюдь не сам интеллект.

Все, что тут было сказано о способности собаки выражать свои чувства по отношению к человеку, в еще большей степени относится к ее способности понимать человеческие жесты и речь. Можно не сомневаться, что те охотники, которые первыми в истории человечества установили контакт с дикими собаками, умели гораздо тоньше разбираться в выразительных движениях животного, чем нынешние обитатели городов. В какой-то мере это было их профессиональным качеством, так как охотник каменного века, не умевший разобрать, мирно ли настроен пещерный медведь или раздражен, естественно, никуда не годился. У человека эта способность не была инстинктивной, а представляла собой замечательный плод обучения; развитие

этой способности было подлинным подвигом — и не меньшего подвига мы требуем от собаки, ожидая, что она будет понимать человеческую мимику и речь. Врожденная способность животного понимать выразительные движения и звуки распространяется только на близкородственные виды, и неопытная собака не понимает даже мимики представителей семейства кошачьих. Необходимо помнить об этом, чтобы в должной мере оценить, насколько близка к подлинному чуду способность собаки разобраться в человеческой манере выражения эмоций.

Как ни люблю я волчьих собак вообще и чау-чау в частности, я убежден, что более одомашненные шакальи собаки в целом понимают чувства своих хозяев тоньше и лучше. Моя немецкая овчарка Тита несравненно превосходила в этом отношении всех своих волчьих потомков, так как она сразу понимала, кто мне нравится, а кто — нет.

Среди моих собак смешанной породы я неизменно предпочитал тех, которые унаследовали эту чуткость. Стаси, например, реагировала на любые признаки моего нездоровья и тревожилась не только когда у меня болела голова или я каплял, но и когда я просто бывал в дурном настроении. Свое сочувствие она выражала тем, что умеряла свою обычную бойкую рысцу, с притихшим видом шла строго у моей ноги, то и дело на меня поглядывала и, стоило мне остановиться, прижималась плечом к моему колену. Интересно, что она вела себя точно так же, когда мне случалось хлебнуть лишнего, и моя «болезнь» вызывала у нее такую тревогу, что ее тоскливое волнение, наверное, помешало бы мне стать пьяницей, даже если бы во мне пробудилась такая склонность. Хотя мои собаки благодаря происхождению от немецкой овчарки в значительной мере обладают способностью понимать людей и выражать собственные эмоции, нет ни малейшего сомнения, что эти способности несравнимо больше развиты у некоторых сильно одомашненных шакальих собак. Исходя из моего личного опыта, пальму первенства в этом отношении я отдал бы пуделю, справедливо славящемуся сообразительностью, на второе место я поставил бы немецкую овчарку, некоторых пинчеров и большого шнауцера, однако, на мой вкус, все эти собаки слишком уж утратили свою первобытную хищ-

ную природу. Они настолько «очеловечены», что им не хватает очарования естественности, которое свойственно моим диким «волкам».

Неверно думать, будто собаки понимают только интонацию и глухи к звуковому составу слова. Известный знаток психики животных Саррис неоспоримо доказал это, дав своим трем немецким овчаркам имена Харрис, Арис и Парис. Когда хозяин приказывал: «Харрис (или Арис, или Парис), место!» — вставала и печально плелась к своей подстилке именно та собака, которую он называл. С такой же точностью команда выполнялась и тогда, когда она подавалась из соседней комнаты, что исключало какой-нибудь невольный подсказывающий жест. Мне иногда кажется, что умная собака, привязанная к хозяину, способна узнавать не только отдельные слова, но и целые фразы. Когда я говорил: «Мне пора идти» — Тита и Стаси немедленно вскакивали даже в тех случаях, когда я старательно сохранял нейтральный вид и произносил эту фразу без какой-либо особой интонации. С другой стороны, ни одно из этих слов, произнесенных в другом контексте, не вызывало у них ни малейшей реакции.

Из всех известных мне собак лучше всего умел понимать человеческие слова большой шнауцер Аффи — сука, принадлежавшая иллюстрировавшей со мной эту книгу художнице, в чьей правдивости я не сомневаюсь. Аффи поразному реагировала на слова «Катци», «Шпатци», «Наци» и «Эйхкатци», означающие соответственно «котенок», «воробушек», кличку ручного ежика (в те дни политический термин «наци» еще не вошел в обиход) и «белочка».

Таким образом, владелица Аффи, ничего не зная об эксперименте Сарриса, провела практически такое же исследование и получила аналогичный результат. При слове «Катци» шерсть на загривке Аффи вставала дыбом, и она принималась возбужденно обнюхивать пол, ясно показывая, что ожидает встречи с противником, который будет защищаться. За воробьями она гонялась только в юности, а затем поняла всю безнадежность этих попыток и с тех пор оглядывала их, не двигаясь с места, и смотрела им вслед со скучающим видом. Ежика Наци Аффи ненавидела просто потому, что он был ежом; услышав его кличку, она стрем-

глав бросалась к мусорной куче, где обитал другой еж, рыла лапами сухие листья и лаяла с той бессильной злобой, которую вызывают в собаках эти колючие создания. При слове же «Эйхкатци» Аффи задирала голову и, если не видела белки, начинала перебегать от дерева к дереву; подобно многим собакам с плохим чутьем, она обладала прекрасным зрением и видела дальше и лучше большинства себе подобных. Кроме того, она понимала сигналы, подаваемые рукой, на что способны далеко не все собаки. И еще она знала имена по меньшей мере девяти людей и бежала к ним через комнату, если их называли по имени. При этом она никогда не ошибалась.

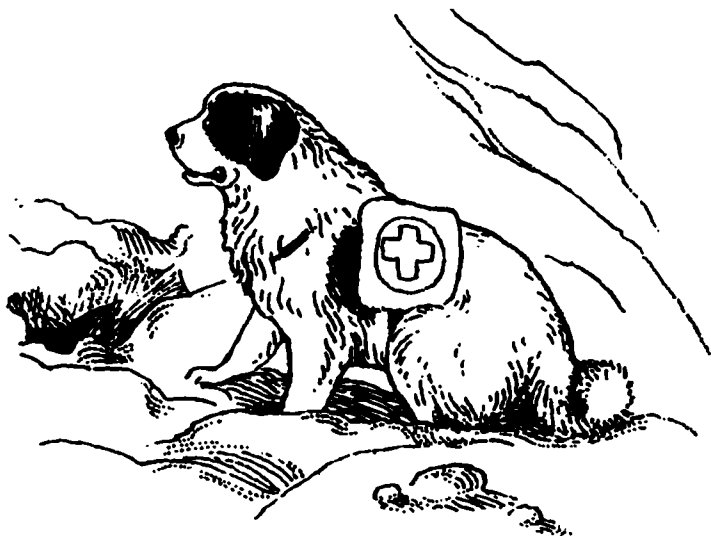
Если эти эксперименты покажутся невероятными зоопсихологу, работающему в лаборатории, ему следует вспомнить, что подопытное животное, находящееся всегда в помещении, получает гораздо меньше качественно различающихся впечатлений, чем собака, повсюду сопровождающая своего хозяина. Собаке гораздо труднее ассоциировать определенное слово с соответствующим действием, которому ее обучили, но которое ей не интересно, чем связать название такой заманчивой добычи, как котенок, воробей и т. д., с самой этой добычей. В лаборатории от собаки редко удастся добиться выполнения столь трудной задачи, как распознавание конкретного слова, потому что у нее отсутствует необходимый для этого интерес: тут слишком мало «валентностей», как говорят зоопсихологи. Любой владелец собаки обязательно сталкивается с поведением, которое невозможно воссоздать в лабораторных условиях. Хозяин говорит равнодушно, не произнося имя собаки: «Не знаю, вывести ее или нет». Но собака уже вскакивает, виляет хвостом и грызает от возбуждения, потому что предвкушает прогулку. Если бы хозяин сказал: «Придется ее вывести», собака поднялась бы послушно, без особого интереса. А скажи хозяин: «Нет, я раздумал ее выводить» — и настороженные было уши печально опустятся, хотя глаза будут по-прежнему с надеждой устремлены на хозяина. И при окончательном решении: «Оставляю ее дома» собака уныло отойдет и снова ляжет. Попробуйте представить себе, какие сложные экспериментальные процедуры потребуются, чтобы добиться аналогичных результатов в искусственных

условиях лаборатории и какой утомительной будет подобная дрессировка!

К сожалению, мне ни разу не случилось подружиться с какой-нибудь человекообразной обезьяной, но госпожа Хейес доказала, что между человеком и такой обезьяной возможен очень тесный контакт, сохраняющийся на многие годы. Подобный контакт, особенно между опытным, критически настроенным ученым и животным, которое связано с ним крепкими узами взаимной привязанности, является лучшей проверкой интеллектуальных способностей такого животного. Бесспорно, мы пока еще не можем сопоставить собаку с человекообразной обезьяной, но лично я убежден, что понимать человеческую речь собака будет лучше, хотя бы обезьяна и превзошла ее в других проявлениях интеллекта. В определенном отношении собака гораздо «человекоподобней» самой умной обезьяны. Как и человек, она — одомашненное существо, и, как и человека, одомашненность одарила ее двумя свойствами: во-первых, освободила ее от жестких рамок инстинктивного поведения, что открыло перед ней, как и перед человеком, новые возможности деятельности, и, во-вторых, обеспечила ей ту непреходящую детскость, которая у собаки лежит в основе ее постоянной потребности в дружеской привязанности, а человеку даже в старости сохраняет ясность и свежесть мысли, о которых Вордсворт писал:

Так было, когда я в жизнь вступал,
Так есть, когда я взрослым стал,
И пусть так будет, когда состарюсь,
Иль пусть умру.

Глава четырнадцатая **ПРАВА ПРЕДАННОСТИ**

Когда-то у меня была увлекательная книжечка фантастических историй, называвшаяся «Рассказы Лыжного Эла на сон грядущий». Под маской забавной чепухи в них пряталась жгучая и подчас жестокая сатира, характерная для американского юмора и не всегда понятная европейцам. В одной из этих историй Лыжный Эл с чувством повествует о подвигах своего друга. Примеры невероятного мужества, ошеломляющего благородства и бескорыстного человеколюбия громоздятся один на другой веселой пародией на американскую романтику Дальнего Запада, завершаясь рядом трогательных сцен, когда этот герой спасает Эла от волков, гризли, голода, холода и прочих бесчисленных опасностей. Рассказ кончается лаконичным сообщением: «Проделывая все это, он отморозил ноги, так что, к сожалению, мне пришлось его пристрелить».

Если в моем присутствии человек хвастает достоинствами своей собаки, я обязательно спрашиваю, где она теперь,

по-прежнему ли с ним. И слишком часто получаю ответ в духе Лыжного Эла: «Нет, мне пришлось от нее отделаться... я переехал в другой город (или сменил квартиру на меньшую, или перешел на другую работу), и мне стало трудно держать собаку». Или еще что-нибудь в том же роде. Меня поражает, как люди, во всех остальных отношениях вполне добропорядочные, нисколько не смущаются, признаваясь в подобном поступке. Они не сознают, что между их поведением и поведением эгоиста, высмеянного в этой истории, нет принципиальной разницы. Собака лишена как бы то ни было прав не только согласно законам, но и из-за бесчувственности многих людей.

Преданность собаки — это драгоценный дар, накладывающий на того, кто его принимает, не меньшие обязательства, чем человеческая дружба. И это следует иметь в виду всем, кто намеревается обзавестись четвероногим другом. Случается, конечно, что собака сама навязывает вам любовь, которой вы не искали, как случилось со мной, когда я, катаясь на лыжах во время отпуска, познакомился с Хиршманом, ганноверской ищейкой. В то время Хиршману было около года и он уже стал типичной собакой, так и не обретшей хозяина, — старший лесничий, которому он принадлежал, любил только старую жесткошерстную легавую и не обращал ни малейшего внимания на несуразного щенка, не обещавшего стать хорошей охотничьей собакой. Хиршман был ласковым, чувствительным псом и побаивался хозяина, что не слишком рекомендует лесничего как хорошего дрессировщика. Но я не составил особенно высокого мнения и о Хиршмане, когда уже на второй день он отправился с нами. Я принял его за подхалима — и ошибся, так как потом выяснилось, что он следовал не за нами, а только за мной одним. Когда однажды утром я обнаружил, что он спит под дверью моей комнаты, я усомнился в своем первоначальном заключении и подумал, не означает ли это зарождения великой собачьей любви. Я опоздал со своей догадкой — клятва верности уже была принесена, и в день моего отъезда собака не захотела от нее отречься. Я попытался поймать Хиршмана и запереть его, чтобы

он не побежал за нами, но он старательно держался в стороне от меня. Дрожа от тоски, опустив хвост, он с безопасного расстояния смотрел на меня, словно говоря: «Я сделаю для тебя все, что ты захочешь, за исключением одного — я тебя не покину!» И я сдался. «Сколько вы возьмете за свою собаку?» — спросил я у лесничего. С его точки зрения, поведение Хиршмана было чистойшей воды предательством, и он ответил резко: «Десять шиллингов!» Это прозвучало как ругательство. Но прежде чем он нашел более весомые слова, десять шиллингов были вложены в его руку, а две пары лыж и две пары собачьих лап уже неслись под уклон. Я знал, что Хиршман последует за нами, но ошибочно полагал, будто, мучимый угрызениями совести, он будет бежать далеко позади, чувствуя, что нарушил запрет. Однако произошло нечто совершенно неожиданное: могучее собачье тело ударило меня в бок, как пушечное ядро, и я шлепнулся на обледенелую дорогу. Далеко не всякий лыжник сумеет удержать равновесие, если на него внезапно налетит огромный пес, обезумевший от восторга. Я недооценил сообразительности Хиршмана, и он исполнил танец радости над моим распростертым телом.

Я всегда относился очень серьезно к ответственности, которую приносит с собой собачья преданность, и горжусь тем, что однажды чуть не погиб (правда, не преднамеренно), спасая собаку, которая провалилась в Дунай при температуре -28°C . Моя немецкая овчарка Бинго, бежавшая по ледяной кромке, поскользнулась и свалилась в реку. Бедный пес не мог зацепиться когтями за лед и выбраться из воды. Собаки быстро устают, когда им приходится карабкаться на слишком крутой берег. Они принимают неловкую, почти вертикальную позу и могут легко захлебнуться и утонуть. Поэтому я забежал вперед — Бинго несло быстрое течение, — лег на лед, чтобы распределить свой вес равномернее, и пополз к воде. Когда Бинго поравнялся со мной, я ухватил его за загривок и рывком вытащил на лед, который не выдержал дополнительной тяжести и обломился, так что я бесшумно нырнул в ледяную воду головой вперед. Бинго в отличие от меня ока-

ишлся на льду головой к берегу и успел быстро перескочить на более надежный припай. Теперь положение стало обратным — Бинго в волнении бежал по кромке льда, а меня уносила река. В конце концов, поскольку человеческая рука лучше собачьей лапы приспособлена для того, чтобы хвататься за скользкие поверхности, я сумел самостоятельно избежать гибели. Мои ноги нащупали дно, и я выбрался на лед.

Мы оцениваем благородство двух друзей, исходя из того, кто из них способен на большую бескорыстную жертву ради другого. В девятнадцатом веке один философ сказал: «Пусть вашей целью будет всегда любить больше, чем любят вас; не будьте в любви вторым». Когда дело касается людей, мне иногда удается выполнить эту заповедь, но в моих отношениях с преданной собакой я всегда оказываюсь вторым. Какие это необычные и единственные в своем роде узы! Вы когда-нибудь задумывались над их необычностью? Человек — существо, наделенное разумом и высокоразвитым чувством моральной ответственности, существо, для которого высшей и благороднейшей верой стала вера в братскую любовь, — именно тут вдруг оказывается менее благородным, чем четвероногий хищник. Говоря так, я вовсе не позволяю себе впасть в сентиментальный антропоморфизм. Даже самая высокая человеческая любовь порождается не рассудком, не специфически человеческим нравственным чувством, а берет начало в гораздо более глубоких и древних чисто эмоциональных, а значит, инстинктивных слоях. Самое безупречное и нравственное поведение утрачивает цену в наших глазах, если оно диктуется только рассудком. Элизабет Броунинг писала:

Любя меня, люби лишь ради
Любви самой.

Даже в наши дни человеческое сердце все еще остается таким же, как у высших животных, ведущих групповой образ жизни, как бы безмерно ни превосходил их человек благодаря своему разуму и нравственному чувству. Факт

остается фактом: моя собака любит меня больше, чем я ее, и это всегда порождает во мне смутный стыд. Собака в любой момент готова пожертвовать за меня жизнью. Если бы на меня напал лев или тигр, Эди, Булли, Тита, Стаси и все мои остальные собаки без малейшего колебания кинулись бы в неравную схватку ради того, чтобы на несколько секунд продлить мою жизнь. А как поступил бы на их месте я?

Глава пятнадцатая
СОБАЧЬЕ НАСТРОЕНИЕ

Сверкающий запах воды,
Добротный запах камней.

Г. Честертон. Песнь Кудла

Не знаю, откуда возникло это выражение. Но я считаю его очень удачным, потому что всегда стараюсь провести день со своей собакой, если встаю с утра в собачьем настроении. Когда я тупею от умственной работы, когда интеллигентные разговоры и необходимость быть любезным с гостями начинают приводить меня в бешенство, а один вид пишущей машинки нагоняет мучительную тоску, как это обычно случается к концу весеннего семестра, тогда я принимаюсь «гонять собак». Я удаляюсь от себе подобных и ищу общества животных — и по следующей причине: среди моих знакомых нет ни одного человека, достаточно ленивого для того, чтобы составить мне компанию, когда мной овладевает это настроение. Ведь я наделен бесценным даром в минуты безмятежного блаженства совершенно от-

ключать свои мыслительные способности, без чего невозможно полное душевное спокойствие. Когда я в жаркий летний день переплываю Дунай и, точно крокодил на отмели, нежусь в тихой заводии величественной реки, среди природы, словно бы не ведающей о существовании человеческой цивилизации, тогда мне изредка удается достичь того чудесного состояния, к обретению которого стремились мудрые буддийские отшельники. Я не засыпаю, но все мои чувства как будто растворяются в гармоничном единении с природой, мысли замирают, время утрачивает смысл, и когда солнце склоняется к закату и вечерняя прохлада заставляет меня вспомнить, что мне еще предстоит одолеть вплавь пять километров, я не могу сообразить, секунды или годы прошли с того мгновения, когда я выбрался на песчаный берег.

Эта животная нирвана — лучшее средство от умственного переутомления, целительный бальзам для душевного состояния современного, торопящегося, вечно чем-то озабоченного человека с истерзанными нервами. Мне не всегда удается обрести такую бездумную безмятежность дочеловеческого рая, но успех бывает вероятнее в обществе четвероногого спутника, все еще полноправного обитателя этого рая. Таковы несомненные и глубокие причины, почему мне нужна собака, которая верно следовала бы за мной, но при этом сохраняла бы дикую внешность, чтобы не портить пейзажа напоминанием о цивилизации.

Вчера уже на заре было так жарко, что о работе — умственной работе — нечего было и думать. День, словно нарочно предназначенный для того, чтобы провести его на Дунае! Я вышел из дому, вооруженный сачком и стеклянной банкой, потому что всегда приношу из таких экскурсий живой корм для моих рыбок. И, как всегда, мое снаряжение послужило для Сюзи сигналом, что я — в «собачьем настроении» и предстоит счастливый день. Она убеждена, что эти прогулки я совершаю только ради нее, и, быть может, она не так уж далека от истины. Сюзи знает, что я не просто позволяю ей сопровождать меня, но и очень дорожу ее обществом. И все же до ворот она идет у самой ноги — а вдруг я про нее забуду? Однако на улице она гордо задирает пушистый хвост и легкой рысцой бежит впереди меня —

се танцующая эластичная пробежка объявляет всем собакам, что Сюзи никого из них не боится, даже когда с ней нет Волка II. С на редкость уродливым псом бакалейщика — надеюсь, бакалейщик этой книги не прочтет — она обычно завязывает короткий флирт. К величайшему неудовольствию Волка II, Сюзи питает некоторую слабость к этому питнистому уродцу, но сегодня ей не до него, и когда он пробует затеять игру, она морщит нос и скалит на него блестящие зубы, а потом бежит дальше, по обыкновению рыча на своих многочисленных врагов за их заборами.

Улица еще в глубокой тени, и утоптанная земля холодит босые ноги, но за железнодорожным мостом, на тропе, спускающейся к реке, ступни тонут в теплой ласковой пыли, которая маленькими облачками взмывает из-под лап бегущей впереди собаки и повисает в неподвижном воздухе. Весело звенят кузнечики и цикады, а на деревне у воды поют иволга и славка-черноголовка. Слава Богу, они еще поют! Значит, лето еще только-только началось! Наш путь лежит через свежескошенный луг, и Сюзи сворачивает с тропки, потому что тут всегда можно со вкусом «помышковать». Ее рысца сменяется своеобразной подпрыгивающей походкой на негнущихся лапах. Голову она держит высоко, весь ее вид выдает радостное возбуждение, а хвост опущен и вытянут над самой землей. В эту минуту она больше всего напоминает голубого песка выше средней упитанности. Внезапно словно высвобождается пружина, и Сюзи описывает в воздухе дугу высотой в метр и длиной в два. Когда она приземляется, вытянув вперед и сведя вместе передние лапы, то молниеносно кусает что-то в низкой траве. Громко фыркая, она ввинчивает нос в землю, а потом поднимает голову и вопросительно смотрит на меня, помахивая хвостом, — мышь ускользнула. Сюзи, несомненно, полна стыда, потому что ее великолепный прыжок на мышь оказался безрезультатным, но зато как она гордится, когда успеваает схватить добычу! На этот раз она продолжает отслеживать свою дичь, однако четыре новых прыжка опять оказываются бесплодными. Полевки поразительно быстры и подвижны. Но вот маленькая чау-чау пролетает по воздуху, как резиновый мяч, и когда ее лапы касаются земли, раздается пронзительный отчаянный писк. Сюзи кусает, затем

быстрым резким движением подбрасывает то, что кусала, и маленькое серое тельце описывает в воздухе дугу. Сюзи — тоже, но более широкую. Оттянув губы, она несколько раз щелкает зубами, а потом берет одними резцами что-то, что пищит и бьется в траве. Затем Сюзи оборачивается ко мне и предъявляет для моего обозрения большую, жирную, сильно помятую мышь, которую держит в челюстях. Я осыпаю ее похвалами и провозглашаю, что она — могучий и грозный зверь, к которому все должны относиться с величайшим трепетом. Мне жалко полевку, но ведь с ней я не был лично знаком, а Сюзи — мой ближайший друг, и мне положено радоваться ее успехам. Тем не менее у меня становится легче на душе, когда она съедает полевку, что оправдывает ее поступок, поскольку охота ради еды — законное право животного. Сначала она слегка жует мышь, превращая ее в плотный бесформенный комочек, потом вбирает глубже в пасть и проглатывает. Больше мышковать ей пока не хочется, и она показывает мне, что мы можем идти дальше.

Тропка приводит нас к реке, где я раздеваюсь и прячу одежду вместе с сачком и банкой. Отсюда наш путь лежит по старому бечевнику — в прежние времена тут шли лошадиные упряжки, тащившие баржи, но теперь бечевник совсем зарос и узенькая тропка вьется среди зарослей высокого золотарника, в гуще которого, увы, прячется крапива и колючая ежевика, так что приходится обеими руками оберегать тело от ожогов и царапин. В этой травянистой чащобе стоит невыносимая сырая духота, и Сюзи с пыхтением бредет за мной, апатично не замечая охотничьих соблазнов, таящихся по сторонам. Мне понятна ее вялость, потому что я сам обливаюсь потом, и я с сочувствием поглядываю на ее густую шерсть. Наконец мы добираемся до места, где я наметил переплыть Дунай. Вода в реке стоит низко, и сначала мы идем по длинной галечной косе. Я осторожно ступаю по камешкам, а Сюзи убегает вперед, забирается в воду и ложится, так что над поверхностью виднеется только ее голова — странный маленький треугольник на фоне речных просторов.

Когда я вхожу в воду, Сюзи подбирается к самой моей спине, тихонько повизгивая, — ей еще не доводилось переплывать Дунай, и его ширина преисполняет ее дурными

предчувствиями. Я стараюсь успокоить ее и делаю несколько шагов вперед. Мне вода пока доходит только до колен, но Сюзи уже приходится плыть, и ее начинает быстро сносить течением. Поэтому я тоже пускаюсь вплавь, хотя мне тут мелко, но теперь я двигаюсь наравне с ней, и, больше не тревожась, она трудолюбиво работает лапами рядом со мной. Собака, которая плывет рядом с хозяином, проявляет немалый ум. Многие собаки никак не могут сообразить, что плывущий человек не сохраняет вертикальной позы, в которой они привыкли его видеть, и в результате, стараясь держаться поближе к его голове, они жестоко царапают ему лапами спину.

А вот Сюзи сразу поняла, что в воде человек принимает горизонтальное положение, и она внимательно следит за тем, чтобы не подплыть ко мне сзади слишком близко. Ширина реки и быстрота течения ее нервируют, и она держится совсем рядом со мной. Потом ее тревога настолько возрастает, что она высоко поднимается из воды и оглядывается на берег, который мы только что покинули. Я опасаясь, что она может повернуть назад, но Сюзи занимает прежнюю позицию и продолжает плыть бок о бок со мной. Вскоре возникает новая трудность: возбуждение и желание как можно скорее пересечь огромную реку в ней так сильны, что она начинает обгонять меня. Я изо всех сил стараюсь не отставать, но это мне не удается, и Сюзи вновь уплывает вперед — только для того, чтобы тут же оглянуться и поспешить назад ко мне. А повернувшись мордой к родному берегу, она в любой момент может поплыть туда, бросив меня, так как для встревоженного животного дом обладает особой притягательной силой. Да и вообще собакам, когда они плывут, трудно менять направление, а потому я испытываю значительное облегчение, уговорив ее снова повернуть в нужную сторону, и прилагаю все усилия, чтобы не отставать от нее и сразу же пресечь ее попытку плыть назад. То, что мои слова, похвалы и поощрения ей понятны и воздействуют на нее,шний раз доказывает мне, насколько ее интеллект превосходит средний собачий уровень.

Мы приближаемся к песчаному откосу, гораздо более крутому, чем на том берегу. Сюзи обогнала меня на несколько метров, и когда она делает первые шаги по суше, я

замечаю, что она приметно покачивается. Эта легкая, длящаяся несколько секунд потеря равновесия, которую я сам испытывал после долгого пребывания в воде, знакома многим пловцам. Однако подходящего физиологического объяснения для нее я не нахожу. Мне довольно часто приходилось наблюдать эту реакцию у собак, но ни разу она не была столь ярко выражена, как у Сюзи в тот день. Во всяком случае, с утомлением она никак не связана — это Сюзи немедленно мне доказывает, бурно радуясь тому, что мы одолели реку. Она в восторге описывает вокруг меня быстрые восьмерки, а затем притаскивает мне палку, и мы затеваем игру — я бросаю палку, а она приносит ее назад. Когда ей надоедает это развлечение, она опрометью кидается к трясогузке, которая сидит на берегу метрах в пятидесяти от нас. Нет, Сюзи не настолько наивна, чтобы надеяться поймать эту птичку, но она прекрасно знает, что трясогузки имеют обыкновение, пролетев десяток метров, снова садиться, а потому с ними приятно поиграть в охоту.

Меня радует веселое настроение моей маленькой приятельницы, так как отсюда следует, что она и впредь будет сопровождать меня в этих плаваниях через Дунай. И я стараюсь всячески вознаградить ее за первое удачное форсирование реки, а для этого нет способа лучше, чем отправиться с ней в длинную прогулку по восхитительному речному берегу, сохраняющему какую-то первозданную дикость. Гуляя там с четвероногим другом, можно узнать много любопытного, особенно если следовать не своим, а его вкусам и наклонностям.

Сначала мы идем вверх по течению у самого края воды, затем огибаем маленькую старицу, у нижнего конца глубокую и прозрачную. Дальше она превращается в цепь крохотных озер, все более и более мелких. В подобных старицах есть что-то тропическое: круглые, в буйных зарослях берега, почти вертикально уходящие в воду, окружены настоящим ботаническим садом — высокие ивы, тополя, дубы заплетены лозами дикого винограда, напоминающими лианы; да и типичные обитатели таких мест — зимородки и иволги — принадлежат к семействам птиц, большинство которых составляют тропические виды. Вода заросла всевозможной болотной растительностью. Тропической кажет-

ся и влажная жара, повисшая над этими джунглями в миниатюре,— вынести ее с достоинством способен только нагой человек, который то и дело окунается в воду. И в заключение признаемся, что созданию тропической иллюзии в немалой степени способствуют малярийные комары и многочисленные слепни.

На широкой полосе ила, окаймляющей старицу, можно увидеть следы разных речных жителей, словно запечатленные в гипсе. Их визитные карточки, отпечатанные в засохшей глине, сохраняются нетронутыми до следующего ливня или до нового подъема воды. Кто говорит, будто в придунайских болотах уже не осталось оленей? Отпечатки копыт свидетельствуют о том, что там бродит еще немало гордых красавцев, хотя осенью уже не слышно их трубного рева — такими осторожными они стали со времени последней войны, заключительная фаза которой разыгрывалась в этих самых лесах. Лисы и олени, ондатры и более мелкие грызуны, бесчисленные кулики-перевозчики, фифи и малые зуйки украсили высохший ил прихотливыми цепочками своих следов. А если эти следы интересны для моих глаз, то насколько увлекательнее они должны быть для носа моей маленькой чау-чау! Она наслаждается пиршеством запахов, которое недоступно нам — беднякам, лишенным чутья. Следы оленей ее не интересуют, потому что Сюзи, к счастью, не охотница до крупной дичи — страсть к мышкованию заслоняет от нее все остальное.

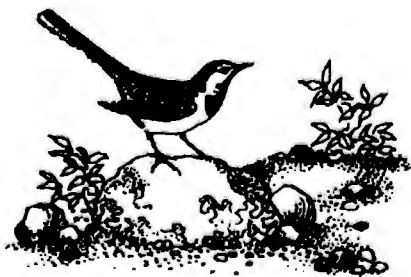
Но запах ондатры — совсем другое дело! Держа нос у самой земли и косо вытянув хвост, она выслеживает этого грызуна до самой его норы, которая после понижения уровня Дуная оказалась над водой. Сюзи сует нос в отверстие, жадно вдыхая упоительный запах дичи, и даже начинает разрывать нору — занятие это совершенно безнадежно, но я не вмешиваюсь, чтобы не портить ей удовольствия. Я лежу, распластавшись на животе в мелкой теплой водичке, подставляя спину палящему солнцу, и вовсе не тороплюсь идти дальше. Наконец Сюзи поворачивает в мою сторону облепленную землей морду. Вилия хвостом и тяжело дыша, она идет ко мне и с глубоким вздохом ложится в воду рядом. Так мы лежим около часа, а потом Сюзи встает и просит, чтобы мы пошли дальше. Мы продолжаем путь вдоль

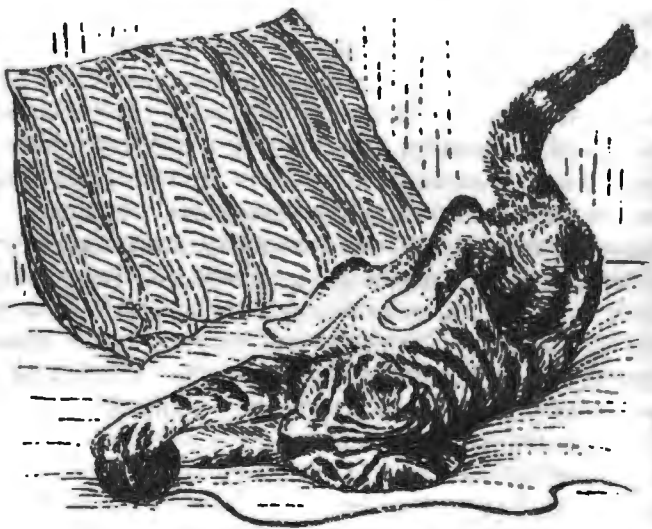
почти уже совсем сухой старицы, обходим пригорок и оказываемся у очередного озера, над которым, не подозревая о нашем приближении — ветер дует в нашу сторону, — сидит огромная ондатра, превосходящая самые смелые мечты Сюзи, гигантская богоподобная крыса, крыса неслыханной величины. Сюзи застывает как статуя, и я тоже. Затем медленно, точно хамелеон, шаг за шагом она начинает подкрадываться к сказочному зверю. Ей удастся подобраться к крысе на удивление близко — пройдена уже половина расстояния, которое нас разделяет. И ведь всегда есть шанс, что ошеломленная неожиданностью крыса прыгнет в полувысохшее озерцо, из которого нет выхода. Нора же ее, вероятно, находится там, куда вода доходила прежде, в нескольких метрах от того места, где она сидит. Но я недооценил этой крысы. Внезапно она замечает собаку и молнией бросается вверх по склону, а Сюзи мчится за ней. Она настолько сообразительна, что не пробует догнать крысу, а старается отрезать ее от норы. И в этот миг Сюзи издает страстный вопль, какой лишь очень редко вырывается из собачьей груди. Возможно, не растрать она энергии на этот вопль, ей удалось бы схватить крысу, потому что их разделяет всего полтора метра, когда та исчезает в спасительной норе.

Полагая, что Сюзи примется разрывать вход в нору, я ложусь в теплую грязь, но маленькая чау-чау только с вожделением обнюхивает его, а потом разочарованно отворачивается и присоединяется ко мне. Как и я, она чувствует, что день достиг своей кульминации: поет иволга, квакают лягушки, а огромные стрекозы, сухо треща крыльями, гоняются за терзающими нас слепнями. Доброй охоты им! Мы продолжаем лежать так до вечера, и я предаюсь такому бездумному покою, что со мной не сравнится ни одно животное, разве что крокодил. Сюзи это надоедает, и за неимением лучшего занятия она начинает преследовать лягушек, которые, обманутые нашей долгой неподвижностью, возобновили свой концерт. Сюзи подкрадывается к ближайшей лягушке и испытывает на этой новой добыче свой «мышиный» прыжок. Но ее лапы с плеском опускаются в воду, а лягушка, целая и невредимая, ныряет в глубину. Смигивая брызги с глаз, Сюзи осматривается — куда же делась лягушка? Она видит ее — во всяком случае ей так

кажется — на середине озера, где шишки водной мяты не-
совершенному собачьему зрению, возможно, представля-
ются лягушачьей головой. Сюзи осматривает подозритель-
ный предмет, наклоня голову сначала налево, потом на-
право, а затем медленно, очень-очень медленно входит в
воду, плывет к растению и кусает его. Оглянувшись со
страдальческим видом, чтобы проверить, не смеюсь ли я
над ее глупой ошибкой, она поворачивает, плывет к берегу
и ложится рядом со мной. Я спрашиваю: «Пошли домой?»,
и Сюзи вскакивает, отвечая «да» всеми средствами, какие
только есть в ее распоряжении. Мы пробираемся сквозь
джунгли прямо к Дунаю. Мы далеко ушли от Альтенберга
вверх по реке, но течение несет нас со скоростью девятна-
дцать километров в час. Сюзи больше не проявляет ника-
кого страха перед этим широким водным пространством и
неторопливо плывет рядом со мной, позволяя течению не-
сти себя. Мы выбираемся на берег возле того места, где я
спрятал одежду, и я торопливо орудую сачком, собирая
вкусный ужин для моих рыбок. Затем мы, довольные и
счастливые, возвращаемся в сумерках по той же тропе. На
мышинном лугу Сюзи на этот раз ждет удача: она ловит
подряд трех жирных полевок, компенсируя свое фиаско с
ондатрой и лягушкой.

Сегодня мне надо ехать в Вену, хотя, судя по прогнозу
погоды, предстоит собачья жара. Мне надо отвезти в изда-
тельство эту главу. Нет, Сюзи, тебе нельзя пойти со мной.
Ты же видишь — я в брюках. Но завтра, Сюзи, завтра мы
снова переплывем Дунай, и если очень постараемся, то, мо-
жет быть, даже поймем ондатру. Ту самую!

Глава шестнадцатая О КОШАЧЬИХ ИГРАХ

Словно бы его призванье
Было только в подражанье.

У. Вордсворт

В некоторых творениях природы непостижимым образом соединяются красота и функциональность, художественное и техническое совершенство — таковы паутина паука, крыло стрекозы, великолепно обтекаемое тело дельфина и движения кошки. Эти последние не могли бы стать лучше, даже если бы их разрабатывал самый гениальный хореограф, и не могли бы стать еще эффективнее даже под руководством создавшего их лучшего из тренеров — борьбы за существование. И кажется, будто кошка сознает красоту своих движений, потому что она словно наслаждается ими и проделывает их только затем, чтобы показать их совершенство. Подобная игра, игра движений, занимает особое место в жизни изящнейшего из животных.

Что такое «игра»? Это один из труднейших вопросов психологии как человека, так и животных. Мы совершенно точно знаем, что имеем в виду, когда говорим, что котенок, щенок или ребенок играет, но дать настоящее определение этому крайне важному виду деятельности чрезвычайно трудно. Все формы игры обладают одним общим свойством: они коренным образом отличаются от «серьезной» деятельности, но в то же время в них прослеживается явное сходство с конкретными, вполне серьезными ситуациями — и не просто сходство, а имитация. Это справедливо даже в отношении абстрактных игр взрослых людей — ведь покер или шахматы позволяют им дать выход определенным интеллектуальным способностям. Однако, несмотря на лежащие в ее основе уподобления, «игра» — понятие чрезвычайно широкое. Она охватывает и чопорный церемониал старинного менюэта, и чурки столярничающего мальчугана. Когда крольчонок от избытка энергии скрадывает след, хотя за ним не гонится никакой хищник, это «игра», и ребенок, который изображает машиниста, тоже играет. Читатель, возможно, уже решил, что ему предстоит выслушать отвлеченную лекцию об общих признаках этого вида деятельности у людей и животных. Но я возвращаюсь к теме, обозначенной названием главы, — к кошачьим играм. Быть может, некоторые наблюдения над конкретными примерами бросят свет на проблему игры.

Котенок играет со своей традиционной игрушкой — клубком шерсти. Он неизменно начинает с того, что трогает его лапкой — сначала осторожно и вопросительно, вытянув ее и загнув подушечку внутрь. Затем он выпускает когти, подтягивает клубок к себе и тут же отталкивает или отпрыгивает назад и припадает к полу. Весь подбравшись, он напряженно поднимает голову и вперяет сверкающий взгляд в игрушку. Затем он опускает голову так внезапно, что кажется, будто он неминуемо должен удариться подбородком о пол. Задние ноги выполняют своеобразные чередующиеся движения — он то переступает ими, то скребет, словно отыскивая твердую опору для прыжка. Внезапно он описывает в воздухе широкую дугу и падает на игрушку, выставив вперед сведенные вместе передние лапы. Если иг-

ра достигла определенной кульминации, он даже может начать кусаться. Котенок снова толкает клубок, который теперь закатывается под буфет, в щель, слишком узкую, чтобы котенок мог пролезть туда. Изящным «отработанным» движением котенок подсовывает под буфет одну лапу и выуживает свою игрушку наружу. Те, кому доводилось хотя раз видеть, как кошка ловит мышь, немедленно замечают, что наш котенок, которого мы разлучили с матерью чуть ли не слепым, проделывает все сугубо специализированные движения, помогающие кошке в охоте на основную ее добычу — на мышей. Ведь для диких кошек мыши — это их «хлеб насущный».

Если мы теперь усовершенствуем игрушку, привязав ее к нитке и подвесив так, чтобы она болталась, котенок продемонстрирует совсем иную систему охотничьих движений. Он высоко подпрыгивает и хватает жертву обеими лапами, сводя их широким захватывающим движением. Во время этого прыжка лапы кажутся неестественно большими, так как когти выпущены, пальцы растопырены, а пять рудиментарные пальцы отогнуты под прямым углом к лапе. Это хватательное движение, которое котята с восторгом проделывают в игре, абсолютно точно, до мельчайших деталей, совпадает с тем движением, которым пользуются кошки, схватывая взлетающую с земли птицу.

Биологический смысл еще одного движения, часто наблюдающегося в игре, менее очевиден, так как практически кошки пользуются им очень редко. Котенок стремительным, направленным вверх ударом вывернутой подушечки с выпущенными когтями подцепляет игрушку снизу, перебрасывает ее через плечо, так что она описывает крутую дугу, и стремительно прыгает за ней. Или же — особенно имея дело с большими предметами — котенок садится перед игрушкой, напряженно выпрямляется, подцепляет ее лапами снизу с обеих сторон и швыряет через голову по еще более крутой дуге. Часто котенок следит за полетом игрушки глазами, делает высокий прыжок и приземляется там же, где падает она. В жизни такие движения используются при ловле рыбы: первая система — для ловли мелкой рыбешки, а вторая — для крупной.

Но еще более интересны и красивы движения котят, играющих либо друг с другом, либо с матерью. Биологический их смысл не так легко объяснить, как смысл охотничьих движений, поскольку, когда кошки играют вместе, инстинктивные движения, практическое применение которых имеет весьма широкий диапазон, проделываются в прихотливом смешении и над одним и тем же объектом.

Притаившись за угольным ящиком, котенок выслеживает своего брата, который уселся посреди кухни и не подозревает об этой засаде. А первый котенок содрогается от нетерпения, точно кровожадный тигр, хлещет себя хвостом по бокам и проделывает головой и хвостом движения, также наблюдающиеся у взрослых кошек. Его внезапный прыжок относится к совсем иной системе движений, назначение которых — не охота, а драка. Вместо того чтобы прыгнуть на своего брата как на добычу — впрочем, это тоже не исключается, — котенок еще на бегу принимает угрожающую позу, выгибает спину и боком приближается к противнику. Второй котенок тоже выгибает спину, и оба некоторое время стоят так, вздыбив шерсть и изогнув хвосты. Насколько мне известно, взрослые кошки подобной позиции по отношению друг к другу никогда не занимают. Каждый котенок ведет себя скорее так, словно перед ним собака, и все-таки их схватка развивается как подлинная драка двух взрослых котов. Крепко вцепившись друг в друга передними лапами, они кувыркаются самым невероятным образом, одновременно дергая задними лапами так, что, будь на месте второго противника человек, у него после игры были бы расцарапаны все руки. Сжимая братца в железной хватке передних лап, котенок энергично бьет его задними лапами с выпущенными когтями. В настоящей драке такие секущие, рвущие удары нацеливаются в незащищенный живот врага, что может привести к самым печальным результатам. Побоксировав немного, котята выпускают друг друга, и тут обычно начинается увлекательная погоня, во время которой можно наблюдать еще одну систему грациозных движений. Когда убегающий котенок видит, что другой его настигает, он внезапно проделывает сальто-мортале, мягким, совершенно бесшумным движе-

нием проскальзывает под своего противника, вцепляется передними лапами в его нежное брюшко, а задними бьет его по мордочке.

Чем же эти игровые движения отличаются от серьезных? Внешнее сходство настолько полно, что даже самый опытный глаз бывает неспособен уловить различие. Но тем не менее такое отличие существует. В этих играх, соединяющих в себе движения поимки добычи, драки с другой кошкой и отражения нападения врага, партнеру, изображающему добычу или противника, никогда не причиняется серьезного вреда. Во время игры стремление кусать и рвать когтями по-настоящему полностью заторможено. В реальных же ситуациях этот запрет утрачивает силу под воздействием эмоций, вызывающих соответствующие двигательные реакции. Конкретное психологическое состояние животного открывает тогда путь для конкретного типа поведения — и только для него. Для игры характерно, что в ней сугубо специфическое поведение не опирается на соответствующее эмоциональное состояние. Всякая игра родственна театральному искусству в том смысле, что играющий «делает вид», будто им владеют эмоции, которых на самом деле он не испытывает. Во время игры самые различные системы движения, служащие самым разным биологическим целям, выполняются без всякого порядка, потому что конкретное эмоциональное состояние, вызывающее каждое из них в действительной жизни, тут полностью отсутствует. Движения драки выполняются без злобы, бегства — без страха, охоты — без желания утолить голод. И неверно, будто в игре реальные эмоции все же присутствуют, хотя и в смягченной форме. Нет, в игре они отсутствуют полностью, и если какая-нибудь из них действительно проснется в одном из участников, игра немедленно прерывается. Потребность играть возникает из другого источника, более общего по своему характеру, чем те частные побуждения, которые в определенных ситуациях обеспечивают необходимой энергией каждое из описанных выше движений.

Однако эта более общая потребность в игре, это желание совершать активные действия ради них самих представляет собой удивительный феномен, свойственный только наибо-

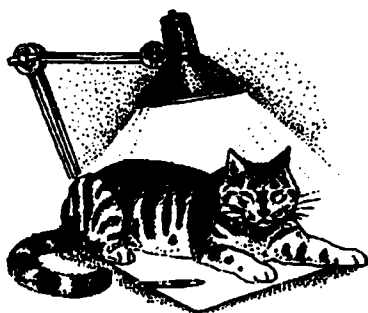
лес психически развитым из всех живых существ. Бриджес очень удачно выразил это в поэтической форме:

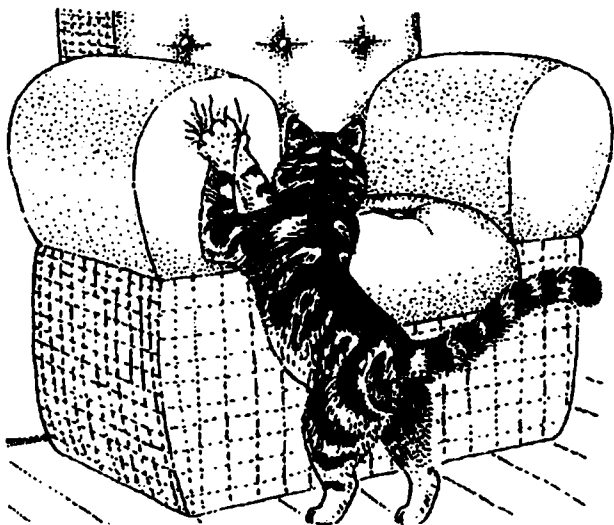
Создавая, познаю
Радость созиданья,
Хоть назавтра она
Станет точно отзвук сна,
Тень воспоминанья.

И не случайно мы бываем растроганы, наблюдая за игрой молодых животных, не случайно игра представляется нам более высоким видом деятельности, чем соответствующие ей серьезные типы поведения, назначение которых — сохранять жизнь вида. Игра отличается от серьезных действий не только негативно, но и позитивно. В игре — особенно у молодых животных — всегда присутствует элемент открытия. Игра типична для развивающегося организма. У сложившегося животного потребность в ней затухает. Я определил игру как «*Vorabmung*» (предварительная имитация), используя термин Карла Грооса, чтобы подчеркнуть, что игровые эквиваленты некоторых врожденных, полученных по наследству движений присутствуют в жизни каждого животного еще до того, как оно начинает применять их в реальных ситуациях. Гроос придает игре большое воспитательное значение и утверждает, что различные движения совершенствуются благодаря частым игровым повторениям. У нас есть серьезные основания усомниться в верности последнего утверждения как общего принципа, поскольку инстинктивные, унаследованные движения развиваются подобно органам и не требуют специальной практики, что полностью подтверждается многочисленными наблюдениями. Собственно говоря, совершенство и грациозность движений, которые проделывает котенок при «ловле мыши» или в других играх, показывают, что эти движения не нуждаются в улучшении и что их вообще уже невозможно улучшить.

Тем не менее игра чему-то учит котенка. Он узнает, как нужно ловить мышь, но что такое мышь. Первое разведывательное движение лапки, протянутой к клубку шерсти, первая, еще сдержанная нерешительная попытка зацепить его когтями заключают вопрос: тот ли передо мной предмет, к которому что-то стремится во мне, который я могу вы-

следить, загнать, поймать и в конце концов съесть? Унаследованный стереотип восприятия добычи, то есть те унаследованные механизмы, которые вызывают «инстинктивные» охотничьи движения, сам по себе прост. Все маленькие круглые мягкие предметы, все, что быстро движется, катясь или скользя, и, главное, все, что «убегает», заставляют кошку автоматически, без какого-либо предварительного опыта проделывать прекрасные, изящные, изысканные движения «поймки мыши».

Глава семнадцатая **ЧЕЛОВЕК И КОШКА**

**Спокойна, сдержанна и терпелива,
Томна, загадочно мудра,
Жестоко беспристрастна.**

У. Уотсон. Этюд в контрастах

Те, кто любит собак, нередко терпеть не могут кошек, а те, кто любит кошек (особенно женщины), не выносят собак. И у тех и у других это, на мой взгляд, свидетельствует об известной мелочности характера — я считаю, что по-настоящему любит и понимает животных только тот человек, которому эти два наиболее близких нам животных внушают равную симпатию. У того, кто любит природу истинной любовью, наибольший восторг и благоговение вызывает бесконечное разнообразие живых существ и бесчисленные способы, которыми природа создает совершенные гармонии.

С точки зрения изучения человеческой психики крайне интересно наблюдать, насколько по-разному ведут себя с

животными равно осведомленные в этой области люди. Все они стремятся узнать животное как можно лучше — ради ли него самого или ради развития науки. Многие натуралисты считают, что влиять на жизнь животных следует как можно меньше, и тщательно избегают каких-либо прямых контактов с ними; так ведут себя орнитологи и фотографы, которые наблюдают за животными из укрытия, причем успешными эти наблюдения могут быть только в том случае, если животное не подозревает о присутствии наблюдателя. Полную противоположность им составляет человек, который вступает с животными в самый тесный контакт, так что животное воспринимает его как особь собственного вида, и это позволяет ему совсем иным способом проникнуть в глубины психики данного вида. Оба метода вполне оправданны, оба имеют свои преимущества и свои недостатки, оба допускают возможность всяческих вариантов и комбинаций. Выбор метода зависит не только от наблюдателя, но и от вида, который он намерен изучать. Чем выше психический уровень животного и чем оно общительнее, тем более необходим для подлинного его понимания личный контакт. Никто не сумеет правильно оценить умственные качества собаки, если сам хоть раз не был объектом собачьей любви; и то же относится ко многим другим животным, ведущим групповой образ жизни, например к воронам, галкам, большим попугаям, диким гусям и обезьянам.

С кошками положение несколько иное — все известные мне настоящие любители собак, кроме того, и прекрасные знатоки их, но сказать того же о любителях кошек я не могу. Духовный мир кошки утончен и дик, он не раскрывается перед людьми, навязывающими животным свою любовь (собаки в этом отношении более податливы). Если владелец животного умеет не навязывать свою любовь насильно, это можно считать неплохим доказательством настоящего понимания животных и природы. Кошка не ведет групповой образ жизни, она остается независимой, дикой маленькой пантерой, и в ее характере нет и следа той инфантильности одомашнивания, которая делает собаку таким благодарным объектом для внимания и баловства. Но многие

любители кошек не понимают этой кошачьей потребности в независимости. Ошибочное утверждение, будто держать большую собаку в городской квартире жестоко, мы слышим постоянно, но о кошках мне этого слышать не доводилось. На самом же деле для собаки квартира — не более чем вместительная конура, поскольку хозяин обычно ходит гулять со своим псом или берет его с собой, когда идет по делу. Для кошки же квартира — это лишь большая клетка. Я не хочу сказать, что для кошек, особенно породистых, такое заключение мучительно, но они, несомненно, утрачивают ту необузданную дикость, которая для меня лично составляет главное их очарование. Я не устаю дивиться тому, что разделяю свой дом с миниатюрными тиграми, которые приходят и уходят, когда им вздумается, которые охотятся и устраивают свои любовные дела так, словно все еще живут первозданной жизнью в диких лесах. Когда утром мой большой полосатый Томас II (наполовину ангорский кот) исключительно возвращался домой львиной походкой, весь в запекшейся крови, с исцарапанной мордой и вновь располосованным многострадальным ухом, мне очень хотелось узнать, кто был его противником в полночном поединке и милости какой дамы они оспаривали. Меня всегда поражало, что добродушное ласковое существо, которое багисто мурлычет у меня на коленях, — это тот же угрюмый разбойник, чьи жуткие вопли я слышал несколько часов назад на улице.

Нестесненная свобода, которой пользуется подобный обитатель вашего дома, ничуть не уменьшает его зависимости от человека. Самые гордые и своенравные из моих котов, хотя они и жили своей особой дикой жизнью и, случалось, по несколько дней не возвращались домой, тем не менее отличались удивительной ласковостью. Если животное ластится к вам, сидит у вас на коленях и терпит, когда вы его гладите, это вовсе не признак подлинной привязанности, особенно когда речь идет о кошке. Есть только один способ узнать, ценит животное ваше общество в действительности или нет, — возьмите его с собой на улицу и пусть оно само решит, остаться ли с вами или пойти своей дорогой. Оба моих молодых кота, Томас I и Томас II, кото-

рых я сам вырастил, узнавали меня на улице, даже когда стали совсем взрослыми. Оба приветствовали меня особым звенящим губным звуком «фрр», которым взрослые кошки выражают искреннюю любовь, и оба сопровождали меня в длительных прогулках по окрестным лесам. Во время подобных экскурсий, конечно, следует учитывать, какой путь выбрала бы сама кошка. Нельзя требовать, чтобы она пересекала широкие открытые пространства, где ей негде укрыться и где она может стать жертвой первой встречной собаки. И вот приходится пробираться через густой подлесок, приспособливая свой шаг к кошачьей походке. Первое время я удивлялся, как быстро утомляется и начинает отставать такое крепкое, здоровое и сильное животное. Кому из моих читателей приходилось видеть, чтобы кошка тяжело дышала и высовывала язык, точно собака? Зрелище поистине редчайшее! Но взрослая, вполне здоровая и полная сил кошка уже через полчаса совершенно выматывается, даже если человек, за которым она следует, идет неторопливым шагом. Поэтому, гуляя с кошками, не подвергайте их подобным испытаниям, или они скоро откажутся от этих прогулок. Однако, если в выборе пути вы учтете вкусы своего полосатого друга и приспособитесь к его шагу, вы сможете увидеть немало любопытного, особенно пропустив его вперед и следуя за ним, бесшумно ступая босыми ногами. Он видит, слышит и чует множество самых разных вещей, которые без него ускользнули бы от вашего внимания. До чего осторожно и опасливо пробирается он вперед, готовый в любой миг обратиться в бегство! К несчастью, наблюдать за тем, как он охотится, удастся очень редко, потому что серьезная охота начинается только в сумерках.

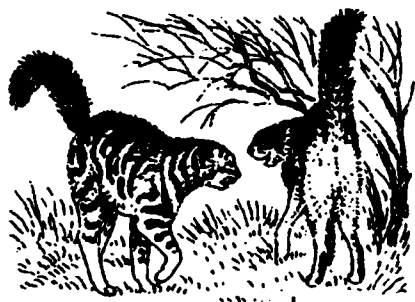
Многие мои коты — и особенно кошки — дома были гораздо ласковее обоих Томасов, но если мы встречались на улице, никто из них не обращал на меня ни малейшего внимания. Они бесцеремонно «показывали мне спину» и не только не приветствовали меня звонким «фрр», но воспринимали как наглую назойливость любую мою попытку присоединиться к ним, сколько бы стараний я ни прила-

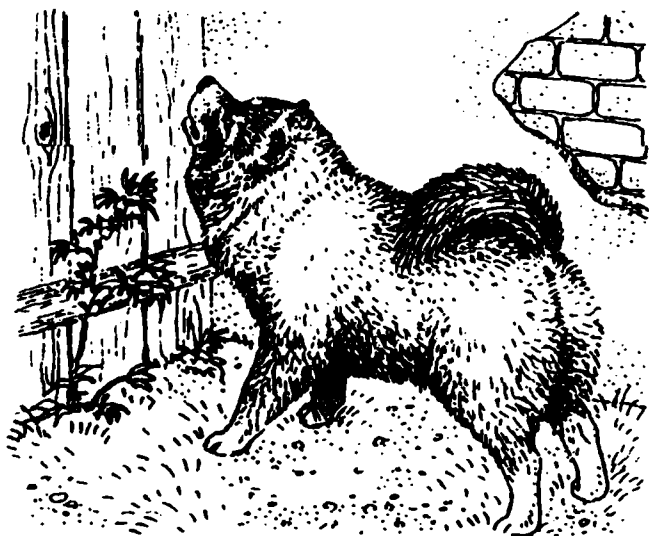
гал, чтобы проделать это незаметно. Совсем иначе вели себя Томас II и его плодовитая супруга Пусси.

Ни одно дикое животное (а кошка — это дикое животное) не в состоянии подарить даже самому симпатичному для него человеку дружбу более горячую, чем та, которую оно способно испытывать к представителю своего собственного вида в естественных условиях. И поскольку взрослый кот принимал человека в спутники в естественных условиях, это наводит меня на мысль, что ни домашняя кошка, ни ее дикие предки не были столь убежденными отшельниками, как принято считать. Судя по моему личному опыту, коты более способны к дружбе, чем кошки, хотя у моей матери когда-то жила супружеская кошачья пара — Уней и Дидона, — и оба они имели обыкновение сопровождать ее в прогулках по лесу.

Я отнюдь не ставлю себе целью доказывать, что кошку нельзя держать в городской квартире. Городские жители и так слишком мало соприкасаются с природой, и красивая неиспорченная кошка, конечно, принесет на городские улицы ее отблеск. Однако я утверждаю, что ощутить все очарование кошки можно, только предоставив ей полную свободу. А мои самые приятные воспоминания о кошках связаны с тихими лесными прогулками в обществе кота. И еще я утверждаю, что завоевать настоящую, а не кажущуюся любовь кошки можно, только если не мешать ей жить на ее собственный лад и тактично искать ее в обществе в естественной для нее обстановке. Одновременно приходится смириться с тем, что, относясь с таким уважением к внутренним потребностям кошки, вы подвергаете ее всем опасностям, которые могут грозить этому маленькому хищнику. Ни один из моих котов не умер естественной смертью. Томас I угодил лапой в капкан и погиб от заражения крови, а Томас II пал жертвой своих охотничьих страстей — он задушил нескольких кроликов во дворе соседнего фермера, и тот, застигнув его на месте преступления, тут же с ним разделался. Но такова уж природа львов, тигров и орлов, что они редко обретают мирный конец. И такова же сущность кошки, за которую я ее люблю, — замкнутого в себе, неукротимого дикого зверя. Как ни странно, именно этим объясняется и «домашняя

уютность» кошки, так как по-настоящему ощущает дом только тот, кто проводит большую часть жизни вне его стен. И мурлыкающая кошка у топящейся печки кажется нам символом домашнего уюта именно потому, что она не пленница, а независимое существо, почти равное мне и просто поселившееся под одной со мной крышей.

Глава восемнадцатая **ЖИВОТНЫЕ, КОТОРЫЕ ЛГУТ**

В следующей главе я докажу, насколько ошибаются те, кто считает кошку — самое гордое и самое честное из всех наших домашних животных — коварной обманщицей. Однако я вовсе не считаю эту неспособность обманывать признаком превосходства кошки. Наоборот, это умение, свойственное собакам, на мой взгляд, доказывает, что они в психическом отношении стоят гораздо выше. Нет никаких сомнений, что умные собаки в какой-то степени умеют притворяться, и ниже я приведу примеры такого поведения, которые я наблюдал.

Мой старый Булли, попадая в глупое положение, прекрасно отдавал себе в этом отчет и в таких случаях проявлял необычайное и совершенно необъяснимое понимание весьма сложных ситуаций. Умные собаки явно знают, когда они оказываются смешными с точки зрения человека. И если над ними при этом смеются, многие из них приходят в ярость или погружаются в уныние. Джек Лондон в своей превосходной «собачьей» повести «Белый Клык» описывает

такую реакцию, используя, очевидно, собственные наблюдения. В то время, о котором я пишу, Булли был уже очень стар, и зрение начало изменять ему, а потому он довольно часто лаял на своих, включая и меня. Я тактично не замечал его ошибки и не делал ему выговора, что повергало его в тягостное смущение. Затем он проделал штуку, которую я считал простым совпадением, но потом убедился, что это было сознательное искажение реальных фактов, то есть плод блестящей работы ума. Я открыл калитку и еще не успел ее притворить, как Булли с громким лаем бросился ко мне. Узнав меня, он на секунду замер в растерянном смущении, а потом, задев мою ногу, помчался дальше к калитке, перебежал дорогу и продолжал яростно лаять у ворот нашего соседа, словно с самого начала адресовал свои угрозы проживавшему там врагу. На этот раз я ему поверил, решив, что краткое смущение мне почудилось и я просто не понял намерений собаки. У нашего соседа и в самом деле был пес, с которым Булли враждовал, а потому он действительно мог облаивать этого пса, а не меня. Однако это начало повторяться чуть ли не каждый день, и я пришел к выводу, что Булли сознательно искал возможность замаскировать тот грустный факт, что он залаял на хозяина. И краткое смущение, когда он внезапно узнавал меня, становилось все короче и короче — просто хочется сказать, что он «лгал» все более и более умело. Теперь нередко случалось, что, узнав меня и пробежав мимо, Булли оказывался там, где и лаять-то было не на что, например в пустом углу двора. Но он останавливался и усердно лаял на глухой забор.

Это поведение можно, конечно, объяснить с помощью физиологического стимула, но, бесспорно, тут участвовал и интеллект собаки, ибо Булли прибегал к точно такой же «лжи» совсем по другому поводу. Ему, как и всем остальным нашим собакам, было запрещено гоняться за домашней птицей, и хотя он страшно негодовал, когда куры принимались клевать из его миски, но не осмеливался их разогнать, вернее, не осмеливался сделать это открыто; он с возмущенным лаем кидался в самую их гущу, так что они бросались врассыпную, отчаянно кудахтая. Булли же, вместо того чтобы погнаться за какой-нибудь курицей и попытаться ее схватить, продолжал бежать по прямой и лаять

точно так же, как в тех случаях, когда он облаивал меня. И точно так же он часто оказывался в таком углу двора, где лаять было абсолютно не на что. Впрочем, в этих случаях у него не хватало сообразительности подобрать себе какой-нибудь другой объект для нападения, помимо кур.

Сюзю изобрела точно такую же хитрость, когда ей было всего семь месяцев. Ей ужасно нравится распугивать дико хлохчущих кур — она прыгает в самую их гущу с залихватским лаем, а затем, ни на секунду не умолкая, мчится дальше в сад. Возвращается она удивительно быстро, с самым невинным видом, но тут же спешит приласкаться ко мне, выдавая, что совесть у нее нечиста, — совсем как маленькая девочка.

Стаси практиковала обман другого рода. Известно, что многие собаки не только чувствительны к физической боли, но и любят, чтобы их жалели, и очень быстро выучиваются злоупотреблять сочувствием мягкосердечных людей. Как-то, когда Стаси сопровождала меня в велосипедной поездке, у нее от переутомления воспалилось сухожилие левой передней лапы. Она захромала, и несколько дней я должен был ходить пешком. Позже я все время следил, не утомилась ли она, и резко снижал скорость, едва она начинала прихрамывать. Стаси очень быстро сообразила, в чем дело, и стоило мне теперь свернуть на дорогу, которая ей не нравилась, как она немедленно начинала припадать на левую лапу. Когда я отправлялся из дому в госпиталь, где ей предстояло несколько часов сторожить мой велосипед, она начинала хромать так жалостно, что прохожие негодуя на меня оглядывались. Однако стоило нам повернуть в сторону манежа, что означало загородную прогулку, как боль в лапе пропадала без следа. Особенно прозрачной эта хитрость становилась по субботам. Утром по дороге на служебный пост бедная собачка еле ковыляла за велосипедом на грех лапах, но днем, когда мы отправлялись на двадцатикилометровую прогулку и я ехал очень быстро, Стаси не бежала позади велосипеда, а мчалась впереди по давно знакомым тропам. Однако в понедельник хромота возвращалась.

В заключение я расскажу две небольшие истории, в которых действуют не собаки, а обезьяны. Тем не менее эти

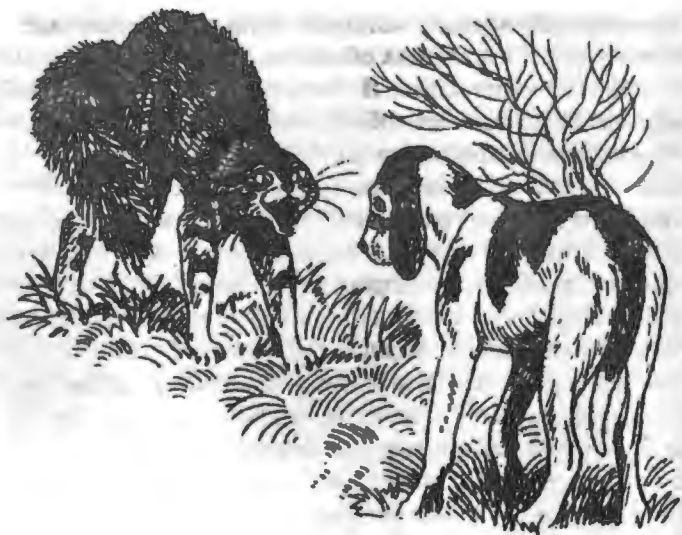
истории тут вполне уместны, так как они доказывают, что наиболее умные животные способны и лгать и понимать, когда им лгут.

Профессор Вольфганг Кёлер, чьи исследования интеллекта шимпанзе принесли ему мировую известность, как-то поставил перед молодым самцом-шимпанзе классическую задачу с подвешенной к потолку гроздью бананов, которую обезьяне полагалось достать, придвинув под бананы стоящий в углу ящик. Шимпанзе осмотрелся, потом повернулся не к ящику, а к профессору и схватил его за руку. Надо сказать, что мимика и жесты шимпанзе на редкость выразительны. Желая позвать куда-нибудь другого шимпанзе или человека, который пользуется их расположением, они испускают просительные звуки и тянут его за руку. Прибегнув к этому методу, молодой шимпанзе повел профессора Кёлера в противоположный угол комнаты. Профессор подчинился настояниям животного, потому что хотел узнать, чем оно так заинтересовалось. Он не заметил, что его ведут прямо к бананам, и разгадал истинные намерения шимпанзе, только когда тот вскарабкался по нему, точно по древесному стволу, энергично оттолкнулся от его лысины, схватил бананы и был таков. Шимпанзе решил задачу новым и более остроумным способом.

Дополнением к этой истории о шимпанзе, который обманул знаменитого психолога, служит история орангутана, которого обманул мой друг Я. Портелье, директор Амстердамского зоопарка. Орангутан был крупным самцом с Суматры. Поймали его уже взрослым, и теперь он жил в очень просторной и высокой клетке. Как все орангутаны, он был ленив, и, чтобы устраивать ему разминку, Портелье дал указание сторожу кормить его понемногу, а еду поставить на верх клетки. Таким образом, обезьяне приходилось карабкаться вверх и вниз всякий раз, когда ей хотелось съесть кусочек банана. По-видимому, имея дело с орангутанами, необходимо каким-то образом имитировать трудности естественной борьбы за существование, чтобы принудить животное побольше двигаться; возможно даже, что психологическое воздействие этой естественной «работы» еще важнее физического. Привычку орангутана залезать за едой под потолок сторожа использовали и для того, чтобы чистить клет-

ку; пока один кормил наверху обезьяну, другой с помощью швабры и ведра воды быстро приводил в порядок деревянный пол. Однажды эта довольно рискованная процедура могла бы привести к весьма печальным последствиям, если бы не присутствие духа и не находчивость Портелье. Пока сторож протирал пол, орангутан внезапно скользнул вниз по прутьям клетки, и прежде чем удалось задвинуть дверь, могучая обезьяна просунула в щель обе руки. Хотя Портелье и сторож напрягали все силы, чтобы задвинуть дверь, орангутан медленно, но верно, сантиметр за сантиметром отодвигал ее назад. Когда он уже почти протиснулся в отверстие, Портелье пришла в голову блестящая мысль, которая могла осенить только подлинного знатока психики животных: он внезапно отпустил дверь и отскочил с громким криком, в притворном ужасе глядя на что-то позади орангутана. Обезьяна стремительно обернулась, чтобы посмотреть, что происходит за ее спиной, и дверь тут же захлопнулась. Орангутан только через несколько секунд сообразил, что тревога была фальшивой, но когда он понял, что его обманули, то пришел в настоящее исступление и, несомненно, разорвал бы обманщика в клочья, если бы дверь не была уже надежно заперта. Он совершенно ясно понял, что стал жертвой преднамеренной лжи.

Глава девятнадцатая КОШАЧЬЯ НАТУРА

Макавити, Макавити, кот гордый и
таинственный;
Коварен он, и вкрадчив он, и в мире
он — единственный.

Т. Элиот

Выражение «кошачья натура» в применении к человеку обычно подразумевает коварство и хитрость — чаще всего это определение дается представительницам прекрасного пола. Я часто старался понять, почему кошка приобрела подобную репутацию. Во всяком случае, ее манера охотиться — бесшумное выслеживание добычи — тут ни при чем, поскольку известно, что львы и тигры охотятся точно так же, однако никому и в голову не придет назвать тигрицей или львицей лживую и злокозненную сплетницу. И наоборот, обычный эпитет львов и тигров — «кроважадный» — никогда не применяется к домашним кошкам, хотя они тоже убивают свою добычу.

В главе «Животные, которые лгут» я изложил все, что мне известно о настоящих обманах, то есть о сознательном притворстве у животных. Я твердо убежден, что подобное поведение представляет собой гигантское, почти невероятное достижение животного интеллекта. Некоторые из моих коллег, возможно, с сомнением отнесутся к приведенным мною примерам и сочтут, что их слишком мало для подтверждения моего вывода о сознательном жульничестве со стороны животных, о которых я рассказал. Однако я ни разу не наблюдал аналогичного поведения у кошек, хотя с этими животными я общаюсь так же тесно, как с собаками, и почти так же долго. И я не знаю ни одного случая типичного поведения кошки, из которого можно было хотя бы по ошибке сделать вывод, что они лживы и коварны. А в то же время существуют животные, которым действительно свойственно поведение, наводящее на мысль, будто они прибегают к сознательному обману, хотя на самом деле ничего подобного нет.

Некоторые собаки настолько пугливы, что ни в коем случае не позволят постороннему человеку дотронуться до себя — я бы даже сказал, что для них это физически невозможно. Подобные собаки нередко принимают приниженную позу, что и приводит к недоразумениям, так как при этом они даже почтительно виляют хвостом. Только опытный наблюдатель заметит, что собака пытается избежать прикосновения и все плотнее прижимается к земле под рукой, которая по непонятной для нее причине стремится ее погладить. Если бестактный человек будет неосторожно продолжать навязывать ей свои ласки, перепутанная собака может утратить власть над собой и молниеносно располозовать бесцеремонную руку. Во многих случаях собачьи укусы относятся именно к такого рода «укусам из страха». Жертвы же подобного нападения особенно обижаются на собаку, потому что та вначале виляла хвостом.

Поведение медведей тоже легко поддается неверному истолкованию, хотя и несколько по-иному, так что этих животных можно заклеить определением «коварные». Медведи живут в одиночку, «внутримедвежьи» отношения развиты мало, а потому мало развиты у них и средства выражения эмоций. Толстая кожа медвежьих морд не способ-

ствуется развитию мимики, маленькие ушки, спрятанные в густой шерсти, не подвергаются опасности во время драк (рассерженный медведь наносит внезапный удар лапой, но не кусает), и потому медведи относятся к весьма малочисленной группе млекопитающих, которые, впадая в ярость, не прижимают ушей к голове. Другие выражения их эмоций тоже не слишком бросаются в глаза, а главное — не похожи на собачьи, и в результате, когда люди соображают, что медведь рассержен, бывает уже поздно. Вдобавок прирученные медведи склонны к ничем не вызванным и непредсказуемым припадкам ярости. Округлые формы и забавная неуклюжесть здорового медведя придают ему внешнее сходство с определенным типом добродушных толстяков, и мы подсознательно не ожидаем внезапных вспышек злобы от такого веселого, толстого и уютного существа. Хорндей, директор одного из американских зоопарков и признанный знаток поведения медведей, называет прирученных медведей самыми опасными из всех содержащихся в неволе животных. «Если твой враг тебе ненавистен, подари ему ручного медвежонка», — благожелательно рекомендует он. В своей прелестной книге «Ум и повадки диких животных» Хорндей описывает действительно ужасные случаи, когда прирученные медведи вдруг выходили из повиновения, причем нередко это были полувзрослые медвежата. Медведь, который, держа уши торчком и не скаля зубов, спокойно ест яблоко из рук хозяина, а секунду спустя бьет его железными когтями по голове, кажется коварным и хитрым, так что утверждение Хорндея, будто медведи всегда носят маску, вполне понятно. Тем не менее оно и неверно, и несправедливо, поскольку медведь в таких случаях вовсе не притворяется. Не его вина, что, принадлежа к животным, живущим в одиночестве, он просто не располагает запасом выразительных движений, с помощью которых другие животные с более выраженным групповым поведением сообщают себе подобным о своих эмоциях.

У якобы «коварной» кошки такие выразительные движения развиты особенно сильно. Мало найдется других животных, по чьей морде опытный наблюдатель может с такой точностью определить их настроение и предсказать, в какие действия, дружеские или враждебные, оно скорее всего

выльется. Морда кошки столь ясно и недвусмысленно отражает мельчайшие оттенки внутреннего состояния животного, что человек, хоть немного знакомый с кошками, сразу может сказать, как данная киска к нему относится. Ведь очень легко понять выражение доверчивого дружелюбия, когда, поставив уши торчком и широко раскрыв глаза, кошка обращает к вам спокойную, ничуть не наморщенную мордочку, и до чего явно мимические мышцы воспроизводят каждую пробуждающуюся эмоцию, например страха или враждебности! Полоски на морде кошки с «дикой раскраской» подчеркивают малейшие движения мимических мышц и усиливают живость выражения. Это одна из причин, почему я предпочитаю домашнюю кошку дикой, «тигровой», окраски всем остальным. Самый легкий зачаток недоверия, которое еще не имеет ничего общего со страхом, — и простодушные круглые глаза становятся миндалевидными и раскосыми, уши отклоняются от вертикали, и наблюдатель сразу понимает, что в психическом состоянии кошки происходит определенная перемена, даже если в ее позе не произошло никаких изменений, а кончик хвоста не начал слегка подергиваться.

Угрожающие позы кошки на редкость выразительны и очень отличаются одна от другой в зависимости от того, кому они адресованы — другу-человеку, который «позволил себе лишнее», или внушающему страх врагу-собаке, а может быть, другой кошке. Далее они различаются в зависимости от того, продиктованы ли они только стремлением защищаться или за ними стоит уверенность животного в себе и готовящееся нападение. Кошки всегда объявляют о своем намерении напасть (за исключением ущербных психопатов, которые встречаются не только среди собак, но и среди кошек) и никогда не кусают и не царапают без предварительного недвусмысленного предупреждения в адрес врага. Обычно степень угрозы в выразительных движениях нарастает постепенно, после чего следует внезапное, преувеличенно угрожающее движение, непосредственно предшествующее атаке. Это, несомненно, ультиматум: «Если ты меня не оставишь в покое немедленно, мне, к сожалению, придется принять соответствующие меры».

Кошка угрожает собакам, да и другим опасным хищникам, выгибая спину. Принимая эту классическую позу, кошка стоит на прямых, напряженно вытянутых ногах и делает все возможное, чтобы казаться как можно выше; шерсть на спине и хвосте у нее топорщится, а хвост она слегка отгибает в сторону так, чтобы враг переоценил его размеры. Уши у кошки прижаты к затылку, уголки рта оттянуты, а нос наморщен. Она издает особое металлическое грудное урчание, которое время от времени переходит в пресловутое «шипение», то есть в сильные выдохи, в момент которых гортань расширяется, а зубы оскаливаются. Эта демонстрация сама по себе носит оборонительный характер и чаще всего наблюдается, когда кошка неожиданно для себя оказывается морда к морде с большой собакой и не успевает убежать. Если собака, пренебрегая этим предупреждением, приблизится к кошке, та не побежит, а бросится в нападение, едва ее враг переступит определенную «критическую черту». Она вцепится в морду собаки, кусая и царапая ее в самых чувствительных местах, целясь в глаза и ноздри. Если же собака проявит нерешительность, кошка обязательно воспользуется этим и убежит. Иначе говоря, такое краткое кошачье нападение имеет целью выиграть время для бегства. Однако существует ситуация, когда нападение, следующее за этой сгорбленной позой, может оказаться серьезным и длительным — я имею в виду кошку, защищающую своих котят. В этом случае она бросается навстречу врагу, когда их еще разделяет значительное расстояние, двигаясь весьма своеобразным галопом, чтобы все время подставлять противнику грозный бок. Реальные ситуации, когда применяется этот боковой галоп с подвернутым хвостом, чрезвычайно редки, но его можно часто наблюдать у играющих котят. У котов мне приходилось видеть это движение только во время игры, так как не существует ситуации, при которой они могли бы воспользоваться им для реальных целей. У кормящей же матери-кошки такое нападение боком означает абсолютную готовность пожертвовать собой, и в этих случаях кошка практически непобедима. Мне приходилось видеть, как огромные псы, передувшие на своем веку немало кошек, перед такой атакой бежали, поджав хвост. Эрнест Сетон-Томпсон

чрезвычайно выразительно описывает очаровательный и, без сомнения, вполне реальный эпизод, когда в Йеллоустонском парке кошка-мать обратила в бегство медведя и гналась за ним до тех пор, пока он в ужасе не вскарабкался на дерево.

Угрозы, которые предшествуют драке между двумя кошками, и особенно котами, носят совсем иной характер, но не менее внушительны и интересны для наблюдения со стороны. Животные стоят друг против друга на вытянутых ногах, но спину почти не горбят и боком не поворачиваются. Они стоят нос к носу, ворча и завывая (звуки эти, несомненно, всем знакомы), и хлещут хвостами. Если не считать этого движения хвостом, коты удивительно долго сохраняют полную неподвижность — иногда по несколько минут. Каждый старается сломить боевой дух противника, действуя по принципу «кто дольше выдержит». Все прочие движения, и особенно продвижение вперед кота, берущего верх, производятся очень медленно. Наступающий кот продвигается за один прием на один-два миллиметра, продолжая жутким голосом выпевать угрозы в самую морду противника, и может пройти очень много времени, прежде чем вспыхнет молниеносная драка, слишком стремительная для человеческого глаза. В рассказе «Королевская Анало-станка» Сетон-Томпсон так ярко описал весь сложный церемониал драки двух котов, что я этого здесь делать не буду, чтобы не впасть в плагиат.

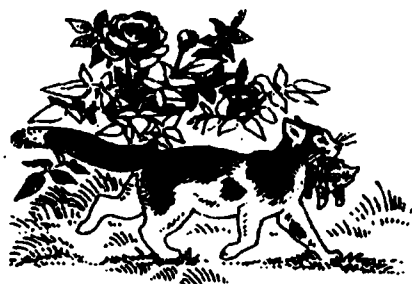
Еще один тип угрожающих движений, связанный не с демонстрацией силы, а с вынужденным смирением, можно наблюдать, когда кошка не в силах больше выносить ласковых поддразниваний хорошо знакомого ей человека. Этот тип заторможенных угроз, сопровождающихся знаками покорности, чаще всего можно наблюдать на кошачьих выставках, где животные оказываются в непривычной обстановке и вынуждены терпеть прикосновения судей и других не знакомых им людей. В этих случаях испуганная кошка припадает на все четыре лапы и постепенно вжимается в пол. Уши у нее угрожающе прижаты к затылку, а кончик хвоста злобно подергивается. Если ей совсем не по себе, она испускает негромкое ворчание. В таком настроении она ищет укрытия и бросается под шкаф, за батарею централь-

ного отопления или — излюбленное место, куда спасаются пациенты из семейства кошачьих в ветеринарных лечебницах, — вверх по дымоходу. Если рядом подходящего укрытия нет, кошка прижмется к стене и ляжет на бок. Ту же позу она примет на столе жюри кошачьей выставки. Поза эта означает готовность бить передними лапами. Чем сильнее испуг животного, тем больше оно ложится на бок, пока наконец не занесет лапу и не оскалит зубы, готовясь перейти к действию. Если страх еще более усилится, эта реакция толкает кошку на последний отчаянный способ самозащиты — она перекатывается на спину, обращая против врага все оружие, каким располагает.

Такой тип поведения часто наблюдается во время судебного осмотра на кошачьих выставках, и самые опытные владельцы кошек удивляются спокойствию, с каким искушенный судья относится к этим угрозам маленькой хищницы, продолжая невозмутимо трогать животное, которое поднимает лапу для удара и заводит яростную горловую песню. Но хотя кошка совершенно четко заявляет: «Не трогай меня, не то я начну всерьез царапаться и кусаться!», в критический миг она все-таки не нападает или же в крайнем случае действует своим оружием лишь вполсилы, ибо тормозящие системы, приобретенные «послупным» ручным животным, способны выдержать даже такое жестокое испытание. Другими словами, кошка вовсе не разыгрывает дружелюбие, с тем чтобы в удобный момент начать царапаться и кусаться, а, наоборот, пускает в ход угрозы, чтобы избавиться от невыносимых (с кошачьей точки зрения) приставаний судьи, но привести эти угрозы в исполнение она не может.

Вот почему я не вижу, как можно приписывать «коварство» кошке — животному, которое выражает свои чувства с предельной ясностью. Единственное объяснение, какое я могу найти этому незаслуженному обвинению в адрес домашней кошки, не слишком лестно для рода человеческого или по крайней мере для его прекрасной половины. Даже не склонный к антропоморфизму наблюдатель, высоко ценящий боевой дух зрелых котов, не может не признать, что мягкое изящество их движений, характерное не только для домашних кошек, но и для всех кошачьих, действительно

напоминает грациозность, присущую женщинам определенного типа, который — в этом и заключается суть моего логического построения — абсолютно недоступен нашему пониманию, пониманию бедных мужчин, но в то же время очень нас привлекает, а потому воспринимается нами как опасный! Именно этот тип женщины, идеально воплощенный в Кармен, навлекает на себя со стороны мужчин те обвинения в лживости и коварстве, которыми переполнена мировая литература, и, по моему глубокому убеждению, кошек называют коварными только потому, что многие женщины, не менее грациозные, чем они, действительно заслуживают такого эпитета.

Глава двадцатая
ЖИВОТНОЕ, НАДЕЛЕННОЕ СОВЕСТЬЮ

За труд свой дар
нечистой совести возьми.

В. Шекспир. Ричард II

Дикое животное, живущее в естественной среде, которая воздействовала на его постепенное развитие на всем протяжении его истории, сохраняет безгрешность, утраченную человеком, покинувшим этот рай. Любое побуждение животного бывает «благим» в том смысле, что все его инстинктивные влечения в конечном счете направлены на благо данной особи или всего вида. У дикого животного в естественных условиях не возникает конфликта между его внутренними склонностями и тем, что оно «должно» делать, — вот эту-то райскую гармонию и потерял человек. Более высокий интеллект обеспечил человеку культурное развитие и, главное, принес с собой дар речи, способность отвлеченно мыслить, накапливать и передавать от поколения к поколению все возрастающие запасы знаний. В результате

историческое развитие человека происходило в сотни раз быстрее, чем чисто органическое, филогенетическое развитие прочих живых существ. Однако инстинкты человека, его врожденные реакции по-прежнему связаны с намного более медленным органическим развитием и отстают от его культурно-исторического развития.

«Естественные склонности» уже не вполне укладываются в рамки человеческой культуры, в которой их практически заменил интеллект. Человек отнюдь не «плюх» от рождения, но он и не вполне отвечает требованиям им же созданного общества. В отличие от дикого животного член человеческого общества уже не может слепо полагаться на свои инстинкты, многие из которых настолько противоречат тому, чего общество требует от индивида, что даже самый простодушный человек не может не осознать, насколько они антиобщественны и антикультурны.

Голос инстинкта, которому дикое животное может повиноваться совершенно спокойно, так как он всегда обещает благо для данной особи и всего вида, для человека превратился в опасного советника, часто подсказывающего ему гибельные поступки,— и он особенно опасен, поскольку говорит на том же языке, что и другие побуждения, которым не только следует, но и должно повиноваться. Поэтому человек вынужден проверять каждое свое побуждение с помощью рассудка и спрашивать себя, может ли он подчиниться этому побуждению без ущерба для созданных им общественных норм. Плоды древа познания вынудили человека отказаться от спокойного, определяемого инстинктами животного существования в узкой экологической нише, но зато они дали ему возможность расширить свою среду обитания до размеров целой Вселенной и задать себе важнейший вопрос: «Могу ли я последовать этой моей внутренней потребности или тем самым я поставлю под угрозу высшие духовные ценности нашего человеческого общества?» Именно сознательная мысль подвела нас к неизбежному выводу, что, будучи членами человеческого общества, мы являемся частью целого, из сознания же этой принадлежности к такому целому рождается совесть, которая ставит нас перед неизбежным вопросом: «Что произойдет, если я удовлетворю все желания, которые владеют

мной сейчас?» Таков биологический вариант кантовского категорического императива: могу ли я возвысить законы, управляющие моими поступками, до ранга общего закона природы или результат окажется противоречащим рассудку?

Истинная мораль в высшем человеческом понимании этого слова предполагает такой интеллект, которого нет ни у одного животного, и наоборот, моральная ответственность человека не могла бы возникнуть, если бы она не опиралась на определенные эмоциональные основы. Даже у человека ощущение ответственности уходит корнями в глубокие инстинктивные слои его психики, и он не может безнаказанно выполнять все требования холодного рассудка. Хотя этические побуждения как будто вполне оправдывают какое-то отдельное действие, внутренние чувства все-таки могут восставать против него, и горе человеку, который в подобном случае послушается голоса рассудка, а не голоса чувств. В связи с этим я расскажу небольшую историю.

Много лет назад, когда я работал в Институте зоологии, под моей опекой находилось несколько молодых удавов, которых кормили умерщвленными мышами или крысами. Взрослая мышь вполне насыщает молодого питона, и дважды в неделю я убивал по мыши для каждого из моих шести подопечных, которые без возражений брали свой обед у меня из рук. Мышей, однако, труднее разводить, чем крыс, и этих последних в распоряжении института было гораздо больше. Змей можно было бы кормить и крысами, но в этом случае мне пришлось бы убивать крысят, а крысята величиной с мышь — очаровательнейшие существа, по-детски неуклюжие, круглоголовые, большеглазые, с толстыми лапками. Поэтому я избегал их трогать, и только когда запас мышей в институте был моими стараниями сведен до минимума, мне пришлось обратиться к крысятам. Я ожесточил свое сердце, спросив себя, кто я — зоолог-экспериментатор или сентиментальная старая дева? А затем убил шесть крысят и скормил их своим подопечным. С точки зрения кантианской этики мой поступок был вполне оправдан, так как рассудок говорит нам, что убийство кры-

сят ничуть не более предосудительно, чем убийство взрослых мышей. Но чувствам, скрытым в глубине человеческой души, нет дела до логических выкладок, и на этот раз я дорого заплатил за то, что послушался рассудка и совершил это протившее мне детоубийство. Не менее недели мне каждую ночь снились убитые крысята. Каждую ночь я снова их убивал. В моих снах они представлялись гораздо более симпатичными и беспомощными, чем в действительности. Они обретали черты человеческих младенцев, плакали детскими голосами и не умирали, хотя я бил их головой об пол — самый быстрый и безболезненный способ умерщвления маленьких зверьков. Я не стану подробнее описывать эти кошмары, напоминавшие самые мрачные фантазии Брейгеля. Несомненно, убив шестерых крысят, я нанес себе значительный душевный ущерб, граничивший с легким неврозом. Но как бы то ни было, я извлек из этого случая полезный урок и с тех пор никогда не боялся показаться сентиментальным и прислушивался к своему внутреннему чувству. По этой причине я не способен заниматься исследованиями, связанными с вивисекцией, хотя отнюдь не осуждаю их с моральной точки зрения. Когда я вспоминаю, какой ущерб нанес себе, убив шестерых крысят, мне бывает нетрудно вообразить, что испытывает человек, если он — пусть из самых высоких этических мотивов — преодолевает в себе внутренние запреты, которые мешают нормальным людям убивать друг друга. Если даже эти мертвые крысята несколько ночей являлись мне в кошмарах, то нет ничего невероятного в том, что мысль о совершенном преступлении терзает человека так, как это описал Эдгар По в рассказе «Сердце-обличитель».

Такая форма раскаяния, уходящая своими корнями глубоко в сферу эмоционального, имеет известную параллель в психическом строе некоторых высокоразвитых животных, живущих в сообществах, — на этот вывод меня натолкнул определенный тип поведения, наблюдать который мне часто доводилось у собак. Я не раз упоминал моего французского бульдога Булли. Он был уже стар, но еще не утратил живости характера к тому времени, когда, отправившись в горы кататься на лыжах, я купил ганноверскую ищейку Хиршмана, а вернее, Хиршман взял меня в хозяе-

ва, буквально увязавшись за мной в Вену. Его появление было тяжелым ударом для Булли, и если бы я знал, какие муки ревности будет переживать бедный пес, то, пожалуй, не привез бы домой красавца Хиршмана. День за днем атмосфера становилась все более гнетущей, и в конце концов напряжение разрешилось одной из самых ожесточенных собачьих драк, какие мне только доводилось видеть, — и единственной, завязавшейся в комнате хозяина, где обычно даже самые заклятые враги соблюдают строжайшее перемирие. Пока я разнимал противников, Булли нечаянно цапнул меня за правый мизинец. На этом драка кончилась, но Булли испытал жесточайший нервный шок и впал в настоящую прострацию. Хотя я не только не выбранил его, но, наоборот, всячески ласкал и утешал, он неподвижно лежал на ковре, не в силах подняться — воплощение неизбывного горя. Бедный пес дрожал, как в лихорадке, и время от времени по его телу пробегали судороги. Он дышал неглубоко, но порой конвульсивно всхлипывал, и из его глаз капались крупные слезы. Он действительно был не в состоянии встать на ноги, и несколько раз в день я должен был на руках выносить его во двор. Оттуда он, правда, возвращался самостоятельно, однако шок так парализовал его мышцы, что он не столько шел, сколько волочился по земле. Тот, кто не знал настоящей причины, мог бы подумать, что Булли серьезно болен. Есть он начал лишь через несколько дней, но и тогда соглашался брать пищу только из моих рук. Много недель он подходил ко мне смиренно и виновато, что производило особенно тягостное впечатление, так как обычно Булли был весьма самостоятельным псом, меньше всего склонным к угодничеству. Терзавшие его угрызения совести производили на меня тем более мучительное впечатление, что моя собственная совесть была отнюдь не чиста. Приобретение новой собаки уже представлялось мне совершенно непростительным поступком.

На мою долю выпало еще одно столь же трогательное, хотя и далеко не столь трагичное происшествие, героем которого был английский бульдог наших альтенбергских соседей. Бонзо (так звали этого бульдога) с чужими обходился очень свирепо, но друзей семьи он признавал своими и держался с ними кротко и вежливо. Меня же он вообще от-

личал и при встречах здоровался со мной не только учтиво, но и радостно. Однажды я был приглашен на чай в замок Альтенберг, где жили Бонзо и его хозяйка. Я приехал туда на мотоцикле и, остановившись перед расположенным в лесу домом, наклонился над мотоциклом спиной к двери. Из нее внезапно вылетел Бонзо и, по вполне понятной причине не узнав моей облаченной в комбинезон спины, вцепился мне в ногу, повиснув на ней истой бульдожьей хваткой. Я отчаянным голосом назвал его по имени, и он тут же повалился на землю, приняв самую виноватую позу. Так как произошло очевидное недоразумение, да и толстые кожаные брюки предохранили меня от серьезных повреждений — а что такое два-три синяка на голени для мотоциклиста? — я заговорил с Бонзо самым ласковым тоном, погладил его и был готов тут же забыть о случившемся. Я — но не бульдог. Весь день Бонзо ходил за мной по пятам, а за чаем примостился у моей ноги. Каждый раз, когда я смотрел на него, он устремлял на меня взгляд своих выпуклых бульдожьих глаз и просил прощения, судорожно предлагая мне лапу для пожатия. Когда несколько дней спустя мы встретились на дороге, он не приветствовал меня со своим обычным оживлением, но принял смиренную позу и протянул мне лапу, которую я потряс со всей сердечностью, на какую только способен.

Оценивая поведение этих двух бульдогов, следует помнить, что ни тот ни другой до тех пор никого не кусали — ни меня, ни других людей, — а потому подобный поступок не мог в их мозгу связываться с наказанием. Так откуда же им было известно, что такое действие, причем совершенное случайно, подпадает под категорию преступления? Мне кажется, их состояние соответствовало депрессии, которую испытал я, умертвив тех шестерых крысят, — они сделали то, что глубокое инстинктивное чувство запрещало им делать, а потому, хотя преступление было совершено нечаянно и казалось логически извинительным, это обстоятельство так же не могло смягчить шока, испытанного ими, как все доводы рассудка, оправдывавшие убийство крысят, не помогали мне избавиться от кошмаров.

Совсем иным бывает чувство вины, которое испытывает умная собака, сделав что-то, что с точки зрения ее врож-

денных запретов вполне естественно и дозволительно, но является нарушением табу, привитого дрессировкой. Всем любителям собак хорошо известно выражение преувеличенной невинности и сугубой добродетельности, которое умные собаки, подобно детям, принимают в таких случаях и которое можно считать верным признаком нечистой совести. Это поведение настолько забавно своей «человечностью», что нередко бывает трудно наказать преступника надлежащим образом. Лично мне это так же тяжело, как наказывать собаку за первое преступление, совершенное по неведению.

Волк I, который принадлежал к старшему поколению моих чау-чау с примесью немецких овчарок, был чрезвычайно кровожадным охотником, но тем не менее ни при каких обстоятельствах не трогал домашней птицы, если знал, что это — моя собственность. Однако если он не успевал познакомиться с нашими новыми приобретениями, нас нередко ждали неприятные сюрпризы. Как-то на Рождество жена подарила мне четырех молодых павлинов, и прежде чем мы успели спохватиться, Волк вломился в их загородку, и к тому времени, когда на сцене появился я, один павлин уже успел распротиться с жизнью. Волк был наказан и с тех пор ни разу даже не посмотрел на трех уцелевших птиц. Павлины были первыми птицами отряда куриных, которые появились в нашем доме при жизни Волка, и, по-видимому, он не отнес их к числу неприкосновенных для него объектов.

То, как он определял, каких птиц убивать можно, а каких нельзя, бросает интересный свет на способность собак различать их — так сказать, воспринимать абстрактно. Все утки были для Волка неприкосновенными; даже когда речь шла о породах, очень непохожих на обычные, его не приходилось специально предупреждать, что они находятся под охраной закона. После того как он был научен не трогать павлинов, я решил, что теперь он будет уважать всех куриных птиц, как до сих пор уважал всех уток. Но я ошибся: когда я купил бентамок-виандотов, чтобы посадить их на утиные яйца, Волк опять ворвался в их загородку и задушил всех семерых кур, хотя ни одной не съел. Он снова

был наказан (очень легко — оказалось достаточным просто указать ему, что это запрещено), а потом мы купили новых кур, и он ни разу на них не покусился. Когда несколько месяцев спустя мне прислали золотых и серебряных фазанов, я, наученный горьким опытом, подозвал Волка к корзинам с фазанами, ткнул его в них носом и несколько раз легонько шлепнул, произнося угрожающие слова. Эта профилактическая операция полностью достигла своей цели — Волк не тронул ни одного из них. С другой стороны, он проделал нечто весьма любопытное с точки зрения зоопсихолога. Как-то ясным весенним утром я вышел в сад и с ужасом увидел, что на лужайке стоит Волк и держит в зубах фазана. Он не услышал моих шагов, и я мог спокойно наблюдать за ним. Как ни странно, он не начал трясти и рвать птицу, а просто стоял с недоуменным видом. Когда я его позвал, он не проявил никаких признаков нечистой совести, а, наоборот, явно обрадовался и побежал ко мне, высоко задрал хвост и не выпуская птицы. Тут я увидел, что это был дикий фазан, а вовсе не один из наших золотых и серебряных красавцев. По-видимому, умная собака вопрошала свою совесть, принадлежит ли птица, которая в любом случае не имела права расхаживать в нашем саду, к числу неприкосновенных или нет. Несомненно, сперва Волк считал ее законной дичью и поймал, но затем запах, возможно, напомнил ему о запретных птицах; поэтому он не расправился с диким фазаном, как с обыкновенной добычей, а был готов и даже рад предоставить решение мне. Великолепный петух-фазан много лет прожил у нас в вольере и позже вывел птенцов с одной из наших ручных курочек.

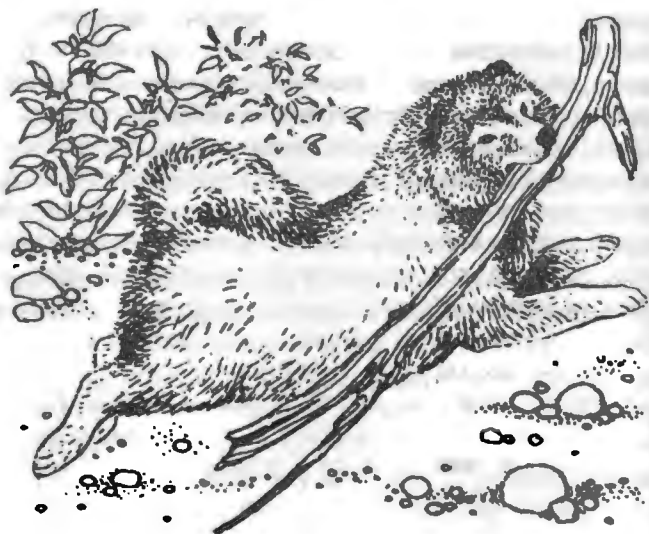
Наши большие и свирепые собаки с таким уважением относились к подопытным альтенбергским животным, что те вряд ли даже подозревали, какие это опасные соседи. Собак можно научить не трогать гусей, но вот внушить гусям, что они должны оставлять собак в покое, абсолютно невозможно. Грозные гусаки, несомненно, приписывали сдержанность собак своим бойцовским качествам. Бесстрашие серых гусей поистине поразительно, и как-то зимой мне довелось наблюдать такую сцену: три большие собаки мчались через двор к забору, видимо намереваясь облаять ка-

кого-то врага. На «линии их лая» тесной кучкой лежало несколько диких гусей, и собаки, ни на секунду не умолкая, перескочили через них. Гуси и не подумали встать и только с шипением протянули шеи вслед собакам. На обратном пути собаки предпочли покинуть утоптанную тропу и обойти диких пугливых птиц стороной по глубокому снегу.

Один старый гусак, тиранивший всех остальных, по-видимому, считал своим призванием дразнить собак. Его супруга сидела на яйцах возле небольшой лестницы, которая ведет из сада во двор к калитке. Так как собаки свято соблюдали ими же самими возложенную на себя обязанность лаять у калитки всякий раз, когда ее открывали, им приходилось пробегать по лестнице довольно часто. Старый гусак вскоре обнаружил, что, расположившись на верхней ступеньке, он получает великолепнейшую возможность досаждать собакам, щипля их за хвосты, когда они пробегают мимо. Благополучно миновать этого шипящего Цербера можно было, только мчась во всю прыть и старательно пряча хвост между ногами. Добродушный и впечатлительный Буби, принадлежавший моему отцу сын Титы, дед вышеупомянутого Волка I и прапрапрапрадед Сюзи, очень страдал из-за такой агрессивности старого гусака, который из трех наших собак облюбовал для своих нападений именно его. Буби завел привычку болезненно взвизгивать всякий раз, когда ему предстояло вступить на роковую лестницу. Невозможная ситуация разрешилась трагикомически. В один прекрасный день злой старый гусак был найден на своей ступеньке мертвым. Вскрытие обнаружило небольшой перелом основания черепа, видимо вызванный легким нажимом собачьего зуба. Буби же исчез. Он не явился к кормежке, и после долгих поисков его удалось обнаружить в темном углу на чердаке прачечной, куда наши собаки при обычных обстоятельствах никогда не забирались. Буби лежал там в полной прострации. Я представил себе, что произошло, не менее ясно, чем если бы видел это собственными глазами. Старый гусак так сильно вцепился в хвост пробежавшего мимо Буби, что пес не удержался и куснул источник боли. При этом, к несчастью, один из его резцов нажал на череп старого гусака, причем повреждение это оказалось роковым скорее всего только потому, что старику бы-

до уже двадцать пять лет и кости его стали хрупкими от возраста. Буби не наказали, учитывая смягчающие обстоятельства, а также особое физическое состояние жертвы. Последняя украсила собой воскресный обед и помогла опровергнуть широко бытующий предрассудок, будто мясо старых диких гусей всегда бывает жестким. Большой жирный гусак оказался очень вкусным, и моя жена даже высказала предположение, что, быть может, старые гуси, перевалившие за двадцать лет, начинают в физическом отношении впадать во второе детство.

Глава двадцать первая **ВЕРНОСТЬ И СМЕРТЬ**

Рыдать над тем, что ныне нам дано,
Коль потерять его нам суждено.

В. Шекспир. Сонеты

Создавая собаку, природа, по-видимому, не учла дружбы, которой предстояло связать это ее творение с человеком. Во всяком случае, век собаки впятеро короче века ее хозяина. В человеческой жизни и так хватает печальных расставаний с теми, кого мы любим,— расставаний, предопределенных заранее только потому, что они родились на несколько десятилетий раньше нас. Вот почему естественно задать себе вопрос, правильно ли мы поступаем, отдавая свое сердце существу, которое одряхлеет и умрет, прежде чем человек, родившийся в один день с ним, успеет распрощаться с детством. Как грустно видеть, что собака, которая всего несколько лет назад — а теперь они кажутся месяцами! — была неуклюжим милым щеночком, начинает стареть прямо на глазах, и мы понимаем, что жить ей остается два-три года. Признаюсь, одряхление моих собак

всегда действует на меня крайне угнетающе и усугубляет ту мрачность, которая овладевает всеми людьми, когда они думают о неизбежном. А тягостный душевный конфликт, ожидающий каждого владельца собаки, когда ее в старости поражает какой-нибудь неизлечимый недуг и встает роковой вопрос, не лучше ли ее усыпить!

По странной прихоти судьбы эта чаша меня пока миновала, так как все мои собаки, за одним только исключением, умирали в старости внезапной и безболезненной смертью без какого-либо моего вмешательства. Но рассчитывать на это, разумеется, нельзя, а потому я не очень осуждаю чувствительных людей, которые боятся приобрести собаку из-за неизбежности расставания с ней. Не очень осуждаю? Нет, на самом деле я осуждаю их безоговорочно. В человеческой жизни любая радость оплачивается печалью, ибо, как говорит Бернс:

Радость — вешние цветки;
Тронь — и вянут лепестки;
Иль в ручей упавший снег:
Миг — и тает он навек.

И я считаю трусом того, кто отказывается от немногих безобидных и с эстетической точки зрения безупречных удовольствий, доступных человеку, только из страха, что рано или поздно судьба представит ему счет за них. Тому, кто скупится на монету страданий, лучше всего запереться на каком-нибудь унылом чердаке и сохнуть там без пользы, точно луковица без зародыша, которая не может принести цветка. Да, конечно, собаки обладают индивидуальностью, каждая из них — личность в самом точном смысле слова, я меньше всего склонен это оспаривать, и все-таки они гораздо больше, чем люди, похожи друг на друга. Индивидуальные различия между живыми существами прямо пропорциональны их психическому развитию — две рыбы одного вида практически одинаковы во всех своих действиях и реакциях; но человек, хорошо знакомый с поведением золотистых хомячков или галок, замечает явные различия между отдельными особями. А две серые вороны или два серых гуся — это нередко совсем разные индивиды.

У собак такие различия выражены еще ярче, поскольку они — домашние животные и их поведение допускает гораздо больше индивидуальных отклонений от стереотипа,

чем это возможно для диких видов. Тем не менее сущностью своей натуры, теми глубокими инстинктивными чувствами, которые определяют их особые отношения с человеком, все собаки очень схожи между собой, а потому, если, потеряв собаку, вы немедленно возьмете щенка той же породы, то при нормальном ходе событий вскоре убедитесь, что он заполнит ту пустоту в вашем сердце и жизни, которая возникла там после потери старого четвероногого друга. Иной раз подобное утешение оказывается настолько действенным, что начинаешь испытывать некоторый стыд, словно ты в чем-то предал свою умершую собаку. И в этом собаки — более верные друзья, чем их хозяева, так как в случае смерти хозяина собака вряд ли найдет ему замену уже через полгода. Эти соображения могут показаться нелепыми тем, кто не признает нравственной ответственности по отношению к животным, но именно они заставили меня принять особые — если не сказать странные — меры.

В тот день, когда я нашел моего старого Булли умершим от кровоизлияния в мозг на его обычном посту, я сразу же с горечью подумал, что он не оставил себе преемника. Мне тогда было семнадцать лет, и я впервые потерял собаку. Не могу выразить, как я тосковал без него. Много лет он был моим неразлучным спутником, и неровный топоток его лап, когда он бежал позади меня (он прихрамывал, так как передняя лапа у него была сломана и кость плохо срослась), настолько слился со стуком моих собственных шагов, что я перестал замечать и топоток и сопение, пока они не умолкли навсегда. После смерти Булли я понял, что заставляет простодушных людей верить, будто их посещают призраки дорогих умерших. Много лет позади меня слышался перестук собачьих лап, и этот звук так прочно запечатлелся в моем мозгу (психологи называют это «эйдетичным» феноменом), что первые недели мне постоянно казалось, будто Булли бежит у меня за спиной.

А на тихих тропах над Дунаем у меня начинались настоящие слуховые галлюцинации. Если я прислушивался сознательно, топоток и сопение сразу прекращались, но стоило мне задуматься, и они снова звучали у меня в ушах. Только когда Тита — в то время еще большелапый нескладный щенок — начала сопровождать меня на прогулках, призрак Булли был наконец заклят и исчез навсегда.

Тита тоже давно умерла. И как давно! Но ее призрак все еще следует за мной, втягивая ноздрями воздух. Я позаботился об этом, свято выполняя не совсем обычный план. Когда я появился Титы столь же неожиданно, как и Булли, мне было ясно, что ее место займет другая собака, как она сама заняла место Булли, а потому, стыдясь своего непостоянства, я полагался ее памятью, что с этих пор меня по жизни будут сопровождать только потомки Титы. Человек по очевидным биологическим причинам не может сохранить пожизненную верность одной собаке, но он может остаться верным ее породе. Собака гораздо ближе человека стоит к природе, безжалостность которой столь удачно выразил Теннисон в строках:

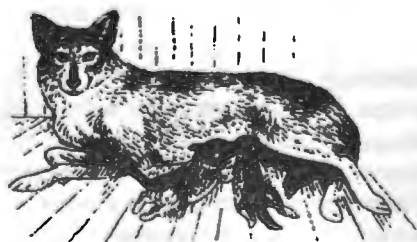
Так бережет она весь род,
Так равнодушна к единичной жизни.

Даже у людей, как ни индивидуальны наши личности, наследственность удивительным образом сохраняет характерные черты данного типа. Когда моя дочка, смутившись, откидывает голову надменным движением, совсем как моя мать, которую девочка никогда не видела, когда она и ее брат, задумавшись, сдвигают брови, как делал отец моей сестры, не перевоплощение ли это в буквальном смысле слова? У меня всегда был особый глаз на выразительные движения, и именно благодаря этому наблюдение за животными стало моей работой. Вот почему на меня производят такое сильное впечатление манеризмы моих детей, которые задолго до их рождения я замечал у их дедушек и бабушек. В конечном счете такие манеризмы представляют собой реальные и видимые признаки каких-то неизменных и глубоко укоренившихся душевных свойств, плохих и хороших, желательных и опасных. Я почти пугаюсь, точно при появлении призрака, когда вижу в своих детях проявление характерных черт родителей их отца и матери — иногда попеременно, а иногда и одновременно. Если бы мне довелось знать их прадедов, я, наверно, открыл бы в моих детях и что-то от них или даже обнаружил бы, что они в странном смешении поделены среди детей моих детей.

На подобные размышления о смерти и бессмертии меня наводит бесхитростная личность моей Сюзи, подавляющее большинство предков которой я знал очень близко, так как нам постоянно приходилось практиковать определен-

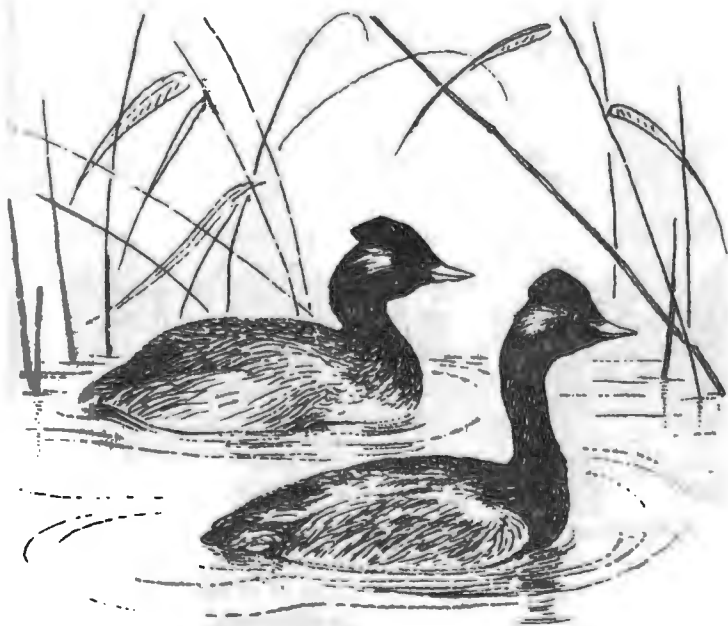
ную допустимую степень инбридинга. Поскольку черты индивидуального характера у собаки неизмеримо более просты, чем у людей, и соответственно более явны, когда они комбинируются у отдельных потомков, каждое повторение характерных черт предков у них гораздо заметнее, чем у человека. У животных наследственные стороны характера гораздо меньше, чем у человека, маскируются благоприобретенными, а потому их предки оживают в них более явно и наклонности давно умерших индивидов проявляются у живых гораздо четче.

Когда я лицемерно уверяю оторвавшего меня от работы гостя, что очень рад его видеть, а Сюзи, ничуть не обманутая моими словами, сердито рычит и лает на него (когда она станет старше, то начнет его легонько покусывать), она не только демонстрирует необыкновенное умение читать мои тайные мысли — наследие Титы,— но она и есть Тита, живое воплощение Титы! Когда на лугу она охотится на мышей и проделывает сложные прыжки мышкующих хищников, демонстрируя ту же страсть к этому занятию, что и Пиги, ее бабка чау-чау, она и есть Пиги. Когда, обучаясь команде «Лежать!», она прибегает к тем же прозрачным предложениям, чтобы вскочить, какие одиннадцать лет назад изобретала ее прабабка Стаси, и когда, подобно Стаси, она восторженно валяется в каждой луже, а затем, с ног до головы в грязи, спокойненько входит в дом, тогда она и есть Стаси, воскресшая Стаси. А когда она следует за мной по тихим приречным тропам, по пыльным дорогам или городским улицам, напрягая все свои чувства, чтобы не потерять меня, тогда она становится олицетворением всех собак, которые со времен первого прирученного шакала следовали за своими хозяевами,— чудесным итогом любви и верности.

Кольцо цуры Самюэля

Перевод с английского
Е. ПАНОВА

Konrad Z. Lorenz
KING SOLOMON'S RING
Pan Books LTD, London

© Перевод, Панов Е. Н., 1970

ВВЕДЕНИЕ

Во веки веков не рождалось царя
Мудрее, чем царь Соломон;
Как люди беседуют между собой,
Беседовал с бабочкой он.

Р. Киплинг

Библейская легенда рассказывает, что мудрый царь Соломон, сын Давида, «говорил и со зверями, и с дикими птицами, и с ползающими тварями, и с рыбами». Не совсем верное истолкование этого текста, который, очень вероятно, представляет собой самую старую в мире биологическую запись, породило прелестную сказку, что царь Соломон обладал способностью говорить на языке животных, скрытом от других людей. Но я склонен принять эту сказку за истину. У меня есть все основания верить, что Соломон действительно мог беседовать с животными, и даже без помощи волшебного кольца, обладание которым приписывает ему легенда. Я сам могу делать то же самое, не прибегая к магии, черной или какой-либо иной. На мой взгляд, это не слишком занимательно — пользоваться вол-

шебным кольцом, пытаясь понять животных. Они могут рассказать человеку, и не пользующемуся сверхъестественной помощью, вещи еще более замечательные и вполне правдивые, ибо правда о природе гораздо прекраснее и удивительнее всего, о чем пели наши великие поэты, эти единственные настоящие волшебники, существовавшие на земле.

И несколько не шучу. В том случае, если «сигнальный код» общественных видов животных вообще можно назвать языком, тогда человек, изучивший его «словарь», сможет понимать животных (этому вопросу посвящена одна из глав моей книги). Конечно, низшие и необщественные животные не имеют ничего, что можно было бы назвать языком даже в самом широком смысле — хотя бы по той простой причине, что им нечего сказать. По той же причине невозможно сообщить что-либо им. Несомненно, исключительно трудно высказать что-то, способное заинтересовать этих «пресмыкающихся тварей». Однако путем изучения «словаря» высокоорганизованных общественных видов млекопитающих и птиц можно достигнуть изумительного подражания и взаимного понимания. В последних работах ученых, исследующих поведение животных, это становится делом само собой разумеющимся и перестает быть источником удивления. Но я еще сохраняю в памяти яркое воспоминание об одном забавном эпизоде, принесшем мне убежденность, что удивительное и единственное в своем роде явление — полное взаимопонимание между человеком и дикими животными — вполне возможно.

Прежде чем рассказать об этом, я должен описать обстановку, на фоне которой разворачивалась большая часть событий, описанных в моей книге. Прекрасная страна, примыкающая к обоим берегам Дуная в округе Альтенберг, — это истинный рай для натуралиста. Защищенные от наступления сельского хозяйства и цивилизации ежегодным весенним разливом Дуная густые ивовые леса, заросшие тростником болота и дремлющие воды простираются на много квадратных километров; остров первобытной дикости в самом центре нижней Австрии; оазис девственной природы, где красный олень и косуля, цапля и баклан пере-

или даже превратности последней ужасной войны. Здесь, как в любимой Вордсвортом¹ Стране Озер:

Среди осоки дикой утки всплеск,
И щучьей чешуи мгновенный блеск,
И цапля улетает в небосвод,
Как дротик, шею вытянув вперед.

Редко удастся встретить в самом сердце старой Европы места, столь девственно дикие. Здесь наблюдается странный контраст между характером ландшафта и географическим положением места, а для глаз натуралиста этот контраст еще более подчеркивается присутствием некоторых американских видов растений и животных, завезенных сюда ранее. Американская золотая розга встречается в изобилии, а под водой ее заменяет канадская элодея; американский солнечный окунь² и кошачья рыба³ обычны в заводях; и что-то грузное и громоздкое в фигуре нашего оленя напоминает вам, что Франц-Иосиф I, в зените своей охотничьей жизни, завез в Австрию несколько сотен голов вапити⁴. Muskusная крыса⁵ чрезвычайно обильна. Она пришла сюда из Богемии, куда впервые была завезена из Северной Америки. Громкие всплески хвостов ондатры, когда они ударяют по поверхности воды, желая подать сигнал

¹ Вордсворт Уильям (1770—1850) — английский поэт, один из главных представителей английского романтизма.

² Солнечный окунь, или солнечная рыбка (*Gibbosus Lepomis*), — рыба из семейства американских ушастых окуней, обитающих в Северной Америке. Акклиматизирована в низовьях Дуная. Самцы ушастых окуней строят примитивное гнездо и охраняют икру, отложенную в него самкой.

³ Кошачья рыба, или карпиковый сомик (*Ambloplites rupestris*), — рыба из отряда карпообразных. Питается главным образом личинками водных насекомых и моллюсками. Изредка — мелкой рыбой. Родина — Северная Америка, акклиматизировалась в водоемах Белоруссии и Западной Украины.

⁴ Вапити (*Cervus canadensis*) — крупный олень из группы благородных оленей, некогда широко распространенный в Северной Америке, к настоящему времени сильно истреблен человеком. Ближайший родственник вапити — европейский благородный олень (*Cervus elaphus*). Автор имеет в виду, что завезенные в Европу вапити скрещивались с европейским оленем.

⁵ Muskusная крыса, или ондатра (*Ondatra zibethica*), — очень крупная водяная полеска, ценная для пушного промысла. Издавна добывается в больших количествах на своей родине, в Северной Америке. Акклиматизирована в Европе, с 30-х годов — в Советском Союзе. Сейчас — обычное, местами многочисленное животное на территории СССР — от европейской части до Дальнего Востока.

тревоги, смешиваются с мелодичным свистом европейской иволги.

Ко всему этому добавьте зрелище Дуная, этого младшего брата Миссисипи; представьте себе могучую реку, текущую в широком, мелководном, извилистом ложе, ее узкий навигационный проход, в отличие от всех других европейских рек постоянно меняющий свое направление, громадное пространство беснующейся воды, которая изменяет цвет в зависимости от времени года — от мутного, серовато-желтого весной и летом до чистого, голубовато-зеленого — поздней осенью и зимой. Да, «голубой Дунай», воспеваемый в наших народных песнях, существует только в холодное время года.

Причудливо извивающаяся лента реки окружена холмами, покрытыми виноградниками, с вершин которых два раннесредневековых замка, Гренфенштейн и Крюзенштейн, угрюмо смотрят поверх громадных пространств диких лесов и вод. Вот тот ландшафт, на фоне которого разворачивались события этой книги, ландшафт, который мне кажется самым прекрасным на земле, ибо каждый человек вправе считать самыми прекрасными те места, где он прожил большую часть своей жизни.

В один из жарких дней в начале лета, когда мы с доктором Зейтцем, моим другом и помощником, работали над фильмом о диких гусах, по этой прекрасной местности передвигалась чрезвычайно странная процессия, столь же причудливая, как и сам ландшафт. Впереди шествовал большой рыжий пес, внешне напоминавший аляскинскую эскимосскую лайку, на самом же деле — помесь австралийской и китайской пород. Следом два человека в плавках несли каноэ, за ними десять полувзрослых гусят шествовали с чувством собственного достоинства, столь свойственного их племени. Тринадцать крошечных пищащих кряковых утят торопились следом, боясь отстать и стараясь держаться вместе с более крупными животными. В конце процессии маршировал странный, уродливый пегий утенок, не похожий ни на что на свете — гибрид между огарем¹ и

¹ О г а р ь, или красная утка (*Casarca ferruginea*), — крупная утка, которая по своему строению имеет общие черты с гусями. Распространена в степных и полупустынных районах Евразии. Гнездится в норах лисиц, барсуков, в трещинах и расселинах берегов и заброшенных построек.

египетским гусем¹. Только плавки на бедрах двоих участников этой сцены и кинокамера, висевшая через плечо одного из них, не позволяли предположить, что вы являетесь свидетелем сцены, происходящей в садах Эдема.

Процессия двигалась очень медленно, поскольку нам приходилось принаравливать к движению самого слабого из наших утят, поэтому ушло много времени, прежде чем мы достигли места назначения — чрезвычайно живописной заводи, обрамленной цветущими «снежными шарами» и выбранной Зейтцем для съемки некоторых «ударных» сцен нашего фильма. Достигнув заводи, мы сразу же приступили к делу. В заголовке фильма говорилось: «Научное руководство — доктор Конрад Лоренц. Оператор — доктор Альфред Зейтц». Поэтому я сразу начал руководить научной стороной съемки, то есть попросту лег на мягкую траву, окаймлявшую заводь, и стал нежиться на солнце. Зеленые лягушки лениво квакали, как и обычно в хорошие летние дни, большие стрекозы кружились в воздухе, и славка-черноголовка² пела свою нежную ликующую песенку в кустах, расположенных менее чем в трех ярдах от меня. Я слышал, как Альфред заводил камеру и ворчал на утят, которые то и дело оказывались перед объективом именно в тот момент, когда оператор намеревался снимать не их, а гусят. Где-то в моем мозгу неясно бродила мысль, что я должен подняться и помочь товарищу отогнать утят, но тело стало безвольным, и я погрузился в сон. Внезапно, сквозь дремотную неясность сознания до меня донесся раздраженный голос Альфреда: «Рангрангрангрангранг, простите, я хотел сказать — куаг, гегегеге, куаг, гегегеге!» Засмеявшись, я проснулся. Зейтц хотел отозвать утят и по ошибке обратился к ним на языке дикого гуся.

Именно в этот момент мысль написать книгу впервые возникла в моем мозгу. Никто не оценил всей забавности ошибки Альфреда, ибо сам он был слишком поглощен

¹ Египетский, или нильский гусь (*Alopochen aegytiaca*), — птица из отряда гусеобразных, обитающая в долине Нила и по всей Африке южнее Сахары. Живет в лесах, преимущественно — мимозовых.

² Славки (*Sylvia*) — мелкие певчие птицы из отряда воробьиных. Обитают в Старом Свете. В СССР очень обычны славка-черноголовка, садовая славка, серая славка и др.

своей работой. Мне очень захотелось рассказать кому-нибудь об этом случае, а потом я подумал, что можно рассказать о нем всем.

А почему бы и нет? Разве не должен этолог, поставивший своей целью узнать о животных больше, чем известно кому-либо другому, передать людям свои знания об интимной жизни животных. В конце концов, каждый ученый должен считать своим долгом рассказать широкой публике в общедоступной форме о том, чем он занимается.

Уже написано много хороших и плохих, верных и ошибочных книг о животных. Еще одна книга, состоящая из правдивых рассказов, не принесет большого вреда. Я не хочу сказать, что хорошая книга должна быть безусловно правдивой. Несомненно, наиболее плодотворное влияние на развитие моего сознания в раннем детстве оказали две книги о животных, которые не могут быть названы правдивыми даже в самом вольном смысле слова. Ни «Нильс Холгерсон» Сельмы Лагерлеф, ни «Книга джунглей» Радьярда Киплинга не содержат в себе ничего похожего на научную правду о животных. Но поэты, подобные авторам этих книг, могут позволить себе подать читателю животных совсем не так, как того требует научная истина. Они смело разрешают своим героям разговаривать на человеческом языке, они даже кладут человеческие побуждения в основу их поступков, и при этом сохраняют типичные черты облика диких существ. Удивительно, как правдиво передают они сущность того или иного животного, хотя рассказывают только волшебную сказку. Читая эти книги, вы верите, что если бы старый опытный дикий гусь или мудрая черная пантера смогли бы заговорить, то они стали бы говорить именно так, как говорят Акка Сельмы Лагерлеф или Багира Радьярда Киплинга.

Писатель-творец, изображая поведение животных, обязан держаться в пределах точной истины не более, чем живописец или скульптор, передающие внешний облик зверей. Но священная обязанность каждого художника — быть

¹ Сельма Лагерлеф (1858—1940) — шведская писательница, многие произведения которой переведены на русский язык. В книге «Чудесное путешествие Нильса Холгерсона по Швеции» даны идилические картины шведской природы и народной жизни.

достаточно осведомленным относительно тех особенностей, при изображении которых он отклоняется от действительных фактов.

Более того, ему необходимо знать эти детали лучше, чем все другие, которые изображаются в полном соответствии с жизненной правдой. Нет большего греха против правдивого искусства, нет более презренного дилетантизма, чем пользование свободой художника для прикрытия своей несведомленности о подлинных фактах.

Я ученый, а не поэт, поэтому не стану пытаться в этой маленькой книжке подправить природу с помощью художественных вольностей. Каждая подобная попытка, несомненно, дала бы противоположный эффект, и мой единственный шанс написать что-нибудь не лишенное поэтичности — это строго следовать научным фактам. Итак, скромно придерживаясь приемов своего ремесла, я надеюсь дать моим доброжелательным читателям хотя бы слабое представление о безграничной красоте наших друзей-животных и их жизни.

Альтенберг, январь 1950 г.

Конрад З. Лоренц

Глава первая
**ЖИВОТНЫЕ КАК ИСТОЧНИК
НЕПРИЯТНОСТЕЙ**

Вскрывает зубами бочонки сельдей,
Вьет гнезда в шляпах добрых людей,
И писком из-под пола, из клеток
Болтать мешает и сна лишает
Хозяйку дома хвостатый злодей.

Р. Броуни

Почему я начинаю с наиболее неприятной стороны совместной жизни с животными? Потому что степень вашей готовности мириться с приносимым ими беспокойством говорит о силе вашей любви к ним. Я всегда буду признателен своим терпеливым родителям: они только качали головой и укоризненно смотрели на меня, когда я приносил домой нового питомца, от которого можно было ждать больше неприятностей, чем от предыдущих. А сколько вытерпела за многие годы нашей совместной

жизни моя жена! Кто осмелился бы просить у своей супруги разрешения держать в доме ручную крысу, которая свободно бегала по всем комнатам, а гнездо устраивала в самых неожиданных и неудачных местах, используя в качестве строительного материала маленькие круглые кусочки материи, аккуратно вырезанные зубами из мебельной обивки?

Какая другая жена смирилась бы с выходками попугая какаду, который откусывал все пуговицы с выстиранных и вывешенных в саду для просушки вещей, или разрешила бы прирученным серым гусям проводить ночь в спальне, а утром вылетать в сад через окно? А что сказала бы иная супруга, если бы увидела только что выстиранные занавески, сплошь украшенные симпатичными голубыми пятнышками, которые оставили певчие птицы, наевшиеся ягод бузины. Что сказала бы она, если... — но я мог бы задавать этот вопрос на протяжении еще двадцати страниц.

Так ли необходимы все эти жертвы, спросите вы. Да, совершенно несомненно, да! Конечно, можно содержать животных в клетках, расставленных в гостиной, однако единственный способ узнать что-нибудь об умственной деятельности высших животных — это предоставить им полную свободу. Насколько печальными и скованными кажутся заключенные в клетку попугай или обезьяна, настолько же невероятно подвижными, забавными и интересными становятся те же самые животные, если дать им полную свободу. Конечно, вы должны быть готовы к убыткам и расстройством — это неизбежная плата за содержание подобных жильцов, зато будете располагать психически полноценными существами для своих наблюдений и экспериментов. Именно поэтому я всегда содержал диких животных в условиях ничем не ограниченной свободы.

В Альтенберге проволока, предназначенная для клеток, играла совершенно парадоксальную роль — она служила препятствием для проникновения животных в дом и палисадник. Нашим питомцам всегда строго запрещалось про-

никать за сетку, окружавшую цветочные клумбы; но, как и для маленьких детей, запрещенные вещи обладают притягательной силой для разумных животных. А кроме того, необычайно привязчивые серые гуси постоянно стремятся к человеческому обществу. Во всяком случае, вечно случалась одна и та же история: прежде чем мы успевали заметить неладное, двадцать или тридцать гусей уже паслись на клумбах или, что еще хуже, вторгались на открытую веранду, приветствуя нас громкими гортанными криками.

Было необычайно трудно изгнать этих птиц, которые прекрасно летали и не испытывали страха перед человеком. Самый громкий крик и неистовое размахивание руками не давали никакого эффекта. Единственным действенным средством оказался огромный багряно-красный садовый зонтик. Подобно рыцарю с копьем на изготовку, моя жена бросалась на гусей, пасущихся на недавно засаженных ею грядках, держа сложенный зонтик под мышкой; затем она издавала бешеный военный клич и резким движением раскрывала зонтик. Это было слишком даже для наших гусей, и они взлетали в воздух, громко грохоча крыльями.

К несчастью, отец в значительной степени свел на нет усилия жены в деле воспитания гусей. Старый джентльмен очень любил гусей, особенно ему нравились гусаки — эти отважные рыцари. И ничто не могло помешать ему ежедневно приглашать гусей на чаепитие в свой кабинет, примыкавший к застекленной веранде. Зрение отца сильно ослабело, и он замечал конкретные результаты этих посещений, только наступив на них ногой. Однажды к вечеру, выйдя в сад, я, к своему изумлению, обнаружил, что почти все гуси исчезли. Опасаясь самого худшего, я побежал в кабинет отца и застал там следующую сцену: на великолепном персидском ковре двадцать четыре гуся стояли, столпившись вокруг старого джентльмена, а он пил чай, сидя за своим письменным столом и спокойно просматривая газету. Время от времени он отламывал кусочки хлеба и протягивал их гусям.

Птицы немного нервничали в непривычной обстановке, и это оказало неблагоприятное влияние на работу их кишечника. Как и все животные, которые обычно переваривают большие порции травы, гусь имеет цекум, или слепой отросток толстой кишки, где с помощью бактерий перерабатываются растительные волокна. Как правило, на шесть или семь нормальных опорожнений кишечника приходится одно из цекума, а оно имеет особый едкий запах и очень яркий темно-зеленый цвет.

Если же гуси встревожены, одно опорожнение цекума следует за другим. Более одиннадцати лет истекло с тех пор, как гуси принимали участие в этом чаепитии, но за это время зеленые пятна на ковре стали лишь бледно-желтыми.

Итак, наши животные живут в полной свободе и даже находятся в коротких отношениях с домом. Они всегда стремятся к нам, а не от нас. В другой семье человек может сказать: «Птица вылетела из клетки! Скорее закройте окно!» А у нас кричат: «Ради всего святого, закройте окно: ворон (какаду, обезьяна и т. д.) хочет проникнуть в дом!» Наиболее парадоксальное использование «обратного клеточного принципа» было изобретено моей женой в те времена, когда наш старший сын был еще очень мал. Тогда у нас жили несколько крупных и потенциально опасных животных — вороны, два больших желтохохлых какаду, два лемура и две обезьяны-капуцина, и никого из них нельзя было оставить наедине с ребенком, не подвергая его опасности. Тогда-то моя жена смастерила в саду большую клетку, в которую поместила... детскую коляску.

К сожалению, у высших животных потребность и способность причинять разрушения возрастают прямо пропорционально степени их разумности. По этой причине нельзя ни под каким видом оставлять некоторых животных, особенно обезьян, без постоянного наблюдения. Это не относится к лемурам, которые лишены свойственного всем настоящим обезьянам пристального любопытства к домашней утвари.

Настоящие обезьяны¹, генеалогически стоящие выше обезьян Нового Света, проявляют неутомимую любознательность при виде каждого нового предмета и сразу же начинают проделывать с ним свои эксперименты. И хотя это может быть очень интересно с точки зрения изучения психологии животных, для семьи такое положение вещей вскоре становится совершенно невыносимым с финансовой точки зрения. Могу проиллюстрировать это на следующем примере.

Еще будучи студентом, я держал в квартире своих родителей в Вене великолепный экземпляр капуцина², самку по имени Глория. Она занимала просторную клетку, стоявшую в моем кабинете. Когда я бывал дома и имел возможность присматривать за обезьяной, ей разрешалось свободно побегать по комнате. Уходя, я запирали ее в клетке, где она очень скучала и поэтому прилагала все усилия, чтобы как можно скорее выбраться на свободу. Однажды, когда после долгого отсутствия я вернулся домой и повернул выключатель, комната осталась погруженной во тьму. Но хихиканье Глории, раздавшееся не из клетки, а с металлического прута, поддерживавшего занавески, не оставляло сомнений в причине поломки. Вернувшись со свечой, я увидел следующую сцену: обезьяна сдвинула с подставки тяжелую бронзовую лампу, стоявшую у кровати, протаскала ее через всю комнату (к сожалению, не выдернув вилки из штепселя), и с силой бросила на стеклянную крышку

¹ Отряд обезьян, или приматов. Делится обычно на три большие группы: лемуры, широконосые обезьяны и настоящие, или узконосые обезьяны. Лемуры — наиболее древняя и примитивная группа. Это небольшие древесные животные, ведущие сумеречный и ночной образ жизни. Обитают на острове Мадагаскар, в Африке и Юго-Восточной Азии. Широконосые обезьяны, живущие в тропических лесах Южной и Центральной Америки, Мексики, — это животные с длинным хватательным хвостом. Большой палец не столь сильно противопоставлен остальным, как у узконосых обезьян, иногда он недоразвит. К этой группе относятся обезьяны-белки, капуцины, паукообразные обезьяны. Наконец, узконосые обезьяны, к которым относятся макаки, мартышки, павианы, гиббоны, человекообразные обезьяны, — это наиболее прогрессивная группа среди приматов. По многим чертам строения стоят ближе всего к человеку. Обитают в тропиках и субтропиках Африки и Азии.

² Капуцин обыкновенный (*Cebus capucinus*) — небольшая обезьяна с длинным хвостом (тело около 45 см, хвост — 35 см). Живут небольшими стадами в тропических лесах Южной Америки.

аквариума. Лампа погрузилась на дно. Конечно, произошло короткое замыкание. Затем Глория отперла книжный шкаф (удивительное достижение, если принять во внимание маленький размер ключа), достала второй и четвертый тома медицинского словаря, перенесла книги на подставку аквариума и, разорвав их на мелкие лоскутки, набила обрывками внутренность сосуда. На полу валялись только пустые переплеты, а щупальца поникших морских анемонов¹ были наполнены бумагой.

Интересной особенностью этих поступков было строгое внимание к деталям, налагавшее свой отпечаток на всю операцию. Одни только физические усилия, затраченные на выполнение такого дела столь маленьким животным, уже достойны удивления. К сожалению, все эти забавные наблюдения обошлись мне слишком дорого.

Что может служить вознаграждением за все эти бесконечные волнения и убытки? Как я уже говорил, мои цели не позволяют мне содержать своих питомцев на положении заключенных. Животные, которые свободно могли бы убежать, но тем не менее остаются со мной, доставляют неописуемую радость: ведь я могу верить, что их заставляет остаться привязанность ко мне.

Однажды, гуляя вдоль берега Дуная, я услышал звучный призыв ворона. Когда я подал ответный крик, большая птица высоко в небе сложила крылья и, со свистом разрезая воздух, стремительно понеслась вниз. Она широко расправила крылья, тем самым замедлив падение, и легко опустилась на мое плечо. Тогда я почувствовал себя вознагражденным за все разодранные книги и разоренные утиные гнезда, лежавшие на совести этого моего ворона. Очарование подобных опытов не притушается при повторении; удивление не проходит даже в том случае, когда они проделываются ежедневно, и дикая птица становится настолько же доверчивой, насколько может быть ручной кош-

¹ Морские анемоны, или актинии,— водные кишечнополостные животные из группы коралловых полипов. Ведут сидячий образ жизни. Цилиндрическое тело прикреплено основанием к морскому дну, в верхней части оно снабжено многочисленными щупальцами, которые используются для ловли добычи и защиты от врагов. Некоторые виды — благодарный объект для содержания в аквариумах с морской водой.

ка или собака. Истинная дружба с дикими животными стала для меня делом совершенно естественным, и только какой-нибудь из ряда вон выходящий случай иногда заставляет меня почувствовать всю необычайность подобных отношений.

Как-то в туманное весеннее утро я спустился к Дунаю. Река была еще сжата в своих зимних оковах, и пролетные стайки крохалей, лутков¹ и белолобых гусей перелетали повсюду вдоль темной узкой полоски воды. Среди этих кочевников, как будто принадлежа к их числу, совершала свой путь стайка серых гусей. Я заметил, что у птицы, летевшей второй в левой шеренге треугольника, в крыле не хватало одного из крупных перьев. В этот момент я вдруг совершенно отчетливо вспомнил, что это за птица и каким образом она потеряла свое перо. Да, несомненно, это были мои гуси! Да и не может быть других серых гусей на Дунае, ни гнездящихся, ни перелетных. А птица, летящая в левой шеренге треугольника — это гусак Мартин. Только на днях произошла его помолвка с моей любимой гусыней Мартиной, и это в ее честь он получил свое имя (первоначально Мартин значился под номером, потому что имена носили только те гуси, которые были выхожены мной самим, тогда как птиц, вскормленных их родителями, я просто нумеровал).

У серых гусей жених постоянно следует буквально по пятам за своей невестой. Мартина без страха разгуливала по всем комнатам нашего дома, не задерживаясь, чтобы испросить согласия своего жениха, который вырос в саду. Таким образом, под давлением обстоятельств гусак оказался в абсолютно чуждой для него обстановке. Если принять во внимание, что в естественных условиях серый гусь обитает в совершенно открытой местности и может только с большим трудом, поборов сильное инстинктивное отвращение, привыкнуть к жизни среди кустов или под деревьями, то вы были бы вынуждены признать Мартина истинным героем, видя, как он с напряженно вытянутой вверх

¹ К р о х а л и (*Mergus*) — рыбоядные нырковые утки, широко распространенные в Старом и Новом Свете. В СССР обычны большой крохаль, длинноносый крохаль и луток.

шей однажды последовал за своей подружкой через переднюю дверь в холл, а затем наверх, в спальню.

Я как сейчас вижу его стоящим посреди комнаты, с перьями, плотно прижатыми к телу от страха, дрожащего от напряжения, но гордо выпрямившегося и встречающего великую неизвестность громким шипением. И вдруг дверь с громким стуком захлопнулась за ним. Это было слишком даже для нашего героического серого гуся. Он расправил крылья и взлетел к потолку. При столкновении большая люстра потеряла несколько подвесков, а Мартин — первое перо¹.

Вот что я вспомнил о гусе, летевшем вторым в левой шеренге треугольника; но я знал и другое, по-настоящему радостное: когда я вернусь домой с прогулки, эти серые гуси, только что летевшие вместе с перелетными птицами, будут стоять, выстроившись в шеренгу перед верандой, а потом подойдут ко мне, вытянув вперед свои шеи. У гусей это примерно такой же знак приветствия, как у собаки — виляние хвостом. Я проводил глазами стаю, которая пролетела низко над водой и скрылась за поворотом реки, и внезапно меня охватило изумление, то самое, которое лежит в основе всякого открытия, когда начинаешь по-новому видеть хорошо знакомые вещи. Мы все испытывали это глубоко волнующее чувство: самые повседневные явления внезапно предстают перед вами в новом виде, как будто вы видите их впервые. Вордсворт осознал это однажды, созерцая маленькое растеньице — чистотел:

Лет тридцать — издали и вблизи
Тебя я часто видел — и что ж?
Незнакомо лицо твое было мне...
Теперь же в течение каждого дня
Приветствия слышишь ты от меня.

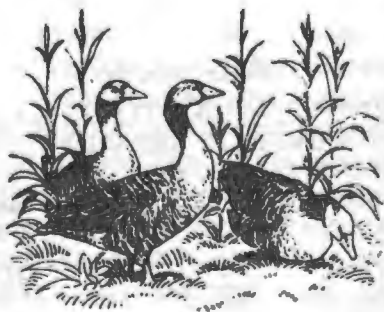
Когда я провожал взглядом гусей, мне показалось почти чудом, что суровый, признающий только строгие факты ученый может установить настоящую дружбу с дикими, свободно живущими животными, и эта мысль преиспол-

¹ Первостепенные маховые перья — крупные перья крыла, прикрепленные к той части скелета, которая соответствует кисти у млекопитающих. Второстепенные маховые прикрепляются к предплечью, третьестепенные — к плечевому отделу крыла.

нила меня ощущением незнакомого счастья. У меня появилось такое чувство, словно изгнание человека из садов Эдема утратило некоторую часть своей горечи.

Сегодня уже нет ворона, и серые гуси загублены войной. Из всех моих свободно живущих птиц остались одни только галки; они же были первыми, кто поселился в Альтенберге. Эти многолетние постояльцы все еще кружатся вокруг высоких фронтонов нашего дома, и их резкие крики, значение которых я понимаю до тонкостей, достигают моего кабинета через трубы центрального отопления. И каждый год эти птицы устраивают гнезда в дымовых трубах и приводят в ярость моих соседей, поедая их вишни.

Понимаете ли вы теперь, что не только научные результаты вознаграждают меня за все хлопоты и беспокойства, но и нечто большее, несравненно большее.

и что это только
что и только
и от нежности

Глава вторая
**БОИТЕСЬ НЕПРИЯТНОСТЕЙ —
ЗАВОДИТЕ АКВАРИУМ**

Мы в этом мире, что кругом,
Живем, творим один в другом.

И.-В. Гете. Фауст

Эта вещь не требует почти никаких затрат, но она поистине удивительна: покройте дно стеклянного резервуара чистым песком и поместите сюда же несколько стебельков самых обычных водных растений. Осторожно влейте в сосуд пинту¹-другую водопроводной воды и поставьте его на солнечный подоконник. Как только вода станет совершенно чистой и растения тронутся в рост, пустите сюда немного маленьких рыбок или, еще лучше, возьмите банку из-под варенья и маленькую сетку и отправляйтесь на ближайший пруд. Стоит два-три раза зачерпнуть сетью воды из глубины лужицы — и вы станете обладателем несметного числа интереснейших организмов.

¹ П и н т а — мера объема жидкостей в Англии и США, около 0,5 литра.

Все очарование детства до сих пор связано у меня с этим сачком для ловли рыбы. Вовсе не обязательно, чтобы это была «усовершенствованная новинка» с латунным обручем и газовым мешочком. По традициям Альтенберга предпочтительнее самоделка, изготовление которой — дело десяти минут: обруч — обычная изогнутая проволока, мешок из чулка, обрывка салфетки или детской пеленки. Таким инструментом я в возрасте девяти лет ловил своих первых дафний на корм рыбкам и в результате открыл удивительный мир пресных прудов, совершенно очаровавший меня. Вслед за рыболовной сеткой пришло увеличительное стекло, его сменил скромный маленький микроскоп, и моя судьба тотчас была решена. Кто однажды узрел сокровенную красоту природы, никогда уже не сможет порвать с ней. Этот человек должен стать или поэтом или натуралистом. И если глаз его точен и способность к наблюдению достаточно обострена, то он станет и тем и другим.

Итак, вы раз за разом протаскиваете сеточку между растениями в глубине пруда, и одновременно ваша обувь наполняется прудовой водой и илом. Если водоем удовлетворяет вашим целям и место выбрано подходящее, то вскоре мешочек сачка наполнится кишашими, извивающимися, стекловидно-прозрачными существами. Теперь опрокиньте сеточку в банку из-под джема, предварительно наполнив ее водой, и сполосните сачок. Придя домой, вы заботливо опорожняете банку со своим уловом в аквариум, а потом созерцаете этот крошечный мирок, сразу же раскрывающий свои тайны вашим глазам и увеличительному стеклу.

Аквариум — это целый мир, ибо животные и растения, точно так же, как и в естественном пруду или в озере, и вообще на всей нашей планете, живут здесь бок о бок в состоянии биологического равновесия. Животные выдыхают двуокись углерода, которая усваивается растениями, а последние в процессе своей жизнедеятельности выделяют кислород. Однако было бы неверно сказать, что растения не дышат, подобно животным, а «делают все наоборот». Растения, точно так же, как и животные, вдыхают кислород и выдыхают углекислый газ, но, кроме того, растущее зеленое растение усваивает и двуокись углерода, используя ее для

построения своего тела. Правильнее было бы сказать, что растение «поедает» углекислый газ. В ходе этого процесса выделяется кислород в количестве большем, нежели необходимо для дыхания самого растения, и этими излишками дышат животные и человек. Наконец, растения способны усваивать остатки умерших организмов, разлагаемых на составные части бактериями, и возвращают эти вещества в великий кругооборот жизни, состоящий из трех взаимосвязанных звеньев: строители — зеленые растения, потребители — животные, демонтировщики — бактерии.

В ограниченном пространстве аквариума этот естественный цикл обмена веществ очень легко нарушается, и это приводит к катастрофическим изменениям в нашем маленьком мирке. Многие содержатели аквариумов, и дети и взрослые, в равной степени не способны противиться искушению запустить к своим рыбкам еще одну-единственную, в то время как растения аквариума и так едва справляются с задачей обслужить кислородом всех живущих рядом с ними животных. И как раз эта единственная рыбка может оказаться последней соломинкой, «переломившей спину верблюда». Слишком большое количество животных в аквариуме ведет к нехватке кислорода. Рано или поздно один из обитателей не справится с этим, а его гибель может пройти незамеченной. Разложение трупа повлечет за собой колоссальное увеличение числа бактерий в аквариуме, вода станет мутной, содержание в ней кислорода резко уменьшится, и тогда начнут умирать другие животные. Вскоре даже растения начнут разлагаться. Всего лишь несколько дней назад мы могли любоваться прелестным водоемом, здоровыми зелеными растениями и яркими подвижными животными, а теперь перед нами ужасная зловонная жижа.

Прогрессивный аквариумист противодействует подобной опасности, искусственно вентилируя воду. Подобные технические меры сводят на нет саму суть аквариума, глубокая идея которого состоит в том, что этот маленький водный мирек самостоятельно поддерживает свою целостность и не нуждается в какой бы то ни было биологической заботе. Достаточно только кормить животных да очи-

щать переднее стекло аквариума (на других стенках водоросли не следует трогать — они являются ценными поставщиками кислорода). Пока поддерживается естественное равновесие, аквариум не нуждается в какой бы то ни было очистке. Если вы отказались от мысли содержать крупных рыб, особенно таких, которых привлекает дно аквариума, то вам не страшен ил, слой которого постепенно образуется внизу из испражнений животных и отмирающих растительных тканей. Он даже полезен, поскольку удобряет песок, который первоначально был стерилен. Несмотря на присутствие ила, сама вода остается кристально чистой и лишенной всякого запаха, как в некоторых наших альпийских озерах.

И с биологической, и с декоративной точки зрения лучше устраивать новый аквариум весной и помещать в него немного растений, обязательно дающих отростки. Только те растения, которые действительно растут в аквариуме, смогут приспособиться к особым условиям каждого определенного аквариума и процветать в дальнейшем, тогда как те, которые уже достигли полного роста, позже утратят значительную часть своей первоначальной прелести.

Два аквариума, разделенные расстоянием в несколько дюймов, обладают столь же различными индивидуальными особенностями, как два озера, находящиеся в нескольких милях одно от другого. В этом заключается основная привлекательность нового аквариума. Когда вы устраиваете его, никогда нельзя сказать заранее, как он будет развиваться и как будет выглядеть, достигнув своей собственной, особой стадии равновесия. Предположим, что вы основали три аквариума в одно и то же время, используя одинаковые неорганические материалы. Все три поставлены вплотную друг к другу, и в каждый посажены водяной чебрец (*Elodea canadensis*) и водяной тысячелистник (*Myriophyllum verticillatum*). В первом могут вскоре пышно разрастись густые джунгли элодеи, которая в большей или меньшей степени вытеснит *Myriophyllum*, во втором вероятно прямо противоположная ситуация, а в третьем, возможно, оба растения будут развиваться соразмерно друг другу. Очевидно, ни в одном из этих аквариумов не окажется восхити-

гельных зарослей декоративной зеленой водоросли *Nitella flexilis*, свисающей вниз наподобие миниатюрных люстр. Таким образом, в трех одинаковых сосудах могут развиваться совершенно различные ландшафты. Биологические особенности этих аквариумов совершенно различны, они благоприятствуют существованию разных групп животных. Короче говоря, в каждом аквариуме развивается свой собственный, особый маленький мир, несмотря на то что первоначальная подготовка может происходить при одинаковых условиях.

Чтобы предотвратить всякое вмешательство в естественное развитие аквариума, каждому любителю необходима определенная доля сдержанности и самоконтроля. Всякое регулирование со стороны владельца, предпринятое даже из самых лучших побуждений, способно принести много вреда. Конечно, можно завести «хорошенький» аквариум с искусственным дном и тщательно рассаженными растениями; фильтры будут препятствовать образованию ила, искусственная аэрация позволит содержать значительно большее число рыб, нежели это было бы возможно при иных условиях. В этом случае растения играют чисто декоративную роль: животные не нуждаются в них, поскольку за счет искусственной вентиляции они получают кислород в количестве, достаточном, чтобы поддерживать свое существование. Конечно, это всецело дело вкуса, но я лично всегда представляю себе аквариум как сообщество живых существ, которое самостоятельно регулирует биологическое равновесие. Все иное — это лишь «садок», клетка, искусственно очищаемый резервуар, который не является чем-то органически законченным и служит просто для содержания в неволе некоторых животных.

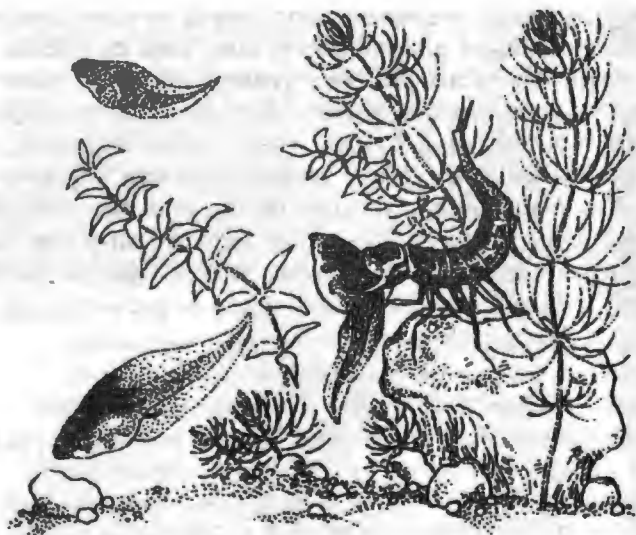
Это истинное искусство — определить заранее, какой тип сообщества животных и растений вы хотели бы держать в своем аквариуме. Чтобы достигнуть этого, необходим большой опыт и много биологического такта в деле расположения самого контейнера, в выборе подходящих материалов для дна, светового и температурного режима и, наконец, растений и животных, которые будут помещены вместе друг с другом.

Настоящим мастером этого искусства был мой трагически погибший друг Бернард Гельман, который мог по своему желанию скопировать любой тип пруда или озера, ручья и реки. Одним из его шедевров был большой аквариум, представлявший собой совершенную модель альпийского озера. Сосуд был очень глубоким, с холодной, кристально чистой водой. Он стоял не слишком близко к свету, и его растительность состояла из стекловидно-прозрачной светло-зеленой прудовой травы *Potamogeton*. Каменистое дно было покрыто темно-зеленым фангиналисом и декоративной водорослью *Chara*. Из животных, которых можно видеть невооруженным глазом, в аквариуме жили лишь несколько маленьких форелей и голянов, немного пресноводных креветок и мелкие раки. Животные обитатели были столь немногочисленны, что они почти не требовали подкармливания, ибо могли существовать за счет естественной микрофауны аквариума.

Если вы хотите содержать каких-нибудь очень требовательных, нежных водных животных, то при создании аквариума очень важно воспроизвести их естественное местообитание с законченным сообществом живущих в нем микро- и макроорганизмов. Даже обыкновенные обитатели наших аквариумов — тропические рыбки, и те сильно зависят от этого условия, хотя их естественная среда жизни — маленькие и не слишком чистые пруды, служащие приютом для того самого сообщества организмов, которое автоматически развивается в среднем аквариуме. Условия, характерные для наших европейских водоемов, подверженных изменениям климата умеренной зоны, несравненно труднее воспроизвести в комнатных условиях. Именно поэтому содержать в аквариуме наших местных рыбок несравненно труднее, нежели тропические виды. Теперь вы понимаете, почему я советовал вам для начала наловить животных в ближайшем пруду с помощью традиционной сетки домашнего изготовления. Я содержал сотни аквариумов самых различных типов, но самый простой и дешевый прудовой аквариум более всего импонирует мне, поскольку его стенки заключают в себе наиболее естественное и законченное сообщество живых организмов, способное прекрасно развиваться в искусственных условиях.

Можно часами сидеть перед аквариумом и созерцать его глубины, точно так же, как подолгу смотреть в пламя живого огня или в воду низвергающегося потока. Все сознательные мысли оставляют вас в эти минуты абсолютной безучастности, но в эти моменты вы научаетесь познавать ценной кажущейся праздности ценнейшие истины о сущности микро- и макрокосма. Если бросить на одну чашу весов все то, что я узнал из книг в библиотеках, а на другую — те знания, которые дало мне чтение «книги бегущего ручья», — наверняка вторая чаша перевесит.

Глава третья РАЗБОЙНИКИ В АКВАРИУМЕ

Как он любезно скалит рот
И как резвится всласть,
Чтоб быстрых рыбок хоровод
Втянуть с улыбкой в пасть!

Л. Кэрролл

Страшные разбойники есть в прудовом мирке. Наблюдая за жизнью аквариума, вы можете стать свидетелями жестокостей той напряженной борьбы за существование, которая будет разыгрываться перед вашими глазами. Если улов был достаточно разнообразен, то вскоре вы сможете увидеть пример подобного столкновения интересов, потому что среди пленников почти наверняка окажется личинка водяного жука-плавунца. Учитывая относительные размеры этого насекомого, прожорливость и ловкость, с которой это существо уничтожает свои жертвы, можно заключить, что личинка плавунца затмевает славу таких пресловутых разбойников, как тигр, лев, волк и хищный кит — косатка¹.

¹ Косатка (*Orcinus orca*) — хищное млекопитающее из семейства дельфинов с длинным, заостренным спинным плавником, напоминающим по форме косу. Обитает в Северном Ледовитом океане и северных

Это стройное насекомое обтекаемой формы достигает более двух дюймов длины. Шесть его лапок снабжены жесткой бахромой щетинок, образующих широкие лопасти в форме весел, движения которых быстро и надежно проталкивают тело личинки сквозь толщу воды. Широкая, плоская голова несет на себе огромные челюсти в форме клещей, полых внутри и служащих не только в качестве шприцев для впрыскивания яда в тело жертвы, но и как отверстие, через которое заглатывается пища. Обычно личинка лежит в засаде на каком-нибудь водяном растении, внезапно она с быстротой молнии бросается на свою жертву и ныряет под нее — резкое движение головы, и добыча уже в челюстях хищника. Для этих прожорливых существ «добычей» является все, что движется или обладает запахом «живого». Неоднократно случалось, что я сам бывал «съеден» личинкой плавунца, когда неподвижно стоял по колено в воде пруда. Инъекция ядовитого пищеварительного сока личинки даже для человека чрезвычайно болезненна.

Эти личинки принадлежат к числу тех немногих животных, у которых процесс пищеварения происходит «вне дома». Секреты желез, которые через полые клещи челюстей впрыскиваются в тело жертвы, растворяют все ткани последней, превращают их в жидкий суп, который затем высасывается личинкой через те же самые каналы. Даже крупная добыча — личинка стрекозы или головастик, будучи укушены насекомыми, теряют гибкость после нескольких оборонительных движений, а их внутренности, которые обычно более или менее прозрачны (как и у большинства водных животных), становятся мутными, словно после фиксации формалином. Сначала жертва набухает, затем сморщивается в мягком пакетике своей шкурки, безжизненно висящей в смертоносных челюстях, и наконец, уже никому не нужная, падает на дно. В ограниченном пространстве аквариума несколько крупных личинок в течение немногих дней съедят всех животных более четверти дюйма длиной. Как же это может случиться? Личинки съедят друг друга, если до сих пор не сделали этого; при этом аб-

рионах Тихого и Атлантического океанов. Имея в длину в среднем 4—5 м, косатка бесстрашно нападает на китов, вчетверо и впятеро превосходящих ее размером. Охотятся косатки обычно небольшими группами.

солютно не существенно, кто больше и сильнее — важно лишь, кто первый успеет схватить соперника. Я часто наблюдал, как две равные по величине личинки одновременно нападали друг на друга и погибали мгновенной смертью в результате растворения тканей тела. Очень немногие животные, да и то лишь под страхом голодной смерти, способны нападать на других особей своего вида, размерами равных себе, с тем чтобы пожрать их. Знаю лишь, что это определенно случается у крыс и немногих родственных им грызунов. Под влиянием наблюдений, о которых будет рассказано ниже, я склонен сомневаться, что такая вещь когда-либо случается у волков. А личинка плавунца пожирает сородичей, равных себе по размерам, даже если есть другая добыча под рукой, — то, чего, насколько мне известно, не делает никакое другое животное.

Другой хищник, не столь отвратительный и жестокий и гораздо более изящный, — это личинка крупной стрекозы *Aeschna*. Взрослое животное — настоящий царь воздуха, поистине сокол среди насекомых — ведь стрекоза ловит свою добычу в полете. Перебирая свой улов, с тем чтобы не допустить в аквариум самых опасных злодеев, вы, вероятно, обнаружите наряду с личинками плавунца несколько других насекомых такой же обтекаемой формы, замечательный способ передвижения которых сразу привлечет ваше внимание. Эти тонкие торпеды, обычно украшенные декоративным желто-зеленым узором, движутся вперед резкими толчками, в то время как лапки их плотно прижаты к туловищу. На первый взгляд вообще кажется загадкой, как они могут перемещаться. Но если вы специально понаблюдаете за этими существами, поместив их в плоское блюдо с водой, то увидите, что личинки движутся по реактивному принципу. Из кончика брюшка насекомого прозрачным столбиком бьет назад сильная струйка воды, которая быстро подталкивает насекомое вперед. Концевой отдел кишечника личинки превращен в полный пузырь, богато снабженный трахсальными жабрами и служащий одновременно и для дыхания, и для передвижения.

Личинка *Aeschna* никогда не охотится вплавь, она подстерегает насекомых, лежа в засаде. Когда добыча появляется в поле зрения, на нее устремляется пристальным

взгляд хищницы, которая очень медленно поворачивает голову и туловище в нужном направлении и внимательно следит за всеми движениями своей жертвы. Подобное фиксирование своей цели очень редко наблюдается у беспозвоночных, да и то лишь у немногих видов. В отличие от личинки плавунца, наша *Aeschna* улавливает даже самое медленное движение — например, она замечает ползущую улитку, и в результате эти моллюски часто оказываются в числе жертв хищницы. Медленно, очень медленно, шаг за шагом личинка стрекозы крадется к намеченной цели: вот только один или два дюйма отделяют их друг от друга — но что это? — внезапно вы видите, что добыча бьется в безжалостных челюстях охотника.

Но, зафиксированная с помощью замедленной киносъемки, вся эта картина выглядит следующим образом: вы успеваете заметить, как нечто, напоминающее длинный язык, стремительно движется от головы личинки к ее жертве, и последняя мгновенно увлекается назад и оказывается между челюстями охотника. Если кому-нибудь из вас приходилось наблюдать за кормящимся хамелеоном, то все происходящее сразу же вызовет в памяти резкие движения языка этой ящерицы. «Бумеранг» личинки *Aeschna* — это не язык, а сильно видоизмененная «нижняя губа», состоящая из двух подвижно сочлененных суставов с хватательными клещами на конце.

Замечательная манера личинки стрекозы фиксировать взглядом свою добычу придает этому насекомому удивительно «разумное» выражение. Это впечатление усилится, когда вы познакомитесь с другими особенностями поведения личинки. В противоположность личинке плавунца, которая слепо хватает все, что движется, несовершеннолетняя *Aeschna* оставляет без внимания животных свыше определенной величины, даже в том случае, если она голодала целыми неделями. Я месяцами держал личинку *Aeschna* в аквариуме вместе с рыбами, но никогда не видел, чтобы насекомое нападало на животных крупнее ее или причиняло им какой-нибудь вред. Замечательно и то, что наша подопытная никогда не схватит животное, уже пойманное другой себе подобной, хотя жертва медленно движется назад и вперед между жующими челюстями удачливого охотника.

С другой стороны, она сразу же набрасывается на кусочек свежего мяса, который точно таким же образом перемещается перед ее глазами на конце стеклянной палочки.

Я постоянно держал в большом аквариуме с американскими солнечными окунями несколько личинок *Aeschna*. Развитие их занимает длительный срок — более года. И вот в один из прекрасных летних дней случается важное событие: личинка медленно выползает на стебелек растения, торчащий из воды. Здесь она долгое время сидит неподвижно, пока ее шкурка не разрывается на верхней стороне одного из грудных сегментов — точно так же, как и во время предыдущих линек. Прекрасное, совершенное насекомое медленно-медленно вылезает на волю из личиночной кожицы. Пройдет еще несколько часов, прежде чем крылья достигнут своей окончательной величины и необходимой жесткости: это результат удивительного процесса, в ходе которого быстро затвердевающая жидкость под высоким давлением нагнетается в тонкие разветвления жилок крыла. Теперь вы широко открываете окно. Остается только пожелать гостю вашего аквариума счастливого пути и всяческих удач в ее новой жизни, жизни крылатого насекомого.

Глава четвертая БЕДНАЯ РЫБКА

Как водоросль, как тины ком,
Налитый тусклым огоньком...
Бессмертен, вечен, слеп и тих
Живет сложнейший импульс в них.

Р. Брук. Рыбы

Меня всегда удивляла слепая вера в пословицы, даже если они ложны и вводят в заблуждение. Лисица ничуть не более хитра, чем другие хищные звери, и гораздо глупее, чем волк или собака; голубь, конечно, далеко не мирная птица, а о рыбах ходят слухи только неверные: они вовсе не такие холоднокровные, чтобы называть их именем вялых и медлительных людей, и совсем не так счастливы в воде, как нам внушает известная пословица. Действительно, нет другой группы животных, в такой же мере страдающих от инфекционных болезней (и не только при домашнем содержании, но и в природных условиях), как рыбы. У меня никогда не было даже тени опасения, что вновь пойманные птицы, пресмыкающиеся или млекопитающие могут зара-

зять живущих у меня животных какой-нибудь болезнью; но каждая только что приобретенная рыба неизменно направляется мной в особый карантинный аквариум, в противном случае можно ставить сто против одного, что вскоре на плавниках старожилов аквариума появятся злоеющие белые пятнышки — признак заражения паразитом *Ichthyophthirius multifiliis*¹.

Однако вернемся к широко распространенному мнению о холоднокровности рыб. Я близко знаком с жизнью многих животных, с их поведением в наиболее интимных ситуациях — когда они пребывают в бурном экстазе сражения или любви, но не знаю другого животного, за исключением дикой канарейки, которое могло бы превзойти в горячности самца колюшки, сиамской бойцовой рыбки или цихлид. Ни одно животное не преобразуется столь полно под влиянием любви, не пылает страстью в таком буквальном смысле, как колюшка² или бойцовая рыбка³. Можно ли передать словами или воспроизвести в красках этот огненно-красный цвет, делающий бока самца колюшки прозрачными и стекловидными, голубовато-зеленые переливы его спины, блеск которой можно сравнить только со световой мощностью неоновых реклам, наконец, изумрудную зелень его глаз. В соответствии с правилами художественного вкуса, сочетание этих красок должно казаться отталкивающим. Тем не менее симфония, которую они образуют, создана рукою природы.

У бойцовой рыбки это чудо цвета непостоянно. Маленькая коричневатая-серая рыбка, лежащая со сложенными плавниками в углу аквариума, внешне не представляет собой ничего замечательного. И только если другая рыбка, первоначально такая же невзрачная, приблизится к ней и они заметят друг друга, только тогда они начинают словно

¹ *Ichthyophthirius multifiliis* — паразитическая равноверетичная инфузория. Внедряется в кожу рыб, образуя маленькие нарывчики. Часто наносит большой вред карповым хозяйствам.

² Колюшка трехиглая (*Gasterosteus aculeatus*) — мелкая рыбка из отряда колюшкообразных. Распространена на большей части Европы и Сибири, обитает в пресных и солоноватых водоемах. Работы выдающегося голландского ученого Нико Тинбергена по поведению колюшки представляют собой классические этологические исследования.

³ Бойцовые рыбки (*Betta*) — мелкие пресноводные рыбки из отряда окунеобразных, обитающие в Индии и Индокитае.

светиться изнутри и постепенно накаляться великолепием. Румянец пропитывает их тела почти так же быстро, как проволочка электрической плитки становится красной при пропускании электрического тока. Плавники расправляются, как декоративные всера, настолько внезапно, что почти ожидаешь услышать звук, какой издает раскрываемый зонтик. А затем следует танец обжигающей страсти, не игра, но танец жизни и смерти, начало и конец всего.

Это может показаться странным, но заранее никогда нельзя сказать определенно, приведет ли этот танец к любовному согласию и спариванию, или столь же плавными переходами перейдет в кровавую битву. Бойцовая рыбка при встрече с себе подобной может определить ее пол только после того, как увидит, каким поведением ответит та на строго ритуальные, инстинктивные движения исполняемого ею танца. Встреча двух первоначально незнакомых самцов бойцовых рыбок начинается с взаимного дерзкого и чванливого самодемонстрирования, при котором каждое светящееся цветное пятно, каждый луч чудесных плавников должен произвести максимальное впечатление.

Перед великолепным самцом скромно одетая самка складывает плавники, тем самым прекращая всякое сопротивление. Если она не готова к спариванию, то немедленно спасается бегством. В противном случае она приближается к самцу робкими, вкрадчивыми движениями, иными словами, ее поведение прямо противоположно дерзкому и хвастливому поведению самца. И тогда начинается любовный обряд, не столь великолепный, как военный танец самцов, но не уступающий ему в грациозности движений.

Когда два самца встречаются лицом к лицу, начинается истинная оргия взаимного самовосхваления. Есть поразительное сходство между воинственным танцем этих рыб и аналогичными церемониальными танцами яванцев и других индонезийских народов. И у человека, и у рыбы мельчайшая деталь каждого движения основана на предписании древнего неизменного закона, каждый легчайший жест полон глубокого символического смысла. Тот же стиль, та же экзотическая грация движений, выражающих сдерживаемый гнев,— вот в чем близкое сходство этих танцев.

Превосходная отточенность телодвижений указывает, что они выработались в результате длительного историче-

ского развития и что в основе их лежит древний ритуал. Не столь очевидно другое: если у человека эти ритуальные церемонии передавались от поколения к поколению посредством тысячелетних традиций, то у рыб они представляют собой результат эволюционного развития врожденной инстинктивной деятельности, и, по-видимому, намного старше. Происхождение подобных ритуальных церемоний превосходно изучено, и мы знаем сейчас об эволюционной истории этих реакций больше, чем о каких бы то ни было других инстинктах.

Но вернемся к воинственным танцам самцов бойцовой рыбки. Они имеют совершенно то же значение, что и словесная дуэль гомеровских героев или наших альпийских фермеров, которая и по сей день предшествует шумным ссорам в деревенских гостиницах. Цель такой дуэли — запугать противника и одновременно привести себя в состояние бесстрашия. У рыб длительность этих приготовлений, их ритуальный характер и, главным образом, замечательный показ красочного наряда и развернутых плавников, имеющие целью запугать, сломить противника, маскируют для непосвященного всю серьезность ситуации. Бойцы во всем великолепии своих нарядов кажутся настроенными менее враждебно, чем это есть в действительности; вы также не склонны приписывать им жестокую отвагу и презрение к смерти, как не связывается в вашем представлении охота за головами с почти женственной красотой индонезийских воинов.

Битва бойцовых рыбок нередко оканчивается смертью одного из противников. Если они уже готовы нанести первый удар, то через несколько минут широкие продольные щели будут зиять в их плавниках, которые очень скоро превратятся в лохмотья. Способ нападения бойцовой рыбки, как вообще всех рыб, сражающихся подобным образом, — это в буквальном смысле удар впагой, но никак не кусание. Рыба открывает рот так широко, что все ее зубы торчат наружу, и со всей силой, развиваемой ее мускулистым телом, в разбегу втыкает их в бок противника. Таранящий удар бойцовой рыбки настолько силен, что если в беспорядке боя одному из противников случится наткнуться на стеклянную стенку аквариума, звук столкновения бывает явственно слышим. Танец самовосхваления может продол-

жаться часами, но если танцоры перешли к действиям, часто уже через несколько минут один из соперников лежит на дне, смертельно раненый.

Бои нашей европейской колюшки сильно отличаются от сражения сиамской бойцовой рыбки. В противоположность последней, самец колюшки «накаляется» не только при виде противника или самки, но находится в таком состоянии все время, пока пребывает в окрестностях гнезда, в пределах выбранной им территории. Коренной принцип, лежащий в основе сражений этих рыбок: мой дом — моя крепость. Отнимите у самца колюшки гнездо или пересадите его в другой аквариум, и наша рыбка и не подумает о драке, даже если там будет другой самец. Напротив, она сразу станет маленькой и жалкой. Поэтому бои колюшек нельзя использовать для показа, тогда как сиамцы уже сотни лет развлекаются драками бойцовых рыбок. Самец колюшки становится физически способным приходить в состояние возбуждения только после того, как обзаведется домом. Поэтому практически сражения колюшек можно наблюдать лишь в том случае, если держать двух самцов в большом аквариуме, где у каждого будет свое гнездо.

Воинственный пыл самца колюшки в каждый момент находится в прямо пропорциональной зависимости от близости гнезда. Когда рыбка сидит в гнезде — это беснующаяся фурия, с полным презрением к смерти безрассудно атакующая гораздо более крупного противника, даже человеческую руку. Чем дальше он отплывает от своей «штаб-квартиры», тем меньше его военный задор. Когда два самца вступают в драку, всегда можно предсказать с полной уверенностью, каков будет ее исход. Около своего гнезда самый слабый самец всегда будет побеждать самого крупного и сильного. Боевая мощь самца колюшки определяется величиной территории, которую он может держать свободной от соперников. Победенный всегда спасается бегством по направлению к дому, а увлеченный своим успехом победитель преследует беглеца далеко во владениях последнего. Чем дальше преследователь уходит от своего дома, тем заметнее убывает его смелость. Беглец, достигнув окрестностей своего гнезда, приобретает новые силы, поворачивается и с удесятеренной яростью бросается на врага. Новая драка всегда оканчивается поражением первоначального

победителя — и снова погоня, теперь уже в противоположном направлении. Столкновения чередуются с погоней то в одну, то в другую сторону, и это напоминает движение маятника, достигающего наконец равновесия в некоторой точке. Боевые силы сражающихся уравниваются как раз на границе их территорий. Тот же самый принцип играет важную роль в жизни многих животных, особенно птиц. Каждый любитель птиц мог наблюдать, как две горихвостки гоняют друг друга таким же точно образом.

Итак, остановившись наконец на воображаемой линии, разделяющей их владения, рыбки не решаются напасть друг на друга. Приняв особые угрожающие позы, они то и дело опрокидываются головой вниз. Рыбки проделывают это вновь и вновь, поворачиваются друг к другу боком, и каждый угрожающе выпрямляет спинной шип на той стороне тела, которая обращена к противнику. Все время рыбки касаются ртом дна, и можно подумать, что они заняты поисками пищи. Самец колюшки ведет себя точно таким же образом в момент постройки гнезда; при столкновении каждый из двух самцов демонстрирует перед противником, так сказать, ритуальную версию этого поведения. Дело в том, что, если нечто мешает особи совершить какое-либо инстинктивное действие, вытекающее из данной ситуации, животное часто «находит облегчение» в том, что выполняет другое действие, казалось бы, совершенно не соответствующее обстоятельствам. Так и в этом случае: колюшка, не решаясь напасть на противника, вместо этого производит движения, характерные для периода постройки гнезда. Это явление, имеющее огромный теоретический интерес как с точки зрения физиологии, так и психологии, в сравнительной этологии принято называть «смещением действий»¹.

¹ Смещенные действия (displacement activity) — действия животного, которые, с точки зрения наблюдателя, не соответствуют внешней ситуации. Например, петухи во время драки часто клюют землю, словно собирая корм. Потревоженная около гнезда овсянка перебирает клювом перья, как будто бы приводя их в порядок. Испуганный кулик поворачивает голову назад и прячет клюв в оперение спины, как он делает, погружаясь в сон. На самом деле это ложное клевание, ложная чистка пера, ложный сон. Причину такого рода форм поведения видят в борьбе противоречивых стремлений — дерущийся петух хочет одновременно напасть на соперника и бежать от него. Смещенные действия служат в эволюции материалом для формирования различных брачных и угрожающих церемоний, заменяющих животным речь и язык.

В отличие от бойцовой рыбки, колюшка не тратит много времени на угрозы до начала драки, она делает это между столкновениями или после них. Колюшки никогда не дерутся до конца, хотя, если исходить из их способа нападения, можно было бы ожидать обратного. Удары и контрудары следуют один за другим с такой быстротой, что взгляд наблюдателя едва способен уследить за ними. Правда, большой спинной шип, имеющий столь злобный вид, играет подчиненную роль.

В старой литературе об аквариумах можно встретить утверждение, что один из сражающихся может пасть мертвым, проткнутый шипом противника. Очевидно, авторы этих книг никогда не пробовали «проткнуть» колюшку; даже мертвая рыбка будет выскользывать из-под самого острого скальпеля, прежде чем вам удастся продырявить ее прочную кожу даже в том месте, где она не подкреплена костистым панцирем. Положите колюшку на какую-нибудь мягкую поверхность, которая, конечно, оказывает гораздо большее сопротивление, чем вода, и попробуйте проткнуть рыбку острой иглой. Вы будете удивлены, увидев, сколько силы требуется для этого. Благодаря чрезвычайной прочности своей кожи, колюшка не может получить в бою сколько-нибудь серьезной раны, да и сами сражения, если их сравнивать с драками бойцовых рыб, безвредны до нелепости. Конечно, в ограниченном пространстве аквариума более сильный самец может загонять более слабого до смерти, но если в аналогичные условия поместить кроликов или горлиц, их взаимоотношения могут привести к такому же результату.

Колюшка и бойцовая рыбка ведут себя по-разному и в любви, и в драке, но как родители имеют много общего. У обоих видов не самка, а самец берет на себя устройство гнезда и заботу о молоди. И когда будущий отец еще только начинает подыскивать себе пару, у него уже готова колыбель для ожидаемых детей. Но здесь сходство кончается и начинаются различия. Колыбель колюшки, как уже упоминалось, лежит «под полом», а у бойцовой рыбки она расположена «над потолком». Иными словами, первая выкапывает небольшую камеру на дне водоема, а вторая строит гнездо на поверхности воды. Одна употребляет для постройки гнезда волокна растений и особые клейкие выделе-

ния почек, другая пользуется только воздухом и своей слюной.

Воздушный замок бойцовой рыбки, как и ее ближайших родственников, состоит из маленькой кучки пузырьков воздуха, покрытых прочным слоем слюны. Этот домик очень устойчив и слегка выдается над поверхностью воды. Уже в то время, когда самец занят постройкой гнезда, он окрашен в великолепные цвета, которые становятся глубокими и радужными в момент появления самки. Самец, подобно молнии, бросается к ней и останавливается, пылая. Если самка готова принять его, она «сообщает» об этом, принимая особую окраску — на общем коричневом фоне появляются светло-серые вертикальные полосы. С плотно сложенными плавниками она плывет к самцу, который, трепеща от возбуждения, до предела расправляет плавники и поворачивается к невесте ослепительно сверкающим боком. В следующий момент кавалер повертывает в сторону гнезда и плывет скользящими движениями, грациозно извиваясь всем телом. Манящий характер этих жестов ясен, даже если видишь их впервые. Телодвижения говорят: «Я упиываю от тебя, торопись и догоняй меня!» Между тем самец никогда не плывет быстро и не уходит далеко; он вскоре останавливается и поджидает самку, которая робко и застенчиво следует за ним по пятам.

Таким образом самец увлекает самку в гнездо, где начинается любовный танец, нежной грацией движений напоминающий менуэт. Однако экстаз, в котором пребывают исполнители, вызывает воспоминания о храмовых танцах острова Бали. По предписанию вековых законов, самец все время должен быть обращен к партнерше своим роскошным боком, а она постоянно остается под прямым углом к нему. Самец не должен даже мельком увидеть бок самки, иначе он сразу станет злым и настроенным совсем не пырцарски, потому что показ бока означает у этих рыб, как и у многих других, агрессивные намерения и немедленно вызывает у каждого самца полную перемену настроения: самая горячая любовь сменяется дикой ненавистью.

Самец плавает вокруг самки, и она следует каждому его движению таким образом, что голова ее все время обращена к партнеру. Танец исполняется в маленьком кругу, как

раз под центром гнезда. Движения становятся все более нистовыми, краски — все более пылающими, круг — все меньше и меньше; наконец тела соприкасаются. Самец неожиданно туто обвивает своим телом туловище самки, осторожно переворачивает ее на спину, и, трепеща, оба совершают великий акт соединения. Икра и семя выделяются одновременно.

Самка несколько секунд находится в состоянии оцепенения, но у самца есть важное дело, которым нужно заняться тотчас же. Крошечные, прозрачные как стекло икринки тяжелее воды и сразу опускаются на дно. Положение тел при икрометании таково, что погружающиеся икринки движутся мимо головы самца, тем самым привлекая его внимание. Супруг мягко выпускает самку и скользит вниз в погоне за икринками, собирая их одну за другой в свой рот. Всплывая, он выдувает икринки в гнездо. Последние, вместо того чтобы снова погрузиться, теперь чудесным образом всплывают. Эта внезапная и удивительная перемеща удельного веса объясняется тем, что сейчас каждая икринка покрыта пленкой слюны, способной держаться на поверхности воды. Самец спешит с этой работой, и не только потому, что он скоро уже не сможет отыскать в грязи крошечные прозрачные шарики, но и еще по другой причине: если он замешкается, самка может выйти из состояния транса и тоже начнет поглощать икринки. На первый взгляд может показаться, что она повторяет действия самца. Но если вы захотите посмотреть, как она будет складывать икринки в гнездо, ваши усилия будут тщетны: икра погибла безвозвратно, проглоченная самкой. Поэтому у самца есть все основания торопиться; он хорошо знает, почему нельзя позволить самке приблизиться к гнезду, когда после десяти—двадцати спариваний все ее икринки надежно сложены наверху между пузырьками воздуха.

Семейная жизнь красивых и отважных рыбок из группы цихлид¹ находится на более высоком уровне, чем у бой-

¹ Цихлиды, или хромисы (*Cichlidae*), — семейство рыб из отряда окунеобразных, распространенное в водоемах (главным образом пресноводных) тропиков Старого и Нового Света. Наиболее разнообразны эти рыбки в озерах Центральной Африки, где насчитывается около 200 видов хромисов.

овой рыбки. Здесь уже и самец и самка заботятся о потомстве, а молодые рыбки следуют за ними, как цыплята за наседкой. Впервые на восходящей лестнице живых существ мы находим у этих рыб тот тип поведения, который считается людьми высокоморальным: самец и самка состоят в тесном супружеском товариществе даже после того, как размножение окончено. Они остаются вместе не только некоторое время, которое требует забота о выводке, но — и это очень важно — гораздо дольше. Обычно это называют «браком», если оба партнера вместе заботятся о потомстве, хотя для этой цели нет необходимости в настоящих личных связях между родителями. Но у цихлид они существуют.

Для того чтобы объективно установить, узнает ли животное своего супруга персонально, «в лицо», он должен быть заменен другим животным того же пола, находящимся в той же стадии цикла размножения. Если, например, пара птиц только что начала гнездиться и мы заменим самку другой, находящейся в психофизиологической стадии выкармливания птенцов, ее инстинктивное поведение, естественно, будет находиться в несоответствии с поведением самца. Если самец после такой замены начнет враждебно реагировать на присутствие самки, мы не сможем сказать с полной уверенностью, действительно ли он заметил, что новая самка не есть его «жена», или его раздражение вызвано тем, что новая подруга ведет себя «неправильно».

Меня крайне заинтересовало, как ведут себя в этом отношении цихлиды, единственные рыбы, связанные узами брака на всю жизнь. Первое, что нужно для разрешения этого вопроса, — это обладать двумя парами животных, находящихся в одной фазе репродуктивного цикла. Я был достаточно удачлив и вскоре приобрел великолепных южноамериканских цихлид *Herichthys cyanoguttatus*, вполне удовлетворявших этому условию. Латинское название, в буквальном переводе означающее «рыба — герой с голубыми пятнами», вполне оправданно: глубокие бирюзово-голубые переливающиеся пятна образуют причудливую мозаику на бирхатно-черном фоне, а героизм, который проявляет размножающаяся пара этих рыбок даже по отношению к гораздо более крупному противнику, оправдывает вторую часть названия.

Пять молодых рыбок этого вида в тот момент, когда я приобрел их, не были ни героическими, ни украшенными голубыми пятнами. После нескольких недель содержания в большом солнечном аквариуме они выросли и расцвели, и в один прекрасный день одна из двух самых больших рыбок надела свой брачный наряд. Тогда стало ясно, что это — самец. Он занял более низкий передний левый угол аквариума, выкопал глубокую полость для гнезда и начал готовиться к икрометанию, тщательно очищая большой гладкий камень от водорослей и наносов. Четыре другие рыбки сбились озабоченной кучкой в приподнятом правом заднем углу аквариума. Но на следующее утро одна из них тоже надела праздничный наряд; бархатно-черная грудка, лишенная голубых пятен, указывала на то, что перед нами самка. Самец сразу же препроводил даму домой, с церемониями, очень похожими на те, с которыми самец бойцовой рыбки приглашает в гнездо свою супругу.

Так пара заняла свою гнездовую территорию и начала доблестно оборонять свои владения. Это было не шуточным делом для трех остальных рыбок, которые не имели возможности передохнуть, постоянно перегоняемые с места на место. И тот факт, что находившийся в их числе второй самец через несколько дней собрался с духом и решил завоевать противоположный угол аквариума, ярко характеризует героизм, свойственный этим рыбкам. Теперь два самца стояли лицом к лицу, как два враждебных рыцаря в своих замках.

Граница проходила ближе к замку одинокого самца: его боевые возможности были меньше, чем объединенные силы пары, поэтому и территория его была соответственно уже (об этом я говорил подробно, описывая территориальные сражения самцов колюшки). Одинокий самец, которого мы будем называть просто самец номер два, вновь и вновь делал вылазки с явным намерением похитить жену соседа. Однако все его попытки были безрезультатны и не приносили холостяку ничего, кроме разочарования. Каждый раз, когда он пытался ухаживать за самкой, выставляя напоказ свой роскошный бок, она отвечала ему таранящим ударом в это незащищенное место.

Эта ситуация оставалась неизменной в течение нескольких дней; потом еще одна самка надела наряд новобрачной, и счастливый конец казался неминуемым. Но произошло нечто совсем другое. Вторая самка, вопреки моим ожиданиям, оказывала очень мало внимания самцу номер два, как и он ей. Они просто игнорировали друг друга. Самка номер два все время пыталась приблизиться к самцу номер один. Каждый раз, когда тот после очередной военной вылазки ушлывал в свои владения, она следовала за ним в характерной позе, которую обычно принимает самка, приглашаемая в гнездо. Очевидно, она считала себя похищенной всякий раз, когда самец номер один возвращался домой после очередной вылазки. Судя по той свирепости, с какой его жена нападала на приближающуюся соперницу, она уяснила обстановку весьма отчетливо. Ее муж не принимал участия в этих нападениях. Таким образом, самец и самка номер два не существовали друг для друга, и каждый смотрел только на представителя другого пола из счастливой супружеской пары, которые, казалось, со своей стороны очень мало интересовались соседями.

Такое положение могло бы существовать длительное время, если бы я не вмешался и не пересадил вторые номера в другой, идентичный аквариум. Разъединенные с предметами своей отвергнутой любви, они быстро нашли утешение в обществе друг друга и образовали пару. Некоторое время спустя обе самки выметали икру в один и тот же день. Теперь я имел то, что желал, именно, две пары животных одного вида в одной и той же стадии цикла размножения. Поскольку размножение этих рыбок само по себе много значило для меня, я решил подождать со своим экспериментом до тех пор, пока молодые в обеих семьях подрастут настолько, чтобы они смогли существовать самостоятельно даже в том случае, если супружеские связи родителей будут окончательно порваны.

После этого я обменял самок. Результат оказался двусмысленным и не дал ясного ответа на вопрос, узнают ли рыбки своего супруга «в лицо». Мое толкование, которое и излагаю ниже, может показаться многим слишком смелым и, несомненно, нуждается в дальнейшем эксперименталь-

ном подтверждении. Самец номер два принял самку номер один сразу же, как только она была посажена к нему. Однако, мне кажется, это нельзя расценивать как свидетельство того, что самец не заметил перемены; действительно, его поведение при каждой встрече с самкой во время церемонии «смены караула» говорило как будто об усилении пыла и страсти. Самка сразу приняла ухаживания самца и без колебаний приступила к исполнению своей роли. Но и это не говорит о многом, ибо в этот период самка целиком занята молодыми и обращает на самца мало внимания.

В другом аквариуме, куда я посадил самку номер два к самцу номер один и его потомству, дела приняли совершенно иной оборот. Здесь самка тоже интересовалась только детьми; выведенная из душевного равновесия переменой обстановки, она сразу поплыла на мелкое место и начала встревоженно собирать около себя молодых. Именно то же самое сделала самка в другом аквариуме. Но совершенно противоположным было поведение самца. В то время как самец номер два принял новую самку дружеской церемонией «накаливания», самец номер один продолжал настороженно охранять выводок, отказался принять помощь самки и в следующий момент обрушил на нее бешеный таранящий удар. Несколько серебряных чешуек заплясали, подобно солнечным зайчикам, на дне аквариума, и я должен был вмешаться, чтобы спасти самку, которая в противном случае могла быть забита до смерти.

Что же произошло? Самец, который получил «более симпатичную» самку, ухаживал за ней и раньше, почему и принял замену с удовлетворением; другой же, помещенный с первоначально отвергнутой им самкой, был взбешен — и его нельзя не оправдать. Теперь он нападал на нее гораздо свирепее, чем делал это раньше, в присутствии своей законной супруги.

Способы заботы этих рыб о своем потомстве еще более интересны, чем взаимоотношения взрослых особей, и гораздо пленительнее для наблюдателя. Кто хоть раз наблюдал, как они непрерывно обвевают струями свежей воды икру или крошечных рыбок, лежащих в гнезде, сменяют друг друга на дежурстве с военной точностью, или позже, когда молодые учатся плавать, заботливо ведут их сквозь

плещу воды, тот никогда не забудет этих сцен. Но самое драгоценное зрелище можно наблюдать, когда дети, уже способные плавать, на ночь укладываются спать. Каждый вечер, прежде чем молодые достигнут возраста нескольких недель, они с наступлением сумерек возвращаются к гнездовой камере, в которой провели раннее детство. Мать стоит около входа в гнездо и собирает молодых около себя. Затем она подает особый сигнал движением своего плавника.

Эта особенность поведения особенно ярко выражена у великолепной драгоценной рыбки *Hemichromis bimaculatus*, одной из самых прекрасных среди всех цихлид. Я думаю, что Руперт Брук¹ имел в виду именно этих рыбок, когда писал следующие строки:

Багровый — в сердце розы — цвет,
В беззвездном небе синий свет,
И золотом блеснувший взор,
И зелень моря, пурпур гор —
От полной тьмы до полной тьмы
Найдем миллион оттенков мы.

Сверкающие и переливающиеся голубые пятна на темно-красном спинном плавнике играют особую роль в тот момент, когда самка драгоценной рыбки укладывает детей спать. Она быстро дергает плавником вверх и вниз, испуская яркие вспышки наподобие гелиографа². В ответ на это молодые собираются под матерью и послушно опускаются в отверстие гнезда. В это время отец обыскивает аквариум в поисках запоздавших. Он не тратит времени на уговоры, а просто забирает их в свой просторный рот и, подплыв к гнезду, «выплевывает» во входное отверстие. Молодые рыбки сразу тяжело падают на дно и остаются лежать там. Дело в том, что плавательный пузырь спящих молодых сжимается настолько сильно, что они становятся гораздо тяжелее воды и, подобно маленьким камешкам, остаются лежать в гнездовой камере, как лежали в раннем детстве, когда их плавательный пузырь еще не был наполнен газом.

¹ Брук Руперт (1887—1915) — английский поэт, представитель импрессионизма.

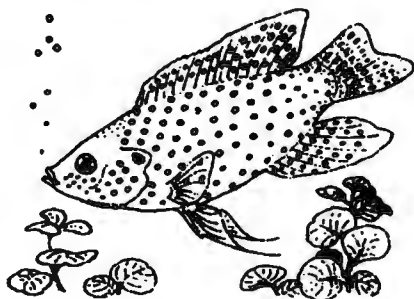
² Гелиограф — прибор, используемый в военном деле для передачи сообщений азбукой морзе посредством зеркала, отражающего солнечные лучи.

То же явление «утяжеления» вступает в действие, когда родители собирают молодых в рот. Без этого рефлекторного механизма отец никогда бы не смог удержать детей вместе, как он делает это каждый вечер, препровождая их на ночлег.

Однажды я наблюдал, как драгоценная рыбка во время подобной вечерней транспортировки опоздавших совершила поступок, изумивший меня. Поздно вечером я вошел в свою лабораторию. Уже спустились сумерки, и я хотел быстро покормить рыбок, которые еще не ели в этот день. Среди них была и пара драгоценных рыбок с выводком. Подойдя к аквариуму, я увидел, что большинство молодых находились уже в гнезде, возле которого дежурила самка. Когда я бросил на дно кусок дождевого червя, она отказалась от еды. Отец, в величайшем возбуждении сновавший взад и вперед в поисках «прогульщиков», отвлекся от выполнения своих обязанностей, соблазнившись отличным задним концом червя (по непонятным причинам он предпочел этот кусок целому червю, лежавшему перед ним). Он схватил половину червя, но тот был слишком велик, чтобы проглотить его сразу. Самец принялся жевать свою добычу и в этот момент увидел молодого, плывущего вдоль стенки аквариума. Самец вздрогнул, как ужаленный, бросился вдогонку за маленькой рыбкой и затолкал ее в уже наполненный рот. Это был волнующий момент. Рыба держала во рту две совершенно различные вещи, одну из которых она должна была отправить в желудок, а другую — в гнездо. Как она поступит? Должен сознаться, что в этот момент я не дал бы и двух пенсов за жизнь крошечной драгоценной рыбки. Но случилось удивительное! Самец стоял неподвижно, с полным ртом, но не жевал. Если я когда-нибудь полагал, что рыба думает, то именно в этот момент. Это совершенно замечательно, что рыба может найтись в подлинно сложной ситуации, и в этом случае она вела себя именно так, как вел бы себя человек, будь он на ее месте. Несколько секунд она стояла неподвижно, как бы не находя выхода из положения, и почти можно было видеть, как напряжены все ее чувства. Потом она разрешила противоречие способом, который не может не вызвать восхищения: она выплюнула все содержимое рта на дно аквариума.

Червь упал, и маленькая рыбка, ставшая тяжелой благодаря приспособлению, о котором уже говорилось, последовала за ним. Затем отец решительно направился к червю и восторженно начал есть его, все время поглядывая одним глазом на молодого, который послушно лежал на дне. Покончив с червем, самец взял малька и отнес его домой, к матери.

Несколько студентов, бывшие свидетелями этой сцены, вздрогнули, когда один человек начал аплодировать.

Глава пятая

СТОИТ ЛИ СМЕЯТЬСЯ НАД ЖИВОТНЫМИ

Я редко смеюсь над животными, и когда это случается, всякий раз обнаруживаю позже, что смеялся-то я над самим собой, над людьми, ибо многие животные представляют собой более или менее безжалостную карикатуру на человека. Мы стоим перед обезьянником и смеемся, однако не смеемся при виде гусеницы или слизня; и если брачные ужимки здорового, сильного гусака кажутся нам невероятно забавными, то только потому, что наши молодые люди ведут себя весьма похоже в сходных ситуациях.

Посвященный наблюдатель редко смеется над странными, эксцентричными животными. Меня всегда выводят из себя посетители зоопарка, высмеивающие тех животных, у которых в ходе эволюции развились особые черты строения, которые кажутся нам необычными. Гротескные формы хамелеона или муравьеда вызывают во мне чувство глубокого удивления, но отнюдь не веселье.

Конечно, неожиданная забавность некоторых животных подчас и у меня вызывает смех, и, очевидно, такое веселье

не менее глупо, чем раздражающее меня поведение публики в зоопарке. Когда я впервые приобрел странную, вылепленную на землю рыбку перифthalmус¹ и увидел, как это существо выпрыгнуло на край аквариума (заметьте, не прочь из сосуда, а на его край), подняло голову с бульдожьим «лицом» и, сидя на своем «насесте», уставилось на меня выпученными, пронзительными глазами,— в этот момент и смеялся, смеялся от души. Можете ли вы представить себе что-либо подобное: рыба, настоящая, подлинная рыба сидит на «жердочке», как канарейка, потом поворачивает к вам голову, как высшее наземное позвоночное², и в довершение всего рассматривает вас сразу обоими глазами! Такой же пристальный взгляд характерен для сов, и именно он придает этим птицам закрепленное в пословицах мудрое выражение «лица». Дело в том, что даже у птиц, стоящих эволюционно гораздо выше, чем рыбы, бинокулярный взгляд³ кажется неожиданным. И здесь смешное, очевидно, заключается скорее в карикатурном сходстве с человеком, нежели в какой-то особой забавности самих животных.

При изучении поведения высших животных часто возникают весьма забавные ситуации, и в этих ситуациях не животные, а сам наблюдатель неизменно играет самую комическую роль. Работа этолога, изучающего поведение птиц и млекопитающих, нередко требует полного отступления от внешнего достоинства, которое принято ожидать от ученого. В самом деле, порой нельзя осуждать непосвященного человека, который, наблюдая этолога за работой, не

¹ Перифthalmус, или илестый прыгун (*Perriophthalmus holbrooki*),— небольшая рыбка, обитающая в прибрежных участках тропических районов Тихого и Индийского океанов. Рыбки лежат в прибрежном иле, ползают или прыгают по нему, часто влезают на обнаженные корни манговых деревьев. На суше охотятся за насекомыми даже чаще, чем в воде. По своему образу жизни более напоминают земноводных, чем рыб.

² У рыб и амфибий шейный отдел позвоночника неразвит или развит очень слабо, поэтому голова неподвижно соединяется с туловищем. Подвижная шея появляется лишь у некоторых рептилий (ящерицы, черепахи) и представляет собой обычное явление у птиц и млекопитающих.

³ Бинокулярное зрение — способность видеть предмет одновременно обоими глазами. Низшие позвоночные (рыбы и амфибии) практически лишены такой способности, и перифthalmус представляет собой редкое исключение. Среди высших позвоночных (рептилий, птиц и млекопитающих) бинокулярное зрение сравнительно широко распространено только у млекопитающих.

может отделаться от мысли, что есть нечто безумное в действиях последнего. Только репутация «безвредного», которую я разделял с одним деревенским идиотом, в свое время спасла меня от дома умалишенных. Но в оправдание жителей Альтенберга я должен рассказать несколько маленьких историй.

Одно время я экспериментировал с молодыми кряквыми утками — меня интересовал вопрос, почему инкубаторные, только что вылупившиеся утята, в отличие от «новоорожденных» птенцов серого гуся, недоверчивы и пугливы. Гусята без колебаний начинают считать матерью первое живое существо, которое они встречают на своем жизненном пути, и доверчиво бегут за ним. Утята кряквы ведут себя совершенно иначе. Если я беру из инкубатора только что вылупившихся птенцов, они неизменно убегают от меня и забиваются в ближайший темный угол. Почему? Я помнил, что однажды подложил яйца кряквы под мускусную утку¹ и вылупившиеся крошечные утята отказались принять мачеху. Как только они обсохли, они просто-напросто убежали от нее прочь, и я потратил массу усилий, чтобы изловить этих кричащих, заблудших детей. Но в другой раз, когда я заставил высидеть яйца кряквы большую белую домашнюю утку, маленькие дикари бегали за ней так, словно это была их настоящая мать. Внешне белая домашняя утка совершенно не похожа на крякву, так же как и мускусная утка. Но у домашней утки есть одно общее с кряквой — это ее голос. Кряква, несомненно, является диким прародителем домашней утки. В процессе одомашнивания изменились пропорции тела и окраски, но голос практически остался таким же, как у кряквы.

Вывод был ясен: чтобы заставить маленьких крякв ходить за мной, я должен крякать, как кряква-мамаша. Но сказать проще, чем сделать. В один прекрасный день я взял кладку сильно насиженных яиц чистокровной дикой кряквы, положил их в инкубатор, и когда утята вылупились и

¹ Мускусная утка (*Cairina moschata*) — крупная (длиной до 80 см) утка, распространенная в лесных районах американского континента от Мексики до Парагвая. Гнездится на деревьях. У себя на родине одомашнена и дает помеси с обыкновенной домашней уткой, происходящей от кряквы.

обсохли, стал крикать для них, как самая лучшая крякуха. Мое кряканье имело успех. Утята уверенно устремляли свой взгляд на меня, видимо, не боялись меня в это время. Поскольку, продолжая крикать, я медленно уходил от них, они послушно держались вместе и торопливо шли за мной тесной беспорядочной кучкой, точно так, как утята обычно следуют за своей матерью. Мое предположение было, бесспорно, доказано. Только что вылупившиеся из яйца утята обладают врожденной реакцией на голос матери, а не на ее внешний вид. Всякий издающий утиное кряканье будет принят за мать — неважно, кто это — толстая белая пекинская утка или еще более толстый мужчина. Однако «подставное лицо» не должно быть особенно рослым. В начале моих опытов я садился на траву среди утят и передвигался в таком положении. Но как только я вставал во весь рост и пытался предводительствовать стоя, утята останавливались, испытующе смотрели во все стороны, но только не вверх, откуда доносилось мое кряканье, и вскоре начинался пронзительный писк покинутых матерью утят, который мы обычно называем плачем. Они не могли смириться с тем, что мама их стала такой высокой. Итак, я был вынужден передвигаться сидя на корточках, если хотел, чтобы утята следовали за мной. Нельзя сказать, чтобы это было слишком удобно; но еще менее утешительным было то, что кряква-мать крякает непрерывно. Стоило мне сделать хотя бы полуминутный перерыв в моем мелодичном «куак, гегегег, куак, гегегегек...», как шеи утят начинали становиться все длиннее и длиннее, подобно тому как вытягиваются лица у обиженных детей, и если я сразу же не возобновлял кряканье, пронзительный плач начинался снова. Как только я замолкал, им, вероятно, начинало казаться, что я умер или не люблю их больше — причина, достаточная для того, чтобы начать плакать! Утята, в противоположность птенцам серого гуся, оказались достаточно утомительной обузой — представьте себе двухчасовую прогулку с такими детьми, когда все время передвигаешься сидя на корточках и крякаешь без остановки. Поистине, в интересах науки я подверг себя тяжелому испытанию.

Так, скрючившись и крякая, я прогуливался в один прекрасный день в компании своих утят по заросшему май-

ской травой лужку в возвышенной части своего сада. Я поздравлял себя с тем послушанием и точностью, с какими мои утята в этот день вперевалочку следовали за мной. Когда я вдруг взглянул вверх, то увидел над оградой сада ряд мертвенно-белых лиц; группа туристов стояла за забором и со страхом таращила глаза в мою сторону. И неудивительно! Они могли видеть толстого человека с бородой, который тащился, скрючившись в виде восьмерки, вдоль луга, то и дело оглядываясь через плечо и кричал — а утята, которые могли хоть как-то объяснить подобное поведение, утята были скрыты от глаз изумленной толпы высокой весенней травой.

Как я расскажу в одной из следующих глав, галки надолго запоминают того, кто на глазах у всей галочьей колонии однажды взял одну из них в руки и тем самым вызвал переполох, сопровождаемый особым «гремящим» криком. Это сильно препятствовало моей работе по кольцеванию молодых галок в колонии, обосновавшейся на моем доме. Когда я брал птенцов, чтобы пометить их с помощью алюминиевых колечек, галки не могли не видеть меня, и сразу же начинался дикий гремящий концерт. Как воспрепятствовать развитию у птиц постоянного недоверия ко мне в результате процедуры кольцевания — ведь такое положение дел могло нанести неисправимый вред всей моей работе. Решение казалось очевидным — переодевание. Но как? Очень просто. Костюм лежал наготове в ящике на чердаке и очень подходил для моих целей, хотя обычно его доставали один раз в год — шестого декабря, чтобы отпраздновать старый австрийский праздник, день святого Николая и Дьявола. Это был великолепный меховой костюм черта с маской, закрывающей всю голову, с рогами и языком и с длинным торчащим дьявольским хвостом.

Я хотел бы знать, что подумали бы вы, если бы в один прекрасный июльский день вдруг услышали дикий крик галок, несущийся с остроконечной крыши высокого дома, и, взглянув вверх, увидели бы Сатану собственной персоной — с рогами, хвостом и когтями, с высунутым от жары языком, Сатану, карабкающегося от дымохода к дымоходу и окруженного роем черных птиц, производящих оглушительные гремящие крики? Мне кажется, что общее тревож-

ное впечатление от такого зрелища могло замаскировать тот факт, что Сатана при помощи особых щипцов одевал алюминиевые колечки на лапки молодых галок, после чего осторожно клал их обратно в гнездо. Когда я окончил кольцевание, то впервые заметил большую толпу, собравшуюся на деревенской улице, — люди смотрели вверх с тем же выражением ужаса, что и те туристы за оградой моего сада. Поскольку возможность показать, кто скрывается под личиной Сатаны, совершенно противоречила моим целям, я ограничился тем, что дружески махнул толпе своим дьявольским хвостом и исчез через люк, ведущий на чердак.

В третий раз я находился под угрозой попасть в психиатрическую клинику по вине моего большого желтохохлого какаду¹ по имени Кока. Я приобрел эту прекрасную и совершенно ручную птицу незадолго до Пасхи за внушительную сумму. Прошло несколько недель, прежде чем бедное существо смогло оправиться от психического расстройства, вызванного долгим заточением у предыдущих хозяев. Первое время попугай просто не мог осознать, что нет больше оков и можно двигаться свободно. Было жалко смотреть на эту гордую птицу, которая, сидя на ветке, то и дело готовилась взлететь и не решалась, ибо не верила, что она уже не на цепочке. Когда же она наконец преодолела эту внутреннюю скованность, то стала чрезвычайно живым и энергичным существом и очень привязалась ко мне. Утром, как только попугаю разрешалось покинуть комнату, в которую мы еще запирали его на ночь, он сразу же летел разыскивать меня, проявляя при этом удивительную сообразительность. В чрезвычайно короткое время птица уяснила себе, где можно вернее всего найти меня. Первым делом попугай влетал в окно моей спальни и, не найдя меня там, вел свою разведку все шире и шире. В результате несколько раз он терял обратную дорогу. Поэтому мои помощники получили строгую инструкцию — не выпускать попугая в то время, пока я нахожусь в отлучке.

В одну июньскую субботу я сошел с венского поезда в Альтенберге, окруженный толпой туристов, приехавших,

¹ Желтохохлый какаду (*Cacatua galerita*) — крупный попугай, обитающий в Австралии и Тасмании.

как обычно бывает летом в конце недели, на купание в нашу деревню. Я сделал всего несколько шагов по улице среди толпы, не успевшей еще поредеть, когда высоко в воздухе увидел какую-то странную птицу. Она медленно, размеренно взмахивала крыльями и время от времени подолгу парила. Она казалась слишком массивной для сарыча¹. Это не был и аист — он крупнее, кроме того, у аиста, летящего даже на такой высоте, были бы видны длинные ноги и шея. Птица сделала внезапный поворот, и садящееся солнце на мгновение осветило нижнюю сторону больших крыльев, которые блеснули, словно звезды в голубом небе. Птица была белой. Господи, да ведь это мой какаду! Равномерные движения его крыльев ясно указывали, что попугай собрался лететь далеко. Что же делать? Должен ли я позвать птицу? Кстати, слышали ли вы когда-нибудь призывный крик большого желтохохлого какаду? Нет? Но вы, вероятно, слышали крик свиньи, убиваемой старым дедовским способом. Представьте же себе этот крик в его наиболее громком варианте, переданный через микрофон и усиленный несколько раз хорошим громкоговорителем. Человек может с успехом имитировать этот звук, если во всю силу своего голоса проревет: «О-ах!»; правда, это всегда будет звучать слабее, чем настоящий крик какаду.

Я уже мог удостовериться раньше, что какаду признаёт эту имитацию и немедленно подчиняется призыву. Но получится ли это на таком большом расстоянии? Птицам всегда стоит большого труда решиться на то, чтобы резко спуститься вниз под прямым углом к траектории полета. Кричать или не кричать, вот в чем вопрос. Если я издам вопль и птица спустится ко мне, все будет прекрасно, но если она спокойно помчится дальше под облаками, как объясню я свою «песню» окружающим. В конце концов я все-таки закричал. Люди вокруг меня тихо остановились, пригвожденные к месту. Попугай на мгновение замешкался с распростертыми крыльями, затем сложил их и, спики-

¹ С а р ы ч, или канюк (*Buteo buteo*), — хищная птица из семейства ястребиных, широко распространенная в лесных районах Европы и Азии. Одна из самых обычных наших птиц. Приносит большую пользу, уничтожая грызунов.

ровав, опустил на мою руку. Еще раз я оказался хозяином положения.

В другой раз шалости моего какаду заставили меня не на шутку перепугаться. Мой отец, в то время уже старый человек, использовал для своего послеобеденного отдыха ступеньки террасы на юго-западной стороне нашего дома. Будучи знаком с медициной, я никогда не был в восторге от того, что он ежедневно подвергает себя действию ослепительного полуденного солнца. Однажды, как раз во время сиесты, я услышал крепкую кавалерийскую ругань, доносившуюся с того места, где отец имел обыкновение отдыхать. Обежав вокруг угла дома, я увидел старого джентльмена — он стоял согнувшись и крепко обхватив руками свою талию. «Боже мой, ты заболел?!» — «Нет, — последовал раздраженный ответ, — я не заболел, но пока я спал, это проклятое создание откусило все пуговицы на моих брюках!» И это действительно было так. Свидетели этой сцены обнаружили на ступеньках полное очертание старого профессора, выложенное из пуговиц: здесь — рукава, тут жилет, а вот, вне всякого сомнения, пуговицы от его брюк.

Одну из шалостей нашего какаду можно было приравнять по проявленной птицей прихотливой изобретательности к выходкам обезьян или даже человеческих детей. Все началось с той пылкой любви, которую попугай питал к моей матери. Мама летом проводила много времени в саду и постоянно вязала здесь. Какаду, казалось, совершенно отчетливо представлял себе, как устроен мягкий моток шерсти. Он часто ловил клювом свободный конец нити и стремительно взлетал, распутывая за собой клубок. Подобно бумажному змею с длинным хвостом, он летел вверх, а затем начинал описывать правильные круги вокруг старой липы, росшей перед фасадом нашего дома. Однажды, когда поблизости не было никого, кто мог бы остановить эту игру, попугай опутал все дерево до самой вершины красивыми яркими прядями шерсти, которую уже невозможно было выпутать из пышной листвы. Наши гости обычно останавливались перед этим деревом в немом изумлении. Они не могли понять, кто и зачем украсил его подобным образом.

Попутай обычно ухаживал за моей матерью, совершая вокруг нее свой экзотический танец, складывая и вновь разворачивая великолепный хохол, и преследовал ее повсюду. Он разыскивал ее столь же неутомимо, как некогда разыскивал меня. У матери было не менее четырех сестер. Однажды все они и несколько их приятельниц, пожилых леди, собрались на чаепитие на веранде нашего дома. Они сидели за огромным столом, перед ними стояло блюдо с ароматной доморощенной вишней, а в центре стола — большая и очень мелкая чаша с сахарной пудрой. Какаду, который в это время, случайно или намеренно, пролетал мимо, заметил маму, председательствовавшую за праздничным столом. В следующий момент попутай в довольно рискованном броске протиснулся в дверь, проем которой был достаточно широк, но все же уже, чем размах крыльев птицы. Какаду намеревался сесть на стол возле матери, где привык находиться в то время, пока она вязала. Но на его обычном пути оказалось множество препятствий, к тому же он вдруг оказался в центре кружка незнакомых ему людей. Он оценивал ситуацию, резко затормозив в воздухе и трепеща крыльями над столом, подобно вертолету. Затем вдруг повернулся кругом и в следующее мгновение исчез. Исчез также и сахар из мелкого блюда — все до последней крошки было сдуто взмахами крыльев попугая. А вокруг стола сидели семь напудренных леди. Их лица были белы как снег, а глаза плотно зажмурены. Это было великолепное зрелище!

Глава шестая
СОЧУВСТВУЕМ ЖИВОТНЫМ

Нам жалость легче ощутить, когда
Сочувствию сопутствует беда.

С. Т. Кольридж

Если внимательно прислушаться к замечаниям посетителей большого зоопарка, то можно легко заметить, что люди, как правило, расточают свою сентиментальную жалость в отношении тех животных, которые вполне довольствуются своей участью, в то время как истинные страдальцы могут остаться незамеченными зрителем. Мы особенно склонны жалеть таких животных, которые способны вызывать у человека яркие эмоциональные ассоциации, — эти существа, подобные соловью, льву или орлу, именно поэтому столь часто фигурируют в нашей литературе.

О том, насколько неправильно понимается обычно сущность соловьиного пения, свидетельствует тот факт, что в литературе эта птица часто бывает представлена нам в качестве самки. В немецком языке слово «соловей» вообще принадлежит к женскому роду. В действительности же

только самец поет, и значение его песни — предупреждение и угроза другим самцам, которые могут вторгнуться на территорию певца, а в равной степени — приглашение пролетающим мимо самочкам соединиться с ним.

Для всякого, кто знаком с жизнью птиц, принадлежность поющего соловья к мужскому полу абсолютно очевидна, и всякое желание приписать громкую песню самке кажется столь же комически-нелепым, как выглядела бы бородатая Джиневра в глазах знатока творчества Теннисона¹. Именно по этой причине я никогда не мог принять красивую сказку Оскара Уайльда² про соловья: «она» сделала красную розу из музыки и лунного света и окрасила цветом кровью своего сердца. Должен сознаться, что я был очень рад, когда наконец шип, торчащий в ее сердце, заставил эту шумливую даму прекратить свое громкое пение.

Позже я еще коснусь вопроса о предполагаемых страданиях комнатных птиц. Конечно, самец соловья, поющий в клетке, должен испытывать своего рода разочарование, поскольку его продолжительное пение остается без ответа и самочка не появляется, однако то же самое возможно и в естественных условиях, так как самцов обычно больше, чем самок.

Лев — другое животное, чей характер и среда обитания по обыкновению неверно преподносятся нам в литературных произведениях. Англичане называют его «царем джунглей», отсылая бедного льва в местность, слишком сырую для него; немцы же, со свойственной им основательностью, впадают в другую крайность и отправляют несчастное животное в пустыню. По-немецки лев так и называется — «царь пустыни». В действительности наш лев предпочитает счастливую середину и живет в степях и саваннах³. Величавость осанки этого животного, за которую он получил первую часть своего прозвища, обязана одному простому обстоятельству: постоянно охотясь на крупных копытных —

¹ Теннисон Альфред (1809—1902) — английский поэт-лирик. Основное произведение — цикл поэм «Королевские идилли», средневековые рыцарские сказания о короле Артуре.

² Уайльд Оскар (1856—1900) — английский поэт и драматург. Его пьесы «Идеальный муж», «Как важно быть серьезным» и др. отличаются остроумием и изяществом формы.

³ Саванны — степные равнины, поросшие высокой травой, с отдельными деревьями и кустарниками.

обитателей открытых ландшафтов, лев привык обозревать широкие пространства, игнорируя все, что движется на переднем плане.

Лев страдает в своем заточении гораздо менее других хищных млекопитающих равного с ним умственного развития по той простой причине, что у него меньше желания находиться в постоянном движении. Грубо говоря, «царь зверей», в общем, ленивее других хищников, и его праздность кажется просто завидной. Живя в естественной обстановке, лев способен покрывать огромные расстояния, но, очевидно, он делает это только под влиянием голода, а не из каких-либо иных внутренних побуждений. Именно поэтому плененного льва редко приходится видеть беспокойно расхаживающим по своей клетке, тогда как волк или лисица снуют взад и вперед непрерывно, целыми часами. Если же сдерживаемая потребность в движении порой заставляет льва расхаживать туда и назад во всю длину его тюрьмы, то и в эти моменты движения зверя скорее носят характер спокойной послеобеденной прогулки и совершенно лишены той безумной торопливости, которая характерна для плененных представителей семейства собачьих с их непреодолимой и постоянной потребностью покрывать большие расстояния. В Берлинском зоопарке есть огромный загон с песком из пустыни и желтыми грубыми скалами, но эта дорогостоящая постройка оказывается в значительной степени бесполезной. Гигантская модель ландшафта с тучелами животных могла бы с успехом служить той же цели — настолько лениво возлежат живые львы среди этого романтического окружения.

А теперь — немного об орлах. Мне неловко разрушать мифические иллюзии, связанные с этой великолепной птицей, но я должен оставаться верным истине: все пернатые хищники, если сравнивать их с воробьиными или с попугаями, — чрезвычайно ограниченные создания. Это особенно относится к беркуту, орлу наших гор и наших погов, который оказывается одним из наиболее тупых среди всех хищников, гораздо более тупым, нежели обитатели обычного птичьего двора. Что, конечно, не мешает этой величавой птице быть прекрасным и выразительным олицетворением самой сущности дикой природы. Однако сейчас

мы говорим об умственных способностях орла, его любви и свободе и предполагаемых страданиях в пору заточения.

Я до сих пор помню, сколько разочарований принес мне мой первый и единственный орел, так называемый могильник¹, которого я из жалости приобрел у бродячего зверинца. Эта великолепная самка, судя по ее оперению, прожила на свете уже несколько лет. Совершенно ручная, она приветствовала своего воспитателя, а позже и меня, забавными жестами, выразившими ее привязанность к хозяину: птица переворачивала голову таким образом, что страшный изгиб ее клюва был направлен вертикально вверх. Одновременно с этим она что-то лепетала таким тихим и доверчивым голоском, который сделал бы честь самой горлинке. Да и вообще по сравнению с этим голубем мой орел был сущим ягненком (смотри главу 12). Покупая орла, я надеялся сделать из него ловчую птицу — известно, что многие азиатские народы держат этих птиц в охотничьих целях. Я не теплил себя надеждой достигнуть каких-то особых успехов в этом благородном спорте. Просто мне хотелось, используя в качестве приманки домашнего кролика, понаблюдать за охотничьим поведением какого-нибудь крупного пернатого хищника. Этот план полностью провалился, ибо мой орел, даже будучи голоден, отказывался тронуть хотя бы один волос кроличьей шкурки.

Эта птица совершенно не проявляла желания летать, несмотря на то что была сильна, совершенно здорова и обладала превосходным оперением крыльев. Ворон, какаду или сарыч летают, чтобы доставить себе удовольствие, они с радостью используют всю полноту предоставленной им свободы. Мой орел летал только, если ему случалось попасть в восходящий поток воздуха над нашим садом, который давал ему возможность парить, не затрачивая большой мускульной энергии. Да и в этих случаях птица никогда не достигала доступной ей высоты. Она кружилась в воздухе без всякого смысла и цели, а потом опускалась где-нибудь в стороне от нашего сада и сидела в тоскливом одиночестве до наступления темноты, ожидая, что я приду и заберу ее

¹ М о г и л ь н и к, или орел-могильник (*Aquila heliaca*), — крупная хищная птица из семейства ястребиных, обычная в лесостепях и степях юго-восточной Европы, Казахстана и Передней Азии.

мой. Возможно, птица и сама могла бы найти дорогу к дому, но она была чрезвычайно заметной, и кто-нибудь из посетителей постоянно звонил по телефону, сообщая, что моя птица сидит на такой-то и такой-то крыше, в то время как ватага ребятишек забрасывает ее камнями. Тогда я шел к ней пешком, потому что это слабоумное создание отчаянно боялось велосипеда. Так я раз за разом устало тащился домой, неся на руке тяжелого орла. Наконец, не желая постоянно держать птицу на цепи, я сдал ее в Шенбруннский зоопарк.

Большие вольеры, которые сегодня можно увидеть в любом крупном зоопарке, вполне соответствуют малой потребности орлов к полету, и если бы мы спросили одну из этих птиц о ее желаниях и недовольствах, то, вероятно, получили бы следующий ответ: «Мы страдаем в нашей клетке в основном от перенаселения. Как часто в тот момент, когда я или моя супруга несем прутик к полужаконному гнезду, появляется один из этих отвратительных белоголовых сипов¹ и отнимает нашу находку. Общество белоголовых орланов² тоже действует мне на нервы: они сильнее нас и слишком любят властвовать. Но еще хуже индюры³ из Анд, эти неприветливые и хмурые создания. Питание вполне хорошее, хотя нам дают слишком много минины. Я бы предпочел более мелкую пищу, например жуликов, вместе с шерстью и костями». Орел не сказал бы ничего о своем страстном желании оказаться на свободе.

Есть ли животные, которые действительно заслуживают сострадания, когда живут в неволе? Частично я уже отвечал на этот вопрос. В первую очередь таковы умные и высоко развитые существа, чьи живые способности и потребность в активной деятельности могут найти удовлетворение только по эту сторону клеточной решетки. Далее достойны со-

¹ Белоголовый сип (*Cyps fulvus*) — крупная хищная птица из семейства ястребиных. Обитает в сухих равнинных местах Южной Европы, Азии и Северной Африки, преимущественно — в гористых местностях. Шея и голова почти лишены перьев.

² Белоголовый орлан (*Haliaeetus leucoccephalos*) — крупная хищная птица из семейства ястребиных, обитающая на всей территории Северной Америки от Аляски до Южной Мексики и Флориды.

³ Кондор (*Sarcorhamphus gryphus*) — одна из самых крупных хищных птиц с размахом крыльев до 2 м 75 см. Гнездится в высокогорных участках Анд (Южная Америка), иногда — на приморских скалах тихоокеанского побережья Южной Америки.

чувствия все те животные, для которых характерны сильные внутренние побуждения, не находящие выхода в условиях неволи. Особенно это заметно, даже для непосвященного человека, в отношении тех пленников зоопарка, которые при жизни на свободе привыкли широко странствовать и соответственно обладают сильной потребностью в постоянном движении. Именно поэтому лисы и волки, живущие в большинстве старомодных зоопарков в чересчур маленьких клетках, относятся к числу пленников, наиболее заслуживающих сострадания.

Другую, достойную сожаления, картину, редко замечаемую рядовым посетителем зоопарка, являют собой некоторые виды лебедей в тот период, когда они привыкли совершать свои перелеты. Этих птиц, так же как и других водоплавающих, обычно лишают в зоопарках способности к полету, ампутируя на их крыльях косточку метакарпального сустава¹. Несчастные создания никогда не способны осознать до конца, что они уже не смогут летать, поэтому они вновь и вновь повторяют свои тщетные попытки подняться в воздух. Мне не нравятся эти птицы с обрезанными крыльями. Отсутствие концевой кости, особенно заметное в тот момент, когда птица расправляет крылья, являет собой печальнейшую картину, отравляющую мне все удовольствие от созерцания прекрасного существа, даже если оно принадлежит к такому виду, который вообще не склонен страдать психически от своего увечья.

«Оперированные» лебеди обычно кажутся довольными своей участью и при хорошем уходе проявляют это удовлетворение в том, что без труда производят на свет и выращивают птенцов. Но в период перелетов картина совершенно меняется. Птица то и дело плывет к краю пруда, чтобы иметь в своем распоряжении все пространство чистой воды в тот момент, когда попытается взлететь против ветра. Звонкий крик, который обычно издается летящими лебедями, сопровождает все эти большие приготовления, но они снова и снова приводят к одному и тому же концу: жалкое хлопанье одного здорового и другого — изуродованного крыла о воду. Поистине печальное зрелище!

¹ Метакарпальный сустав — место сочленения костей предплечья и кисти.

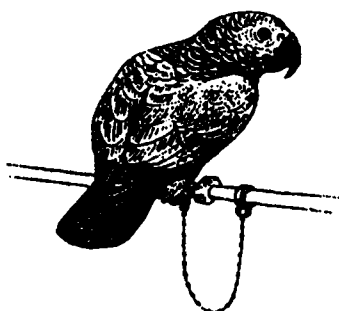
Однако из всех животных, которые страдают во многих зоологических садах от неумелого содержания, наиболее несчастными, бесспорно, оказываются те психически подвижные создания, о которых мы уже говорили раньше. И они как раз менее всех остальных способны вызывать сострадание у посетителя зоопарка. Некогда высокоразвитое существо под влиянием тесного заточения вырождается в жалкого идиота, в настоящую карикатуру на своих свободных собратьев. Мне никогда не приходилось слышать восклицаний сочувствия у клетки с попугаями. Сентиментальные старые леди, эти фанатичные покровители различных обществ борьбы против жестокого обращения с животными, не чувствуют угрызений совести, содержа серого попугая¹ или какаду в слишком маленьких для них клетках или даже приковывая птицу цепочкой к жердочке. Эти крупные виды попугаев не только умны, они чрезвычайно подвижны во всех своих психических и телесных проявлениях. Наравне с крупными врановыми, они единственные среди птиц, кто способен впадать в состояние смертельной скуки, столь характерное для узников человеческих тюрем. Но никому не жаль этих трогательных созданий, обреченных на муки в своих клетках в форме колокола. Это просто непостижимо: любящий хозяин воображает, что попугай кланяется ему, когда птица непрестанно дергает головой — движение, которое в действительности представляет собой стереотипное проявление отчаянных попыток пленника бежать прочь из своей клетки. Освободите такого несчастного узника, и ему понадобятся недели, а то и месяцы, прежде чем он решится взлететь в воздух.

Еще более несчастны в своем заточении обезьяны, особенно крупные, человекообразные. Это единственные животные, которые способны получить серьезные телесные заболевания на почве психических страданий. Человекообразные обезьяны в буквальном смысле слова могут умереть от скуки, особенно если животное держать в одиночестве в очень тесной клетке. Именно этой, а не какой-либо иной причиной легко объясняется тот факт, что детеныши обезьян превос-

¹ Серый попугай, или жако (*Psittacus erithacus*), — небольшой попугай (около 30 см длиной), обитающий в Западной Африке. Эти птицы живут в неволе до 40 лет.

«одно развиваются у частных хозяев, где они «живут в семье», но сразу начинают чахнуть, если из-за слишком крупных размеров и опасного нрава воспитатель вынужден передать их в клетку ближайшего зоопарка. Именно такая участь постигла моего капуцина Глорию. Не будет преувеличением сказать, что содержание человекообразных обезьян может увенчаться успехом лишь в том случае, если удастся понять, каким образом можно предотвратить психические страдания нашего питомца в условиях неволи. На моем столе лежит удивительная книга, посвященная шимпанзе; она написана Робертом Йерксом¹, одним из лучших авторитетов в области изучения этих замечательных обезьян. Из этого труда легко заключить, что психическая гигиена играет не меньшую роль в поддержании здоровья наиболее человекоподобных из всех человекообразных обезьян, нежели гигиена физическая. С другой стороны, содержание этих животных в одиночном заключении и в таких маленьких клетках, какие до сих пор отводятся для этой цели во многих зоологических садах, есть акт жестокости, который, несомненно, должен быть наказуем нашими законами.

Роберт Йеркс в течение многих лет содержал в Апельсиновом парке во Флориде большую колонию шимпанзе. Животные свободно размножались и жили так же счастливо, как живут маленькие славки в моей вольере, и гораздо более счастливо, чем вы или я.

¹ Йеркс Роберт — известный американский исследователь поведения обезьян. Первые его работы были опубликованы во втором десятилетии нашего века. Перу Йеркса принадлежит много статей о поведении различных узконосых обезьян, в том числе гориллы и шимпанзе.

Глава седьмая ПРИБРЕТЕНИЕ ПИТОМЦА

Сердца берегите, Братья и Сестры,
Изранит их коготь собачий острый.

Р. Киплинг

Мало кто знает, какие существа могут служить подходящим и благодарным объектом наших забот. Вновь и вновь любители природы пытаются завести себе маленького питомца, и раз за разом эти попытки оканчиваются неудачей из-за неправильного содержания и неверного выбора животного. Кроме того, большинство наших торговцев не в состоянии оценить возможности покупателя и помочь ему советом при выборе покупки.

Начинающий любитель должен прежде всего четко осознать, чего он ждет от своего будущего питомца. Желание содержать животных в комнате проистекает от нашего общего стремления к единению с природой. Каждое живое существо — кусочек дикой природы, но не каждое может быть ее подходящим представителем в вашем доме. Все те

животные, которых не следует приобретать, относятся к двум группам: одни не могут жить с вами, с другими вы сами не сможете жить. К первой категории принадлежат нежные, требовательные создания, чье здоровье трудно поддерживать в неволе; ко второй — подобные тем, которые уже описаны мною в главе «Животные как источник неприятностей». Значительная часть тех пленников, которых можно приобрести в зоомагазине, принадлежат или к первой, или ко второй разновидности. Подавляющая часть всех других — не слишком хрупких и не очень докучливых, настолько неинтересны, что хлопоты при их покупке и содержании не стоят затраченного времени. В особенности это касается таких «дежурных» домашних питомцев, как щегол, черепаха, канарейка, морская свинка, попугайчик, ангорская кошка, болонка и другие — все они чрезвычайно скучные создания, которые могут дать очень немного из тех радостей, о которых я попытаюсь рассказать. Поэтому оставим их и поговорим о действительно интересных животных. Наш выбор зависит теперь от ряда других обстоятельств. Насколько крепки ваши нервы, способны ли они выносить много шума? Часто ли вы бываете дома и в какое время дня? Хотите ли вы просто принести в свою квартиру кусочек дикой природы, который будет напоминать вам, что мир состоит не только из асфальта, бетона и газовых труб? Или вы желаете заполнить несколько квадратных дюймов чем-нибудь, что не является делом рук человека? Наконец, может быть, вы надеетесь приобрести себе компаньона или верного друга?

Если вы жаждете видеть клочок натуральной растущей зелени и любоваться красотой живых существ — покупайте аквариум. Допустим, вам хотелось бы приятно оживить свою квартиру — в этом случае заведите парочку певчих птиц. Вы даже не представляете себе, как много домашнего уюта принесет в квартиру большая клетка с четкой помолвленных снегирей. Тихая, хрипая и тем не менее благозвучная песенка самца действует удивительно успокаивающе. Его исполненное достоинство, размеренное и даже изысканное ухаживание, поистине джентльменская предупредительность в отношениях со своей маленькой супругой — все эти прелестнейшие картинки может дать вам комнатная клетка

для птиц. Семена для корма стоят всего несколько пенсов, а немного зелени, необходимой изредка в качестве добавки к основному рациону, всегда легко достать.

Если же вам нужно личное общение, если вы одиноки и, подобно Байрону, хотите «знать, что существуют глаза, которые заметят ваше появление, и взгляд, вспыхивающий ярче при виде вас», — тогда берите собаку. Не думайте, что жестоко держать собаку в городской квартире. Будет ли счастливо животное или нет — это уж зависит от того, сколько времени вы сможете уделить ему и часто ли ваш питомец сможет сопровождать хозяина в его странствиях. Четвероногого друга не пугает необходимость терпеливо дежурить часами у двери вашего кабинета, если он будет потом вознагражден десятиминутной прогулкой в обществе воспитателя. Ваша дружба — это все для собаки. Но помните, это влечет за собой большую ответственность, потому что собака — не прислуга, которой вы легко можете дать расчет. Помните также, что жизнь вашего друга много короче вашей собственной, и грустная разлука неизбежна через десять или пятнадцать лет.

Если вас беспокоят такие перспективы, легко найти немало существ не столь высокого умственного развития, которые не будут так «дороги» вам в эмоциональном плане, но тем не менее смогут стать достойным предметом любви. Взять хотя бы скворца — обыкновенную нашу птицу. Один очень находчивый человек назвал скворца «собакой бедняка». Это абсолютно соответствует истине. Птица эта имеет одну особенность, действительно роднящую ее с нашим четвероногим другом. Именно скворец не может быть приобретен «в готовом виде». Очень редко случается, чтобы собака, купленная взрослой, действительно стала «вашей» собакой. Точно так же ваш ребенок почти никогда не будет действительно «вашим», если вы, богатые мужчина и женщина, предоставили его воспитание няньке, гувернантке или домашнему учителю. Личный контакт — вот что необходимо. Так что придется самому кормить и чистить птенчика-скворца, если вы желаете иметь действительно любящую птицу. Неизбежные хлопоты отвлекут вас ненадолго. Все развитие молодого скворца, от момента вылупления из яйца и до приобретения им самостоятельности, происходит в течение всего лишь двадцати четырех дней. Если вы возьмете его из гнезда в возрасте около двух недель, то есть как раз вовремя, то весь процесс воспитания займет не бо-

ное полумесяца. Все дело не слишком затруднительно — нужно лишь пять или шесть раз в течение дня с помощью пинцета наполнять подходящим кормом жадно раскрытый желтый клюв птенчика, и тем же инструментом удалять с противоположной стороны помет, который заключен в аккуратную тонкую пленку, препятствующую ему растекаться и пачкать гнездо. Таким образом, искусственное гнездо всегда будет оставаться чистым, и у вас не возникнет необходимости в новых «пеленках». Гнездо следует сделать из сена и поместить его в маленький ящичек, закрытый наполовину и повернутый таким образом, чтобы спереди было отверстие, через которое вы сможете просовывать руку с кормом. Такое убежище наиболее соответствует естественному гнезду скворцов. Сидя в такой колыбели, ваш скворчонок всегда будет в определенный момент поворачиваться тушкой к свету, и пакетики помета никогда не попадут в гнездо, даже если вы сразу не успеете подхватить их и унести. При отсутствии естественного корма скворчонок вполне удовлетворится кусочками сырого мяса, булкой, вымоченной в молоке, и мелко нарубленным крутым яйцом. В дополнение к этому рациону желательно давать ему немного земли или песка. Наилучшей, более естественной пищей являются земляные черви и свежие муравьиные яйца, если у вас есть возможность их достать. Такое изысканное меню необходимо только юному скворцу. Как только птица научится есть самостоятельно, она сможет употреблять в пищу почти любые остатки с вашего домашнего стола. Можно лишь настойчиво порекомендовать в качестве постоянного дополнения к обычному корму толченые зерна пшеницы или семена мака — от этого помет вашего питомца будет всегда сухим и почти лишенным запаха. Даже в маленькой комнате вы устраните всякий нежелательный аромат, если постелете на дно клетки слой торфяного мха.

Если скворец кажется вам слишком крупным и требующим чересчур много места, тогда позвольте порекомендовать чижа. Эту маленькую птичку удовлетворит самая скромная клетка. Чиж не требует особым образом приготовленного корма и вполне удовлетворит ваше жгучее желание иметь хорошего компаньона. Из всех известных мне мелких птиц только чижик, даже будучи пойман в зрелом возрасте, становится не только совершенно ручным, но и по-настоящему привязанным питомцем. Конечно, можно полностью приручить и других певчих птиц, добиться, что-

бы они не боялись своего хозяина, садились ему на плечо и на голову и брали лакомые кусочки из его рук. С зарянкой, например, подобных результатов можно достигнуть в течение очень короткого времени. Однако, если вы научитесь глубже проникать в сознание животных и перестанете вкладывать ваши собственные мысли в мозг своего питомца, полагая, что он должен любить вас потому, что вы любите его,— только тогда вы прочтете в темных загадочных глазах зарянки довольно-таки низменный вопрос: «Ради всего святого, когда же наконец я получу этого червяка?». Чиж, напротив, птица зерноядная, он лущит свои семена в течение всего дня, никогда не голоден по-настоящему, поэтому степень его заинтересованности в получении пищи гораздо меньше, чем у насекомоядных птиц. Дождевой червь в руке человека представляет несравненно больший соблазн для зарянки, чем для чижа — семена конопли на вашей ладони. В результате только что пойманная зарянка гораздо скорее начнет брать пищу из ваших рук, нежели чиж — при прочих сходных обстоятельствах. Именно поэтому можно в удивительно короткое время приучить зарянку добровольно подлетать к своему хозяину. Чиж способен вести себя подобным образом только через несколько месяцев, но, сделав однажды шаг к сближению, он отныне будет прилетать к воспитателю ради товарищеских отношений, а не в надежде на лакомство. Такого рода дружеская доверчивость несравненно более импонирует человеку, нежели чисто материальная, корыстная любовь зарянки. Как животное общественное чиж способен на личную привязанность к своему воспитателю — этого не дано зарянке. Есть немало общественных видов, которые могут переключать свои социальные импульсы на человека и вступать с ним в достаточно тесные отношения, но лишь в том случае, когда эти животные с раннего возраста воспитываются среди людей. Скворец, снегирь и дубонос¹ в этих обстоятельствах необыкновенно привязываются к воспитателю, а попугаи, гуси и журавли в этом отношении могут легко соперничать с собакой. Но все они окажутся безбоязненными и любящими друзьями семьи только в том случае, если будут взяты из гнезда маленькими птенцами. Почему чиж

¹ Дубонос (*Coccothraustes coccothraustes*) — небольшая птица из семейства вьюрковых, немного крупнее домового воробья. Очень толстый и сильный клюв позволяет дубоносу раскусывать даже вишневые косточки

имляется исключением из этого правила и, даже пойманный взрослым, способен установить контакт с человеком — этого никто не знает.

Недаром я в первую очередь предлагаю содержать дома аквариум, снегиря, скворца или чижа. Они щедро отплатят нам за неизбежные хлопоты и при этом не потребуют больших сложностей в уходе. Конечно, существует множество видов животных, которые вполне доступны и столь же просты в содержании, и еще большее количество видов немногим более придиричивых. И я настоятельно посоветовал бы начинающему ограничить себя именно такими существами и воздержаться от приобретения животных по-настоящему требовательных.

Это качество — «легко содержимый в неволе» следует резко отделять от таких понятий, как «выносливый» или «стойкий». Содержание животных, в научном смысле слова, понимается мной как попытка создать нашим питомцам такие условия, в которых весь их жизненный цикл мог бы совершаться у нас на глазах — в более узких или более широких рамках неволи. С другой стороны, те существа, которые обычно, по заблуждению, называются простыми в содержании, на самом деле чрезвычайно выносливы и при небрежном уходе очень медленно умирают. Классическим примером может служить греческая черепаха. Даже при самом скверном обращении, в руках невежественного владельца бедное животное просуществует три-четыре года, а то и пять лет, прежде чем наступит неизбежная смерть; но, строго говоря, черепаха вступает на путь медленного умирания с первого же дня своего плена. Чтобы черепахи росли, размножались и процветали в неволе, им необходимо предоставить такие условия, которые невозможно создать в городской квартире. Насколько мне известно, никому до сих пор не удалось добиться настоящего успеха в разведении этих пресмыкающихся в нашем умеренном климате.

Когда я попадаю в комнату цветовода и вижу, что все его любимцы находятся в состоянии роста и процветания, тогда я чувствую, что нашел душевного друга. Совершенно не могу держать в своей комнате умирающие растения.

Сильное камедевое дерево, здоровый филодендрон, скромная аспидистра, способные пышно разрастаться даже в меблированных комнатах, согревают мне сердце дыханием своей напряженной жизни, тогда как прекрасный рододендрон или нежный цикламен приносят в мое жилище призраа разложения. Как говорил Шекспир:

Если этот цветок отношенье небрежное встретит,
Самый жалкий сорняк может прелесть его заглушить.

Меня не назовешь любителем срезанных цветов, хотя их быстрая смерть через обезглавливание трогает меньше, чем медленное умирание растений, лишенных естественных для них условий.

Подобный ход мыслей в применении к растениям может казаться преувеличением, но если дело касается животных — почти каждый согласится со мной. Смерть питомца должна пробудить жалость даже в таком сердце, которое мало склонно к состраданию. Все это обязывает нас брать на попечение немногих животных, способных действительно жить, а не умирать медленной смертью в тех условиях, которые вы можете им предоставить. Большую часть горьких разочарований, постигающих любителей комнатных животных и отбивающих у них охоту к такого рода занятиям, я приписываю именно неверному выбору первого питомца. Мертвый щегол, лежащий на полу своей клетки, вызывает гораздо более сильное и долго не оставляющее впечатление вины, нежели цветок, поникший в своем горшочке; и хозяин, мучимый угрызениями совести, клянется никогда больше не заводить птиц. Однако, если бы он с самого начала вместо щегла приобрел скворца или чижа, тот жил бы счастливо — может быть, целых пятнадцать лет. Щегол относится к числу тех немногих птиц, которые часто гибнут от «доброты» невежественного хозяина. Щегол нуждается в большом количестве семян, содержащих различные масла, и я сам едва ли взялся бы выходить только что пойманного пленника, не имея под рукой достаточного количества репейного или макового семени. Этот естественный корм можно заменить только давленной коноплей — именно давленной, потому что щегол не способен раскусить целое семечко конопли своим довольно слабым клювом.

птиц моих знакомых есть очень мало добросовестных торговцев птицей, которые взяли бы на себя похвальный труд серьезно экзаменовать покупателей, прежде чем доверить им птицу, принадлежащую к достаточно требовательному виду.

Еще один маленький совет — на первый взгляд несущественный, но вполне заслуживающий внимания, состоит в том, чтобы избегать больных животных. Ловите или покупайте лишь здоровых птиц, вынимайте их из гнезда или приобретайте у знающего человека. Если вы рассчитываете держать животное достаточно длительное время, не берите ослабевших и найденных, которых вам будут приносить. Выпавший из гнезда птенец, отбившийся от матери птенчик и подобные им, оказавшиеся в руках человека по воле случая, — все они несут в себе зародыши смерти. Обычно эти существа настолько ослаблены, что спасти их может лишь человек, обладающий ветеринарным опытом. Это общее правило — ваш питомец действительно вознаградит вас на все сто процентов только в том случае, если будет стоить вам какой-то суммы денег, некоторых беспорядков или того и другого вместе. Вы должны почувствовать, что по-настоящему, настойчиво хотите именно это, вполне определенное животное. Но если представляется возможность приобрести ручную птицу или зверька, да еще относящихся к общественному виду, если известно, что они с юного возраста воспитывались в руках человека или давно живут в неволе — тогда ловите случай, даже если ваша покупка будет стоить вчетверо или впятеро дороже, по сравнению с диким животным того же самого вида.

Занятому городскому служащему, решившему завести себе маленького любимца, необходимо сопоставить свое собственное расписание с расписанием жизни своего нового жильца. Если вы уходите на работу с рассветом и возвращаетесь в сумерках, а конец недели привыкли проводить за городом, то певчие птицы доставят вам не много удовольствия. Сознание того, что, уходя из дому, вы хорошо позаботились о своих пленниках и теперь они, вероятно, весело распевают, дает слишком скудное удовлетворение. Если же в соответствии с вашим образом жизни удастся приобрести парочку ручных карликовых сов — этих

прелестных маленьких полуночников, или каких-либо малых ночных млекопитающих, чей «день» начинается как раз в то время, когда вы возвращаетесь с работы,— в этом случае вы всегда сможете скрасить часы своего досуга. Любители животных почти не уделяют мелким млекопитающим того внимания, которого те вполне заслуживают. Из всех мелких млекопитающих торговцы регулярно приобретают для продажи кроме одомашненных мышей и крыс столь же одомашненную, и потому малоинтересную, морскую свинку. В последнее время в зоомагазинах стал появляться еще один вид грызунов, который многими разводится в неволе. Зверька называют золотистым хомячком¹, и я настоятельно рекомендую его каждому, кто хочет скрасить часы вечерней праздности и дать отдых мозгу, уставшему от интеллектуальных дневных занятий. Когда я пишу эти строки, шестеро неотразимых трехнедельных хомячков затеяли забавнейшие соревнования по борьбе. Толстые создания величиной с обыкновенную мышь образовали тесный клубок, они вновь и вновь с громким криком кувыркаются друг через друга, имитируя свирепую грызню, и устраивают бешеные гонки во всю длину своей клетки. Я не знаю других грызунов, чьи игры носили бы столь же «интеллектуальный» характер, как у золотистых хомячков, которые резвятся совершенно как кошки или собаки. Очень приятно, когда в вашей комнате живет существо, столь радостно отдающееся своим играм, исполненным совершенно необычайной грации.

Можно подумать, что золотистые хомячки были созданы специально для бедного горожанина, любящего животных. Зверек соединяет в себе все качества, которые делают домашнего питомца приятным сожителем. В то же время он почти лишен таких особенностей, которые были бы нежелательны в городской квартире. Ручной хомячок почти не кусается — по крайней мере не чаще, чем морская свинка или кролик. Правда, недавно родившую мамашу следует

¹ Золотистый хомячок (*Mesocricetus auratus*) — мелкий грызун широко используемый в качестве лабораторного животного. Родина его — северная Сирия. В 1922 году зоолог Ахарони привез в Европу самца и самку, и от этой пары происходят все хомячки, разводимые сейчас в лабораториях мира.

брать в руки с осторожностью, но опасения оправданы лишь в том случае, когда она находится около своего выводка. Если самочка находится всего лишь в ярде от молодых, ее можно взять совершенно безнаказанно. Насколько приятно было бы держать в доме белку, если бы она не карбаласась без устали на все высокие предметы и не оставляла бы на них следы своих острых зубов! Золотистый хомячок почти не лазает и так редко грызет мебель, что ему можно позволить свободно бегать по комнате, не опасаясь заметного ущерба. Кроме того, внешне зверек — симпатичнейший маленький дружище: большие глазки на этой толстой голове так лукаво всматриваются в окружающий мир, что взгляд их кажется гораздо более разумным, чем это есть на самом деле, а пушистая шубка ярко раскрашена в золотистый, черный и белый цвета.

В центре комнаты, около самого рабочего стола располагается ядро моего питомника золотистых хомячков — маленький террариум, откуда выводки молодых хомячат, достигших определенного возраста, с календарной регулярностью пересаживаются в просторные ящики, которые грозят в ближайшем будущем не оставить и клочка свободного места в моем кабинете. В террариуме живет заботливая мамаша с самыми юными своими отпрысками. Горячие поклонники редких и капризных животных могут сколько угодно высмеивать мою глубокую привязанность к этим прозаическим существам, ухаживать за которыми может любой пятилетний ребенок. Все дело в том, что для исследователя поведения животных вовсе не существенно, как дорого стоит объект наблюдений и насколько кропотливо его содержание в неволе. Хороший наблюдатель абсолютно лишен подобного честолюбия или, по крайней мере, должен быть лишен его. К сожалению, желание содержать самых нестойких существ, которых трудно сохранить в искусственных условиях, является самоцелью для многих любителей комнатных рыб и птиц. Интересы истинного исследователя должны определяться другим — много ли может дать то или иное животное в качестве объекта для наблюдений. В этом отношении скромнейшие золотистые хомячки значительно превосходят многие дорогостоящие и капризные виды. И действительно, мой взгляд гораздо чаще оста-

навливается на маленьком террариуме с этими зверюшками, нежели на стоящей над ним вольере, содержащей наиболее редкий и ценный объект моей живой коллекции парочку усатых синиц¹, насиживающих свои три яичка.

При желании я и сам могу держать у себя наиболее требовательных и деликатных питомцев, и при этом весь их жизненный цикл будет разворачиваться перед моими глазами. Если бы вы смогли заставить усатых синиц размножаться в комнатной вольере или добились чего-либо, равно по трудности этому предприятию, только тогда были бы вы вправе насмехаться над моими скромными хомьячками и над тем удовольствием, которое они доставляют мне.

Конечно, опытный специалист может соблазниться желанием испытать себя в деле содержания каких-либо особенно мудреных существ — ведь в каждом из нас живет скрытое стремление к преодолению трудностей. В этом случае такая попытка оправдана, поскольку она имеет ценность эксперимента. Но если вы всего лишь начинающий, то вам необходимо взвесить все «за» и «против», ибо ваше начинание может иметь конечным результатом только ничем не оправданный акт жестокости. Попытка держать в комнате чересчур нежных животных может быть оправдана только своей научной ценностью, если же ваше желание не более чем каприз, то оно становится сомнительным с этической точки зрения. Даже самый опытный любитель комнатных питомцев, перед тем как взять на себя заботу о каких-либо крайне прихотливых животных, должен вспомнить веления писанных и еще более строгих неписанных законов: вы не вправе лишать своего пленника ничего, что необходимо ему для поддержания телесного и психического благополучия. В первом порыве энтузиазма, вызванного очарованием и красотой нового животного, мы порой слишком торопимся возложить на свои плечи эту огромную ответственность. Энтузиазм вянет, а ответственность остается. И прежде чем мы успеваем осознать это, наша совесть обременена тяжелой ношей, от которой совсем не просто избавиться.

¹ Усатая синица (*Parus blarmicus*) — небольшая птичка из отряда воробьиных, обитающая в тростниковых и камышовых зарослях на большей части Западной Европы, Передней и Средней Азии, Казахстана и Китая.

В миниатюрном мраморном бассейне, вода которого отражает изящную статую в углу нашей террасы, я более двух лет содержал парочку поганок¹ — маленьких ныряющих птиц, чрезвычайно интересных своим поведением и, кроме того, доставляющих большое удовольствие забавным внешним видом. Эти весьма специализированные нырковые птицы совершенно не способны стоять на сухом месте и при каждом шаге неуклюже переваливаются с боку на бок. В естественных условиях они вообще почти не оставляют воду, если не считать тех моментов, когда птички вскарабкиваются на свое плавающее гнездо. По этой причине мои питомцы вполне довольствовались своим маленьким водоемом и, однажды обосновавшись здесь и став ручными, оставались в доме по своей воле, так что даже не возникало необходимости в загородке, чтобы удерживать их подле себя. Поистине, это был очаровательный уголок всей декорации нашего жилища.

К сожалению, эти прелестнейшие из известных мне домашних водоплавающих имели одну весьма неудобную особенность: они соглашались питаться только живыми рыбешками — не длиннее двух дюймов и не короче одного! Несколько дождевых червей и кусочек-другой зелени, служившие дополнением к их строгой диете, не могли спасти их от голода даже в течение полусуток, если в это время птицы испытывали недостаток в живой рыбе. Несмотря на то что в моем распоряжении был большой подвальный аквариум с проточной пресной водой, а финансовая сторона дела не накладывала на меня ограничений — все же постоянное беспокойство об организации кормовой базы для поганок было сильным испытанием для нервов. Не раз и не два, летом и зимой я в отчаянии носился от одной лавки в другую или в таком же состоянии долбил проруби во льду маленьких прудов вдоль берега Дуная, обещавших дать мне немного мелкой рыбешки. Все это проделывалось из одного только опасения, что могут наступить дни «безрыбья», которые, несомненно, повлекли бы за собой гибель моих поганок. Я не мог расстаться с этими «карманными лебедями», но, несмотря на охватившую меня печаль, вздохнул с облегчени-

¹ Поганки (*Podiceps*) — птицы из отряда гагар. Прекрасно ныряют, устраивают плавающие гнезда. В СССР наиболее обычна большая поганка, или чомга.

ем, когда в один из прекрасных летних дней эта парочка покинула меня, найдя выход через открытое окно веранды.

Одна из самых изнурительных пыток, которой вы можете подвергнуться в своей комнате,— это постоянное трепыхание крыльев птицы, бьющейся от робости в клетке. Вы приобрели зяблика — он миловиден и красиво поет. Поскольку вы хотите не только слышать пение, но и видеть самого певца, то, не задумываясь, убираете полотняное покрывало, которым прежний владелец, опытный знаток зябликов, предусмотрительно задрапировал клетку. Птица принимает перемену как должное и поет, как прежде,— но лишь до тех пор, пока вы не двигаетесь. Вы можете отважиться только на самые медленные и осторожные движения, в противном случае обезумевшая птица остервенело швыряет свое тельце на прутья клетки, так что вы начинаете опасаться за ее голову и оперение. Вы начинаете думать, что пленница привыкнет и станет ручной,— но здесь вы глубоко заблуждаетесь. До сих пор мне приходилось видеть только нескольких зябликов, которые привыкли к человеку, беспечно расхаживающему около самой клетки. Вы даже не представляете себе, к чему может привести необходимость неделю за неделей избегать всякого торопливого движения в своей собственной комнате. Понимаете ли вы, что значит не решаться даже передвинуть стул, ибо глупое создание может при этом повредить недавно отросшие перышки на голове. Совершая едва заметное движение, вы неизменно коситесь на клетку с зябликом и содрогаетесь от опасения, что сейчас снова начнется это дьявольское трепыхание.

Многие перелетные птицы бьются по ночам в тот период, когда они должны совершать свои миграции. Пусть клетка снабжена мягким матерчатым потолком, не позволяющим птице нанести себе серьезные повреждения; но даже в этом случае подобные ночные упражнения — вещь достаточно мучительная не только для пленницы, но и для того, кто спит в одной комнате с ней. Птица штурмует решетку своей тюрьмы не потому, что она хочет лететь куда-то. Просто она просыпается, не может заснуть и начинает перепархивать по жердочкам. Она ничего не видит в темноте, поэтому вновь и вновь слепо натывается на стенки клетки. Против подобного ночного беспокойства есть только одно средство — установите внутри клетки крошечную электрическую лампочку. Она не должна гореть ярко — тусклого света вполне достаточно, чтобы ваша питомица виде-

ла прутья клетки и свои жердочки. Только открыв этот рецепт, я смог гарантировать себе спокойный ночной отдых и полное удовлетворение от комнатных славок.

Вероятно, мне не удастся надежно предостеречь человека, претендующего на звание знатока птиц, от недооценки назойливости птичьего пения, которое вне дома звучит для нас нежно и мягко. Когда здоровый самец черного дрозда запекает в помещении, оконные стекла дребезжат, а чашки начинают легкомысленно отплясывать на чайном столике. Песни различных наших славок и большинства вьюрков¹ звучат в комнате не слишком громко, — пожалуй, за исключением зяблика, который может раздражать вас постоянным повторением своей звонкой трели. Вообще говоря, нервные люди должны тщательно избегать тех птиц, чья песня представляет собой простое повторение одной неизменной строфы. Кажется почти непостижимым, что есть люди, способные не только терпеливо относиться к перепелу, но приобретающие его специально ради его навязчивого «пик-пер-вик». Представьте себе несколько страниц этой книги, сплошь исписанных этими тремя слогами, и вы получите исчерпывающее представление о песне перепела! На открытом воздухе этот крик может быть даже приятен, но в стенах комнаты он оказывает на меня такое же действие, как звук надтреснутой граммофонной пластинки, на которой иглока патефона постоянно останавливается в одном и том же месте.

Но самое большое испытание для нервов — это страдание комнатных животных. Хотя бы только по этой причине, не говоря уже о других, более высокого этического порядка, настоятельно рекомендуется приобретать только представителей таких видов, которые легко сохраняют здоровье в искусственных условиях. Попугай, больной туберкулезом, приносит в дом такую же атмосферу несчастья, как умирающий член семьи. Если ваш питомец, вопреки всем принятым предосторожностям, все-таки неизлечимо заболел, вы должны без колебаний оказать ему акт милосердия.

¹ Вьюрки (*Fringillidae*) — семейство певчих птиц из отряда воробьиных. К вьюркам относятся зяблик, чечетка, коноплянка, чиж, щегол, зеленушка, клест, чечевица, щур, снегирь, дубонос и др.

сердца — тот самый, в котором врач в подобной же ситуации вынужден отказать смертельно больному человеку.

У всех живых существ способность страдать находится в прямой зависимости от уровня их развития, и более всего это относится к страданиям духовным. Наименее развитые животные, такие, как соловей или мелкие грызуны, переносят тесное заточение несравненно легче, чем ворон, попугай или мангуста¹, не говоря уже о лемурах и обезьянах. Если вы содержите одно из этих разумных животных и хотите предоставить ему истинно гуманное обращение, то должны время от времени позволить ему побегать на свободе. Такой случайный «отпуск» из клетки, если противопоставлять его постоянному заточению, кажется на первый взгляд несущественным облегчением судьбы вашего пленника. И тем не менее подобное послабление неоценимо способствует психологическому благополучию животного. Различие между животным, постоянно пребывающим в своей клетке, и тем, которому временами предоставляется относительная свобода, столь же велико, как между жизнью каторжника и рабочего, постоянно стесненного своим зависимым положением.

Предоставить свободу? А не скроется ли немедленно ваш пленник, не убежит ли или не улетит прочь? Как раз такой исход кажется наименее вероятным. Все животные, за исключением наиболее низко стоящих на эволюционной лестнице, строго последовательны в своих привычках и любой ценой стремятся поддержать установившийся образ жизни. Именно по этой причине каждое животное, которому неожиданно предоставляется свобода после длительного заключения, вскоре обязательно вернется в свою тюрьму, если только сможет найти обратный путь. Большинство певчих птиц, обычно содержащихся в клетках, слишком глупы для этого. Лишь немногие мелкие воробьиные, на-

¹ Мангу́сты (*Mungos*) — хищные млекопитающие из семейства виверр, распространенного главным образом в Африке и Южной Азии. Их не в м о н, или фараонова мышь (*Mungos ichneumon*), — священное животное древних египтян, обитает в Северной Африке и Малой Азии. Мунго (*Mungos mungo*) живет в Индии и на Цейлоне. Мангу́сты поедают змей и в качестве полезного животного акклиматизированы на о-ве Ямайка. У себя на родине часто содержатся в неволе.

пример домовый воробей или береговая ласточка, обладают достаточным чувством пространства, чтобы найти дорогу через окно или дверь дома. Они же — единственные из мелких птиц, которым можно предоставить привилегию свободно вылетать из дому. Необходимо только помнить, что такие ручные птички, летающие на свободе, из-за своей доверчивости подвержены особым опасностям, гораздо более обильным по сравнению с теми, что угрожают их диким собратьям, относящимся к тому же виду.

Наши представления, что истинно ручная мангуста, лисица или обезьяна, будучи предоставлены самим себе, должны обязательно попытаться любой ценой вернуть себе «драгоценную свободу», предполагают совершенно неверное очеловечивание мотивов поведения животных. Пленник не желает убежать от нас, он хочет только одного — чтобы ему позволили вернуться назад в клетку. Проблема не в том, чтобы воспрепятствовать ручному ворону, мангусте или обезьяне скрыться; трудность заключается в другом — как помешать этим существам испортить ваш рабочий день или нарушить воскресный вечерний отдых. Мне много лет приходится работать в доме, переполненном озорными животными и еще более беспокойными детьми. И несмотря на эту многолетнюю практику, меня до сих пор нервирует ворон, пытающийся унести прочь страницы моей рукописи, скворец, сдувающий со стола бумаги взмахами своих крыльев, обезьяна, экспериментирующая за моей спиной с различными ломкими предметами — каждую минуту я готов услышать неистовый треск.

Когда я усаживаюсь за письменный стол, все детища моего Ноева ковчега должны вернуться в свои клетки. Этих смысленных созданий, знающих цену своей временной свободе, можно с успехом приучить возвращаться в заточение по команде (за исключением мангусты, которая ни за что не сделает этого). Вы строгим тоном отдаете распоряжение и тут же начинаете сожалеть об этом, ибо смирение и послушание, с которыми ваши питомцы плетутся назад в свои клетки, вызывают в вас искушение отменить приказ — вещь, весьма нежелательная с воспитательной точки зрения. И тем не менее эти бедные узники, сидящие скорчив-

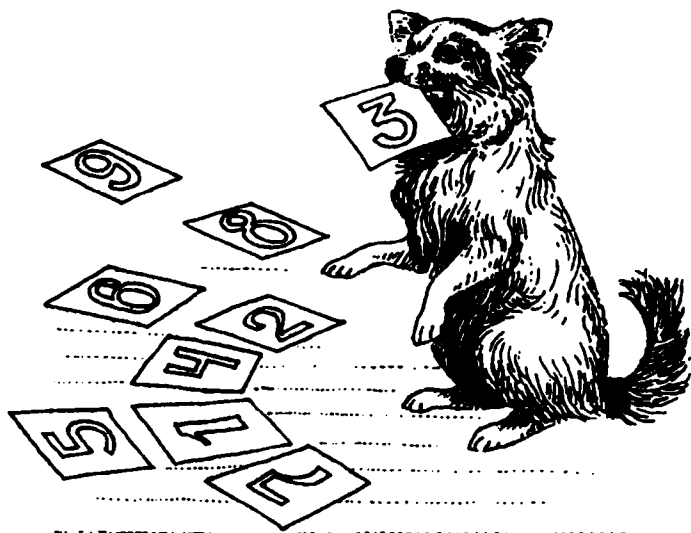
шись в своих тюрьмах и умирающие от скуки, сейчас гораздо сильнее действуют вам на нервы, нежели пять минут назад, когда они были свободны. Совершенно то же самое можно наблюдать, когда кто-нибудь из нас позволяет своей маленькой дочери остаться в кабинете в часы работы. Ребенку строго запрещено разговаривать и вообще так или иначе нарушать тишину. Внутренний конфликт между необходимостью «хорошо вести себя» и сдерживаемым желанием задать вопрос драматически отражается на маленьком личике — и это одно из самых трогательных ощущений, которое может доставить вам маленький ребенок. Но все это гораздо сильнее отвлекает вас от работы, чем целая свора обезьян, воронов и скворцов.

Моя эльзасская сука Тито обладает особым умением расстраивать меня таким манером. Она принадлежит к той категории чересчур привязанных собак, которые абсолютно не имеют своей личной жизни и существуют только своим хозяином и около него. Она будет лежать подле моих ног даже в том случае, если я час за часом сижу за письменным столом, и при этом настолько тактична, что ни разу не позволит себе взвизгнуть или привлечь к себе мое внимание самым мимолетным знаком. Она только смотрит на меня. В пристальном взгляде янтарно-желтых глаз легко читается вопрос: «Когда же ты выйдешь со мной на улицу?» Этот взгляд — словно голос моей совести, он проникает сквозь самые толстые стены! Я выгоняю собаку из комнаты и тем не менее знаю, что она лежит сейчас за дверью, неподвижно устремив пристальный взгляд на дверную ручку.

Написав эту главу — особенно последние страницы, я начал опасаться, что слишком заострил внимание на отрицательных моментах, словно моей задачей было отговорить вас от приобретения маленького питомца. Не поймите меня неверно. Если я уделил так много места тем существам, которых не стоит держать в домашних условиях, то сделал это с одной лишь целью: я опасаюсь, как бы разочарование и напрасная трата нервов при неправильном выборе вашего первого подопечного не разрушили ваших ожиданий и не испортили навсегда впечатление от этого приятнейшего, самого стоящего и наиболее поучительного из всех хобби. По-

тому что я считаю своей серьезнейшей задачей пробудить у возможно большего числа людей глубокое понимание внушающего благоговение чуда природы. Я фанатически стремлюсь к появлению новообращенных. И если кто-нибудь из вас, внимательно прочтя эту книгу, позволит себе соблазниться и купить аквариум или парочку золотистых хомячков — в этом случае я, вероятно, приобрету приверженца в хорошем деле.

Глава восьмая ЯЗЫК ЖИВОТНЫХ

Он познал всех птиц наречья,
Имена их и секреты,
Вел при встречах разговоры...

Г. Лонгфелло

Животные не обладают языком в истинном смысле этого слова. У высших позвоночных¹, а также и у насекомых — главным образом у общественных видов этих обеих больших групп животного царства — каждый индивидуум располагает определенным числом врожденных телодвижений и звуков, служащих для выражения эмоций. Существуют также врожденные способы реакции на эти сигналы, причем реакция наступает всякий раз, когда животное видит или слышит другого представителя своего вида. Некоторые

¹ Высшие позвоночные — обычно под этим названием объединяются три класса животных — рептилии, птицы и млекопитающие. У них развитие зародыша происходит или в теле матери (млекопитающие), или в яйце, защищенном от внешних воздействий плотной скорлупой.

виды птиц, общественная жизнь которых стоит на высоком уровне, такие, как галки и серые гуси, обладают усложненным кодом, состоящим из ряда подобных сигналов. Каждая птица способна произносить и понимать их без всякого предварительного научения. Согласованность в поведении разных индивидуумов у общественных видов животных, возникающая в результате взаимодействия врожденных сигналов и ответных поступков, вызывает у человека впечатление, что птицы разговаривают и понимают друг друга. Врожденный сигнальный код животных, несомненно, коренным образом отличается от человеческого языка, каждое слово которого трудолюбиво заучивается нашими детьми, прежде чем они научатся говорить. Кроме того, такая система сигнализации жестко закреплена наследственностью и, подобно многим чертам строения тела, является характерной особенностью каждого вида; поэтому сигнальный код сохраняется неизменным на всем пространстве распространения вида. Хотя это может казаться самоочевидным, однако я испытал нечто вроде наивного удивления, когда услышал «разговор» галок в северной России — они беседовали на том самом знакомом мне диалекте, который в ходу у галок, живущих на нашем доме в Альтенберге. Поверхностное сходство между этими «высказываниями» и человеческой речью уменьшается, по мере того как исследователь приходит к очевидному выводу, что все звуки и телодвижения животных выражают только их эмоциональное состояние и не зависят от того, есть ли поблизости другое существо того же вида. Факты отчетливо доказывают, что даже гуси и галки, живущие с самого рождения в полной изоляции от себе подобных, подают свои сигналы в тот самый момент, когда их охватывает соответствующее настроение. При таком положении вещей становится абсолютно очевидным автоматический и даже механический характер подобной сигнализации. Следовательно, мы обнаруживаем ее коренное отличие от человеческого языка.

В поведении человека также можно найти мимические сигналы, которые автоматически передают определенное настроение и, помимо вашего намерения или даже вопреки

ему, влияют на окружающих. В качестве простейшего примера вспомним зевоту. Мимика, подобная зевоте, сразу обнаруживает ваше настроение с помощью явных сигналов, действующих на зрение и слух окружающих. В этом случае производимый эффект не вызывает особого удивления. Для того чтобы передать настроение одного индивидуума другому, совсем не обязательны такие грубые и явные сигналы. Напротив, характерная черта специфического явления передачи настроений как раз и заключается в малозаметности побудительных причин, которые очень трудно обнаружить даже опытному наблюдателю. Загадочный аппарат передачи и приема таких побудительных сигналов чрезвычайно стар, он гораздо древнее самого человеческого рода, и, несомненно, вырождается по мере того как совершенствуется наш язык. Человеку не нужно демонстрировать перед своими собратьями мельчайшие жесты, свидетельствующие о его минутном настроении, он может передать свое состояние в словах. А собака или галка обязаны «читать в чужих глазах», чтобы знать, как им придется вести себя в следующий момент. По этой причине у высоко развитых социальных животных передаточный и приемный аппарат «обмена настроениями» развит намного лучше человеческого и гораздо более специализирован. Все выражения эмоционального состояния животных — например галочий крик «киа» или «киав» — можно сравнивать не с нашей разговорной речью, а с такими мимическими жестами, как зевота, улыбка или наморщивание лба. Эти наши действия являются врожденными, поэтому они возникают непроизвольно и точно так же непроизвольно воспринимаются и «понимаются» соответствующим врожденным механизмом. «Слова» разнообразных «языков» животного мира — это не более чем восклицания. Хотя жестикуляция человека имеет множество оттенков, однако даже самый талантливый актер не в состоянии с помощью одной только мимики сообщить, собирается ли он идти пешком или лететь, и хочет ли направиться домой или в противоположную сторону, — а серый гусь и галка легко справляются с этой задачей. Приемный аппарат животных настолько же совершеннее человеческого, как и аппарат передаточный.

Животные не только в состоянии дифференцировать большое количество сигналов, но и отвечают на них гораздо более тонко, чем человек (как следует из только что приведенного сравнения). Способность их воспринимать и верно истолковывать едва заметные сигналы, совершенно неуловимые для нас, кажется почти невероятной. Когда галка, разыскивающая на земле себе пропитание, взлетит лишь затем, чтобы усесться на ветви ближайшей яблони и почистить клювом оперение, остальные птицы в стае оставят ее действие без внимания, разве что бросят мимолетный взгляд в ее сторону. Но если один из членов стаи взлетает с намерением отправиться в дальнюю дорогу, тут уж и другие присоединятся к нему — или только супруг, или значительная группа галок, в зависимости от того, каким авторитетом в стае пользуется зачинщик. Все это происходит даже в том случае, если последний не подает никаких звуковых сигналов.

Отсюда следует, что человек, хорошо знакомый с образом жизни и повадками галок, на основании своих наблюдений за мельчайшими демонстративными жестами птицы сможет предсказать, как далеко она решила отправиться. Конечно, исследователь не в состоянии предугадать поступки птиц с такой точностью, на какую способны сами галки. Вот пример, который показывает, что хороший наблюдатель сможет стать равным животному или даже превзойдет его в способности понимать и предвидеть намерения этих детей природы. Но в других случаях человек не должен и надеяться соревноваться с ними.

У собаки «приемная установка» намного совершеннее аналогичных воспринимающих систем человека. Каждый, кто способен разбираться в поведении своей собаки, знает, с какой сверхъестественной точностью преданный четвероногий друг узнает, отправился ли его хозяин просто в соседнюю комнату — поступок, не вызывающий интереса у вашего питомца, или же он собирается на столь желанную совместную прогулку. Многие собаки достигают еще более поразительных результатов. Моя эльзасская сука Тито, прапрапрабабушка собаки, живущей сейчас в нашем доме, могла при помощи «телепатии» точно опреде-

лять, кто из моих гостей действует мне на нервы и когда именно. Ничто не могло помешать ей наказать такого человека, что она неизменно проделывала, мягко кусая его в ягодицу. Особой опасности всегда подвергались авторитетные пожилые джентльмены, которые в разговоре со мной занимали хорошо известную позицию: «Вы ведь слишком молоды...» Не успевал гость произнести свое увещание, как его рука с тревогой касалась того места, которое Титу пунктуально использовала для вынесения своего выговора. Я никогда не мог понять, как все это случается — собака лежала под столом и не видела лиц и жестов сидевших вокруг него. Как она узнавала, с кем именно я разговаривал и спорил?

Способность столь точно угадывать настроение своего хозяина не является телепатией в истинном смысле этого слова. Многие животные могут воспринимать тончайшие жесты, ускользающие от внимания человека. У собаки вся сила сосредоточенности направлена на служение хозяину, она буквально «ловит на лету каждое его слово», и в этом случае способность к пониманию настроений получает наивысшее выражение. Лошади тоже достигают больших успехов на этом поприще. Здесь не будет неуместным рассказать о некоторых трюках, которые принесли известную славу некоторым животным. Есть «думающие» лошади, способные извлекать квадратный корень. Удивительный эрдельтерьер Рольф пошел еще дальше — он продиктовал хозяйке свое последнее желание и завещание. Все эти «считающие» и «думающие» животные «разговаривают», лая или ударяя ногой определенное число раз — способ переговоров, до известной степени соответствующий азбуке морзе. На первый взгляд их поступки действительно кажутся поразительными. Вам предлагают проэкзаменовать животное самолично. Вы становитесь против лошади, собаки или какого-либо другого дрессированного животного и спрашиваете его, сколько будет дважды два. Терьер внимательно рассматривает вас и лает четыре раза. Если перед вами лошадь, то ее искусство кажется еще более удивительным, потому что она даже не смотрит в вашу сторону. Вполне очевидно, что собака, тщательно наблюдаю-

идя за своим экзаменатором, целиком сосредоточивает свое внимание на нем и полностью игнорирует все, что не имеет отношения к стоящей перед ней задаче. У лошади же нет необходимости смотреть в сторону дрессировщика, потому что, даже не глядя на него в упор, она улавливает боковым зрением мельчайшие жесты хозяина. Таким образом, вы сами невольно подсказываете «думающему» животному правильное решение. В этом случае, если вам не известен правильный ответ, бедное животное будет отчаянно лаять или стучать раз за разом, тщетно ожидая от вас знака, что пора остановиться. Как правило, такой знак неизбежно будет подан, ибо очень немногие люди могут даже в состоянии крайнего самоконтроля избавиться от бессознательных и произвольных мимических жестов.

Тот факт, что сам человек дает правильное решение и подсказывает его животному, был определенно доказан одним из моих коллег, который провел эксперимент со знаменитой таксой, принадлежавшей некоей старой матроне. Способ, примененный моим другом, был предательским: неправильный ответ на задачу предлагался не «считающей» собаке, а ее хозяйке. С этой целью экспериментатор сделал несколько плотных карточек, на лицевой стороне которых жирными буквами были написаны простейшие задачки. Каждая карточка была склеена из нескольких слоев прозрачной бумаги, на самом заднем листе содержалась другая задачка. Создавалось полное впечатление, что вам видна на просвет надпись на лицевой стороне, обращенной в сторону животного. Ничего не подозревающая хозяйка, видя перед собой зеркальное изображение текста, предполагает, что она верно решила задачу и бессознательно транслирует своей собаке ответ, не согласующийся с надписью на лицевой стороне карточки. Представьте себе ее удивление, когда питомец, впервые за все время их выступлений, снова и снова дает неправильный ответ. Прежде чем закончить сеанс, мой друг предложил хозяйке и ее собаке задачу, которую питомец мог решить, а старая леди не могла. Он положил перед таксой тряпку, пропитанную запахом суи в состоянии течки. Собака пришла в возбуждение, начала

скулить и вилять хвостом — она-то знала, чем пахнет кусок материи. Опытный хозяин тоже мог бы догадаться обо всем по поведению своего питомца. Но старая леди не знала этого. Когда собаку спросили, чем пахнет тряпка, она быстро «отступала» ответ своей хозяйки: «Сыром!»

Чрезвычайная восприимчивость многих животных к некоторым мимолетным признакам эмоционального состояния — например, способность собаки уловить, какие чувства, дружеские или враждебные, питает ее хозяин к окружающим людям, — все это вещи, достойные изумления. Поэтому не удивительно, что наивный наблюдатель, пытающийся приписать животным человеческие качества, рассуждает следующим образом: если мой питомец способен угадывать даже невысказанные мысли, то он тем более должен понимать каждое слово из уст любимого хозяина. Каждая смышленная собака понимает какое-то количество слов. Но, с другой стороны, не следует забывать, что способность воспринимать тончайшие оттенки настроения именно потому сильно обострена у животных, что они лишены настоящей речи.

Как я уже говорил, все врожденные способы выражения эмоций, такие, например, как сигнальный код галок, весьма далеки от человеческого языка. Когда ваша собака тычется в вас носом, скулит, бежит перед дверью или скребет лапой около водопроводного крана, одновременно умоляюще поглядывая в вашу сторону, — все эти ее поступки намного ближе к нашей речи, нежели «разговор» галок или серых гусей, хотя тонко дифференцированные звуки, издаваемые этими птицами, порой кажутся весьма «разумными» и вполне подходящими к случаю. Собака хочет заставить вас открыть дверь или повернуть кран, и в основе ее поступков, побуждающих вас действовать в определенном направлении, лежат вполне специфичные и целенаправленные мотивы. Собака никогда не станет проделывать всего этого в ваше отсутствие. Напротив, звуки, издаваемые галкой или серым гусем, — это лишь бессознательное выражение внутреннего состояния птицы. Когда наступает опреде-

денное настроение, непроизвольно произносится и соответствующий крик, независимо от того, есть ли поблизости кто-нибудь, кто может услышать эти звуки.

Разумные действия собаки, о которых я только что упоминал, не являются врожденными, они приобретены в результате индивидуального научения и обусловлены истинным пониманием обстановки. Сука Стаси, прабабушка моей теперешней собаки, съев однажды что-то неподходящее, захотела выйти на улицу среди ночи. В те дни я был перегружен работой и спал очень крепко, поэтому собака не могла разбудить меня и сообщить о своей насущной потребности принятыми у нас способами. Чем больше она скулила и тыкалась в меня носом, тем глубже я зарывался головой в подушки. В этой отчаянной ситуации Стаси была вынуждена отказаться от своего обычного послушания. Она решилась на поступок, за который в другое время была бы строго наказана. Вспрыгнув на кровать, собака в буквальном смысле слова подкопалась под меня и сбросила меня на пол. Такое приспособление к насущным нуждам момента совершенно не свойственно «словарю» птичьего языка. Птица никогда не выбросит вас из кровати.

Попугаи и крупные врановые наделены «речью» совершенно иного рода. Они способны имитировать слова человеческого языка. У этих птиц иногда возможны ассоциации между теми или иными звуками и определенным индивидуальным опытом. Такая имитация — это не более как «пересмешничество», свойственное многим певчим птицам. Пеночка-пересмешка, красноголовый сорокопут¹ и многие другие воробьиные — большие мастера этого искусства. Пересмешничество представляет собой имитацию звуков, которые не являются врожденными; птица обучается им в течение своей жизни и произносит их только во время пения. Звуки эти равным счетом ничего не значат и

¹ Пеночка-пересмешка (*Hippolais icterina*) — маленькая зеленовато-желтая птичка, обычная в широколиственных лесах Западной Европы и Советского Союза. Красноголовый сорокопут (*Lanius senator*) — птица из отряда воробьиных, распространенная в Западной Европе, Северной Африке, Передней Азии и в Закавказье. Питается крупными насекомыми, но, подобно другим сорокопутам, довольно часто нападает на мелких птиц, ящериц и лягушек.

совершенно не связаны с врожденным «словарем» вида. Не то же самое можно сказать о скворце, сороке и галке, которые не только передразнивают других птиц, но и способны имитировать отдельные слова человеческой речи. Однако «разговор» попугаев и крупных врановых — это явление не сколько иного рода. Звуковая имитация у них не преследует определенной цели, она носит характер своеобразной игры — эти черты весьма присущи пересмешичеству у мелких птиц и в какой-то степени сродни играм психически более развитых животных. Но, с другой стороны, врановые и попугаи обычно произносят человеческие слова отдельно от песни, и несомненно, что эти звуки в некоторых случаях выражают определенные смысловые ассоциации.

Многие серые попугаи, равно как и представители некоторых других видов, произносят «доброе утро» только однажды в течение дня и как раз в подходящее время. У моего друга профессора Отто Кёлера жил старый серый попугай по кличке Гриф. Птица выщипывала у себя перья — постоянно предаваясь этому пороку, она стала почти совсем голой. Гриф не был красавцем, но он с лихвой искупал этот свой недостаток исключительным талантом имитатора. Попугай говорил «доброе утро» и «добрый вечер» абсолютно кстати. Когда гость поднимался, чтобы откланяться, птица доброжелательным низким голосом изрекала: «Ну, до свидания». Это говорилось лишь в том случае, если посетитель действительно должен был уйти. Подобно «думающей» собаке, попугай замечал тончайшие произвольные жесты. Человек обычно не способен улавливать эти сигналы, и нам ни разу не удалось заставить птицу высказаться, если мы только имитировали прощание. Но когда гость действительно уходил — независимо от того, насколько незаметно он пытался исчезнуть, попугай всегда поспешно произносил свое «ну, до свидания».

Другой серый попугай, ставший знаменитым благодаря своей исключительной памяти, жил у известного берлинского орнитолога фон Лукануса. Ученый держал дома много птиц, и среди них — ручного удода по имени Хопфхен. Говорящий попугай вскоре заучил это слово. К сожалению, в противоположность попугаям, удода недолго живут в не-

коле. Через некоторое время Хопфхена постигла судьба всех смертных, а попугай, казалось, совершенно забыл его имя, по крайней мере никогда не произносил его. Спустя девять лет Луканус приобрел другого удода, и как только попугай увидел эту птицу, он в первый же момент назвал имя своего старого знакомого, а затем повторил его: «Хопфхен... Хопфхен...»

Это общее правило — насколько медленно птицы-имитаторы обучаются чему-нибудь новому, настолько же цепко их память удерживает вещи, которые они однажды усвоили. Каждый, кто пытался вдолбить новое слово в сознание скворца или попугая, знает, как много терпения необходимо вложить в это предприятие и сколь неумоимо вы должны вновь и вновь повторять урок. И тем не менее в исключительных случаях птица может научиться воспроизводить слово, которое она слышала редко или даже всего один раз. Это может случиться, по-видимому, только если ваш питомец находится в состоянии крайнего возбуждения. Мне самому известно всего два подобных примера. Мой брат в течение нескольких лет содержал удивительно ручного и веселого синеголового амазонского попугая по кличке Папаголло, обладавшего исключительным талантом к имитации человеческой речи. Когда хозяин со своим любимцем жил у нас в Альтенберге, попугай летал на свободе вокруг дома наравне с другими моими птицами. Говорящий попугай, перелетающий с дерева на дерево и при этом выкрикивающий человеческие слова, производит несравненно более комическое впечатление, нежели столь же способная птица, сидящая в комнатной клетке. Когда Папаголло летал по нашему участку с громким криком: «Где Док?» — при этом он порой действительно разыскивал своего хозяина — зрелище было поистине неотразимое.

Еще более забавными и столь же замечательными с научной точки зрения были другие поступки этой птицы. Папаголло не боялся ничего и никого, за исключением трубочиста. Птицы вообще склонны опасаться всего, что находится выше их; это связано с врожденным страхом перед пернатыми хищниками, пикирующими на свою жертву сверху. Поэтому каждый предмет, появляющийся на фоне

неба, для них в известной степени олицетворяет собой «хищную птицу». Когда черный человек, зловещий уже одним своим темным одеянием, появился на каминной трубе, вырисовываясь во весь рост на фоне голубого неба, Папаголло впал в панику и с громкими воплями улетел так далеко, что мы стали опасаться, найдет ли он обратную дорогу. Месяц спустя, когда трубочист снова появился у нас, попугай сидел на флюгере и ссорился с галками за право на это место. Внезапно он на моих глазах совершенно преобразился — прижав оперение, стал длинным и тонким и с тревогой начал вглядываться в деревенскую улицу. Затем он взлетел и помчался прочь, вновь и вновь издавая хриплый пронзительный крик: «Трубочист идет, трубочист идет...» В следующее мгновение открылась калитка и черный человек вошел во двор. К сожалению, мне не удалось установить, часто ли Папаголло видел трубочиста прежде и сколько раз он слышал возбужденный крик нашей кухарки, возвещавшей о появлении ремесленника (несомненно, птица воспроизводила голос и интонации этой женщины). Можно лишь определенно сказать, что попугай мог слышать эти возгласы самое большее три раза — всего лишь три реплики с интервалами в несколько месяцев!

Другой известный мне случай произошел с вороной, которая научилась произносить человеческие слова после того, как слышала их только однажды или же всего несколько раз. И опять в птичьей памяти отпечаталась целая фраза. Ворону звали Гансл, и она могла соперничать в искусстве разговора с самыми одаренными попугаями. Птицу вырастил железнодорожник из соседней деревни. Гансл летал на полной свободе и со временем превратился в здоровую, пропорционально сложенную птицу, весь вид которой мог служить прекрасной рекламой воспитательных способностей ее приемного отца. Вопреки распространенному мнению, ворону совсем не легко вырастить дома, и при том неправильном уходе, который эти птицы обыкновенно получают, они становятся малорослыми полуинвалидами — именно такими их наиболее часто приходится видеть в неволе.

Как-то раз деревенские мальчишки принесли мне вымазанную в грязи ворону с коротко обрезанными перьями

юста и крыльев. В этом жалком создании я с трудом смог узнать прекрасного Гансла. Я купил птицу, как покупал всех несчастных животных, приносимых мне деревенскими ребятишками,— отчасти из жалости, отчасти потому, что среди этих сбившихся с пути созданий попадались такие, которые представляли для меня истинный интерес. Именно это произошло и теперь! Я позвонил хозяину воронья, который сказал, что Гансл исчез несколько дней назад. Железнодорожник просил меня продержать его питомца до следующей линьки. В соответствии с его просьбой я посадил ворону в фазаний садок и предоставил ей концентрированное питание, чтобы в ходе надвигающейся линьки у нее могли бы отрасти новые, хорошие перья. В то время пока птица находилась на положении пленника, я обнаружил у нее удивительную способность к болтовне— много чего мне пришлось от нее послушаться! Понятно, что Гансл набрался как раз таких вещей, которых можно ожидать от ручной вороны, сидящей в ветвях над деревенской улицей и слушающей «разговоры» ее обитателей.

Вскоре я имел удовольствие увидеть Гансла в его новом полном наряде. Как только способность к полету возвратилась к птице, я предоставил ей свободу. Ворона тотчас же вернулась к своему первому хозяину, но время от времени продолжала навещать меня в качестве желанного гостя. Как-то Гансл пропал несколько недель, а когда он появился вновь, я обратил внимание на сломанный и неправильно сросшийся палец одной из его лап. Сейчас мы и подошли к главному в истории Гансла, нашей серой вороны. Вскоре стало точно известно, каким образом он получил это небольшое увечье. Кто же сообщил нам об этом? Хотите верьте, хотите нет, но рассказал обо всем сам Гансл! Когда птица неожиданно появилась после своего долгого отсутствия, ей была известна новая фраза. С произношением истого уличного сорванца ворона издала на нижнеавстрийском диалекте реплику, которая в переводе на простонародное ланкаширское наречье должна звучать примерно так: «Попалась в чертову ловушку!» Не могло быть и двух мнений о происхождении этого высказывания. Точно так же, как и в истории с попугаем Папаголло, ворона за-

помнила фразу, которую она не могла слышать многократно; эти слова врезались в память Гансла именно потому, что он услышал их в состоянии крайне обостренного восприятия — сразу после того, как попался в ловушку. Каким образом вороне снова удалось освободиться — об этом она, к сожалению, не рассказала нам.

В подобных случаях сентиментальный любитель животных, наделяющий их человеческим интеллектом, может сколько угодно клясться в том, что птица понимает произносимые ею слова. Конечно, этот взгляд абсолютно неверен. Даже умнейшая из всех «говорящих» птиц, которая, как мы вполне могли убедиться, способна согласовывать свои высказывания с конкретной частной ситуацией, тем не менее не может практически применять свой дар, сознательно используя его для достижения простейших целей. Профессор Кёлер, который может похвастаться огромнейшими успехами в искусстве дрессировки животных (он, например, сумел научить голубя считать до шести), пытался заставить своего талантливого серого попугая по кличке Гриф произносить слово «пища», когда последний был голоден, и «вода», когда тот испытывал жажду. Эта попытка не имела успеха, не смогли добиться этого и другие исследователи. Подобная неудача уже сама по себе примечательна. Поскольку, как мы уже видели, птицы могут согласовывать произносимые ими звуки с конкретной ситуацией, следовало бы ожидать, что их высказывания будут в первую очередь ассоциироваться с определенной целью. Однако мы с удивлением обнаруживаем, что птицы не способны поступать подобным образом. Это тем более странно, что животное, как правило, приобретает новые формы поведения именно для того, чтобы использовать их в определенных целях. Наиболее курьезными оказываются те новообретенные действия, цель которых — определенным образом воздействовать на человека-хозяина.

Самая нелепая из известных мне привычек такого рода возникла у южноамериканского попугая тирика¹, принад-

¹ Тирика (*Brotogeris tirica*) — южноамериканский попугай величиной с небольшого дрозда. Живет большими стаями в тропических лесах Бразилии и Гвианы. Часто содержится в неволе.

лежавшего профессору Карлу фон Фришу. Этот ученый выпускал своего питомца полетать на свободе только после того, как попугай на глазах у хозяина опорожнял свой кишечник. Таким образом, в последующие десять минут прекрасная мебель ученого была в полной безопасности. Попугай быстро уяснил себе связь между этими двумя фактами. Отныне, если он испытывал страстное желание выбраться из своей тюрьмы, то изо всех сил старался выдавить из себя крошечные порции испражнений — и как раз в те моменты, когда профессор фон Фриш проходил мимо клетки. Даже в том случае, если кишечник птицы был совершенно пуст, она все же отчаянно старалась опорожнить его, рискуя повредить свой организм этим неистовым напряжением. Видя такую картину, нельзя было не выпустить бедное создание на свободу!

А вот умный Риф, гораздо более развитый, чем мелкие попугаи тирика, не способен даже научиться произнести слово «пища», когда он голоден. Весь этот совершенный аппарат птичьей гортани и головного мозга, позволяющий высокоразвитым пернатым имитировать сложные звуки и даже строить смысловые ассоциации, оказывается, не имеет отношения к потребностям наилучшего выживания вида. Мы тщетно будем спрашивать себя, почему это так.

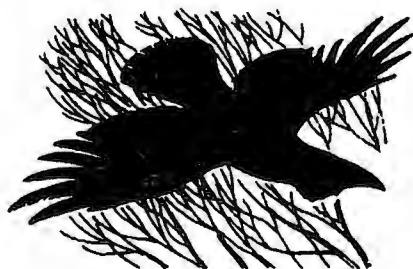
Мне известна лишь одна птица, которая научилась пользоваться словами человеческой речи для достижения своего конкретного желания, иными словами — установила причинную связь между произносимым ею звуком и определенной целью. Совсем не случайно эта птица оказалась вороном. Я убежден, что ворон наиболее развит умственно по сравнению со всеми другими пернатыми. У ворона есть особый врожденный крик, имеющий тот же смысл, что и галочье «кья», — он адресуется другим особям вида и означает приглашение лететь следом. Призывный крик ворона — это звучное, гортанное и в то же время металлически резкое «краккраккрак». Когда птица желает склонить другую, сидящую на земле, лететь вместе с ней, она продвигает те самые движения, которые описаны мной в главе о галках. Ворон подлетает к собрату сзади, проносится почти вплотную над ним, покачивая сложенным хвостом и

одновременно произнося свое «краккраккрак», которое в эти мгновения звучит особенно резко, как залп коротких взрывов.

Мой ворон Роу, названный так звукоподражательно по крику молодой птицы, даже став взрослым, оставался моим преданным другом. Когда у него не было более интересного дела, он сопровождал меня в длительных прогулках, в лыжных походах и даже в экскурсиях по Дунаю на моторной лодке. В свои последние годы птица не только тщательно избегала незнакомых людей, но и питала сильную антипатию к тем местам, где ей однажды случилось испугаться и с которыми у нее были связаны другие неприятные воспоминания. Здесь ворон неизменно спешил спуститься с высоты, чтобы быть рядом со мной в опасном месте. Более того, он не мог спокойно видеть меня в тех местах, где, по его мнению, было небезопасно. И точно так же, как мои старые галки пытаются заставить своих беспечных детей взлететь с земли и следовать за ними, мой Роу пикировал на меня сверху и сзади и, промчавшись вплотную над моей головой, покачивал хвостом и снова взмывал кверху. При этом он косился назад через плечо, чтобы удостовериться, что я следую за ним. Еще раз подчеркиваю, что вся цепь этих движений является сугубо врожденной. Однако, проделывая свои пируэты, птица одновременно произносила вместо соответствующего призывного крика свое собственное имя, выкрикивая его с совершенно человеческими интонациями.

Наиболее замечательно в этой истории то обстоятельство, что Роу обращался с этим словом только ко мне. Имя дело с себе подобными, он в соответствующие моменты неизменно произносил врожденный призывный крик. Было бы ошибкой думать, что я невольно натренировал птицу. Такая вещь могла бы случиться только при неоднократном совпадении трех независимых друг от друга факторов. Я должен был всегда следовать за вороном как раз в те моменты, когда он действительно нуждался в моем обществе и одновременно, по чистому совпадению, произносил бы свое имя. Только столь маловероятное совпадение могло бы послужить причиной возникновения у птицы подобной смысловой ассоциации. Нет, я верю, что поведение Роу не было

делом случая. Должно быть, у старого ворона возникла своего рода догадка, что слово «Роу» — это мой призывный крик! Царь Соломон был не единственным человеком, способным разговаривать с животными. Но ворон Роу, насколько мне известно, оказался единственным животным, обратившимся к человеку с человеческим словом. Неважно, что это слово не более чем простой призывный крик.

Глава девятая **ПРИРУЧЕНИЕ ЗЕМЛЕРОЕК**

Природа, обагрив кровью клык,
Против себя же поднимает крик.

А. Теннисон

Все землеройки относятся к числу животных, которых особенно хлопотно содержать в неволе. Не из-за пресловутой трудности их приручения, а потому, что обмен веществ этих мельчайших из всех млекопитающих идет чрезвычайно быстро, и при отсутствии пищи они умирают от голода всего за какие-нибудь два-три часа. Зверьки эти поедают только живую добычу — различных мелких животных, главным образом насекомых, да еще в таком количестве, что дневная порция корма превышает их собственный вес. Поэтому комнатная землеройка — это весьма капризный постоялец, требующий неустанного внимания. Мне долгое время не удавалось продержать живых землероек в течение сколько-нибудь длительного срока. Те зверьки, которых мне случалось приобрести, очевидно, лишь недавно попа-

лись в ловушку, но они уже находились в плохом состоянии и очень скоро погибали. Ни разу в моих руках не оказалось здорового экземпляра.

Надо сказать, что отряд насекомоядных¹ стоит на одной из самых низших ступеней генеалогической лестницы млекопитающих, поэтому эти животные представляют особый интерес для сравнительной этологии. Насекомоядные — большая группа, но я был удовлетворительно знаком лишь с поведением обыкновенного ежа, поскольку этология этого интереснейшего животного была досконально изучена берлинским профессором Гертером. О поведении других представителей этого отряда практически ничего не было известно. Поскольку насекомоядные ведут ночной и преимущественно подземный образ жизни, почти невозможно получить достаточно полные данные путем полевых наблюдений, а трудность содержания этих зверьков в неволе препятствует изучению их в лабораторных условиях. Вот почему я официально включил этих животных в программу своих исследований.

Сначала я пытался держать у себя обыкновенного крота. Достать здоровое животное не представляло труда — зять поймал мне его по заказу в своем питомнике. Оказалось, что крот прекрасно может жить в условиях неволи. Он сразу проглотил почти невообразимое количество земляных червей, причем тут же начал брать их прямо из моих рук. Однако как объект для изучения поведения крот совершенно разочаровал меня. Несомненно, было очень интересно наблюдать, как животное за какие-то несколько секунд просто исчезало, моментально закапываясь в землю; заслуживала внимания чрезвычайно эффективная работа его сильных лопатообразных передних лап, всю мощь которых вы смогли бы почувствовать, если бы попытались удержать крота одной рукой. Наконец, совершенно замечательно, с какой поразительной точностью пребывающее под землей животное определяло по запаху местонахождение дождевых

¹ Отряд насекомоядных (*Insectivora*) — древнейшая группа млекопитающих, куда относятся землеройки, кроты, ежи, выхухоль и др. К насекомоядным принадлежат также древние реликтовые животные — щетинистые ежи, или танреки (Мадагаскар), выдровые землеройки (Западная Африка) и некоторые другие.

червей, которых я клал на поверхность почвы в террариум. Но, кроме этих немногочисленных наблюдений, мне ничего не удалось узнать о жизни крота. Животное не становилось ручным, оно оставалось на поверхности не больше времени, чем ему требовалось для пожирания своего корма. После этого крот погружался в землю с такой же быстротой, с какой подводная лодка погружается в водную пучину. Вскоре меня стала утомлять постоянная необходимость добывать необъятное количество живых существ, которых крот требовал для своего пропитания, и через несколько недель я выпустил животное в сад.

Прошел год, и у меня вновь возникла мысль завести зверька из отряда насекомых. Это случилось во время экскурсии на необыкновенное озеро Неусидлерзее, расположенное на территории Австрии близ венгерской границы. Этот большой водоем, находящийся всего в тридцати милях от Вены, являет собой пример особого типа озер, столь характерных для открытых степей Восточной Европы и Азии. При длине более чем в тридцать миль и ширине, равной половине этого расстояния, максимальная глубина озера всего лишь около пяти футов, а на остальном пространстве оно и того мельче. Неусидлерзее почти наполовину заросло тростником, и это создает идеальные условия для жизни разнообразнейших птиц, связанных в своем существовании с водой. Среди зарослей тростника процветают большие колонии белых колпиц¹, серых и рыжих цапель, а до недавнего времени здесь встречалась даже каравайка². Серые гуси гнездятся в огромном количестве, а на восточном берегу, свободном от тростниковых зарослей, обитают шилоклювка³ и другие редкие виды болотной птицы.

¹ Колпица (*Platalea leucorodia*) — птица из семейства ибисовых, близкого к цаплям. Длинный клюв колпицы на конце расширен наподобие ложки. Распространена в южных районах Евразии и в Северной Африке.

² Каравайка (*Plegadis falcinellus*) — птица, родственная колпице. Населяет теплые районы Старого и Нового Света. Гнездится большими колониями совместно с колпицами, цаплями и бакланами. Сейчас и колпица, и каравайка постепенно становятся все более редкими у северных границ области своего распространения.

³ Шилоклювка (*Recurvirostra avocetta*) — средних размеров кулик с длинным клювом, изогнутым кверху наподобие кривого шила. Живет шилоклювка преимущественно около соленоводных озер — в Западной Европе, Средней Азии, Казахстане, Забайкалье и Африке.

Теперь представьте себе дюжину утомленных зоологов, которые медленно совершают мучительный путь через этот тростниковый лес под опытным предводительством Отто Кёнига, моего старого друга. Мы шли гуськом: впереди — Кёниг, за ним — ваш покорный слуга и в кильватере — несколько измученных студентов. Мы и в самом деле оставили за собой кильватерный след — иссиня-черный на светло-серой поверхности воды. Путешествуя по тростниковым лесам озера Неусидлерзее, вы вынуждены передвигаться по колено в черном липком иле, благоухающем сероводородными выделениями бесчисленных бактерий. Жидкая грязь цепко удерживает вас и при каждом шаге отпускает погруженную в нее ногу с громким, протестующим лязганьем.

После нескольких часов подобного путешествия вы начинаете ощущать боль в таких мышцах, о существовании которых даже и не подозревали раньше. От колен до пояса путешественник пропитан илистой, светло-серой, напоминающей молоко, водой, которая кишит мириадами голодных пиявок, тех самых, что называются *Hirudines medicinales maxime affamanti*¹. Остальная часть вашей персоны находится на чистом воздухе, который здесь как будто состоит из туч крошечных moskitov. Их кровожадные вылазки доводят до неистовства, ибо руки ваши заняты тем, что непрерывно раздвигают стебли тростника, преграждающие путь, и только между делом вы можете дать себе пару-другую пощечин. Британские орнитологи, которые, очевидно, могут позавидовать некоторым нашим интересным наблюдениям, должны отчетливо представлять себе, что наблюдать птиц на озере Неусидлерзее — дело не слишком завидное.

Итак, мы с величайшими неудобствами продолжали свой путь, когда Кёниг внезапно остановился и безмолвно указал на свободный от тростника плес, расстилавшийся прямо перед нами. Сначала я увидел лишь белесую воду, темнo-синее небо и зеленые заросли — эти стандартные краски Неусидлерзее. Неожиданно посреди плеса, словно поплавок, вынырнувший на поверхность воды, появилось

¹ Медицинские пиявки — предельно голодные.

крошечное черное животное, едва ли крупнее большого пальца человеческой руки. И в этот момент я оказался в редком для зоолога положении — когда он встречается с животным, которое не в состоянии определить. Я буквально не мог понять, к какому классу позвоночных¹ относится существо, плававшее у меня перед глазами. В первую долю секунды мне показалось, что это птенец какой-то неизвестной мне нырковой птицы. Создавалось впечатление, что существо имеет клюв и держится на воде подобно птице, а не как млекопитающее. Животное описывало на поверхности воды крутые зигзаги и узкие круги абсолютно так же, как некоторые водяные жуки, и оставляло за собой широкий клиновидный след, слишком мощный по сравнению с малыми размерами загадочного существа. Внезапно из глубины вынырнуло второе крошечное создание, которое стало преследовать нашего первого знакомца с пронзительным щебетанием, напомнившим мне крик летучей мыши. Потом оба нырнули в глубину и исчезли. Весь этот эпизод не занял и пяти секунд.

Я стоял с открытым ртом, мозг бешено работал. Кёниг, широко ухмыляясь, повернулся ко мне, оторвал пиявку, присосавшуюся к его запястью, вытер сочащуюся из ранки струйку крови, шлепнул себя по щеке, убив одновременно тридцать пять moskitov, и спросил меня тоном экзотолога: «Кто это был?» Спокойно, насколько было в моих силах, я ответил: «Водяная землеройка». В душе я благодарил пиявок и moskitov за ту отсрочку, которая позволила мне сосредоточиться. Но мои мысли уже неслись дальше: водяные землеройки питаются рыбой и лягушками — и тех и других повсюду можно достать в неограниченном количестве. Водяные землеройки проводят под землей меньше времени, чем другие насекомоядные. Вот то животное, которое можно держать дома! «Я должен поймать водяную землеройку», — сказал я Кёнигу. «Это очень просто, — ответил он. — Под основанием моей палатки есть гнездо с молодыми». Именно в этой палатке я провел пре-

¹ Класс — крупное подразделение в классификации животных. Например, среди позвоночных выделяются следующие классы: круглоротые (куда относятся миноги), рыбы, амфибии (земноводные), рептилии (пресмыкающиеся), птицы и млекопитающие.

душую ночь, а мой друг даже и не подумал сообщить мне о куторах¹. Эти вещи для него — дело само собой разумеющееся, так же как пятнистая водяная курочка², клюющие крошки с его ладони, или любое другое чудо в его удивительном царстве озерных тростников.

Вечером, когда мы вернулись в палатку, Кёниг показал мне гнездо. В нем было девять детенышей, казавшихся огромными по сравнению со своей мамашей, которая юркнула в глубину, как только мы приподняли тент. Длина каждого детеныша значительно превышала половину длины мамы, а вес молодого зверька должен был быть равен примерно трети или четверти веса мамы. Иными словами, по самым средним подсчетам, весь выводок весил не меньше чем две взрослые землеройки. А ведь зверюшки были еще совершенно слепы, и кончики зубов едва виднелись в отверстиях их розовых ртов. Спустя два дня после того как зверюшки попали ко мне на попечение, они не могли самостоятельно съесть даже мягкие внутренности кузнечика. Явная жадность, с которой маленькие куторы реагировали на пищу, не мешала им бесконечно долго жевать сочный кусочек лягушачьего мяса — им никак не удавалось отделить маленькую порцию и проглотить ее. Пока мы продолжали жить в нашей палатке, я кормил своих питомцев выведенными внутренностями кузнечиков и мелко нарубленным лягушачьим фаршем — зверьки просто процветали на такой диете. По возвращении домой, в Альтенберг, я усовершенствовал их меню, составляя нечто вроде соуса из выведенных внутренностей различных личинок, дождевых червей и рубленого свежего рыбьего мяса, сдабривая все это небольшим количеством молока. Землеройки поглощали сказочное количество этого корма, и маленький ящичек, в котором содержалось их гнездо, казался еще меньше по сравнению с огромной фарфоровой чашкой, содержимое которой они опорожняли три раза в день.

¹ Кутора (*Neomys fodiens*) — водяная землеройка.

² Курочка-крошка (*Porzana pusilla*) — небольшая птичка длиной до 20 см из отряда пастушков. Родственников лысухи. Обитает в тростниковых зарослях на обширных территориях Евразии, Южной Африки, Австралии и Новой Зеландии. Обычна в умеренных и южных областях СССР

Все эти наблюдения поставили меня перед вопросом, каким образом самке удастся выкормить свой гигантский выводок. Абсолютно невероятно, чтобы она кормила не только собственным молоком. Даже питаясь гораздо более концентрированной пищей, выводок юных кутор ежедневно поедал ее в количестве, равном их общему весу, то есть почти столько, сколько весят два взрослых зверька. С другой стороны, мои наблюдения, бесспорно, доказывали, что молодые землеройки в этот период своей жизни не в состоянии поедать целых лягушек или рыб, которых им могла бы приносить мамаша. Можно лишь полагать, что самки кормят детенышей отрывками из пережеванной пищи. Даже в этом случае остается почти полной загадкой, каким образом взрослой самке удастся добывать мясо в количестве, достаточном, чтобы прокормить себя и свое ненасытное потомство.

Когда я привез моих юных кутор домой, они были еще совершенно слепыми. Зверьки нисколько не пострадали от переезда и радовали глаз своей упитанностью и лоснящимся мехом. Черные глянцевиные шубки придавали им сходство с кротом, в то время как белый цвет нижней стороны и боков в сочетании с обтекаемыми контурами тела вызывал отчетливое воспоминание о пингвинах. И не без основания, поскольку и обтекаемые очертания, и светлая окраска брюшка — все это приспособления к водному образу жизни. Многие плавающие животные — млекопитающие и птицы, амфибии и рыбы окрашены снизу в серебристо-белые тона с тем, чтобы быть незаметными для хищников, держащихся на глубине. При взгляде отсюда блестящее белое брюшко абсолютно сливается со сверкающей поверхностной пленкой воды. Для всех этих водных существ очень характерно и то, что темная окраска спины и светлая — живота не переходят постепенно одна в другую, как у животных наземных, окрашенных по так называемому принципу противотени¹. Последний тип окраски рассчитан на то,

¹ Скрадывающая противотень — один из типов покровительственной окраски, имеющий очень широкое распространение в животном мире. Другие способы маскировки у животных — расчленяющая окраска и мимикрия.

чтобы сделать своего обладателя невидимым сбоку за счет маскировки контрастной тени на нижней поверхности туловища. Точно так же, как и у косатки, дельфинов и пингинов, белая окраска брюшка куторы отделена от черного цвета спинки резкой линией, которая декоративной кривой огибает все тельце животного. И вот что удивительно: очертания этой пограничной полосы отличаются не только у разных индивидуумов, но даже на двух боках одного и того же зверька. Я был весьма рад этому обстоятельству, поскольку оно давало мне возможность узнавать каждого своего питомца.

Спустя три дня после нашего возвращения в Альтенберг мои девять детенышей-кутор прозрели и начали очень осторожно исследовать окрестности ящика, где помещалось их гнездо. Наступил момент пересаживать их в специально оборудованное помещение, проектирование которого стоило мне многих раздумий. Поскольку землеройки поглощали огромное количество пищи и соответственно выделяли массу экскрементов, их нельзя было выпустить в обычный аквариум: чистая вода в течение нескольких дней должна была превратиться в зловонное месиво. Тщательное оздоровление воды было необходимо по особой причине. Оперение уток, поганок и всех прочих водоплавающих совершенно не намокает в воде, пока птица здорова. Резонно было ожидать, что мех здоровой куторы тоже должен оставаться сухим под водой. По мере загрязнения вода приобретает сильную щелочную реакцию, а мне было известно, что это скверно отражается на состоянии оперения водных птиц. При воздействии щелочи происходит реакция омыления того самого жира, который делает перо водонепроницаемым; птица быстро намокает и не может держаться на воде. Мне принадлежит рекорд — насколько мне известно, до сих пор не превзойденный ни одним любителем комнатных птиц: почти два года я держал в неволе ручных поганок, которые всегда были бодры и здоровы и в конце концов не погибли, а улетели от меня, чтобы продолжить свою жизнь на воле. Мой опыт в отношении этих птиц доказал, что залог успеха — это абсолютно чистая вода. Каждый раз, когда вода лишь слегка загрязнялась, я замечал, что оперение поганок начинает намокать. Птицы чувство-

вали приближающуюся опасность и пытались предотвратить ее, то и дело тревожно перебирая клювами свое оперение. Поэтому я держал этих маленьких поганок в кристально чистой воде, которая сменялась ежедневно. В отношении водяных землероек я с самого начала решил неукоснительно придерживаться того же правила.

Я взял большой аквариум — несколько более ярда в длину и около двух футов шириной. Внутри сосуда, в противоположных концах его были поставлены два маленьких столика. Тяжелые камни, положенные поверх столов, не позволяли им всплывать. Затем я наполнил аквариум водой с таким расчетом, чтобы она доходила до уровня крышки стола, но не заливала ее. Сначала я не стал придвигать столы вплотную к стенкам аквариума из страха, что землеройки могут оказаться «пойманными» в глухом пространстве под столом и, не найдя выхода, утонут. Однако позже оказалось, что эта предосторожность была излишней. Куторы, которые в естественных условиях могут проплывать большие расстояния подо льдом, способны правильно ориентироваться и в гораздо более сложных ситуациях. Ящик с гнездом был установлен на одном из столов и снабжен скользящим ставнем, который позволял закрыть выход зверькам в те моменты, когда производилась чистка аквариума. По утрам, в часы генеральной уборки клеток, землеройки обычно находились в своем домике и мирно спали, так что эта процедура не причиняла им заметного беспокойства. Мне кажется, что я вправе гордиться тем, что на основании одного только творческого воображения изобрел подходящее помещение для таких животных, в отношении которых ни один человек, не исключая меня самого, не имел ни малейшего предварительного опыта. Было особенно приятно, что описанная здесь «новинка» настолько оправдала себя, что позже я ни разу не изменил ни одной, даже самой незначительной детали.

Когда я впервые выпустил маленьких землероек в этот аквариум, они потратили массу времени на изучение крышки стола, на котором был установлен их гнездовой ящик. Кромка воды, казалось, обладала для них особой притягательной силой. Зверьки вновь и вновь подходили к краю стола, нюхали поверхность воды и словно ощупывали

« длинными, тонкими вибриссами¹, окружающими остроконечное рыльце наподобие ореола и представляющими не только наиболее важный осязательный орган, но и самый существенный из всех органов чувств. Подобно другим водным животным, куторы отличаются от наземных представителей своего класса прежде всего тем, что они совершенно не пользуются при подводной охоте органом обоняния, тогда как для большинства млекопитающих нос служит главным путеводным органом. Вибриссы кутор находятся в постоянном движении и тем самым напоминают антенны насекомых или пальцы слепого человека.

Каждые несколько минут землеройки прерывают тщательное обследование своего нового жилища и сломя голову несутся вспять — под надежное укрытие ящика. Именно так вела бы себя мышь или другой мелкий грызун при сходных обстоятельствах. Приспособительная ценность подобного поведения вполне очевидна: животное время от времени удостоверяется, что оно не заблудилось и в любой момент может отступить в хорошо знакомое, безопасное место. Чрезвычайно забавное зрелище представляют собой эти толстые черные коротышки, когда они медленно продвигаются вперед, тщательно обнюхивая и ощупывая свой путь — и в следующий момент с молниеносной быстротой уносятся назад, в свой гнездовой ящик. Столь же забавно и то, что они не скрываются в свое убежище прямо через маленькую дверцу, как следовало бы ожидать, а вскакивают один за другим на крышку ящика. Только после этого, обнюхав его край, зверьки находят отверстие и соскальзывают в него почти кувырком, буквально вниз спинкой. После многократного повторения этого маневра землеройки уже могли найти отверстие и не ощупывая его край вибриссами. Они знали в точности, где находится дверца, и тем не менее в момент бегства продолжали вспрыгивать на крышку ящика. Куторы вскакивали на его край и немедленно прыгали в отверстие дверцы. Ни разу, сколько я ни наблюдал за своими питомцами, им не пришло в голову, что их

¹ Вибриссы — длинные волосы у млекопитающих, выполняющие осязательную функцию. Обычно вибриссы растут пучками над верхней челюстью (усы), около глаз, на подбородке, реже — на запястьях и предплечьях (например, у лемуру).

привычный прыжок вверх и следующий за ним соскок совершенно излишни и что можно вбежать прямо в дверь, минуя этот странный окольный путь. Вскоре мы еще услышим о господствующей роли традиционного пути в поведении водяных землероек.

Только на третий день куторы окончательно освоились с географией своего маленького прямоугольного острова, тогда самый крупный и наиболее предприимчивый из зверьков рискнул пуститься в плавание. Как это часто бывает не только у млекопитающих, но и у птиц, рептилий и рыб, роль лидера взял на себя большой красиво окрашенный самец. Сначала он уселся на краю стола и, частично погрузившись в воду, бешено заработал передними лапками, в то время как задние еще продолжали цепляться за спасательную доску. Затем он соскользнул вниз, неожиданно перепутался и дико помчался вдоль поверхности воды — в точности как испуганный утенок. Выскочив из воды на противоположном конце аквариума, зверек уселся на краю стола и начал возбужденно скрести задней лапой животик, совершенно так же, как это делают бобр или нутрия¹. Потом он затих и несколько секунд сидел неподвижно. Снова направился к воде и, поколебавшись одно мгновение, нырнул. Сразу же погрузившись, зверек радостно поплыл под водой, то опускаясь ниже, то всплывая, быстро промчался около самого дна и наконец выскочил на воздух в том самом месте, откуда впервые начал свое плавание.

Когда я впервые увидел плывущую кутору, меня более всего поразило одно явление, к которому я должен был быть готовым, но упустил это из виду: в момент погружения маленькое черно-белое существо становится совершенно серебряным. Подобно оперению уток и поганок, мех куторы остается под водой абсолютно сухим, потому что он удерживает в себе довольно толстый слой воздуха; в этом отношении наши землеройки совершенно не похожи на других водных млекопитающих — тюленей, выдр и бобров. У этих животных сухим остается только короткий пуши-

¹ Нутрия (*Myocastor coypus*) — ценный пушной грызун, родиной которого является умеренный пояс Южной Америки. С 1930 года нутрия акклиматизируется в СССР — в Средней Азии и в Закавказье. Образ жизни связан с водой.

стый подшерсток, тогда как поверхностные длинные волоски намокают — в результате зверь сохраняет под водой свою обычную окраску и выглядит мокрым, когда вылезает на сушу. Поскольку мне было известно, что мех куторы обладает особыми водонепроницаемыми свойствами, я должен был знать, что под водой он будет выглядеть точно так же, как пушистое брюшко жука-плавунца или водяного паука. И тем не менее удивительное прозрачное, серебристое одеяние моих землероек явилось для меня одним из тех восхитительных сюрпризов, которые природа постоянно держит про запас для своих почитателей.

Только теперь, когда зверьки стали плавать, я заметил еще одну интересную деталь — наружная поверхность всех пяти пальцев и нижняя сторона хвоста оказались покрытыми бахромой из жестких прямых волосков. Это своего рода складные весла и складной руль. Пока животное находится на суше, волоски плотно прижаты и совершенно незаметны, но они распрямляются сразу же, как только зверек погружается в воду, и тем самым увеличивают полезную площадь гребущих лапок и хвоста.

Подобно пингвину, водяная землеройка выглядит неуклюжей и неловкой, пока находится на берегу, но как только входит в воду, немедленно становится олицетворением изящества и грации. Когда кутора разгуливает по земле, сильно выступающий живот делает ее пузатой и похожей на старую, объевшуюся таксу. Но под водой это торчащее брюхо гармонично уравнивается линией спины — возникает прекрасный, симметричный, обтекаемый контур, который в сочетании с серебристой окраской животного и изяществом его движений являет собой зрелище чарующей красоты.

Когда землеройки окончательно освоились с водным пространством своего аквариума, они стали главным аттракционом, который наша исследовательская станция демонстрировала посещающим ее натуралистам и любителям животных. В отличие от всех других мелких млекопитающих куторы — преимущественно дневные животные, и три или четыре из них всегда, за исключением самых ранних утренних часов, находились на сцене. Было в высшей степени интересно наблюдать за их действиями под водой или

на ее поверхности. Подобно водяному жуку гириносу¹, они были способны вращаться по кривой траектории чрезвычайно малого радиуса и при этом не теряли скорости. Очевидно, в эти моменты важную роль играл хвост с бахромой торчащих волосков. Нырели они двумя различными способами: или слегка подпрыгнув вверх, как это делают утки и лысухи, и вслед за этим погружаясь в воду под очень крутым углом, или же просто опустив рыльце под воду и очень быстро работая лапками, пока не достигалась скорость, достаточная для «планирования». В последнем случае действует принцип наклонной плоскости — иными словами, зверек движется, словно взлетающий самолет — только не вверх, а вниз. Кутора должна затрачивать очень много энергии, чтобы оставаться под водой, ибо воздух, удерживаемый шубкой зверька, с силой выталкивает его кверху. Поэтому в том случае, когда животное не ныряет отвесно, — а это происходит сравнительно редко, — оно вынуждено постоянно сохранять некую минимальную скорость, причем головка должна быть направлена вниз под очень малым углом. Только тогда кутора не будет выброшена на поверхность. Кутора, плывущая под водой, выглядит плоской, она особым образом сплюсчивается, чтобы увеличить площадь, необходимую для скольжения.

Мне никогда не приходилось видеть, чтобы водяные землеройки цеплялись коготками за подводные предметы, подобно тому как это делает оляпка² (по крайней мере, птичке неизменно приписывают это качество). Иногда может показаться, что кутора бежит по дну, в действительности же она плывет, почти касаясь субстрата. Возможно, обкатанный гладкий гравий на поддоне моего аквариума был просто непригоден для того, чтобы зверьки удерживались на дне, но у меня не было случая предоставить землеройкам более грубый и неровный грунт. Мои питомцы были

¹ Жу к и р и н у с, или вертячка (*Gyrinidae*), — мелкие (длиной 5—6 мм) хищные жуки из семейства вертячек. Передние лапки длинные, служат для схватывания мелкой добычи, две другие пары — короткие, приспособлены для плавания по поверхности воды. В СССР обитает несколько видов.

² О л я п к а (*Cinclus cinclus*) — небольшая птичка из отряда воробьиных. Живет по берегам горных рек. Питается водными насекомыми, за которыми охотится под водой. Остается на зиму у незамерзающих ручьев и рек, где держится у полыней и разыскивает корм, ныряя под лед.

иногда игривы и преследовали друг друга с громким щебетанием на поверхности воды, или молча — на глубине. В отличие от других млекопитающих, но подобно водяным птицам, куторы могли отдыхать на водной глади. Здесь они почти опрокидывались на спину и прихорашивались. Они то и дело неожиданно принимались чистить свой мех — так и хочется сказать, что они «перебирали перья», — но только их движения были похожи на поведение уток, которые только что вышли из воды после продолжительного купания.

Но наиболее интересными были способы их подводной охоты. Зверек движется неустойчивым курсом — сначала резко кидается вперед по прямой, на расстояние около фута, а затем сбавляет скорость и начинает петлять и кружить по спирали. Пока куторы плывут быстро и прямолинейно, их вибриссы, насколько мне удавалось видеть, остаются прижатыми к голове. Но как только начинаются круговые движения, эти органы осязания выпрямляются и ощетииваются во всех направлениях, словно ища встречи с желанной добычей. У меня нет оснований полагать, что зрение играет какую-либо роль при подобной охоте, хотя, может быть, зрительные ощущения лишь активизируют этот своеобразный поиск, основанный на осязательных реакциях. Глаза куторы в состоянии заметить живого головастика или маленькую рыбку, которых я выпускал в аквариум, но когда зверек выходит на охоту, он руководствуется исключительно осязанием и обнаруживает свою добычу при помощи широко растопыренных вибрисс.

Некоторые мелкие виды копытных рыб разыскивают свое пропитание точно таким же способом. Когда такая рыба плывет быстро и по прямой, длинные чувствительные усы вокруг ее рта прижаты к голове, но они моментально выпрямляются, подобно вибриссам куторы, как только хищник оказывается поблизости от своей жертвы. В этот момент копытная рыба, так же как и водяная землеройка, начинает вслепую кружить по спирали, чтобы в конце концов наткнуться на желанную добычу. Вероятно, даже нет необходимости в том, чтобы жертва непосредственно коснулась одной из чувствительных вибрисс землеройки. Очень может быть, что на небольшом расстоянии эти чув-

ствительные органы воспринимают лишь колебания воды, вызванные движениями рыбешки, головастика или какого-либо водного насекомого. На основании одних только наблюдений невозможно ответить на вопрос, так ли это происходит в действительности, поскольку движения зверьки слишком стремительны, чтобы глаз человека мог уследить за ними. Вы видите только быстрый поворот и молниеносный бросок — и вот уже землеройка уплывает прочь с жертвой, извивающейся в ненасытной пасти.

Учитывая размеры водяной землеройки, можно было бы назвать это насекомоядное самым страшным хищником из всех позвоночных; более того, кутора может соперничать в этом отношении даже с беспозвоночными, в частности с кровожадной личинкой шлавунца, о которой я рассказывал в третьей главе этой книги. А. Е. Брем писал, что водяная землеройка нападает на рыб, которые в шестьдесят раз тяжелее ее самой, и убивает их, кусая в глаза и в мозговую часть черепа. Правда, это случалось лишь в том случае, если рыбу выпускали в сосуд, где она не могла спрятаться от своего преследователя. Такую же историю рассказал мне один рыбак с озера Неусидлерзее, который, конечно, не был знаком с сообщением Брема.

Однажды я запустил в аквариум к своим землеройкам большую прудовую лягушку. С тех пор я никогда больше не делал этого — трудно было перенести последовавшую страшную сцену и конец несчастного земноводного. Одна из кутор увидела лягушку, плавающую в аквариуме, и сразу же кинулась на нее, норовя схватить животное за ногу. Хищник был отброшен в сторону, однако не прекратил нападения, и тогда доведенное до отчаяния земноводное выскочило из воды на один из столов. Здесь несколько других землероек пришли на помощь первому преследователю и вонзили свои зубы в лапы и в заднюю половину злополучной лягушки. И здесь началось самое ужасное — куторы одновременно стали поедать добычу живьем, причем каждая начала с того места, где ей удалось ухватить несчастную жертву. Душераздирающее кваканье лягушки смешивалось с хором громко чавкающих челюстей ее истязателей. Не следует строго осуждать меня за то, что я сам положил конец эксперименту, конец неожиданный и драматический,

избавив истерзанное животное от дальнейших страданий. С тех пор я никогда не выпускал к своим куторам крупных животных, а лишь таких, которых маленькие хищники могли убить одним или двумя укусами.

Да, природа может быть очень жестокой. Не из жалости большинство крупных хищников убивает свою жертву быстро. Лев мгновенно приканчивает антилопу или буйвола лишь для того, чтобы самому не оказаться раненым. Животному, которое изо дня в день существует охотой, непозволительно получить даже безвредную царапину. Такие царапинки, накапливаясь, в определенный момент стали бы сказываться на успешности самой охоты. Те же самые причины заставляют питона¹ и прочих крупных змей наиболее гуманным образом — в несколько мгновений убивать хорошо вооруженных млекопитающих, служащих им постоянно пропитанием. Но там, где нет опасности, что жертва нанесет повреждение убийце, не может быть и речи о какой-нибудь жалости. Еж, полностью защищенный своей колючей броней от змеиных укусов, постоянно поедает пресмыкающихся, начиная с хвоста или с середины туловища, и точно так же куторы обходятся со своей безобидной добычей. Однако человеку лучше воздержаться от осуждения этих наивно-жестоких детей природы, потому что если последняя иногда и выступает против нашего кредо, то разве мы сами не поднимаем руку на животных исключительно ради своего удовольствия, а отнюдь не для того, чтобы обеспечить себя пищей?

Умственные способности водяных землероек нельзя оценить слишком высоко. Зверюшки стали совершенно ручными, они не боялись меня, и не только не пытались укусить за палец, когда я брал их из аквариума, но даже не избегали моей руки. словно маленькие прирученные грызуны, они лишь пытались протиснуться наружу, если я слишком долго держал их в неплотно сжатом кулаке. Даже в том случае, когда я сажал кутор на стол или на пол, они

¹ Питоны (*Python*) — крупные неядовитые змеи из семейства удавов. Обитают в Африке и Юго-Восточной Азии, особенно многочисленны в Австралии, Новой Гвинее и на Молуккских островах. Обычно не превышают 3,5—4 м, но сетчатый питон (*Python reticulatus*) иногда достигает 10 м в длину.

ничуть не были склонны впадать в панику, напротив — с готовностью брали корм из моих рук и даже охотно заползали под ладонь, если чувствовали, что там находится какое-нибудь лакомство. Если землеройкам, находящимся в столь непривычной обстановке, показывали их гнездовой ящик, то поведение зверьков с очевидностью свидетельствовало, что они способны узнавать свое убежище зрительно. Куторы сразу же направлялись к ящику, а если я передвигал его в сторону, в пределах досягаемости, то зверьки бежали следом с приподнятыми головками.

Одним словом, я действительно мог поздравить себя с приручением землероек — по крайней мере, одного из членов этого семейства.

Когда водяные землеройки находятся в знакомой им обстановке, они необычайно строго следуют своим привычкам. Я уже говорил о том удивительном консерватизме, который каждый раз настойчиво заставляет зверьков проделывать лишний путь при возвращении домой — сначала вспрыгивать на крышку ящика, а уже затем почти кувырком соскакивать в отверстие дверцы. Можно долго рассказывать о том неизменном упорстве, с которым эти животные цепляются за свои однажды приобретенные привычки. Особым, поистине поразительным постоянством отличается их манера следовать однажды избранным путем. Трудно найти другой пример, в отношении которого столь буквально оправдывалась бы известная пословица: «Куда прутик был нагнут, туда и дерево склонилось».

В незнакомой местности куторы никогда не передвигаются быстро, разве что под влиянием крайнего испуга — в этом случае они мчатся вслепую, натываются на различные предметы и обычно находят себе ловушку в каком-нибудь глухом тупике. Когда животное не испуганно, оно передвигается в новом месте медленно, шаг за шагом, непрерывно ощупывая вибриссами пространство справа и слева от себя. Путь зверька не имеет ничего общего с прямой линией. Сотня случайных факторов определяет поведение водяной землеройки, когда она впервые прокладывает себе дорогу в незнакомом месте. После того как все это повторится несколько раз, кутора, без сомнения, начинает узнавать местность. Землеройка с предельной точностью вос-

производит все те движения, которые проделывала на этом пути ранее. Можно еще заметить, что животное передвигается быстрее, когда повторяет нечто уже заученное. Попадая на знакомый участок трассы, пройденной уже не один раз, зверек стартует медленно, он тщательно определяет свое местонахождение при помощи вибрисс. Внезапно он наткнулся на знакомый ориентир и помчался вперед, тщательнейшим образом повторяя все прыжки и повороты, которые совершал накануне. Но вот путь, уже известный наизусть, прервался. Кутора приостанавливается и, пустив в ход вибриссы, ощупывает ими каждый сантиметр пути. Таким образом, скоростные перебежки все время чередуются с этапами крайне замедленного продвижения. В начальный период обучения землеройка проделывает свой путь с очень малой средней скоростью, ибо стремительные броски вперед редки и кратковременны. Но постепенно короткие отрезки пути, заученные «наизусть» и пробегаемые с большой скоростью, начинают удлиняться, число их увеличивается и наконец они сливаются друг с другом в непрерывную трассу, которую животное может преодолеть единым броском.

Часто случается так, что посреди тщательно отработанного пути остается еще одно особенно трудное место, и здесь зверек постоянно теряет свои ориентиры и вынужден прибегнуть к помощи обоняния и осязания. Он энергично обнюхивает и ощупывает все вокруг, пока не находит начало следующего хорошо известного этапа. Таким образом он соединяет воедино пройденный и оставшийся участки пути. Когда дорога проложена окончательно, кутора отныне столь же прочно привязана к ней, как локомотив — к рельсовому пути. Зверек не может отклониться в сторону даже на несколько сантиметров. Если ему случится отойти хотя бы на дюйм от дороги, он тотчас же начинает старательно разыскивать знакомые приметы. Можно искусственно спровоцировать землеройку на эти поиски, если внести незначительные изменения в ее привычный маршрут. Любое существенное преобразование на пути, по которому животное постоянно следует, приводит его в полное замешательство.

Одна излюбленная тропинка проходила по краю стола вдоль стенки аквариума. Стол был утяжелен двумя камнями, лежавшими сверху, и один из них вплотную примыкал к стеклу аквариума. Поскольку этот камень лежал прямо на пути кутор, в их обычай вошло вспрыгивать на него, а затем соскакивать вниз, что они и проделывали неизменно. Если я убирал камень с его постоянного места и перекладывал на середину стола, землеройка подпрыгивала вверх в том самом месте, где должно было находиться препятствие. Она падала вниз и, ударяясь о крышку стола, казалась весьма сконфуженной. Тут землеройка пускала в ход вибриссы и вела себя так, словно оказалась в совершенно новом месте. Ее следующие поступки были еще более забавны: она возвращалась назад и тщательно обшаривала все вокруг, пока не находила известные ей ориентиры. Затем зверек становился на прежний путь, пробегал небольшое расстояние и вновь подпрыгивал в воздух, после чего обрушивался вниз точно так же, как несколько секунд тому назад. Казалось, он только теперь начинал понимать, что его первое падение не есть результат собственной оплошности, но вызвано изменением привычной трассы. Теперь землеройка принималась исследовать образовавшийся перерыв в пути, осторожно ощупывая и обнюхивая то место, где прежде лежал камень. Подобный способ — возвращение к исходной точке и возобновление неудавшейся попытки — напоминал мне образ действий малыша, который читает наизусть стихотворение. Запнувшись, он вновь начинает декламировать с предыдущей строфы.

У крыс и других мелких грызунов запоминание традиционного пути, например при прохождении лабиринта, происходит примерно так же. Однако поведение крысы гораздо более целесообразно — животному никогда не придет в голову перепрыгивать через воображаемый камень. Ведущая роль стереотипных движений по сравнению с прочими ощущениями — наиболее замечательная особенность водяных землероек. Можно сказать, что зверек поистине не доверяет своим чувствам, если они сообщают о таких преобразованиях привычной трассы, которые должны повлечь за собой изменения в двигательном стереотипе поведения. Находясь в новой местности, землеройка, без сомнения,

заметила бы камень подобного размера и оставила бы его в стороне или же обогнула кругом. Иными словами, ее действия вполне отвечали бы конкретной пространственной ситуации. Но если некая привычка сформировалась и укоренилась, то она отныне довлеет над всеми полезными знаниями. Мне неизвестно другое животное, которое было бы рабом своих привычек в столь буквальном смысле слова. К поведению этих насекомоядных неприменима геометрическая аксиома, что прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками. Для куторы кратчайшее расстояние — это всегда привычный путь. И в каком-то смысле зверьки оправдывают свое пристрастие к этому принципу. Они с изумительной скоростью проносятся по однажды проложенной дорожке и приходят в место назначения намного скорее, чем достигли бы его, если бы двигались по прямой, ощупывая и обнюхивая каждый миллиметр пути. Куторы будут всегда держаться привычного маршрута, даже в том случае, если он столь извилист, что многократно пересекается во всех направлениях. Крыса или мышь быстро обнаружили бы, что они делают ненужный крюк, но кутора не способна на это, как не способен игрушечный поезд принять правильное направление на пересечении дорог. Чтобы изменить однажды избранный путь, водяная землеройка должна отказаться от всех своих привычек, но она не может это сделать сразу, а лишь постепенно, спустя длительный период времени. Пройдут недели за неделями, прежде чем петлеобразный обходной путь станет немного короче, но и через несколько месяцев он не станет сколько-нибудь похожим на прямую линию.

Биологическая полезность подобного традиционного маршрута вполне очевидна, если вспомнить, что зрение куторы очень слабо и она не в состоянии передвигаться достаточно быстро, не теряя времени на ориентацию. С другой стороны, такой консерватизм может привести животное к гибели. Известен вполне достоверный случай, когда кутора сломала себе шею, прыгнув в недавно пересохший пруд. Но если оставить в стороне подобные несчастные случаи, было бы поверхностным заклеить кутору как животное глупое только на том основании, что она каждодневно решает задачу перемещения в пространстве совер-

шенно иначе, чем человек. Напротив, если глубже задуматься над этим явлением, покажется удивительным, насколько различными путями может достигаться один и тот же результат — именно безупречная ориентация в пространстве. С одной стороны, с помощью непосредственных наблюдений, как это делаем мы, с другой — путем заучивания наизусть всех возможных случайностей, которые могут возникнуть в пределах определенной территории.

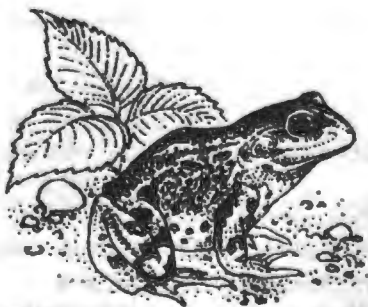
Мои водяные землеройки оказались удивительно ужасными. Во время своих игр они часто преследовали друг друга с возбужденным щебетанием, однако я ни разу не был свидетелем серьезных столкновений между зверьками. Но однажды случилось несчастье. Как-то утром, по окончании традиционной уборки, я забыл открыть дверцу ящика. Я вспомнил о своей оплошности только через три часа, а это срок очень большой для мелких насекомоядных с их ускоренным обменом веществ. Когда я отворил дверцу, куторы высыпали наружу и кинулись к корытцу с едой. В этой суматохе они перепачкали друг друга с ног до головы. Зверьки были крайне возбуждены, и, очевидно, именно этим можно объяснить сильный мускусный запах, распространившийся вокруг в тот момент, когда куторы оказались на свободе. Казалось, мои питомцы ничуть не пострадали от своего трехчасового заточения. Убедившись в этом, я занялся другими делами.

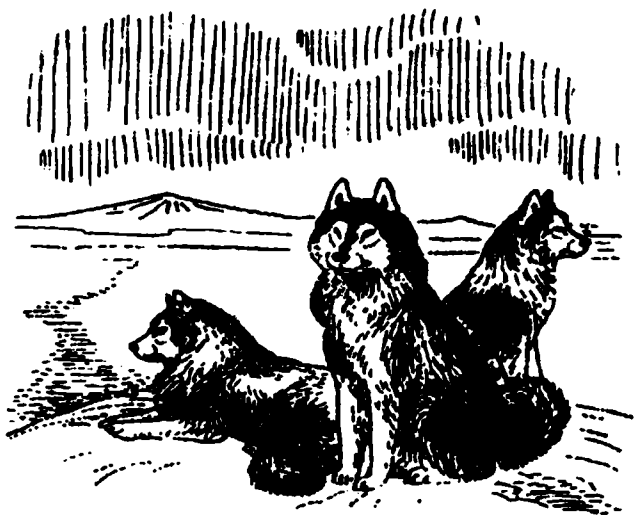
Однако спустя непродолжительное время я услышал со стороны аквариума непривычно громкий и резкий писк. Я поспешил туда и застал ужасную картину: мои восемь землероек сцепились в смертной схватке. Два зверька были уже мертвы, два других погибли в тот же день, несмотря на то что я сразу же отсадил их в отдельные клетки. Трудно установить причины этого неожиданного страшного побоища. Но я не могу не заподозрить, что куторы, внезапно утратив свой обычный запах, перестали узнавать друг друга и кинулись в бой, словно перед ними были чуждые пришельцы. Четыре зверька, оставшиеся в живых, спустя некоторое время успокоились, и я снова посадил их вместе в старый аквариум, не опасаясь новых недоразумений.

Эти четыре зверька пребывали в полном здравии еще семь месяцев. Возможно, они жили бы много дольше, если

бы мой помощник, в обязанности которого входило кормление землероек, не забыл однажды об этом. Я должен был ненадолго съездить в Вену и вернулся уже к вечеру. Помощник, человек весьма обязательный, вышел мне навстречу и вдруг изменился в лице — он вспомнил, что не покормил землероек. Все четверо были еще живы, но очень ослабели. Они с жадностью накинулись на еду и тем не менее все погибли в течение нескольких часов. Иными словами, они вели себя именно так, как землеройки, которых я пытался держать прежде. Это подтверждало мое мнение, что зверьки обычно уже умирали от голода к тому моменту, когда попадали в мои руки.

Каждому опытному любителю животных, который в состоянии приобрести себе большой аквариум, желательно с проточной водой, и может доставать в необходимом количестве мелкую рыбу и головастиков, я настоятельно рекомендую завести водяных землероек. Они принадлежат к числу наиболее грациозных, приятных и интересных животных, которых можно содержать в неволе. Несомненно, уход за ними потребует много хлопот. Зверьки будут есть рубленое сырое мясо (обычный заменитель живого корма) лишь в отсутствие чего-нибудь более подходящего и не смогут долго просуществовать только на этой пище. Но в том случае, если будет выполнено это вполне определенное требование, ваши землеройки не только выживут, но будут процветать, и я даже допускаю, что они могут размножаться в условиях неволи.

Глава десятая ДОГОВОР

Четыре лапы ступают вослед...

Р. Киплинг

На заре позднего каменного века появилось это первое домашнее животное — маленькая полуодомашненная собака¹, происшедшая, несомненно, от обыкновенного шакала. Вероятно, в Северо-Западной Европе, где найдены скелеты этих собак, тогда уже не было шакалов, а жила так называемая торфяная собака, по всей видимости уже полностью одомашненная. Очевидно, жители эпохи свайных построек² привели ее с собой с берегов Балтийского моря.

¹ По мнению швейцарского ученого Маттея, домашняя собака происходит не от шакала (*Canis aureus*), а от волка (*Canis lupus*). Изучив хромосомы этих видов, Маттей пришел к выводу, что в клетках организма шакала содержится по 74 хромосомы, тогда как и у волка, и у собаки найдено по 78 хромосом. При этих обстоятельствах едва ли возможно получить плодовитые гибриды между шакалом и волком.

² Свайные постройки — поселения времен нового каменного века, или неолита (примерно 6—2 тысячи лет до новой эры). Устраивались на настилах, подпираемых сваями, среди болота, на озере или на морском побережье. Неолитические свайные постройки известны в Швейцарии (на Цюрихском озере), в Германии и Италии. У нас они найдены в Вологодской области на реке Мудлон.

Как же люди каменного века приручили собаку? Очень может быть, что совершенно непреднамеренно. Целые стаи шакалов, очевидно, следовали за странствующими ордами, кормившимися охотой, бродили вокруг поселений людей раннего каменного века, наподобие современных собак — парий Востока, о которых никто не может сказать определенно, одичавшие ли это домашние собаки или же дикие животные, сделавшие первые шаги к одомашниванию. Наши предки были столь же мало настроены против этих падальщиков, сколь мало мер современные жители Востока, при своем беспечном образе жизни, принимают против окружающих их бродячих собак. В самом деле, охотник каменного века, для которого крупные хищники представляли собой серьезную угрозу, находил вполне удобным, что его лагерь охраняется кольцом шакалов, которые поднимают дикий лай в момент приближения саблезубого тигра или мародерствующего пещерного медведя.

Рано или поздно, но собака перестала быть только часовым, а превратилась также и в помощника человека на охоте. Стаи шакалов, привыкшие сопровождать охотника в надежде поживиться выброшенными внутренностями его жертв, вместо того чтобы бегать за ним следом, стали бегать впереди него; они начали выслеживать дичь и даже загонять ее. Очень легко представить себе, как у этих доисторических собак развился совершенно новый для них интерес к крупному зверю. Раньше шакалы не должны были интересоваться стадами оленей или диких лошадей, поскольку хищники не могли надеяться убить и пожрать столь крупную добычу. Однако не слишком трудно допустить, что после того как шакалы неоднократно получали внутренности этих животных и другие не использованные человеком куски, у них мог появиться стимул преследовать стада копытных, чей запах напоминал им о вкусной пище. В озарении своеобразного собачьего гения они даже могли «постигнуть» новую возможность — по своему желанию привлекать внимание охотника к следу. Собаки соображают удивительно быстро, когда могут прибегнуть к помощи сильного друга. Миниатюрный французский бульдог моего отца, вообще довольно трусливый, отважно нападал на любого встречного пса, если находился в компании своего

приятеля, огромного ньюфаундленда. И я не приписываю чрезмерной интеллектуальности примитивным шакало-собакам, когда предполагаю, что они научились преследовать и облаивать крупных животных без специальной тренировки со стороны человека.

Эта мысль — что многовековой договор между собакой и человеком был «подписан» совершенно добровольно и без всякого принуждения с той или другой стороны — для меня необычайно приятна и даже радостна. Все другие домашние животные, подобно рабам древности, становились слугами дома только после своеобразного тюремного заточения — все, за исключением, может быть, кошки. Ибо кошка — это, по существу, не домашнее животное, и даже в наши дни ее основная прелесть в том, что она никогда и ни к кому не привязана. Ни собака, ни кошка не являются рабами, но только собаку можно назвать другом, служащим, подчиненным, но все же другом. Постепенно, с течением столетий в «лучших собачьих семьях» стало традицией выбирать в качестве вожака стаи не собаку, а человека. Подчас этим вожаком оказывался вождь человеческого племени. Даже и теперь многие собаки, особенно животные с сильным индивидуальным характером, проявляют склонность считать своим хозяином именно отца семейства. У лаек и подобных им примитивных пород можно видеть более сложный характер подчинения человеку. Когда много таких собак собрано вместе, одна из них становится вожаком, а все другие верны и преданны только ему. В сущности, один этот вожак и является другом человека, все же остальные, если можно так выразиться, — это собаки вожака. Читая у Джека Лондона в высшей степени правдивое описание жизни собак, принадлежащих к одной санной упряжке, приходишь к выводу, что подобные взаимоотношения являются правилом. Вероятнее всего, именно такими они и были в стае шакалов-собак каменного века. Интересно, что большинство современных собак не удовлетворяются вожаком-собакой и стремятся приобрести в качестве вожака человека.

Хорошая собака сама выбирает хозяина — и это один из наиболее удивительных и непостижимых феноменов. Очень быстро, часто за какие-нибудь несколько дней возникает привязанность гораздо более сильная, чем все те,

которые когда-либо возникали между людьми. Именно о ней сказал Вордсворт:

**Великая сила страсти
Превыше всех человеческих чувств.**

Любая привязанность может быть так или иначе порвана, но только не любовь действительно верного пса. Из всех известных мне собак самыми преданными были те, в чьих жилах текла не только кровь шакала, но и достаточная доля волчьей крови. Северный волк является предком лишь некоторых современных собачьих пород, позже скрещивавшихся с уже одомашненными шакалами. Недавние исследования поведения показали, в противовес широко распространенному мнению о важной роли волка как предка большинства пород, что все европейские собаки, в том числе и самые крупные, такие, как датские доги и овчарки, являются, по сути дела, чистокровными шакалами. Если в их жилах и течет волчья кровь, то в самом незначительном количестве. Наиболее чистокровные из современных собак волчьих кровей — это некоторые породы из арктической Америки: малемуты, эскимосские лайки и некоторые другие. Эскимосские собаки из Гренландии также имеют лишь незначительное количество шакальих признаков, тогда как лапландские собаки, русские и ненецкие лайки, а также китайские чау-чау определенно имеют в своей конституции больше от шакала. Однако в них есть и доля волчьей крови, полученная от отдаленных предков. Все они имеют высокие скулы, суженные глаза и слегка вздернутые носы, что придает их физиономии специфическое выражение волчьей морды. С другой стороны, некоторые из названных пород, безусловно, носят печать происхождения от шакала, особенно китайские чау-чау — в пламенной окраске своих великолепных шкур.

«Подписание договора», окончательное закрепление пса за единственным хозяином — это истинное таинство. Случается это совершенно неожиданно, буквально в течение нескольких дней, особенно у щенков чистокровных пород. Это наиболее важное событие всей собачьей жизни случается в особый период «восприимчивости», который у собак шакальих кровей охватывает первые восемь—восемнадцать месяцев их жизни, а у потомков волков — около шести месяцев.

Поистине нерушимая преданность собаки своему господину возникает из двух совершенно различных источников. С одной стороны, это не что иное, как смиренная подчиненность, которую каждая дикая собака проявляет по отношению к вожаку стаи. Эта покорность почти без существенных видоизменений теперь переносится в отношения с человеком. У наиболее давно одомашненных собак к этому прибавляется совершенно иная форма привязанности.

Большинство черт, которые отличают домашних животных от их далеких предков, возникают в силу того, что многие особенности строения тела и поведения, проявлявшиеся у диких прототипов лишь скоротечно, в период юности, у их одомашненных потомков остаются на всю жизнь. Короткая шерсть, завитой хвост, куполообразный череп, отвислые уши и срезанная морда — все эти внешние черты, столь характерные для многих домашних пород, являются, по существу, инфантильными качествами. Что же касается поведения, то одно из юношеских его проявлений, ставшее постоянным у наших собак, — это пылкая индивидуальная привязанность. Та самая привязанность, которую щенки диких предков питали к своим матерям и которая бесследно исчезала у них в зрелом возрасте, у истинно цивилизованных собак сохраняется на всю жизнь в качестве их характерной психической особенности. И то, что первоначально было детской любовью к матери, теперь трансформируется в привязанность к человеку-хозяину.

Итак, с одной стороны — стадная лояльность, неизменная с давних времен и лишь перенесенная с вожака стаи на своего господина, а с другой — пылкая детская любовь — вот два более или менее независимых источника собачьей преданности. Важное различие в характерах собак волчьих и шакальих кровей заключается в том, что эти два начала проявляются у них с неодинаковой силой. В жизни волков законы стаи играют несравненно большую роль, чем у шакалов. В то время как шакал, по существу, одинокий охотник, закрепляющий за собой ограниченную территорию, волчья стая добывает себе пропитание на огромных пространствах северных лесов как некая замкнутая, связанная круговой порукой банда, каждый член которой готов защищать другого до самой смерти. Я совсем не разделяю ши-

роко распространенного мнения, что волки одной стаи могут пожирать друг друга. Ведь псы санной упряжки не способны на этот поступок ни при каких обстоятельствах, даже под угрозой голодной смерти. И этот социальный сдерживатель определенно не привнесен в собачьи взаимоотношения человеком.

Сдержанность и взаимная защита друг друга любой ценой — вот те качества, которые проявляются в характерах собак наиболее чистокровных волчьих пород и выгодно отличают их от потомков шакалов. Те охотно приветствуют каждого встречного и готовы следовать за любым человеком, взявшим в руки поводок. Напротив, собака волчьей породы, однажды поклявшись в преданности определенному господину, навеки становится однолюбом. Ни один незнакомец не завоюет у него большего, чем небрежное движение мохнатого хвоста. И если вы однажды poznали преданность однолюба волчьего происхождения, то уже никогда не сможете удовлетвориться обществом пса простой шакальской породы. К сожалению, прекрасным качеством потомков волка противостоят некоторые их недостатки — непосредственный результат неразрывной преданности одному человеку.

Не стоит и говорить о том, что пес волчьих кровей, купленный взрослым, никогда не станет в а ш е й собакой. Но еще хуже, если животное уже принадлежало вам и вы вынуждены с ним расстаться. Собака становится психически неустойчивой, не подчиняется ни вашей жене, ни детям, морально деградирует в своем горе до уровня бродячей дворняжки и, совершая один грех за другим, опустошает весь окружающий район. Помимо этого, пес с преобладанием волчьей наследственности, несмотря на свою безграничную преданность и любовь, никогда не станет полностью подчиненным. Он готов умереть за вас, но не уступит вам. Во всяком случае, мне никогда не удавалось добиться окончательного послушания ни от одной из этих собак. Может быть, лучший воспитатель сможет добиться больших успехов. Поэтому редко можно увидеть в городе собаку без поводка, послушно следующую рядом с хозяином. Находясь в лесу с собакой волчьих кровей, вы не заставите ее оставаться рядом с вами. Лучшее, на что она способна,—

это сохранять отдаленный контакт с хозяином. Пес лишь изредка подбегает ближе, тем самым оказывая вам большую честь.

Иное дело — собака шакальского происхождения. В силу ее давнего одомашнивания инфантильная любовь преобладает в ней над всеми другими чувствами, что делает животное удобным и приятным компаньоном. Вместо гордой, мужественной лояльности потомка волков, столь далекой от полного послушания, собака шакальского происхождения относится к вам с рабской услужливостью, она в любой час дня и ночи, каждую минуту ожидает вашей команды, готова выполнить любой ваш приказ. Когда вы отправляетесь на прогулку с чистокровной породистой собакой шакальих кровей, она и без предварительной тренировки может неизменно быть около вас, все время в одном и том же радиусе, позади или рядом, чутко соразмеряя свой бег со скоростью вашей походки. Если можно так выразиться, она послушна по природе и отзывается на свою кличку не только по своему желанию или по вашему настоянию, а потому, что она создана, чтобы повиноваться. Чем громче вы зовете ее, тем охотнее она подбегает, тогда как пес волчьей породы в той же ситуации может и не явиться на окрик, а лишь издали почтит вас каким-нибудь дружеским знаком внимания.

Но, в противовес этим удобным и милым качествам, у потомков шакала есть, к несчастью, и другие гораздо менее приятные владельцу, которые также являются следствием пожизненной инфантильности этих животных. Поскольку молодая собака до определенного возраста является «табу» для других особей вида и ни при каких обстоятельствах не подвергается нападению и укусам со стороны более взрослых животных, она так и остается большим младенцем, а потому часто слишком доверчива и дружелюбна по отношению к любому. Подобно испорченному воспитанием ребенку, который каждого взрослого готов назвать «дядей», эти собаки ластятся одинаково и к людям, и к животным в своем желании поиграть с ними. И если эта юношеская склонность в определенной степени сохраняется и у возмужавшего животного, в этом случае развивается крайне неприятный собачий характер, вернее — отсутствие всякого характера. Самое отталкивающее — это поистине «собачья»

подчиненность, в худшем смысле этого слова, которую подобное животное, привыкшее видеть «дядю» в каждом встречном, проявляет по отношению к любому, кто ласково обратится к нему. У такой собаки игривый шторм дружелюбия немедленно переходит в состояние унижительного раболепства.

Все мы знакомы с этим типом собаки, которая не знает счастливой середины между радостными прыжками и униженным опрокидыванием на спину, когда все четыре лапы ее покорно болтаются в воздухе. С риском оскорбить хозяйку дома вы кричите на беснующееся животное, которое пачкает лапами вашу одежду и с головы до пят покрывает вас шерстью. Услышав негодующий вошь, пес тут же, извиняясь, опрокидывается на спину. Теперь вы ласково заговариваете с ним, чтобы доставить удовольствие его хозяйке — и бац! — моментально вскочив на ноги, зверюга облизывает вам лицо и снова начинает оставлять свою шерсть на ваших штанах. Подобная собака, по существу принадлежащая любому, может быть с легкостью украдена, ибо она доверяет всякому незнакомцу, дружелюбно обратившемуся к ней. Но если вы так легко можете взять мою собаку — пожалуйста, владейте ею!

Моему вкусу не соответствуют даже наиболее привлекательные и красиво сложенные охотничьи собаки, чьи «свисающие уши сметают утреннюю росу», ибо большинство из них готовы следовать за каждым человеком с ружьем. Предполагается, что их полезность заключается именно в этой способности признавать хозяином каждого охотника. Однако это не так. Нельзя купить вполне натренированную собаку, нельзя и передать пса на воспитание профессиональному тренеру. Понятно, что собака может быть воспитана только тем человеком, который владеет ее абсолютным доверием и повиновением. Если вы передаете вашего питомца тренеру, то тем самым сразу же предпринимаете надлом его преданности. Личные взаимоотношения хозяина и собаки, несомненно, будут жестоко подорваны даже в том случае, если по окончании обучения ваш пес вернется к чему-то похожему на его прежнюю привязанность к вам.

Если вы рискнете проделать то же самое с собакой волчьих кровей, то она либо ничему не научится у тренера из-

за своей упрямой застенчивости, либо приведет нового воспитателя в замешательство непокорным и агрессивным характером. Если же вы отдадите пса на обучение очень рано, пока он не стал еще абсолютно предан вам — тогда, вне всякого сомнения, любовь животного безраздельно будет отдана тренеру. Вот почему ни в коем случае нельзя покупать окончательно обученную собаку волчьих кровей. У собаки, оторванной от хозяина, на которого пал ее выбор, не окажется и следа пройденной ею тренировки. Пес волчьего происхождения или признает одного хозяина — безраздельно, раз и навсегда, или же, в том случае, если не найдет господина или утратит его, он станет независимым и эгоистичным, как кошка, и будет жить рядом с людьми, не выказывая и тени сердечной привязанности к ним.

Именно в таком положении находилось большинство североамериканских упряжных собак. Их глубокие душевные качества так и не были бы разбужены, если бы Джин Лондон не постиг их и не нашел бы к ним доступа. То же самое можно сказать и о некоторых среднеевропейских породах, в частности так называемых чау, или китайских, которых презируют многие собаководы и недолюбливают большинство ветеринаров. Как раз эти собаки часто становятся подобными кошкам в том смысле, что, если их первая привязанность оказывается неудовлетворенной, они уже не способны к новой любви. Чау приносят непреложную клятву верности господину чрезвычайно рано. Среди собак шакальих кровей почти нет пород с такими сильными и верными характерами. Исключение составляют, пожалуй, лишь эрдельтерьеры и эльзасские собаки, любовь которых не может уже быть завоевана новым хозяином, хотя животному не исполнилось и года. Но если вы хотите быть уверены в непреложной верности чау или другого животного с волчьей наследственностью, то должны выращивать его с самого раннего возраста. Исходя из моего долгого опыта с чау, щенков этой породы следует воспитывать с четырех-, самое большее — с пятимесячного возраста. И это не такая большая жертва с вашей стороны, как могла бы показаться, ибо у этих животных есть склонность воспринимать домашнюю тренировку в более раннем возрасте, чем у собак шакальих кровей. В самом деле, кошачьи

инстинкт чистоплотности — одна из наиболее приятных особенностей собак волчьего происхождения.

Из этих характеристик различных собачьих характеров читатель, очевидно, заключит, что мои симпатии принадлежат исключительно потомкам волка. В действительности это не так. Никакой пес волчьих кровей не сможет выказать своему хозяину такого безусловного повиновения, как наш несравненный эрдельтерьер. Понятно, что мы не встретим у потомка шакалов тех благородных качеств хищного зверя, которые свойственны собаке волчьих кровей, — ее гордой отчужденности по отношению к незнакомцам, беспредельной любви к хозяину и одновременно сдержанности в проявлении этого по-настоящему глубокого чувства.

Комплексы качеств этих двух больших групп собачьего племени, оказывается, можно скомбинировать. Конечно, привить животному волчьего происхождения все лучшие качества потомка шакалов, одомашненного тысячелетиями ранее, это задача, невыполнимая для собаководов. Но есть и другой путь.

Несколько лет тому назад и я, и моя жена завели себе по собаке. Я приобрел уже упоминавшуюся в этой книге мьзасскую суку Тито, а моя супруга — миниатюрную сучку породы чау по имени Пиги. Обе собаки были типичными представителями своих линий, классическими потомками шакала и волка. И это стало поводом для постоянных конфликтов в нашей семье.

Жена стала презирать меня за то, что Тито слишком игриво приветствовала друзей нашего дома; за то, что моя собака любила носиться по лужам, а потом, вся покрытая грязью, беспечно мчалась через наши лучшие комнаты; за то, что Тито часто огорчала нас несоблюдением гигиенических правил, если нам случалось забыться или своевременно не выпустить ее во двор. Словом, она совершала сотни маленьких прегрешений, которые собака волчьих кровей не позволила бы себе ни при каких обстоятельствах. Кроме того, моей супруге не нравилось, что у Тито не было личной жизни, что она лишь бездушная тень хозяина. А видеть, как она целый день лежит подле стола, с мольбой в глазах ожидая очередной прогулки, — это, по словам жены, слишком сильное испытание для человеческих нервов...

Тень! Бездушная! Да ведь Тито — это сама собачья душа! Я платил жене той же монетой. Насколько я могу судить, нельзя держать собаку, которую только с известным риском можно брать с собой на прогулку. Ведь собака и создана для того, чтобы слушаться хозяина. А Пиги, вопреки всем своим прекрасным качествам однолюба, сразу же убегает от своей хозяйки, стоит им попасть в лес. Был ли хоть один случай, чтобы жена вернулась с прогулки в сопровождении своей собаки? С таким же успехом она могла бы завести себе сиамскую кошку, которая еще более независима, чистоплотнее собаки и, кроме всего прочего, не должна... притворяться кошкой. Пиги вообще не собака! В ответ я неизменно слышал, что Тито — тоже не собака, или в лучшем случае супруга принимала оскорбленную позу в духе сентиментального викторианского романа.

Эти стычки, в шутливом тоне которых была и доля серьезности, привели к наиболее естественному компромиссу. Сын Тито, которого я называл Буби, женился на Пиги. Произошло это помимо воли моей супруги, которая, как и следовало ожидать, хотела получить чистокровных щенков. Но здесь она встретила неожиданное препятствие, проявившееся в новом, дотоле неизвестном нам свойстве собаки волчьего происхождения — в однобрачной верности самки своему единственному избраннику. Жена исходила все венские улицы вместе со своей Пиги в надежде, что та найдет наконец кавалера своей же породы. Но все было напрасно — Пиги свирепо огрызалась на всех претендентов. Она стремилась только к своему Буби и наконец соединилась с ним. Вернее, он добился ее, разломав толстую дощатую дверь, за которой скрывали от него Пиги.

Так возник наш питомник эльзасско-китайских щенков. Случилось это исключительно из-за верной любви Пиги к своему огромному добродушному Буби. Читатель должен быть признателен мне за совершенно правдивое изложение событий. Не скрою, у меня было искушение написать: «После тщательного анализа положительных и отрицательных качеств собак волчьих и шакальих кровей я пришел к выводу, что необходим эксперимент по скрещиванию для комбинирования лучших особенностей обеих пород. Успех превзошел все ожидания. Хотя известно, что скрещивание

обычно ведет к сохранению отрицательных качеств, свойственных родителям, в данном случае в значительной мере удалось доказать обратное...» В отношении успешного исхода моего предприятия это утверждение было бы совершенно справедливо. Однако еще раз должен признаться, что все остальное случилось без всякого предварительного плана.

В настоящее время в жилах наших гибридных собак течет лишь небольшая примесь эльзасской крови, поскольку жена, за время моего длительного отсутствия дважды скрещивала потомство Пиги и Буби с чистокровными чау. Это было неизбежно, ибо в противном случае пришлось бы переженить их между собой, и мы стали бы виновниками кровосмешения. Но даже и сейчас психические качества Тито сказываются вполне отчетливо. Наши собаки гораздо добродушнее и гораздо легче поддаются обучению, чем чистокровные чау, хотя только глаз крупного знатока смог бы найти в их внешнем облике отдельные черты эльзасских собак. Я намереваюсь и впредь разводить эту смешанную породу, благополучно пережившую военные годы, чтобы провести в жизнь мой план создания собаки с идеальным характером.

Можно задать вопрос, стоит ли создавать еще одну породу собак, когда столько их уже существует? Мне кажется — да! В наши дни собака имеет для человека главным образом психологическую ценность, если оставить в стороне отдельные области утилитарного использования собак, например в полицейской работе и в спорте.

Удовольствие, доставляемое мне моей собакой, очень сродни той радости, которую приносит ворон, серые гуси и другие дикие животные, оживляющие наши загородные прогулки. Мне кажется, именно они помогают нам вернуться к тому подсознательному всеведению, которое мы и называем природой. Некогда мы порвали с природой, и это была та цена, которую человечество уплатило за свою культуру и цивилизацию, за то, чтобы получить специфическую свободу воли. Но неустанное наше стремление к утраченному раю — это не что иное, как подсознательная попытка восстановить эти разорванные связи.

Поэтому мне нужна собака, которая была бы не продуктом модной фантазии, а животным во плоти и крови, не

результатом научных изысканий или триумфом собаководческого искусства, а детищем природы с неизуродованной душой. А последним качеством, к несчастью, отличаются лишь очень немногие из породистых собак, и в наименьшей степени — те породы, которые временами оказывались «новомодными», а потому привлекали чрезмерное внимание к своим внешним признакам. Животные каждой такой породы, подвергавшиеся чисто внешнему совершенствованию, одновременно терпели духовный и умственный ущерб. Я же хочу добиться противоположного результата. Моя цель — создать идеальную комбинацию психических собачьих достоинств. Я надеюсь вывести собаку, которая могла бы своим присутствием восполнить то, чего как раз и не хватает бедному, цивилизованному, прикованному к большому городу человеку.

Давайте встанем на эту точку зрения и перестанем обманывать себя, говоря, что собака нужна нам для охраны нашего дома. Она действительно нужна нам, но не в качестве сторожевого пса. Что до меня, то я, находясь в утробных чужих городах, испытывал острую нужду в обществе собаки-компаньона. И только одно лишь ее присутствие помогало мне ощутить большое внутреннее спокойствие, которое обычно черпаешь в воспоминаниях детства или в мыслях о родном крае — будь то Голубой Дунай или Белые скалы Дувра. В почти кинематографически быстром течении нашей жизни современный человек время от времени хочет почувствовать, что он пока еще остался самим собой. И ничто не даст ему столь приятного подтверждения этого, как «семенящие сзади четыре ноги».

Глава одиннадцатая ПОСТОЯННЫЕ КВАРТИРАНТЫ

Коль сила есть в руках, должны мы жить,
Чтобы творить, грядущим дням служить.

У. Вордсворт. Раздумья

Осенний ветер распевал песни стихий в каминной трубе, старые ели перед окном моей рабочей комнаты взволнованно раскачивали ветвями и так громко вторили хору, что их тоскующие напевы врывались ко мне через двойные оконные стекла. Внезапно дюжина черных обтекаемых снарядов пересекла кусочек облачного неба, заключенный в оконную раму. Как камни, они стремительно падали на верхушки елей, но вдруг расправили крылья, стали птицами и сразу же превратились в легкие комочки перьев, которые были подхвачены ураганом и унесены прочь еще быстрее, чем они появились перед моими глазами.

Я подошел к окну и стал наблюдать за необыкновенной игрой, которую галки затеяли с ветром. Было ли это игрой? Несомненно, притом в самом буквальном смысле

этого слова: птицы получали удовольствие от своих тренируемых движений, которые служили самоцелью и не преследовали каких-либо других определенных намерений. Все эти подвиги, совершаемые птицами, удивительное использование ими ветра, изумительно точная оценка расстояний и, кроме всего прочего, понимание местных воздушных условий: знание всех восходящих потоков, воздушным ям и вихрей — вся эта сноровка отнюдь не унаследована, она приобретается каждой галкой в результате индивидуального совершенствования.

Да, стоило посмотреть, что галки проделывали с ветром! На первый взгляд бедному бескрылому человеку могло показаться, что буря играет с птицами, как кошка с мышью, однако вскоре вы с изумлением убеждались в том, что роль мышки играет как раз свирепая стихия, а галки третируют ее, как кошка свою несчастную жертву.

Птицы останавливались в воздухе почти против ветра, позволяли ему подбросить себя высоко-высоко в небеса — казалось, что они «падают» вверх; потом, небрежно взмахнув крыльями, галки раскрывали их, переворачивались, чтобы подставить вихрю второстепенные маховые, и ныряли в воздушную пучину с ускорением большим, чем ускорение падающего камня. Еще один едва заметный взмах крыльев — теперь птицы возвращаются в свое обычное положение и под плотно зарифленными парусами несутся со скоростью ветра на сотни ярдов к западу, прямо в зубы беснующейся бури. Все это проделывается играючи и без всяких усилий, точно назло глупому ветру, пытающемуся унести птиц на восток. Незримое чудовище само производит всю работу, перенося галок по воздуху со скоростью свыше восьмидесяти миль в час; птицы не делают ничего, чтобы помочь ему, если не считать нескольких ленивых движений, меняющих положение их черных крыльев. Высшая власть над мощью стихий, упоительное торжество живых организмов над безжалостной силой неживого!

Двадцать пять лет прошло с тех пор, как первая галка появилась над крышами Альтенберга, а я отдал свое сердце птице с серебристыми глазами. В нашей жизни часто бывает, что мы не сразу сознаем, что пришла большая лю-

бовь; так и я не сознавал этого, когда познакомился с первой своей галкой. Я нашел ее в лавке Розалины Бонгар, торговавшей животными; лавка эта все еще привлекала меня очарованием воспоминаний раннего детства. Птица сидела в довольно темной клетке, и я купил ее ровно за четыре шиллинга. Купил не потому, что намеревался использовать для научных наблюдений, а из-за внезапно возникшего острого желания напичкать вкусной едой эту огромную красную глотку, окаймленную желтой полосой по краю рта. Я собирался выпустить птицу, как только она станет самостоятельной, и позже осуществил свое намерение. Последствия оказались неожиданными — даже сегодня, после страшной войны, унесшей всех моих питомцев, птиц и зверей, галки все еще продолжают гнездиться под крышами нашего дома. Ни одна другая птица, ни одно другое животное никогда не вознаграждали меня столь щедро за проявленное к ним сострадание.

Не многие птицы — более того, не многие высшие животные (колонияльные насекомые — явление совершенно другого порядка) — характеризуются столь высоко организованной общественной и семейной жизнью, как галки. В соответствии с этим лишь у немногих животных детеныши столь трогательно беспомощны и настолько зависимы от своего воспитателя, как птенец галки. Как только стержни перьев крыла достаточно окрепли, чтобы поддерживать тело в полете, юная галка неожиданно стала проявлять ко мне поистине детскую привязанность. Она отказывалась даже на секунду оставаться наедине с собой, летала за мной из комнаты в комнату и издавала отчаянные крики, если я все же вынужден был оставить ее в одиночестве. Я окрестил ее «Джок» по ее призывному крику, и в тот день была отдана дань традиции: называть первую птицу, относящуюся к виду, дотоле не воспитывавшемуся в изоляции, подражая ее характерному видовому крику.

Окончательно оперившаяся галка, привязанная к своему воспитателю всей силой юношеской любви, представляет собой один из наиболее замечательных объектов наблюдения, какие только можно себе представить. Вы уходите куда-нибудь, взяв галку с собой, и наблюдаете с близкого расстояния манеру ее полета, собирания пищи, — короче,

все ее повадки в обстановке совершенно естественной, где птица не стеснена в своих движениях решетками клетки. Едва ли когда-нибудь мне удавалось узнать так много нового о сущности животных от других моих зверей и птиц, сколько я узнал от Джок в то лето 1925 года.

Многим я был обязан своему умению имитировать крик галки, и скоро она стала предпочитать меня всем другим окружающим ее людям. Я получил возможность совершать длительные прогулки пешком и даже на велосипеде, в которых птица сопровождала меня, как верная собака. Хотя я нисколько не сомневаюсь в том, что она знала воспитателя «в лицо» и предпочитала мое общество всякому другому, тем не менее она иногда покидала меня и следовала за другим человеком, если он передвигался быстрее, особенно если он перегонял нас. Стремление следовать за чем-то, что двигалось прочь от нее, было чрезвычайно сильно у юной галки и почти определенно выглядело как действие непроизвольное. Как только Джок оставлял меня, он сразу же замечал свою ошибку и исправлял ее, поспешно возвращаясь ко мне. Когда он стал старше, то научился подавлять в себе импульсивное стремление преследовать прохожих, движущихся с большой скоростью. Однако и после этого я часто мог заметить легкое вздрагивание или мимолетное движение вслед торопливому путнику.

С еще большим душевным конфликтом Джок вынужден был бороться в тот момент, когда перед нами взлетала серая ворона или группа этих птиц, весьма обычных в округе. Зрелище машущих черных крыльев, принадлежности которых трудно было установить на большом расстоянии, вызывало у галки непреодолимое стремление преследовать их обладателей, стремление, которое птица никогда не научилась подавлять в себе, несмотря на множество горьких экспериментов. Галка слепо неслась за воронами, которые неоднократно завлекали ее, и можно считать большой удачей, что она не погибла и не заблудилась. Наиболее замечательно было поведение галки, когда вороны усаживались: в тот самый момент, когда волшебство машущих черных крыльев переставало действовать, Джок сразу же терял всякий интерес к их обладателям. Если летящая ворона притягивала его с ошеломляющей силой, то сидящая была ему

безразлична; как только вороны приземлялись, они уже были не нужны ему; Джок охватывало чувство одиночества, и он начинал звать меня тем странным жалобным тоном, с помощью которого молодые заблудившиеся галки призывают своих родителей. Услышав мой ответный крик, Джок сразу же взлетал и несясь ко мне с такой решимостью, что часто увлекал за собой и ворон, которые следовали за ним, как за предводителем всего отряда. В эти моменты вороны столь слепо следовали за Джоком, что замечали меня, когда оказывались почти рядом. Когда они наконец замечали меня, то приходили в неопиcуемый ужас и устремлялись прочь в такой панике, что Джок, зараженный всеобщим испугом, снова улетал прочь вместе с ними. Когда я понял, в чем дело, то, во избежание осложнений, старался быть как можно более заметным, чтобы предупредить приближающихся ворон о своем присутствии раньше, чем могла возникнуть паника.

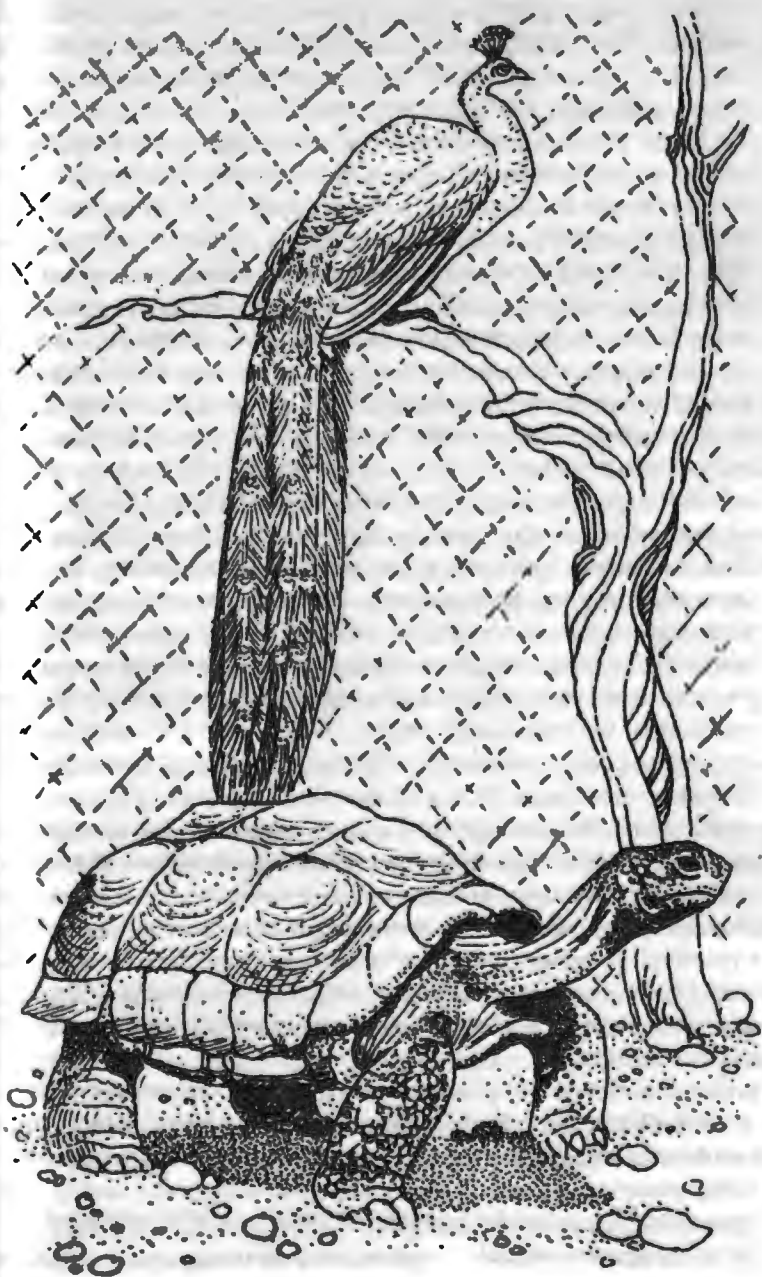
Врожденные и приобретенные элементы, подобно отдельным частичкам в мозаике, соединяются друг с другом и формируют совершенный рисунок поведения. Однако у птиц, выращенных в неволе, естественная гармония всей конструкции неизбежно оказывается частично нарушенной. Все те действия и реакции, которые связаны с общественной жизнью животного и при этом не предопределены наследственностью, но получены за счет индивидуального опыта, имеют тенденцию отклоняться от естественного течения. Иными словами, они адресуются людям, вместо того чтобы быть направленными на других особей того вида, к которому принадлежит птица. Как Маугли Киплинга считал себя волком, так и Джок мог бы не задумываясь называть себя человеком. Только вид пары машущих черных крыльев звучал для него унаследованным призывом: «Лети с нами!» Пока галчонок передвигался по земле, он видел себя человеком, но в тот момент, когда он взлетал — становился серой вороной, ибо эти птицы впервые пробудили в нем стайный инстинкт.

Когда любовь пробудилась в душе киплинговского Маугли, ее всемогущий зов заставил юношу покинуть своих братьев-волков и вернуться к людям. Это поэтическое допущение согласуется с научными взглядами. У нас есть все

основания полагать, что у человека, как и у большинства млекопитающих, потенциальный половой партнер узнается по таким сигналам, которые звучат для нас из глубин многовековой наследственности, а не за счет символов, узнаваемых посредством индивидуального опыта (что, очевидно, случается у многих видов птиц). Птицы, выращенные в изоляции от своих собратьев, вообще не знают, к какому виду они относятся; иными словами, у них не только действия, связанные с общественной жизнью, но и половое влечение направлено на животных, с которыми они провели много времени в определенную фазу их ранней юности, фазу повышенной восприимчивости. Следовательно, существа, выращенные в домашних условиях в одиночку, имеют склонность рассматривать людей, и только их, в качестве объекта половой любви. Как раз это и делал Джок.

Нет предела тем эксцентричным ошибкам, которые могут возникать в подобных же ситуациях. У меня жила одна домашняя гусыня, единственная выжившая из выводка в шесть гусят,— все остальные погибли от птичьего туберкулеза. Эта гусыня выросла среди цыплят, и хотя ей в самое подходящее время был посажен великолепный гусак, она была безразлична к его ухаживаниям, но зато потеряла голову от любви к нашему статному родайлендскому петуху, забросала его предложениями вступить в брак с ней и ревниво мешала ему ухаживать за курами. Героем другой подобной же трагикомедии был прекрасный белый павлин из шенбруннского зоологического сада в Вене. Он также оказался единственным выжившим из слишком рано вылупившегося выводка, не пережившего периода похолодания. Служитель пересадил павлиненка в самое теплое помещение, которым в этот период (сразу после первой мировой войны) располагал зоопарк,— в террариум, где содержались гигантские галапагосские черепахи¹. Остальную часть своей жизни несчастная птица видела предмет своих желаний только в лице громадных рептилий и оставалась безу-

¹ Галапагосская, или слоновая черепаха (*Testudo elephantopus*),— огромное пресмыкающееся весом до 100 кг. Еще в 30-х годах прошлого века эти черепахи были довольно обычны на Галапагосских островах у тихоокеанского побережья Южной Америки, но к концу столетия почти полностью истреблены.

частной к прелестям хорошеньких павлиний. Типичной чертой этих удивительных состояний развития полового влечения к исключительным и противоестественным объектам является их необратимость.

Когда Джок достиг зрелости, он влюбился в нашу горничную, которая вскоре после этого вышла замуж и оставила свое место. Через несколько дней Джок разыскал ее в соседней деревне, в двух милях от нас, и немедленно переселся в ее коттедж; лишь на ночь он возвращался в свою привычную квартиру. В середине июня, когда брачный сезон у галок окончился, Джок неожиданно вернулся к нам и тотчас усыновил одну из четырнадцати юных галок, которых я вырастил этой весной. Перед своей подопечной Джок принимал те самые позы, которые нормальная галка демонстрирует перед своими птенцами. Поведение по отношению к своим отпрыскам по необходимости должно быть врожденным у всех птиц и зверей, ибо свои собственные дети являются для них первыми, с которыми они в один прекрасный день вынуждены познакомиться. Не будь эти реакции чисто инстинктивными, врожденными действиями, галка не знала бы, как заботиться о детях, она могла бы разорвать их на кусочки и съесть, как она поступает с другими мелкими существами.

Теперь я должен рассеять некоторые иллюзии читателя, те самые иллюзии, во власти которых находился и я сам до того момента, как Джок достиг зрелости; характер тех предложений, которые Джок делал нашей горничной, медленно, но верно разоблачал тайну: «он» оказался самкой! Она вела себя по отношению к юной леди точно так же, как нормальная галка-самка должна вести себя со своим супругом. Правило привлечения противоположного пола, согласно которому мужчины притягательны для самок животных, а женщины — для самцов, недействительно для птиц, даже для попугаев, у которых это порой случается. Один взрослый самец галки влюбился в меня и обращался со мной точно так, как если бы я был галкой-самкой. Эта птица часами пыталась заставить меня вползти в отверстие шириной в несколько дюймов, избранное ею для устройства гнезда; точно так же ручной самец домового воробья старался заманить меня в карман моего собственного жи-

лета. Еще более настойчивым самец галки становился в тот момент, когда он непрестанно пытался накормить меня отборнейшими, с его точки зрения, лакомствами. Замечательно, что птица совершенно правильно разбиралась в анатомии, считая человеческий рот отверстием для приема пищи. Она бывала очень обрадована, когда я приоткрывал губы и, глядя на нее, одновременно произносил соответствующие просительные звуки. Несомненно, с моей стороны это был акт самопожертвования, потому что даже я не мог заставить себя полюбить вкус измельченных червей, обильно смоченных галочьей слюной. Вы должны понимать, что мне казалось затруднительным сотрудничать с галкой подобным образом каждые несколько минут. Если же я отказывался, то должен был оберегать свое ухо; в противном случае, прежде чем я успевал понять, в чем дело, канал этого органа был бы наполнен до самой барабанной перепонки теплой кашцей из пережеванных червей: дело в том, что самец галки, кормящий свою самку или птенцов, при помощи языка проталкивает пищевой комок глубоко в глотку партнера. Надо сказать, что птица всегда сначала пыталась накормить меня через рот, и только когда я отказывался от этого, стремилась использовать для этой же цели мое ухо.

Тем, что в 1927 году в Альтенберге были выращены четырнадцать молодых галок, я всецело обязан Джоку. Многие из инстинктивных действий и реакций этой галки, направленные на людей, взамен отсутствующих особей ее вида, казалось, не только не достигали биологической цели, но оставались непостижимыми для меня и тем возбуждали мое любопытство. Все это пробудило во мне желание основать целую колонию свободноживущих ручных галок, с тем чтобы изучить общественное и семейное поведение этих замечательных птиц.

Естественно, не могло быть и речи о том, чтобы я мог выступать в качестве приемных родителей всех этих галчат и воспитывать каждого из них, как я воспитывал Джок в прошлом году; и так как я уже познакомился, на примере Джок, с недостатками чувства ориентации у галок, я начал искать другой способ удержать моих питомцев около себя. В результате тщательных обсуждений я пришел к реше-

нию, которое впоследствии оказалось вполне удовлетворительным. Перед небольшим окном чердака, где в то время обитала Джок, я построил длинную и узкую вольеру, разделенную на две клетки; вольеру поддерживал водосточный желоб толщиной в ярд, и она тянулась почти во всю ширину дома.

Сначала Джок вывели из равновесия строительные изменения перед самой ее квартирой, но вскоре она освоилась с ними и стала влетать и вылетать в переднее отделение вольеры через приоткрытый люк в ее крыше. Только после этого я посадил в вольеру молодых галок; каждая была помечена цветными кольцами, которые одевались на одну или на обе лапки. В соответствии с цветом колец птицы получили свои имена. Когда галчата были окончательно устроены на новой квартире, я переманил их во внутреннее отделение, а в переднем, снабженном закрывающимся люком, оставил только Джок и двух других наиболее ручных галок — Красноголубую и Дваждыголубую. Разделенным подобным образом, птицы оставались наедине друг с другом в течение нескольких дней. Все эти меры были приняты мной в надежде на то, что галки, которым было позволено летать на свободе, будут удерживаться общественным инстинктом возле своих собратьев, запертых во внутренней части вольеры. Как я уже упоминал, в этот момент Джок стала приемной матерью одной из молодых галок, Левозолотой, и это было очень большой удачей, поскольку заставило птицу вернуться домой в самый критический момент эксперимента, о чем я собираюсь рассказать. Левозолотая не попала в число первых освобожденных галок, ибо я надеялся, что ради нее Джок останется в окрестностях нашего дома; в противном случае существовал известный риск, что Джок вместе с Левозолотой, которая уже окончательно опиралась, улетят в соседнюю деревню к нашей бывшей горничной, о которой я уже говорил.

Мои надежды, что молодые галки будут летать вместе с Джок, оправдались лишь частично. Когда я открыл люк, Джок в мгновение ока оказалась снаружи и, попав на свободу, немедленно скрылась из глаз. Это произошло задолго до того, как галчата, смущенные непривычным положением открытой крышки люка, рискнули выбраться через него

наружу. Они вылетели одновременно, как раз в тот момент, когда Джок снова появилась и быстро пронеслась мимо. Галчата пытались последовать за ней, но вскоре отстали, ибо ни один из них не мог повторить ее резких виражей и крутых пике. Хорошие родители, как правило, не проявляют подобного невнимания к ограниченности летных способностей молодежи; они избегают фигур высшего пилотажа, пока водят своих отпрысков. Позже, когда я освободил Левозолотую, Джок также вела себя подобным образом: летала медленно, воздерживалась от сложных маневров и постоянно оглядывалась через плечо, чтобы проверить, не отстала ли молодая птица. Но не только Джок оказалась невнимательной к молодым галкам; они, со своей стороны, очевидно, не понимали, что она располагает весьма желательными познаниями относительно местных условий, которых не было у них, и что она — более надежный проводник, чем любой из их компаньонов. Неопытные дети — они искали лидера в своей среде и пытались летать друг за другом. В этих обстоятельствах птицы проделывают беспорядочные, бесцельные круги, увлекающие их все выше и выше в небо, и, поскольку в этом возрасте галчата совершенно неспособны спускаться в крутом пике, их шалости неизбежно приводят к потере ориентировки: чем выше они поднимутся, тем дальше окажутся от дома в тот момент, когда неизбежно будут вынуждены упасть. Некоторые из моих четырнадцати молодых галок заблудились именно таким образом. Чтобы подобные вещи не случались, необходимо присутствие старой и опытной галки, желательно — старого самца, а как раз такой птицы и не было в то время в моей колонии.

Отсутствие лидерства дает себя знать и другими способами и может иметь еще более серьезные последствия. Молодые галки не обладают врожденной реакцией на опасных для них хищников, в отличие от большинства других птиц, таких, как сорока, кряква или зарянка, которые готовы спастись бегством при первом появлении кошки, лисицы или даже белки. Эти птицы ведут себя так вне зависимости от того, выращены они человеком или собственными родителями. Молодая сорока никогда не позволит кошке поймать себя, а самая ручная кряква, воспитанная в домашних ус-

ловиях, мгновенно реагирует на красно-коричневую шкуру, передвигаемую вдоль пруда с помощью веревки. Утка относится к чучелу так, как будто ясно представляет своего смертельного врага, лисицу, со всеми ее качествами. Птица становится чрезвычайно осторожной и, держась на воде, ни на мгновение не сводит глаз с неприятеля. Она вплавь следует за ним, куда бы он ни двигался, и непрерывно издает свой тревожный крик. Утка знает, вернее, знает ее врожденный механизм реагирования, что лисица не может летать, не может плавать достаточно быстро, чтобы поймать ее в воде, поэтому птица сопровождает врага, держа его в поле зрения, и извещает всех о его присутствии, тем самым мешая ему подкрасться к очередной жертве.

Узнавание врага — то, что у кряквы и многих других птиц является врожденным инстинктивным актом, должно выработаться у молодой галки в результате обучения. Происходит ли обучение путем индивидуального опыта? Нет, еще более странным путем — путем подлинных традиций, путем передачи личного опыта от поколения к поколению.

Из всех реакций, которые у галок имеют отношение к опознаванию врага, только одна оказывается врожденной: любое живое существо, которое держит качающийся или вибрирующий черный предмет, становится для галок предметом свирепого нападения. Атака сопровождается скрежещущим предупреждающим криком, резкое, металлическое, многоголосое звучание которого даже человеческим ухом воспринимается как выражение чувства озлобления и ярости. Одновременно галка принимает странную позу, в которой туловище наклонено вперед, а полуразвернутые крылья вибрируют. Если у вас есть ручная галка, вы можете рискнуть поймать ее, чтобы посадить в клетку или подрезать чересчур отросшие когти. Но не делайте этого, если у вас две галки! Джок, которая была ручная, как собака, никогда не обижалась на случайное прикосновение моей руки, но когда у нас в доме появились молодые галки, все совершенно изменилось: она ни под каким видом не позволила бы мне дотронуться до одного из этих маленьких черных птенцов. Когда, ничего не подозревая, я впервые сделал это, то услышал сзади себя резкий сатанинский звук — какое-то хриплое дребезжание; черная стрела упала на руку, в кото-

рой я держал галчонка,— изумленный, я таращил глаза на круглую, глубокую, кровоточащую рану, проклеванную на тыльной стороне моей руки! Таково первое знакомство с такой этого типа, уже само по себе проливающее свет на инстинктивную слепоту подобных порывов. Джок в то время была еще очень предана мне и всем сердцем ненавидела этих четырнадцать молодых галок (Левозолотую она усыновила позже). Я постоянно был вынужден оберегать птенцов от нее: она убила бы их одним ударом, если бы осталась наедине с ними хотя бы на несколько минут. И тем не менее Джок не могла допустить, чтобы я взял одного из птенцов в руки.

Слепая рефлекторная природа подобных действий стала для меня еще яснее после нескольких случайных наблюдений, сделанных позже в это лето. Однажды вечером, в спустившихся сумерках я возвращался домой после купания в Дунае и по привычке поторопился на чердак, чтобы созвать галок и запереть их на ночь. Встав на водосточный желоб, я вдруг почувствовал что-то мокрое и холодное в кармане брюк, куда я в спешке сунул свои черные плашки. Я вытащил их — и в следующий момент был окружен плотным облаком свирепых скрежещущих галок, которые обрушили град страшных ударов на мою руку, нарушившую закон.

Было интересно наблюдать реакцию галок на другие черные предметы, которые могли оказаться у меня в руках. Большая старая фотокамера для натуралистических съемок никогда не вызывала такого смятения, хотя была черной и я держал ее в руках, но галки подымали скрежещущий крик, как только я срывал с катушки пленки черную бумажную полоску, трепетавшую на легком ветерке. То, что галки не только не считали меня опасным для них, но даже видели во мне друга, нисколько не меняло дела: как только в моей руке оказывалось что-то черное и движущееся, они начинали клеймить меня как «пожирателя галок». Еще более удивительно то, что такие же вещи случаются и между самими галками: я был свидетелем типичной «скрежещущей» атаки, которой подверглась галка-самка, несшая в свое гнездо перо из крыла ворона. С другой стороны, ручные галки никогда не выпускают скрежещущего крика и не нападают на вас, если вы держите в руках одного из их

птенцов, который пока еще голый и, следовательно, не выглядит черным. Я удостоверился в этом, экспериментировав с парой галок, которые первыми загнездились в моей колонии. Две птицы из неоднократно упоминавшихся четырнадцати — Зеленозолотая и Краснозолотая были совершенно ручными, садились мне на руки и на плечи и ни в малейшей степени не беспокоились, если я трогал руками их гнездо и наблюдал всю их деятельность с самого близкого расстояния. Даже когда я брал птенцов из гнезда и поднимал их к родителям на своей ладони, последние оставались совершенно равнодушными. Но именно в тот день, когда маленькие перья птенцов пробились через лопнувшие чешульки и окрасили галчат в черный цвет, взрослые галки свирепо атаковали мою протянутую руку.

Галки долгое время остаются чрезвычайно недоверчивы и враждебны по отношению к человеку или животному, которые однажды вызвали у них «скрежещущую» атаку. Пылающие эмоции неправдоподобно быстро запечатлеваются в птичьей памяти неискоренимую картину, и теперь ситуация «галка в челюстях врага» неизменно ассоциируется с личностью «грабителя». Спровоцируйте галок два или три раза подряд на «скрежещущую» атаку, и вы навсегда потеряете их дружбу и расположение! Впредь они начинают поносить вас, как только вы появляетесь у них на глазах, даже если у вас в руках нет ничего черного и трепещущего. Отныне эти галки будут охотно и с легкостью ставить вам в строку каждое новое преступление. Скрежетание чрезвычайно заразительно, эти звуки побуждают каждую слышащую их птицу к нападению сразу же, как только она увидит черный трепещущий предмет в когтях врага. Зловещая сплетня, что однажды или дважды видели, как вы держали в руках подобный предмет, распространяется со сверхъестественной быстротой, и прежде чем вы узнаете об этом, вы уже пользуетесь у всех галок округи дурной славой хищника, с которым необходимо бороться при всех обстоятельствах во что бы то ни стало.

Все сказанное во многих отношениях характерно и для ворон. Мой друг доктор Крамер убедился в этом в результате общения с этими птицами: он заслужил скверную репутацию среди ворон, живших по соседству с его помеще-

ем, из-за того, что постоянно появлялся перед ними с ручной вороной, сидевшей у него на плече. В противоположность моим галкам, которые никогда не возмущались, видя одну из них сидящей на моей руке, вороны, очевидно, считали, что ручная птица, восседающая на плече человека, «поймана недругом», хотя она находилась там по своей собственной воле. Вскоре мой друг уже был известен всем воронам в округе, и их враждебная бранящаяся стая подолгу преследовала его, независимо от того, была ли с ним его ручная ворона или нет. Птицы узнавали его даже в другой одежде. Эти наблюдения ясно свидетельствуют о том, что врановые четко отличают охотника от «безвредного» путника; человека, которого вороны однажды или дважды видели со своей мертвой товаркой в руке, они никогда не забудут и всегда смогут узнать, будь он даже и без ружья.

Подлинное значение «реакции скрежетания», несомненно, состоит в том, чтобы спасти товарища от хищника; если же это невозможно — то настолько надоесть агрессору, чтобы он, исполненный отвращения, навсегда зарекся охотиться на галок. Даже в том случае, если «скрежещущая атака» слегка отпугнет ястреба или другого хищника от охоты на галок, то впоследствии его предпочтение к другим жертвам будет достаточным, чтобы считать эту реакцию ценным средством для лучшего выживания всего вида. Такая первоначальная функция «реакции скрежетания» очень характерна для всех видов семейства врановых, включая и те, которые не столь общественны, как галки. Подобные же реакции известны даже у мелких певчих птиц.

По мере дальнейшего развития общественных связей, в частности у галок, в дополнение к первоначальному значению «защиты себе подобных» эта реакция приобретает новый и еще более важный смысл: с помощью подобного поведения способность узнавать потенциального хищника может быть передана молодым и неопытным особям. Вот поистине приобретенные знания, а не врожденные, инстинктивные реакции, хотя при поверхностном подходе те и другие сходны между собой.

Не знаю, смог ли я достаточно ярко показать, насколько все это замечательно: животное, не осведомленное от рождения инстинктом о своих врагах, получает от более старых

и опытных особей своего вида информацию о том, кого и чего следует бояться. Это поистине традиция, передача индивидуального опыта, приобретенных знаний от поколения к поколению. Наши дети могут брать пример с молодых галчат, которые так серьезно воспринимают благие предупреждения своих родителей. Стоит старой галке при появлении врага, еще не известного молодежи, произнести одноединственное «скрежетание», как в сознании юных птиц сразу же возникает представление об опасности. Я думаю, что в естественных условиях редко случается, что молодая галка впервые знакомится с врагом, видя в его когтях черный раскачивающийся предмет. Галки почти всегда летают густой стаей, в которой, по всей вероятности, хотя бы одна птица начнет скрежетать, просто увидев неприятеля.

Как все это по-человечески! И с другой стороны, насколько удивительно слеп и рефлекторен этот врожденный воспринимающий шаблон, который вызывает типичную «скрежещущую атаку» у молодой неопытной галки! Нет ли и у человека подобных слепых инстинктивных реакций? Не вызывает ли слепой ярости у целых народов простой манекен, преподнесенный ловким демагогом? Не соизмеримо ли во многих случаях расстояние между этой куклой и действительным врагом, как у галок в описанном случае с купальными плавками? И могли бы до сих пор возникать войны, если бы все это было не так?

Никто не мог предупреждать моих четырнадцать галок о грозивших им опасностях. Не имея родителей, которые своим скрежетанием предостерегали бы их, такая молодая галка будет сидеть на одном месте, когда к ней подкрадывается кошка, или приземлится перед самым носом дворняжки так доверчиво и по-дружески, как встречается человек с теми, в чьей среде он вырос. Не удивительно, что моя галочья стая сильно поредела в первую неделю после того, как птицы оказались на свободе. Когда я осознал всю опасность ситуации и вызвавшие ее причины, то стал выпускать птиц только в светлые дневные часы, в то время когда немногие наши кошки бродили вне усадьбы. Каждый вечер в определенное время возникала необходимость водворить птиц обратно в клетку, и это отнимало у меня много времени и приносило немало хлопот. Задача, о которой го-

ворится в немецкой пословице «собрать полный мешок блох», — это пустяк по сравнению с проблемой, стоявшей передо мной и заключавшейся в том, чтобы заманить в вольтеру четырнадцать юных галок. Я не мог брать птиц в руки из-за опасения вызвать реакцию «скрежетания», и пока я маневрировал с одной из них, пронося ее на руке в люк вольтеры, две другие вылетали наружу. Даже если я использовал переднее отделение клетки в качестве клапана, вся эта процедура отнимала не менее часа каждый вечер.

Организация галочьей колонии в Альтенберге стоила мне большого труда, отнимала много времени и много денег, если принять во внимание постоянный вред, который птицы наносили чердаку нашего дома. Но, как уже говорилось, я с лихвой был вознагражден за все беспокойство. Какой удивительный объект для наблюдений представляла собой эта колония совершенно свободных и абсолютно доверчивых галок! В это время — в мой «галочий период» — я по первому взгляду узнавал характерное «выражение лица» каждой из моих птиц. Не было даже необходимости смотреть на цветные кольца на их лапках. В этом нет никакого особого достижения: каждый пастух узнает своих овец, а моя дочь Агнесс, когда ей было пять лет, узнавала в «лицо» всех многочисленных диких гусей, живших в нашей усадьбе. Не зная каждую галку персонально, я не смог бы проникнуть в сокровенные секреты общественной жизни этих птиц.

Знают ли сами животные друг друга персонально? Несомненно, хотя некоторые исследователи психологии животных сомневаются в этом или же категорически отрицают такое положение вещей. Тем не менее я могу гарантировать, что каждая галка в моей колонии узнавала любую другую в «лицо». Существование субординации, известной в психологии животных под названием «порядка клевания», убедительно демонстрирует сказанное. Каждому птицеводу известно, что даже среди недалеких обитателей птичьего двора существует определенный порядок, в соответствии с которым каждая птица опасается других, стоящих выше ее на общественной лестнице. После нескольких ссор, которые совсем не обязательно оканчиваются дракой, каждой птице становится известно, кого она должна бояться и кто

должен оказывать ей уважение. В поддержании порядка клевания решающее значение имеет не только физическая сила, но также смелость, энергичность и даже самоуверенность отдельных особей. Подобная субординация чрезвычайно консервативна. Если одно животное в ссоре с другим оказалось подавленным, пусть только морально, оно отныне не рискнет с легким сердцем пересечь дорогу своему победителю; это позволяет двум животным существовать бок о бок друг с другом. Все сказанное остается в силе даже у высших, наиболее разумных животных. У моего покойного друга, графа фон Хогенштейна, жил большой свинообразный макак¹, который, уже будучи взрослым, питал глубоко укоренившееся почтение к вдвое меньшей его по размерам старой яванской обезьяне², тиранившей макака в дни его юности. Свержение стареющего тирана всегда очень драматическое, обыкновенно — трагическое событие, особенно у волков и упряжных собак; Джек Лондон наблюдал это и красочно описал в своих арктических новеллах.

Споры из-за места на общественной лестнице в галочей колонии существенным образом отличаются от разногласий на птичьем дворе, где несчастные золушки из низов влачат поистине жалкое существование. В каждом искусственном сборище животных, мало склонных к социальному образу жизни, особь, занимающая самое низшее положение, будет жестоко и беспощадно третироваться всеми и каждым в отдельности. Часто все это заходит настолько далеко, что жалкая жертва, задираемая со всех сторон, не может передохнуть, всегда недоедает и, если не вмешается хозяин, может окончательно зачахнуть. У галок картина совершенно противоположная: особи, занимающие в колонии самое высокое положение, особенно сам деспот, не проявляют агрессивности в отношении птиц, стоящих много ниже их; они испытывают постоянное раздражение лишь к своим непосредственным подчиненным. Сказанное

¹ Свинообразный макак (*Nemestrinus nemestrinus*) — обезьяна, обитающая в Индокитае и на Зондских островах. Туземцы часто дрессируют это животное, обучая его срывать плоды кокосовой пальмы.

² Яванская обезьяна (*Pithecius fascicularis*) населяет всю Юго-Восточную Азию. Часто содержится в неволе и при этом нередко спаривается с близкими видами, давая здоровое и жизнеспособное потомство.

особенно касается деспота и претендента на трон — птиц номер один и номер два. Подобное поведение может поставить в тупик поверхностного наблюдателя. Одна галка сидит на общей кормушке, вторая приближается внушительной походкой, в позе самовосхваления, с гордо поднятой головой; первая птица слегка отодвигается в сторону, однако не позволяет привести себя в замешательство. В это время появляется третья галка, ее поза гораздо более скромна; неожиданно первая птица обращается в бегство, а вторая, напротив, принимает угрожающую позу, взъерошивая оперение спины, нападает на пришельца и прогоняет его прочь. А вот объяснение: последний пришелец занимает на общественной лестнице промежуточное положение между двумя другими — достаточно выше первого, чтобы испугать его, и немного ниже второго, как раз настолько, чтобы возбудить его гнев. Галки самой высокой касты весьма снисходительны к себе подобным, занимающим низшее положение, и рассматривают их не более как песок у своих ног; акт самовосхваления со стороны первого пришельца есть не более как чистая формальность. Только при слишком тесном сближении доминирующая¹ птица принимает угрожающую позу, а нападает вообще крайне редко.

Степень враждебности высокопоставленных особей по отношению к нижестоящим собратьям прямо пропорциональна положению последних; интересно заметить, что это в сущности, несложное поведение приводит к беспристрастному урегулированию столкновений между отдельными особями в колонии. Телодвижения, выражающие гнев, и жесты атаки могут возбуждать не только тех, кому они адресованы. Я сам, слыша перебранку двух пассажиров в переполненном трамвае, заставляю себя подавить почти неудержимое желание надавать звонких пощечин обеим сторонам. Высокопоставленные галки, очевидно, испытывают такие же эмоции, но поскольку их ни в какой мере не останавливает отвращение к публичным скандалам, они и вмешиваются весьма энергично в ссору подчиненных в тот момент, когда их аргументация становится слишком пыл-

¹ Доминирующая особь — животное, которое в сообществе занимает высокое положение на иерархической лестнице.

кой. Третейский судья всегда более агрессивен к вышестоящему из двух первоначальных бойцов. Таким образом, галки высшей касты, в особенности сам деспот, постоянно действуют по рыцарскому принципу: там, где идет неравная битва, всегда становится на сторону слабого. Поскольку большая часть ссор происходит главным образом из-за мест для гнезда (почти во всех других случаях более слабые галки ретируются без борьбы), такое пристрастие сильных самцов обеспечивает активную защиту гнезд слабых членов колонии.

Общественный порядок в галочьей колонии, однажды установившись, в дальнейшем поддерживается гораздо более добросовестно, чем он может поддерживаться среди кур, собак или обезьян. Мне никогда не приходилось замечать стихийной перетасовки, которая произошла бы без вмешательства извне и была бы обусловлена недовольством одной из низших каст. Только однажды я был свидетелем свержения тирана, дотоле правившего в моей колонии, — самца по имени Золотистозеленый. Переворот произвел возвратившийся странник, который за время своего долгого отсутствия потерял уважение к своему правителю и добился его поражения в первой же схватке. Завоеватель, Дваждыалюминиевый (он получил свое странное имя по двум алюминиевым кольцам, надетым на его обе лапки), появился осенью 1931 года после отсутствия, длившегося все лето. Он вернулся домой сильный духом, возбужденный своим путешествием и сразу же покорила прежнего самодержца. Его победа была замечательной по двум причинам: во-первых, Дваждыалюминиевый не был женат и, таким образом, сражался один против старого правителя и его супруги; во-вторых, победителем было только полтора года от роду, тогда как Золотистозеленый и его жена были из тех первых четырнадцати галок, с которыми я основывал поселение еще в 1927 году.

Ситуация, в которой мое внимание было привлечено к этой революции, была совершенно необычна. Однажды я увидел, к своему изумлению, как на кормушке маленькая хрупкая самка, занимающая низкое положение на общественной лестнице, подходит бочком совсем вплотную к спокойно кормящемуся Золотистозеленому и, словно вдох-

новляемая какой-то невидимой силой, вдруг принимает позу самовосхваления, в то время как крупный самец тихо и без сопротивления уступает ей свое место. Вслед за этим я заметил недавно вернувшегося героя, который на моих глазах занял место Золотистозеленого. Сначала я подумал, что свергнутый деспот под влиянием своего недавнего поражения настолько подавлен, что позволяет запугивать себя другим членам колонии, в том числе и упомянутой самке. Однако это предположение оказалось ложным: только что Дваждыалюминиевый победил Золотистозеленого, и тот навсегда остался вторым по старшинству. Что же касается Дваждыалюминиевого, то он, вернувшись домой, влюбился в молодую самку, и они были публично помолвлены в течение двух дней! Поскольку у галок супруги всегда преданно и смело поддерживают друг друга во всех конфликтах, а в семье не существует «порядка кормления», то они автоматически получают равные права и во всех столкновениях с другими членами колонии. Таким образом, жена, по необходимости, поднимается до положения своего мужа. Сказанное не остается в силе для противоположной ситуации — нерушимый закон гласит, что самец может взять в жены лишь такую самку, которая стоит ниже его на общественной лестнице.

Необычайным во всем этом является не сам факт повышения «в звании», а удивительная быстрота, с которой распространилась весть о том, что маленькая самочка, дотоле третируемая восемью—десятью процентами членов колонии, стала «супругой президента», и отныне самое неприятное, что ждет ее, — это неодобрительные взгляды других галок. Но еще более любопытно то обстоятельство, что птица, повысившаяся в звании, знает о своем продвижении! Если животное становится робким и опасливым после своих неудач — за это ему не много чести; но понимать, что опасности миновали, и встретить эту перемену с соответствующим запасом оптимизма — здесь есть над чем задуматься. Лебедь-деспот правит на своем пруду по таким тираническим законам, что ни один из его собратьев, за исключением собственной супруги, вообще не рискует войти в воду. Вы можете поймать жестокого тирана и унести его прочь на глазах у остальных лебедей, ожидая, что они

вздыхнут с облегчением и сразу же отправятся поплавать — ведь они так долго были лишены этого. Ничего подобного! Пройдет несколько дней, прежде чем одна из этих запуганных птиц сможет настолько набраться храбрости, чтобы позволить себе скромно поплавать около самого берега. И еще долгое время никто из них не отважится выплыть на середину пруда.

Наша маленькая галочка уже по прошествии сорока восьми часов знала, что она может себе позволить, и мне неприятно говорить, насколько в полную меру она стала пользоваться своими новыми правами. Птица эта совершенно лишена была той благородной, можно сказать, великолепной терпимости, которую галки высших каст проявляют к нижестоящим. Она пользовалась каждым удобным случаем, чтобы унижить своих недавних сюзеренов; она не довольствовалась принятием важных поз, как это делают высокопоставленные галки, издавна занимающие привилегированное положение. Нет — у нее всегда был наготове действенный и злобный план нападения. Одним словом, наша галка вела себя крайне вульгарно.

Вы считаете, что я очеловечиваю животное? Вероятно, вам неизвестно одно обстоятельство: те элементы нашего поведения, которые мы привыкли называть человеческими слабостями, в действительности почти всегда являются свойствами предчеловеческими, иными словами — общими для нас и для высших животных. Поверьте мне, я не приписываю по ошибке человеческие свойства животным: как раз наоборот, я демонстрирую то огромное наследство, которое мы получили от животных и которое живет в нас по сей день. И если я говорю прямо, что молодой самец влюбился в галочку-самку, то тем самым не облакаю животных в человеческие одежды — напротив, я вскрываю остатки инстинктивного поведения у человека, полученные нами от животных. И если вы не согласны со мной в этом пункте и отрицаете, что любовь есть древняя сила инстинкта, то я лишь могу предположить, что вы сами не способны пасть жертвой страсти.

«Влюбиться» — подумайте, как это странно! В этом слове сущность физического процесса выражена с реалистической решительностью: словно раздался громкий удар —

и вы уже любите! Было бы трудно придумать более подходящий символ. И в этом плане многие высокоорганизованные млекопитающие и птицы ведут себя точно так же, как человек. У галок «Великая Любовь» очень часто вспыхивает совершенно неожиданно, в течение одного-двух дней, точно так же, как у людей — при первой встрече. Как сказал Марлоу:¹

Причин не знаем. Ясно лишь для нас —
Любовь проходит сквозь цензуру глаз.
Рассудочность не зажигает кровь.
Не вечно ль первый взгляд родит любовь?

Пресловутая любовь с первого взгляда играет большую роль в жизни диких гусей и галок — это подчас производит глубокое впечатление на наблюдателя. Мне известно несколько случаев, когда любовное согласие достигалось при первом знакомстве. Дальнейшее присутствие любимого при подобных эмоциональных состояниях не столь необходимо для поддержания привязанности, как могло бы показаться с первого взгляда. Более того, оно может оказаться невыгодным. При любых обстоятельствах временное расставание может сохранить нечто, что разрушается годами близости. Наблюдая диких гусей, я неоднократно замечал, что помолвка заключалась в тот момент, когда двое очень близких друзей вновь встречались после весьма длительной разлуки. Даже я сам бывал тронут этим, в сущности, совершенно типичным явлением. Однако это совсем другая история.

Многие из моих читателей, особенно те, которые немного знакомы с психологией, критически приподнимут брови при слове помолвка: они привыкли рассматривать животных в той или иной мере как грубую скотину и считают, что любовь и брак у этих созданий базируются на мотивах гораздо более плотских, нежели у человека. Это совершенно несправедливо в отношении тех животных, в жизни которых любовь и брак играют важную роль. У тех немногих птиц, брачные узы которых достаточно длитель-

¹ Марлоу Кристофер (1564—1593) — выдающийся английский драматург. Его перу принадлежат «Трагическая история доктора Фауста», драма «Эдуард II» и др.

ны и чье поведение в этом плане исследовано чрезвычайно детально, помолвка отделена от момента физической близости весьма длительным периодом времени. Напротив, у видов, сочетающихся браком лишь для того, чтобы воспитать один выводок (например, у многих певчих птиц, цапель и других), время помолвки, по необходимости, короче. Что же касается тех, которые соединяются на всю жизнь, то они оказываются «помолвленными» задолго до вступления в брак.

Среди мелких птиц рекорд по длительности времени помолвки принадлежит усаемым синицам, которым мои друзья, Отто и Лили Кёниг, посвятили годы наблюдений и одну из своих наиболее замечательных книг. Эти существа — я имею в виду синиц, а не Кёнигов — заключают помолвку, как это ни странно, еще тогда, когда одеты в свой детский наряд, до первой линьки — в возрасте одного-двух месяцев, то есть за девять месяцев до того как они достигнут половой зрелости и смогут впервые вступить в брак. Для знатока в этом есть нечто совершенно замечательное. Уникальные церемонии, особенно брачное поведение самца, имеют целью продемонстрировать перед партнером замечательные особенности окончательного наряда¹, прежде всего — черные бакенбарды и нижние кроющие перья хвоста цвета черного дерева. Маленький кавалер выставляет напоказ эти участки оперения, невзирая на то что последние приобретут свою бросающуюся в глаза окраску не ранее чем два месяца спустя. Конечно, он не знает, каков его вид — его врожденные, инстинктивные движения рассчитаны только на окончательный наряд половозрелой птицы. Иное дело — осенние помолвки благородных уток. Селезень в это время также не способен к размножению, как и юная усатая синица, но уже щеголяет в парадном платье, которое не снимет до весны, когда наступит время любви.

Галки, как и дикие гуси, заключают помолвки весной, на следующий год после своего рождения; у обоих этих видов половая зрелость достигается лишь двенадцать месяцев

¹ Окончательный наряд — оперение, которое приходит на смену юношескому или промежуточному наряду. Многие птицы надевают окончательный наряд к началу первого сезона размножения, но некоторые способны размножаться еще в промежуточном наряде.

спустя. Таким образом, обычное время помолвки равняется целому году. Ухаживание самца за самкой у галок в том отношении сходно с подобным же поведением гусака или юноши, что ни один из этих видов не обладает специальными внешними качествами для облегчения своей задачи: они не могут продемонстрировать великолепие своего хвоста, как это делает павлин, не могут, подобно воспетому Шелли¹ жаворонку, излить «переполненное сердце в щедром потоке своего непосредственного искусства». Галочий «жених» способен представить себя в наилучшем свете и без всех этих аксессуаров. И делает он это удивительно почеловечьи. Юный самец галки пыжится, надувается — он демонстрирует избыток бьющей через край энергии (точно так же ведет себя самец серого гуся). Подчеркнуто замедленные движения, вытянутая шея и горделиво поднятая голова — в таком виде самец демонстрирует себя перед собратьями. Он задирает других галок, если только «она», его суженая, удостоит его взглядом, и ввязывается в конфликты со своими сюзеренами, которым в другое время оказывает всяческое уважение.

И наконец, он пытается прельстить свою возлюбленную тем, что у него уже готово место для будущего гнезда. Это какое-нибудь отверстие, от которого самец прогоняет всех других галок, независимо от их положения в обществе, где не переставая издает свой околонегздовой крик — высокое, резкое «цик, цик, цик». Эта церемония приглашения к гнезду в данный момент абсолютно символична. Сейчас не имеет никакого значения — действительно ли пригодно отверстие для устройства гнезда. Домовый воробей воспринимает подобную же церемонию гораздо серьезней: самец только тогда начинает подумывать о женитьбе, когда им найдено и отвоевано отверстие, которое он считает вполне пригодным местом для гнезда — именно по этой причине здесь постоянно происходят дикие ссоры между самцами. Что же касается галок, то у них для этой церемонии вполне пригоден какой-нибудь темный угол или маленькое отвер-

¹ Шелли Перси Биши (1792—1827) — великий английский поэт, представитель революционного романтизма. Его драма «Освобожденный Прометей» является, по словам М. Горького, одним из величайших памятников мировой литературы.

стие, слишком узкое, чтобы в него можно было втиснуться. Тот самый самец, который старался натолкать дождевых червей мне в ухо, любил издавать свое «циканье», сидя на краю очень маленького горшка для содержания мучных червей. Наши галки, жившие на свободе, пользовались для той же цели верхним отверстием каминной трубы. Хотя они редко гнездились здесь, с наступлением весны их приглушенное циканье можно было слышать, не выходя из жилых комнат.

Все эти различные формы саморекламы токующий самец адресует одной совершенно определенной самке. Но откуда она узнает, что эти действия совершаются ради нее? Только при помощи «языка взглядов». Как сказал Байрон в своем «Дон-Жуане»:

В мгновенном взгляде длительный ответ
Красноречив, когда в нем страсти свет.

Сделав предложение, самец постоянно бросает взгляды в сторону возлюбленной, но сразу же прекращает свои усилия, если она улетает прочь.

Обмен красноречивыми взглядами необычайно комичен, и в этой игре самец и самка ведут себя по-разному. Если первый старается заглянуть пламенным взором прямо в глаза подружки, то она, как может показаться, смотрит куда угодно, только не на своего пылкого поклонника. На самом деле самка, несомненно, все время наблюдает за ним, и тех мимолетных взглядов, которые она бросает в сторону кавалера, ей вполне достаточно, чтобы понять, что цель всех этих ужимок самца — вызвать ее восхищение. Вполне достаточно, чтобы «он» знал, что «она» все знает. Если же она не заинтересована искренне и совсем не смотрит в его сторону, наш юный самец сразу же сознает тщету своих усилий и остывает быстро, как сделал бы на его месте всякий молодой парень. Настоячивому обожателю, который теперь уже вышагивает во всем своем великолепии, молодая леди дает наконец свое согласие — она приседает перед ним и особым образом трепещет крыльями и хвостом. Эти движения партнеров символизируют собой ритуальное свадебное соглашение, но не приводят к окончательному соединению — они не более чем церемония приветст-

вия. Замужняя самочка приветствует супруга точно так же, независимо от того, происходит ли дело в брачный сезон или в другое время. Чисто сексуальный смысл, который эта церемония имела первоначально в эволюции вида, сейчас уже окончательно утрачен. Теперь этот ритуал есть лишь знак преданной покорности жены своему мужу. Он почти полностью соответствует по смыслу «символическому подчинению» у рыб. С того момента, когда невеста признала превосходство своего кавалера, она становится самоуверенной и агрессивной по отношению ко всем другим членам колонии. Для самки обручение влечет за собой повышение. Будучи, как правило, меньше и слабее самца, она вынуждена занимать и гораздо более низкое положение на общественной лестнице до тех пор, пока остается в девичестве.

Помолвленная пара формирует надежный оборонительный союз — каждый партнер преданнейшим образом поддерживает другого. И это весьма существенно, ибо супруги должны вступить в борьбу с более старыми и высокопоставленными парами, чтобы отвоевать себе подходящую нишу для устройства гнезда и удержать ее за собой. Пленительно выглядит эта военная любовь. Неизменно пребывая в позах наивысшего самовосхваления, редко отлучаясь даже на расстояние ярда друг от друга, наша чета совершает свой жизненный путь. Очевидно, они страшно горды друг другом, когда внушительно выступают бок о бок, взъерошив оперение головы и тем самым подчеркивая контраст между бархатно-черной шапочкой и блестящей, серебристо-серой шейкой. Поистине поучительна взаимная привязанность этих детей природы. Когда самец находит какое-либо лакомство, он неизменно приносит его своей невесте, а та принимает подарок в трогательной просительной позе, одновременно произнося заунывные звуки, столь характерные для совсем юного галчонка. Действительно, любовный шепот нашей парочки состоит главным образом из птенцового щебетания, которое приберегается взрослыми галками специально для таких случаев. И снова — как это поразительно по-человечески! Ведь и мы сами, пытаясь выразить сердечную привязанность, обычно прибегаем к впечатлениям детства — или вы не замечали, что почти все прозви-

ща, которые мы изобретаем, чтобы излить свою нежность, оказываются уменьшительными именами?

Этот обычай самца кормить свою подругу имеет для нас особое очарование, поскольку непосредственно вызывает к человеческим понятиям морали и этики. Столь же притягательна и близка нам постоянная нежность самки по отношению к своему кавалеру. Дело в том, что она время от времени чистит те участки оперения супруга, которые он сам не в состоянии достать клювом. Этот взаимный уход за «одеванием» друг друга, столь характерный для многих социальных видов птиц, представляет собой товарищескую обязанность и лишен каких-либо скрытых эротических мотивов. Но я не знаю других животных, которые вкладывали бы в эту несложную операцию столько душевной привязанности, как истомленная любовью молодая галочка. Минуту за минутой, — а это очень много для этих существ, подвижных, как шарики ртути, — самочка перебирает клювом прекрасные длинные шелковистые перышки на шее супруга, а он, чувственно полузакрыв глаза, подставляет подруге свой серебристый загривок. Даже пресловутые голуби или неразлучники не проявляют столько нежности в своей супружеской любви, как эти будничные врановые. Что более всего располагает к себе в их отношениях — это усиление взаимной привязанности, которая становится прочнее с годами, вместо того чтобы сходить на нет. Галки относятся к числу долго живущих птиц, они достигают почти такого же предельного возраста, как человек (даже мелкие пернатые, такие, как славки или канарейки, живут почти до двадцати лет и в возрасте пятнадцати—шестнадцати лет еще способны размножаться). Как уже упоминалось, галки заключают помолвку на первом году жизни, а в брак вступают на втором, так что их супружеский союз существует длительное время, возможно, даже более длительное, чем у человека. Но и спустя много лет самец продолжает кормить свою самочку все с той же трогательной заботой и обращается к ней с теми же низкими любовными нотками, дрожащими от переполняющих его чувств, с теми самыми, которые он нашептывал ей в их первую весну жизни, в весну их помолвки. А ведь есть другие животные, которые могут подолгу жить в брачном союзе, но пылающий огонь первого

года любви у них постепенно гаснет и уступает место холодной привычке. Трепещущее колдовство любовных фраз улетучивается вместе с убегающими годами, и все дальнейшее совместное существование определяется лишь хлопотами супружеской и семейной жизни, преодолеваемыми с тем же механическим безразличием, с каким совершаются все прочие повседневные дела.

Я был свидетелем многих галочьих обручений, и многие браки проходили перед моими глазами, но лишь одна пара распалась, да и то — в ранний период, еще во время помолвки. Причиной этой неурядицы явилась одна юная леди по имени Левозеленая, птица необычайно живого темперамента, чей любовный роман с его счастливым концом явился прямой противоположностью трагической истории серой гусыни Мэйди, о которой я расскажу в другой книге. Ранней весной 1928 года — в первую брачную пору моих четырнадцати старожилов — царствующий деспот Золотистозеленый обручился с Краснозолотой, которая, вероятно, действительно была прекраснейшей из всех избранниц. Будь я галкой, я, наверно, и сам предпочел бы ее всем остальным. Второй самец колонии, Синезолотой, тоже сделал ей официальное предложение, но вскоре оставил надежду и обручился с Правокрасной — довольно крупной самкой весьма крепкого сложения. Эта помолвка привела к тихой и, вероятно, довольно вялой привязанности, далеко не столь волнующей, как «великая любовь» Золотистозеленого и Краснозолотой.

В это время, в начале апреля, Левозеленая еще и не думала о юношах, ибо пробуждение половой активности у годовалых галок может наступить не одновременно. Только в начале мая Левозеленая появилась на сцене, и ее дебют был столь же импульсивным, сколь и неожиданным. Когда она попадалась мне на глаза прежде, то была маленькой и занимала низкое положение на иерархической лестнице. С человеческой точки зрения она казалась не такой хорошенькой, как Правокрасная, не говоря уже о Краснозолотой. Но было в ней что-то такое... Она влюбилась в Синезолотого, и любовь ее оказалась гораздо более пылкой, чем та, что могла дать своему супругу Правокрасная. И вот — я нарушу логический ход изложения и несколько забегу впе-

ред — Левозеленая в конце концов вытеснила свою более сильную и красивую соперницу.

Следующая сцена, разыгравшаяся перед моими глазами, послужила предвестником надвигающейся любовной драмы. Синезолотой мирно восседал на открытой дверце вольеры и милостиво позволял Правокрасной, сидевшей по левую сторону от него, перебирать его шейное оперение. Внезапно на ту же дверцу опустилась Левозеленая и, никем не замеченная, остановилась примерно в ярде от нашей четы, бросая на любовников напряженные взгляды. Вслед за этим она медленно и осторожно бочком подкралась вплотную к Синезолотому. Приняв необходимые меры предосторожности, ежеминутно готовая взлететь, она вытянула шею и принялась ласкать шелковистое оперение самца. Синезолотой, непринужденно сидящий с закрытыми от удовольствия глазами, не замечал, что две дамы с разных сторон совершают его туалет. Правокрасная тоже не подозревала о присутствии соперницы, поскольку между двумя самками находилась внушительная фигура Синезолотого, который распустил все свои перья и от этого казался еще более крупным.

Такая напряженная ситуация продолжалась несколько минут. Но вот самец случайно приоткрыл правый глаз, увидел чужую самку, сидящую вплотную к нему, и в неистовстве ударил ее клювом. И в ту же секунду Правокрасная увидела Левозеленую, ибо как только разъяренный самец изменил положение своего тела, он перестал заслонять собой маленькую самозванку. Правокрасная одним скачком перемахнула через своего супруга и с лютой ненавистью кинулась на соперницу. И в этот момент я начал подозревать, что невеста, не в пример мне, уже была хорошо осведомлена о серьезности намерений маленькой Левозеленой. Очевидно. Правокрасная полностью оценила всю остроту ситуации. Никогда больше я не видел, чтобы одна галка преследовала другую с такой неприкрытой яростью. Нападение оказалось безуспешным. Маленькая и более подвижная Левозеленая превосходила Правокрасную в искусстве пилотажа. Когда Правокрасная отчаялась догнать и наказать ненавистную соперницу, она опустилась около своего нареченного, едва переводя дух. Напротив, Левозеленая,

явившаяся в ту же минуту, казалась свежей и собранной. Это неравенство и решило исход дела.

В докучливом ухаживании Левозеленой было больше упорства, чем хитрости и утонченности. Она преследовала парочку день за днем, на земле и в воздухе, не давая им ни минуты передышки, однако держалась на расстоянии достаточном, чтобы не провоцировать излишних ссор. Но как только наша чета уютно устраивалась где-нибудь в интимной близости, Левозеленая была тут как тут и терпеливо ждала той минуты, когда Правокрасная начнет причесывать голову своего возлюбленного.

Вода точит камень. Постепенно Правокрасная стала менее свирепо третировать соперницу, Синезолотой перестал протестовать против того, что за ним ухаживают две самочки, и однажды я заметил, что дело приняло другой оборот. Самец сидел неподвижно, предоставив Правокрасной ласкать свой затылок. С другой стороны Левозеленая занималась тем же. Внезапно, по неизвестной причине, Правокрасная прервала свое занятие и улетела. Могучий самец приоткрыл глаз и обнаружил около себя одну только Левозеленую. Вы думаете он клюнул ее или прогнал прочь? Ничуть не бывало! Задумчиво отвернувшись, он неторопливо подставил оставшейся самочке свой загривок. Потом он снова закрыл глаза.

С тех пор Левозеленая стала быстро приобретать расположение самца. Спустя несколько дней он уже регулярно с нежностью кормил ее, разумеется, когда рядом не было Правокрасной. Не то чтобы он сознательно делал это за спиной законной подруги — думая так, мы бы переоценили умственные способности галок. Правокрасная получала от самца различные деликатесы, когда находилась рядом, но когда ее не было, лакомая порция доставалась другой. Мой друг А. Ф. Фж. Портье наблюдал сходное поведение у лебедя-шипуна. Старый самец свирепо изгнал незнакомую самку, которая предложила ему свою любовь, слишком близко подплыв к его гнезду, где насиживала яйца законная супруга. В тот же день лебедь встретил ту же самочку на другом конце озера, вдали от гнезда и от жены, и уступил искушению без дальнейших осложнений. Здесь можно обнаружить параллель с человеческими взаимоотношения-

ми, но снова наше заключение будет ошибочным. Находясь в окрестностях своего гнезда, лебедь почти всецело поглощен заботами об охране территории — здесь он считает агрессором любую постороннюю особь своего вида, будь то самец или самка. За пределами гнездовой территории, откуда самец должен выставить каждого нарушителя границы, он не столь предубежден заранее и поэтому способен среди вновь появляющихся незнакомцев узнать желанную самочку.

Чем больше Левозеленая убеждалась в благосклонности самца, тем нахальнее она вела себя по отношению к Правокрасной. Она уже не спасалась бегством от соперницы, и между двумя самками иногда возникали поединки. Странным было поведение самца в этой двусмысленной ситуации. Если обычно Синезолотой смело защищал супругу, когда она ссорилась с другими членами колонии, то здесь он, по-видимому, вступал в противоречие с самим собой. Он пытался угрожать Левозеленой, но никогда не предпринимал в отношении ее более активных действий. Как-то я видел, как Синезолотой принял подобие угрожающей позы и перед Правокрасной. Одним словом, его сдержанность и замешательство перед лицом столь сложной ситуации часто казались совершенно очевидными.

Конец этого романа был неожиданным и драматичным. В один прекрасный день Синезолотой исчез, а вместе с ним — и Левозеленая. Трудно поверить, что две зрелые и опытные птицы одновременно явились жертвой несчастного случая. Несомненно, что они улетели вместе. Эмоциональный конфликт столь же мучителен для животных, как и для человека, об этом я расскажу позже. И я не могу отказать от предположения, что именно противоречивость чувств заставила Синезолотого оставить колонию.

Мне неизвестно, чтобы инциденты такого рода случались между старыми, уже гнездившимися супругами, и я не думаю, чтобы подобные вещи случались еще когда-либо. Все размножавшиеся галки, за которыми я наблюдал достаточно длительное время, до самой смерти оставались верны своему супружескому долгу. Тем не менее и вдовы и вдовцы без колебаний вступают в новый брак, как только представится возможность к этому. Надо сказать, что это

нелегкое дело для старой самки, занимающей высокое общественное положение. Что касается серых гусей, то они никогда не женятся и не выходят замуж вторично, но об этом будет рассказано в книге, специально посвященной этим птицам.

Галки приобретают способность размножаться на втором году жизни. Возможно, они созревают уже осенью второго года, сразу же после первой полной линьки, в ходе которой сменяется не только мелкое оперение тела, но и обновляются все крупные перья крыльев и хвоста. Как только закончилась линька и наступили ясные осенние деньки, у галок, очевидно, начинается пробуждение половой активности. Особенно склонны они в это время разыскивать пустоты, пригодные для устройства гнезд. Со всех сторон раздаётся непрерывное «зик, зик, зик...». С наступлением холодной погоды осеннее половое возбуждение постепенно сходит на нет, переходит в скрытое состояние. Даже в теплые зимние дни звуки непродолжительных концертов «циканья», устраиваемых галками, иногда доносятся в комнаты нижнего этажа через отверстия дымоходов. В феврале и в марте — это уже серьезное дело, и знакомое нам «зик, зик» слышится почти непрерывно на протяжении всего светлого времени суток.

В это же время часто можно видеть другую церемонию, которая представляет собой наиболее интересное явление в общественной жизни галок. В последние дни марта, когда циканье достигает апогея, одна из ниш каменной стены внезапно становится сценой, с которой доносится концерт невиданно мощного звучания. Тембр выкриков меняется, они становятся глубже, полнее и звучат теперь как «уип, уип, уип» — в убыстряющемся стаккато, которое к концу строфы достигает безумного напряжения. Одновременно со всех сторон к этой нише слетаются возбужденные галки. Они взъерошивают оперение и, приняв великолепные позы устрашения, присоединяются к общему концерту.

Что же все это значит? Потребовалось много времени, прежде чем мне удалось понять смысл происходящего. Оказывается, перед нами не более и не менее как выступление общественного мнения против зарвавшегося нарушителя! Чтобы окончательно понять сущность этих сугубо

инстинктивных коллективных действий, мы должны глубже заглянуть в будни нашей колонии.

Надо сказать, что напасть на галку, цикающую возле избранного ею отверстия, совсем нелегко, поскольку агрессор неизменно окажется в невыгодном положении. Своему сопернику галка может угрожать двумя способами, которые столь же различны по форме проявления, как и по смысловому значению. В том случае, когда ссора произошла на почве выяснения субординации, то есть связана исключительно с вопросами общественного положения, соперники запугивают друг друга, вытянувшись в полный рост и плотно прижав оперение. Эта поза подчеркивает намерение взлетать вверх, а затем — на спину противника. Такой способ боя принят у петухов и встречается у многих других птиц: борцы взлетают, сцепляются в воздухе, ударяя друг друга когтями и клювами, они стремятся опрокинуть неприятеля и повалить его на спину.

Другая устрашающая поза прямо противоположна первой. Птица ныряющим движением низко опускает голову и шею, взъерошивает спинное оперение, которое образует очень курьезную линию «кошачьей спины». Галка разворачивает хвост веером и резким движением загибает его в сторону соперника. Принимая первую позу, птица старается стать как можно выше, задача второй позы сделаться по возможности более толстой и громоздкой. Первая поза означает: «Если ты не посторонишься, я нападу на тебя с воздуха». Смысл второй таков: «Там, где я сейчас нахожусь, я буду драться до конца, но не отступлю ни на дюйм!»

Когда высокопоставленная галка приближается к другой, занимающей не столь высокое общественное положение, с намерением прогнать последнюю с занятого ею места, стоит лишь собственнику территории принять угрожающую позу второго типа, как агрессор обычно ретируется. Только в том случае, если и сам нападающий имеет виды на этот участок, — например, намеревается устроить здесь свое гнездо, тогда он продолжает дальнейшие действия. Иными словами, он принимает точно такую же позу устрашения. Итак, обе птицы подолгу сидят согнувшись в три погибели, плечом к плечу, наблюдая друг за другом с мрач-

ной решимостью. Они не решаются вступить в драку — держась на первоначальном расстоянии и не меняя положения тел, противники пытаются нанести друг другу удар клювами. Усилия их полны энергии и ярости, но, в общем, не достигают цели. Лишь резкий выдох да громкое щелканье клюва явственно слышатся при каждом очередном выпаде. Исход подобного поединка неизменно зависит от того, кто из соперников окажется более упорным.

Поскольку церемония «циканья» неразрывно связана с угрожающей позой второго типа, птица просто неспособна произносить свое «цик, цик» или «уип, уип» в каком-либо ином положении. У галок, как и у всех прочих животных, которые тем или иным способом метят свою территорию, граница между владениями двух самцов определяется степенью их боевого задора. Около своего дома каждый владелец участка сражается намного свирепее, чем на чужой земле. Таким образом, галка, цикающая около своего законного отверстия в стене, с самого начала имеет явное преимущество перед любым захватчиком, и это первоначальное превосходство, как правило, значительно перекрывает всякое неравенство между членами колонии — будь то неравенство в силе или в общественном положении.

И тем не менее острая конкуренция из-за удобных мест гнездования порой приводит к тому, что очень сильная птица нападает на одну из самых слабых, нарушая границы ее владений и безжалостно третируя собственника территории. Именно в таких случаях вступает в действие та самая «уип-реакция», о которой я уже упоминал. Циканье оскорбленного домовладельца постепенно усиливается, меняет свою тональность и звучит теперь как «уип, уип». Если жена собственника участка не присутствовала при нападении агрессора, она немедленно является и, взъерошив оперение, присоединяется к супругу, чтобы во всем повторять его поступки. Если все это не оказывает должного действия на нарушителя спокойствия и он не исчезает немедленно, тогда случается нечто невероятное. Со всех сторон, из всех закоулков, находящихся в пределах слышимости, появляются галки и несутся к атакованному гнезду. Все они громко выкрикивают свое «уип, уип», и наши зачинщики немедленно теряются в сплошной массе своих собратьев, ко-

торые в пароксизме ярости исполняют этот неистовый концерт — крещендо и фортиссимо всеобщего гама. Излив таким образом все свое недовольство, птицы спустя некоторое время успокаиваются и оставляют место происшествия. Лишь собственник гнезда еще некоторое время тихо цикает в дверях своего освобожденного жилища.

Когда возникает подобный галочий митинг, этого уже достаточно, чтобы остановить драку, хотя бы по той простой причине, что агрессор и сам принимает посильное участие в общей шумихе. Наблюдателю, который наделяет птиц человеческими качествами, может показаться, что хитрый захватчик отводит от себя подозрение тем, что вместе со всеми вопит: «Держи вора!» В действительности же он волей-неволей вовлекается в общее настроение, кричит то же самое «уип, уип» и при этом даже не знает, что он сам и является причиной всей неурядицы. Вместе с другими галками агрессор поворачивается во все стороны, словно выискивая преступника, и делает это, как ни странно, абсолютно искренне.

Но в некоторых случаях, и довольно часто, мне приходилось видеть, что слетающиеся со всех сторон галки правильно определяли нарушителя порядка и основательно наказывали его, если он упорствовал в своих притязаниях. В 1928 году настоящим бичом колонии была дерзкая сорока, которую я вырастил вместе с галками. Сорока превосходит галку в боевом искусстве и, не будучи птицей общественной, не имеет тех тонких сдерживающих регуляторов, которые столь располагают к себе в поведении галок. Поэтому пернатый разбойник, совершенно лишенный всякого чувства приличия, вскоре стал в галочьей колонии столь же нежелательным элементом, как закоренелый преступник в цивилизованном человеческом обществе. Вновь и вновь этот пестрый хулиган оказывался около гнездовой ниши одной или другой пары и становился подстрекателем нового негодующего выступления членов колонии. Хотя сорока не обладает способностью кричать «уип, уип», она неустрашимо преследует своего противника, тем не менее коллективные вылазки галок вскоре заставили ее взяться за ум. На основании горького опыта сорока была научена держаться на расстоянии от галочьих гнезд. Таким образом,

несмотря на мои серьезные опасения, яйца и птенцы оставались невредимыми.

В организации массовых выступлений всех членов колонии (будь то всеобщее «скрежетание» или «уип-реакция») наиболее важная роль принадлежит старым, сильным, высокопоставленным самцам. Они же гарантируют благоденствие колонии и в прочих тревожных ситуациях. Осенью 1929 года на поля по соседству с нашим домом опустилась огромная пролетная стая галок и грачей, состоявшая не менее чем из двухсот птиц. И вот все мои молодые галки, родившиеся в этом и в предыдущем году, безнадежно перемешались с этими странствующими незнакомцами. Только несколько пожилых птиц остались дома. Для меня происходящее было полнейшей катастрофой, и я мысленно видел, как весь мой двухлетний труд в буквальном смысле слова безвозвратно улетает прочь. Я слишком хорошо знал, сколь притягательна для молодых галок подобная мигрирующая стая. Зрелище мириад эбеново-черных крыльев зачаровывает юнцов и заставляет устремляться следом. Не будь в колонии Золотистозеленого и Синезолотого, вся моя работа была бы пущена по ветру (или, скорее, против ветра, ибо галки предпочитают двигаться наперекор движению воздуха). Двое старых самцов, самые пожилые из всей колонии, не переставая летали взад и вперед между нашим домом и полем и совершили нечто столь невероятное, что я усомнился бы, стоит ли писать об этом, если бы сам и мои сотрудники не наблюдали тот же самый тип поведения впоследствии и не подтвердили бы его экспериментально.

Каждый из двух патриархов разыскивал в общей толпе какую-нибудь одну из наших молодых птиц и увлекал ее к дому. Старая галка заставляла молодую подняться на крыло, прибегая к тому самому маневру, который обычно используют галки-родители, когда хотят увести своих детенышей с опасного места. Опытная птица устремляется к несмышленину сзади и, пролетая низко над ним, в этот самый момент быстро покачивает хвостом, который плотно сложен и движется несколько в сторону. Эта церемония с рефлекторной неизбежностью заставляет сидящую птицу взлететь и последовать за лидером. Когда эта первая часть программы выполнена, старый самец направляется в сто-

рону дома, то и дело оглядываясь назад, чтобы удостовериться, следует ли за ним подопечный. Мы уже видели, как Джок в свое время прибегала к тому же маневру.

В течение всей этой процедуры Золотистозеленый и Синезолотой постепенно издавали выразительный призывный крик, который можно было легко отличить от обычного короткого и чистого позыва летящей галки. Сейчас он был более продолжителен и звучал печально и приглушенно. Если передавать обычную позывку, издаваемую птицей на лету, как высокое «кья, кья», то этот крик можно интерпретировать как «киав, киав». Я сразу отметил, что слышал этот голос и ранее, но лишь теперь его значение стало мне понятно.

Эти два старых самца работали с лихорадочной торопливостью. Даже прекрасно натренированная овчарка, которая отделяет своих овец от большого стада и отгоняет их в сторону, и то не могла бы проявить больше сноровки. Птицы трудились без отдыха вплоть до самых сумерек, когда другие галки уже давным-давно устроились на ночлег. Перед ними стояла нелегкая задача, ибо когда им удавалось соблазнить несколько молодых птиц и увести их к дому, последние немедленно улетали и вновь присоединялись к стае, отдохавшей посреди луга. Из каждых десяти галок, возвращение которых стоило стольких усилий, девять убегали вновь. Но поздним вечером, когда бродячая компания отправилась в свой дальнейший путь, я с глубоким вздохом облегчения обнаружил, что из всех моих многочисленных молодых птиц исчезли только две.

Побуждаемый этим эпизодом, я начал более тщательно вникать в смысловое различие между криками «кья» и «киав». Вскоре стало очевидным, что и тот и другой расшифровываются как: «Лети вместе со мной!» Но если первый означает приглашение лететь в любом неизвестном направлении, то второй указывает на намерение отправиться в сторону дома. Я и прежде замечал, что галки в пролетных стаях кричат иначе, нежели мои собственные,— более звонко и пронзительно, но не находил этому объяснения. Вдали от дома, когда все узы с родиной временно порваны, птицы никогда не произносят свое «киав», но только лишь неизменное «кья». С этой точки зрения было бы интересно вы-

яснить, раздастся ли крик «киав» весной, когда пролетные галочки стаи возвращаются домой, на места гнездования. Что же касается галок моей колонии, то их гомон всегда представлял собой смесь обоих позывов, ибо постоянно живя около дома, птицы даже зимой сохраняют некоторую символическую связь с местами, где они размножались и где им предстояло гнездиться весной.

Несмотря на то что этим крикам можно дать словесную интерпретацию «лети со мной», они не являются сознательной командой, а служат лишь выражением определенного настроения птицы. Но эти совершенно произвольные выражения птичьих эмоций по своей природе весьма заразительны — в такой же степени, как человеческая зевота заразительна для окружающих. Именно взаимное влияние настроений отдельных индивидуумов обеспечивает в конечном счете согласованность действий внутри галочьей стаи. Таким образом, в противоположность тем обитателям нашей планеты, действия которых предрешены властью самодержавного вожда, поведение птичьей стаи, стада млекопитающих или даже рыбьего косяка базируется на таких взаимоотношениях отдельных животных, которые чрезвычайно сходны с демократической системой голосования. Вот почему может показаться, что галки, принадлежащие к одной стае, иной раз демонстрируют прискорбную несогласованность своих действий. Иногда может пройти на удивление много времени, прежде чем все птицы в стае придут в одинаковое настроение. Это указывает на их полную неспособность принимать решения, иными словами — сконцентрировать свое внимание на каком-то одном побуждении и сознательно подавить все остальные. Такая способность является привилегией человека и в гораздо меньшей степени — некоторых из наиболее высокоодаренных млекопитающих. Не удивительно, что человек и сам начинает нервничать, когда на протяжении получаса наблюдаемая им группа галок раздражается противоречивыми настроениями. Представьте себе стаю, сидящую посреди поля, в нескольких милях от дома. Галки сыты, они уже оставили поиски пищи — птицы скоро должны направиться к дому. «Скоро» — естественно, в понимании самих галок, у которых представление о времени оказывается достаточно рас-

тяжимым. Наконец несколько птиц, обычно самые старые и наиболее решительные — поднимаются в воздух с криком «киав», тем самым приглашая всю стаю лететь вместе с ними. Но лишь в тот момент, когда эти пионеры поднялись на крыло, становится очевидным, что многие другие галки пока еще пребывают в «кья-настроении». Начинается общий галдеж, одни кричат «кья», другие — «киав», стая летает кругами, иногда вновь приземляется — на этот раз, возможно, еще дальше от дома, чем прежде. Все это повторяется дюжину раз, до тех пор пока фактор «киав» получает перевес, приобретает все большее и большее влияние и наконец охватывает всю стаю со скоростью снежной лавины.

Этот крик «киав» и связанное с ним поведение играют колоссальную роль в поддержании целостности всей колонии. Я уже рассказывал, каким образом однажды был спасен от полного крушения своих планов. Позже подобная вещь повторилась, но на этот раз спасение пришло совершенно иным путем. Спустя несколько лет после основания галочьей колонии ее постигла катастрофа, причины которой неясны для меня и по сей день. Чтобы избавиться от неизбежной потери птиц, склонных зимой совершать миграции, я в период с ноября по февраль держал своих галок в вольере под присмотром ассистента, который должен был наблюдать за ними. Сам же я в это время жил в Вене. И вот однажды все птицы исчезли! В сетке вольеры оказалась дырка — вероятно, ее порвал сильный ветер, две галки были мертвы, а остальные пропали бесследно. Возможно, это было дело куницы, но я так и не выяснил причины несчастья. Если вы содержите свободно живущих животных, то должны быть готовы к такого рода неожиданностям, но эта потеря нанесла мне самую жестокую рану из всех, какие когда-либо подрывали мои неустанные усилия в воспитании питомцев. Но нет худа без добра — именно эта неприятность позволила мне сделать наблюдения, которые при других обстоятельствах были бы невозможны. Полоса удач началась спустя три дня после несчастья, когда неожиданно возвратилась одна из моих галок. Это была Краснозолотая, экс-королева, первая галка, которая вырастила и выводила птенцов в Альтенберге.

Одинокая птица редко решалась на длительную прогулку, она день-деньской сидела на флюгере и... пела! Пела почти не переставая! Все певчие птицы, к числу которых принадлежат и врановые, склонны распевать неустанно в те периоды, когда находятся в одиночестве или не имеют возможности заниматься своими обычными делами — иными словами, они поют «от скуки». Именно по этой причине комнатная птица, сидящая в своей клетке в одиночном заключении, поет несравненно чаще, нежели ее свободные собратья. Вся та энергия, которая в других обстоятельствах была бы использована на сотню различных поступков, сейчас изливается в песне. В естественных условиях песня большинства певчих птиц служит также и другим целям — она провозглашает право поющего самца на занятую им территорию, а также ставит в известность самок, что они приглашаются во владения холостого самца. Поэтому одинокие самцы распевают громче и чаще, чем их счастливые соперники, уже соединившиеся с подругами. Поскольку самцов больше, чем самок, многие из них остаются холостяками, но, вероятно, это не слишком их огорчает. Вопреки мнению членов общества защиты животных от жестокого обращения, содержание в клетке одинокого соловья или щегла ради их песни не есть чрезмерный акт бессердечия, и не следует слишком серьезно принимать следующие слова Блейка¹:

Зарянка, в клетке грудью заалев,
Ввергает небеса в печаль и гнев...

Кобель-болонка на одном конце поводка, а на другом — раздраженная пожилая леди. Вот объект, несравненно более заслуживающий нашей жалости.

Что касается меня, то должен сознаться — непрерывное пение птицы, скучающей от одиночества в своей клетке, попросту действует мне на нервы. У меня в комнате стоит большая клетка, в которой живет самец горихвостки вместе со своей супругой. Поет он лишь изредка, но как раз сейчас, когда я пишу эти строки, наш кавалер исполняет перед

¹ Блейк Уильям (1757—1827) — английский поэт и художник. Его перу принадлежат романтические поэмы «Французская революция», «Европа» и др. Иллюстрировал «Божественную комедию» Данте.

дамой своего сердца великолепный брачный танец и доставляет мне этим несравненно большее удовольствие, чем какой-нибудь одинокий и многоречивый певец. Поскольку сидящая в одиночной клетке певчая птица не является страдальцем, то и песня ее не есть выражение скорби и неисполненных желаний, как любят думать некоторые сентиментальные натуры.

Но Краснозолотая, одинокая галочка, была в самом деле грустна. И не будет попыткой очеловечить ее, сказав, что она была душевно подавлена. Животные, страдающие от психической травмы, обычно молчаливы, но в этом случае (а я не знаю другого подобного же) птичья печаль находила выход в песне. Сама же песня была понятна даже людям — по крайней мере тем немногим из них, которые понимают «по-галочьи».

У галок самцы и самки поют одинаково хорошо, и песня их представляет собой вольную импровизацию, состоящую из разнообразных нот — как врожденных, свойственных только галкам, так и звукоподражательных. Все это по-пурри сплетается в причудливый звуковой узор, который трудно назвать прекрасным, однако это вполне приятная и успокаивающая песенка. В галочьем напеве звукоподражание, или так называемое пересмешничество, не играет заметной роли. Оно далеко не столь совершенно, как у вороны или ворона. Тем не менее, если держать одиночную галку в неволе, ее можно с успехом обучить имитировать некоторые человеческие слова.

Но самая любопытная особенность галочьей песни состоит в том, что птица как будто бы передразнивает себя самою. Все те различные крики, из которых состоит «язык» галочьего племени, вновь и вновь повторяются и перемежаются в этой песне. Все те позывки, с которыми мы уже познакомились, воспроизводятся распевавшей галкой — «кья» и «киав», «цик, цик» и «уип, уип», и даже резкое «скрежетание», которое обычно используется для вызволения товарища из беды. У всех других известных мне птиц звуки «со значением» или вообще не включаются в песню, или же вставляются лишь в единичных случаях. Пение же галки целиком состоит из таких криков!

Но самое поразительное заключается в том, что каждый определенный звук сопровождается соответствующими жестами. Издавая «скрежетание», певец нагибается и трепещет крыльями, как и в момент истинной «реакции скрежетания». Произнося свое «чик, чик» или «уип, уип», он принимает угрожающую позу. Иными словами, распеваящая галка ведет себя точно так же, как человек, с чувством декламирующий балладу. Он настолько поглощен своим чтением, что каждый отрывок рождает в душе определенные эмоции, которые невольно влекут за собой и соответствующую жестикуляцию.

Для человеческого уха эти многозначительные звуки, составляющие песню, кажутся неотличимыми от тех, которые птица произносит «всерьез» в подходящих жизненных ситуациях. Как часто, услышав громкое «скрежетание», я в страхе бросался к окну, боясь увидеть одну из моих птиц в когтях случайного хищника. И всякий раз оказывалось, что это декламирующая галка снова одурачила меня. Подобные случаи были постоянным источником удивления, поскольку они неизменно демонстрировали слепую и чисто рефлекторную сущность той реакции, которая используется для вызволения собрата, попавшего в беду.

И с другой стороны — сколько очарования таится в галочьих напевах, в тех многозначительных выкриках и в трогательной выразительности, сопровождающей их жестикуляции, для тех, кому знакома эмоциональность поведения этих разговорчивых птиц! Как прекрасны эти маленькие черные создания, когда они вдохновенно исполняют свои баллады, вызывающие в воображении волнующие картины и перипетии насыщенной событиями галочьей жизни!

Но песня одинокой Краснозолотой была поистине душевраздирающей. Важно не то, как она пела, важно — что она пела. Вся ее песня была переполнена обуревавшими ее чувствами, вернее, одним-единственным желанием: чтобы вернулись домой те, кого она утратила. «Киаа!» — пела она, — «киав» и опять «киав», с различными модуляциями, в разной тональности, со всеми переходами от нежнейшего пиано до самого безумного фортиссимо. Другие звуки лишь изредка слышались в этом скорбном напеве. «Верни-

тесь назад, о, вернитесь». Иногда галка прерывала пение и летела в луга, чтобы обследовать окрестности в поисках Золотистозеленого и всех остальных. «Кива!» — снова и снова кричала она, уже всерьез.

С течением времени эти вспышки страстного ожидания становились реже, и Краснозолотая проводила все свое время, сидя на флюгере нашей часовой башни и утешаясь тихими песенками. Птица оплакивала Золотистозеленого, свою утраченную любовь. «Подобно статуе Терпения, она сидела здесь, меланхолично и горько улыбаясь».

Вот так Краснозолотой удалось сохранить колонию. Не склонный к чрезмерной сентиментальности, я на этот раз поддался горю птицы. Непрекращающиеся стенания Краснозолотой, доносящиеся с чердачной крыши, побудили меня вырастить новую партию галчат, которые и дали начало возродившейся альтенбергской колонии. Ради этой страдальницы я воспитал четыре молодых галки и, как только они приобрели способность летать, посадил их в вольеру вместе с Краснозолотой.

То ли из-за моей торопливости, то ли потому, что я был поглощен другими заботами, но увы! — я не заметил нового большого отверстия в сетке садка. И прежде чем новички успели привыкнуть к обществу Краснозолотой, все четверо были таковы. Сбившись тесной группой и тщетно пытаясь найти лидера в своей среде (я уже рассказывал о подобных вещах), они кружились над садом, поднимаясь все выше и выше, пока наконец не приземлились далеко от дома, на склоне холма, покрытом густыми буковыми зарослями. Здесь я не смог бы найти своих галчат, а поскольку они еще не были обучены отзываться на мой призыв, то я почти потерял надежду снова увидеть своих питомцев. Конечно, Краснозолотая могла бы вернуть их домой, прибегнув к спасительному «киав». Старые «консулы» обычно заботятся о молодых обитателях колонии, которым грозит опасность заблудиться. Но Краснозолотая не считала этих четырех юнцов членами колонии, поскольку находилась в их обществе всего лишь полдня. Таким образом, положение вещей представлялось мне в самом черном свете, когда внезапно на смену полнейшему отчаянию пришла блестящая идея.

Я вскарабкался на чердак и в следующее мгновение вылез на крышу, держа в руках огромный черно-желтый флаг, некогда развевавшийся над домом моего отца в дни празднования юбилеев последнего императора Франца-Иосифа I. И сейчас, стоя на коньке крыши и прислонившись к громоотводу, я неистово размахивал этим символом политического анахронизма.

В чем же состоял мой замысел? Я рассчитывал с помощью этого своеобразного «пугала» загнать Краснозолотую на такую высоту, чтобы четверо юнцов, сидящих в рощице, заметили ее и подали голос. Тогда, думал я, старая птица, возможно, прибегнет к спасительной «киав-реакции» и тем самым сможет вернуть блудных детей домой. Краснозолотая была уже высоко, но, очевидно, не столь высоко, как того требовали обстоятельства. Я как сумасшедший размахивал императорским знаменем и издавал воинственные кличи краснокожих индейских племен. На деревенской улице начала собираться толпа.

Я временно отложил объяснение своих действий на будущее и продолжал эту странную манифестацию. Краснозолотая поднялась парой ярдов выше, и в этот момент галчата подали голос со склона холма. Я прекратил свою демонстрацию и, с трудом переводя дыхание, стал вглядываться в небо, где кружилась старая галка. В этот момент взмахи ее крыльев стали энергичнее, птица продолжала подниматься ввысь и наконец взяла курс в сторону леса. «Киав, киав, киав,— закричала она,— вернитесь, вернитесь назад!» Я с большой живостью скатал знамя и в мгновение ока нырнул в чердачный люк.

Не прошло и десяти минут, как четверо лоботрясов были уже дома с Краснозолотой. С этого дня она следила за ними более заботливо и никогда не позволяла в одиночку отлучаться из дому. Эти пятеро галок стали тем ядром, из которого позже возродилась густонаселенная колония. И во главе ее стояла старая самка — Краснозолотая.

Существенная разница в возрасте между этой птицей и другими членами колонии явилась причиной того, что Краснозолотая пользовалась большим авторитетом, чем все предыдущие деспоты. Превосходила она их и своей способностью поддерживать единство стаи. Краснозолотая

заботливо оберегала молодых и нянчилась с ними так нежно, словно они заменили ей собственных детей.

Казалось бы, поистине романтическое окончание биографии Краснозолотой: альтруистичная вдова посвятила остаток жизни поддержанию благосостояния стаи... но в действительности это еще не заключительный аккорд. То, что произошло на самом деле, настолько невероятно и так похоже на придуманный «счастливый конец», что едва решалось рассказать о дальнейших событиях.

Случилось это через три года после катастрофы, постигшей колонию, в ветреное ранневесеннее утро, когда солнечные лучи нежно касаются просыпающейся земли. Такие дни особенно благоприятны для птичьих перелетов — мигрирующие стаи ворон и галок одна за другой пересекали светлое небо. Внезапно какой-то бескрылый, торпедообразный снаряд отделился от одной такой стаи и, набирая скорость, устремился вниз, словно ныряя в воздушную пучину. Как раз над нашей крышей он замедлил падение; изящным маневром изменил направление полета и невесомо опустился на флюгер.

Это была крупная красивая галка, с блестяще-черными, отливающими синевой крыльями и сверкающим серебристым затылком, казавшимся почти белым. И королева Краснозолотая, эта бессменная управительница колонии подчинилась прищельпу без единого жеста неудовольствия. Императорствующая дама сразу преобразилась в робкую покорную девушку. Она задергала хвостом и затрепетала крыльями именно так, как это делает застенчивая галочка-невеста. Уже через час после появления незнакомца эти двое были едины во всех своих поступках и желаниях. Они вели себя в точности, как давнишняя супружеская пара.

Интересно, что этот крупный самец практически не встретил оппозиции со стороны других галок колонии. Признание его первенства прежней правительницей колонии, казалось, сразу же характеризовало его в глазах всех прочих галок как птицу «Номер Один».

В моем распоряжении нет неопровержимых научных доказательств в пользу того, что этот великолепный самец был не кто иной, как Золотистозеленый, пропавший супруг Краснозолотой. Окрашенные целлулоидные колечки могли

сломаться. И Краснозолотая уже давно потеряла свое кольцо. Так или иначе, пришелец, без сомнения, был членом первоначальной колонии. Об этом свидетельствовала его доверчивость к людям и та готовность, с которой он залетал внутрь чердака. Дикие галки, присоединяющиеся к колонии, всегда вели себя совершенно иначе. Эта птица, безусловно, была одним из четырех-пяти старейших «консулов» прежней колонии. Что до меня, то я верю, по крайней мере очень хочу верить, что наш незнакомец был именно Золотистозеленый.

Воссоединившаяся парочка в дальнейшем дала жизнь не одному выводку многообещающих юных галок. И сегодня в Альтенберге галок больше, чем ниш, удобных для их гнездования. Птицы живут в каждом отверстии стены, в каждой каминной трубе.

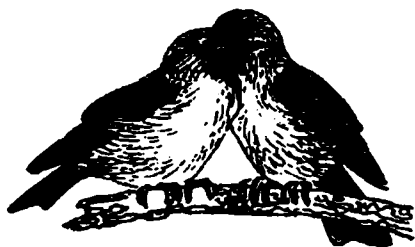
Задолго до начала последней войны мой отец писал в автобиографии: «Стаи этих птиц летают, особенно в вечерние часы, вокруг высоких фронтонов, перекликаясь своими пронзительными криками. Иногда я просто убежден, что понимаю их: постоянные квартиранты, верные вашему дому, мы будем жить в этом орлином гнезде, доколе один камень держится на другом, предоставляя нам убежище и защиту».

Постоянные квартиранты! Возможно, именно благодаря этому постоянству галки заняли свое место в наших сердцах. Когда осенью и даже в мягкие зимы слышатся их весенние песни, когда они затевают свои бесстрашные игры с беснующимся ураганом — они задевают во мне ту самую струну, которая звучит в ответ на трель крапивника, распевającego в ясный морозный день, или при виде вечнозеленого растения в снегу. Они поддерживают во мне надежду и крепость духа — те самые чувства, символом которых издавна стала рождественская елка.

Уже давно ушла от меня Джок, пав жертвой несчастного случая. Краснозолотая погибла в старости, застреленная из духового ружья соседским сорванцом. Я нашел ее мертвой в саду. Но колония галок в Альтенберге процветает до сих пор. Галки носятся вокруг нашего дома, направляя свой полет по тем самым невидимым маршрутам, которые некогда были проложены Джок, и пользуются теми же восхо-

дящими потоками воздуха, которые подбрасывали Джок к небу. Они верно чтут все те традиции, которые господствовали в нашей первой колонии и были переданы следующим поколениям через Краснозолотую.

Как благодарен я буду судьбе, если найду хотя бы одну тропинку, по которой смогут последовать за мной другие исследователи. И сколь бесконечно счастлив я буду, если мне удалось открыть один-единственный «восходящий поток», который сможет поднять кого-нибудь из ученых повыше, откуда он увидит немного дальше, чем смог увидеть я сам.

Глава двенадцатая МОРАЛЬ И ОРУЖИЕ

Те, кто способны ранить, но не ранят,
Не делают того, что ждем от них...

В. Шекспир. Сонеты

Ранним весенним утром в начале марта, когда в воздухе уже пахнет Пасхой, мы с дочерью отправились на прогулку в Венский лес. С непревзойденными в своей прелести склонами венских окрестностей, поросшими высоченными буками, могут сравниться по красоте лишь немногие уголки земли. Мы приближались к лесной прогалине. Гладкие стволы могучих буков расступились, и нашим глазам открылся Хорнбим, одетый от вершины до подножия пышной светло-зеленой листвой. Теперь мы продвигались вперед медленно и осторожно. Прежде чем миновать последние заросли кустарника и выйти на широкий луг, мы поступили так, как на нашем месте поступил бы всякий дикий зверь (кабан, леопард) или опытный натуралист-следопыт или зоолог, — мы внимательно осмотрелись, находясь под укрытием зарослей, которые и охотнику, и спа-

сающемуся от него дают одинаковое преимущество: все видеть, самому оставаясь невидимым.

Вековая стратегия и на этот раз оправдала себя. Посреди поляны сидел большой толстый заяц. Его спина была обращена к нам, а поднятые уши напоминали большую римскую пятерку. Ветерок дул в нашу сторону, поэтому заяц и не подозревал, что за ним наблюдают. Его внимание было поглощено происходящим на другом краю луга. Там появился второй заяц и медленными прыжками, с достоинством направился к нашему первому приятелю. Их встреча напоминала знакомство двух собак. Осмотрев соперника оценивающими взглядами, зайцы начали состязание. Сначала они носились друг за другом маленькими кругами, так что голова одного из них все время находилась у самого хвоста его противника. Головокружительное вращение продолжалось довольно долго. Внезапно сдерживаемая неприязнь вырвалась наружу. Драка началась в тот самый момент, когда затянувшиеся взаимные угрозы зверьков заставили нас подумать, что ни один из них так и не решится на открытые действия.

Оказавшись лицом к лицу, зайцы поднялись на задние лапы и начали свирепо колотить друг друга передними. Они подпрыгивали вверх, сталкивались в воздухе и с пронзительным визгом и хрюканьем обрушивали на противника град пинков, которые сыпались с такой необычайной быстротой, что лишь замедленная киносъемка могла бы восстановить последовательность отдельных движений. Потом снова возобновились гонки по кругу, на этот раз — в еще более быстром темпе. Снова схватка, гораздо более озлобленная. Соперники были настолько поглощены выяснением своих отношений, что нам с дочерью ничего не стоило подкрасться на цыпочках совсем близко, хотя мы и рисковали нарушить лесную тишину. Любой нормальный и благоразумный заяц давным-давно услышал бы наши шаги, но ведь шел март, а всем известно, что Мартовский Заяц¹ безумен. Весь этот боксерский матч выглядел настолько комично, что даже моя дочь, строго приученная с дет-

¹ Мартовский Заяц — сказочный персонаж из произведения английского писателя Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес».

ства соблюдать полнейшую тишину в момент наблюдений за животными, все же не могла сдержать легкого смешка. Это уж было слишком даже для наших Мартовских Зайцев — они метнулись в разные стороны, и лужок опустел. Только клочки белого пуха, легкие, как летучки одуванчика, еще плавали в воздухе над поляной.

Не только забавна эта дуэль невооруженных, свирепая ярость кротких сердцем! В самом ли деле наши зайцы так уж кротки? Действительно ли они «мягкосердечнее» свирепых хищников? Если вам при посещении зоопарка случится стать свидетелем стычки между двумя львами, волками или орлами, едва ли эта сцена вызовет у вас улыбку. И тем не менее столкновения монархов животного царства оканчиваются не более трагично, чем драка безвредных зайцев. Люди привыкли судить поступки травоядных и хищных животных, применяя к ним совершенно неприменимые в данном случае моральные критерии. Даже в волшебных сказках царство зверей рассматривается как некое единство вроде человеческого общества, словно все разнообразные виды животных принадлежат к одной семье, подобно роду человеческому. Именно по этой причине обывателю свойственно оценивать поступки хищника, настигшего свою жертву, по тем же самым моральным канонам, по которым судят убийцу в цивилизованном обществе. Большинство людей не отдадут себе отчета в том, что лисица, поймавшая зайца, находится точно в таком же положении, как и охотник, застреливший зверька на обед. Нет, лисицу осуждают так строго, как осудили бы охотника, взявшего привычку стрелять фермеров и жарить их к ужину. «Безнравственному» хищнику наклеивают ярлык убийцы, хотя его охотничья жизнь гораздо более оправданна и несравненно более необходима для поддержания его существования, чем подвиги ружейного стрелка. Содержимое ягдташа мы редко называем «жертвой» охотника, и лишь один писатель, позже подвергнутый серьезнейшему моральному осуждению, осмелился следующим образом окрестить охотника за лисами: «безответственный, преследующий несъедобных». Что же касается отношений с другими особями своего вида, хищные звери и птицы, оказывается, несравненно более

сдержанны, чем многие «безобидные» животные-вегетарианцы.

Сражения между обыкновенными или кольчатыми горлицами выглядят еще более несерьезно, чем заячья дуэль. Мягкий удар хрупкого клювика, слабый толчок легкого крыла — все это для глаза непосвященного более похоже на ласку, чем на агрессию. Как-то я задумал скрестить африканскую кольчатую горлицу с несколько более мелкой и хрупкой обыкновенной горлицей, обитающей в европейских лесах. С этой целью посадил в комнатный садок самку первого вида и самца — второго. Обоих птиц я вырастил дома, и они были совершенно ручные. Я не принял всерьез их стычки, которые первоначально происходили у меня на глазах. Как могут голуби (эти образчики любви и добродетели!) нанести вред друг другу? И я уехал в Вену, оставив птиц наедине. Вернулся я на следующий день — страшное зрелище предстало моим глазам. Самец лежал на полу клетки. Его темя, шея и спина были не только совершенно ошипаны, но превратились в сплошную кровоточащую рану. На растерзанном голубе, словно орел на своей добыче, сидел второй «вестник мира». Сохраняя свое обычное мечтательное выражение, которое и создало голубям славу миролюбцев, эта очаровательная леди продолжала ковырять своим серебристым клювиком израненную спину своего поверженного супруга. Когда тот собрал остатки сил и попытался спастись бегством, самка легким толчком крыла снова повалила его и продолжала свою методичную, безжалостную, разрушительную работу. Не вмешайся я, птица, несомненно, прикончила бы собрата, хотя она была уже настолько усталой, что у нее почти слипались глаза.

За всю свою жизнь я только дважды был свидетелем таких же сцен страшного увечья, наносимого себе подобным: наблюдая ожесточенные драки цихлидовых рыб, которые в буквальном смысле слова сдирают друг с друга кожу, и в бытность мою военным хирургом, когда на моих глазах вышние из позвоночных животных занимались массовым калечением своих ближних. Однако вернемся к нашим «безвредным» вегетарианцам. Битва зайцев, которую мы наблюдали на лесной поляне, тоже могла бы закончиться

кровопролитием, если бы она происходила в клетке, где побежденный не может спастись бегством от победителя.

Если уж кроткие зайцы и горлицы наносят себе подобным такие увечья, то какие же страшные драки должны происходить между хищными животными, которых природа снабдила опасным оружием, чтобы они могли убивать свою добычу? Вы, несомненно, подумаете так, но всякий добросовестный натуралист должен проверить на опыте даже такие положения, которые кажутся само собой разумеющимися, прежде чем он признает их истинность. Так давайте познакомимся с волком — этим символом жестокости и вероломства. Как он относится к своим собратьям?

В Випснейде, этой обетованной земле натуралистов, живет стая лесных волков. Из-за высокой изгороди, сделанной из сосновых бревен завидной толщины, мы можем наблюдать повседневную жизнь волков в обстановке, которая не столь уж сильно отличается от полной свободы. Прежде всего, не кажется ли вам странным, почему невинные шалости пушистого толстолапого щенка не стоили ему жизни? На ваших глазах попытка неуклюжего маленького озорника пуститься галопом оканчивается тем, что он оступается и со всего размаху налетает прямо на старого «грешника» самого свирепого вида. Как странно — тот и не заметил щенка, даже не зарычал на него. Но вот до нас доносится громыхание воинственных голосов. Это низкие звуки, более зловещие, чем те, что издают дерущиеся псы. Но мы засмотрелись на волчонка и становимся свидетелями битвы взрослых волков, когда она уже в разгаре.

Неполадили двое — старый огромный волк и другой, не столь внушительной внешности, очевидно более молодой. Они ходят друг за другом маленькими кругами, демонстрируя превосходную «работу ног». Обнаженные клыки щелкают непрерывно, это целый каскад символических укусов, следующих друг за другом с такой быстротой, что глаз просто не в состоянии уследить за ними. Пока это и все. Челюсти одного волка рядом, совсем рядом с блестящими белыми зубами противника, который настороже и готов отразить атаку. Только на губах по одной-две маленьких ранки. Молодой волк постепенно начинает сдавать. Видимо,

старик сознательно оттесняет его к изгороди. Затаив дыхание, ждем, что случится, когда теснимое животное окажется «у каната». Вот отступающий ударился о забор, споткнулся... и старый волк уже над ним. И тут случилось невероятное, как раз противоположное тому, чего мы ожидали. Неистовое кружение двух серых тел внезапно прекратилось.

Плечом к плечу, в напряженных, одеревеневших позах оба зверя остановились вплотную друг к другу, обратив головы в одну сторону. Оба свирепо ворчат: старик — глубоким басом, молодой — тоном повыше, и в его рычании проглядывает глубоко запрятанный страх. Но посмотрите внимательнее, как стоят противники. Морда старого волка рядом, совсем рядом с загравком врага, а тот отвернул морду в противоположную сторону, подставив неприятелю незащищенную шею, свое наиболее уязвимое место. Клыки старика блестят из-под злобно приподнятой губы, они в каком-то дюйме от напряженных шейных мышц соперника, как раз в том месте, где под кожей проходит яремная вена¹. Вспомните: в разгар битвы оба волка подставляли друг другу только зубы, наименее уязвимую часть тела. Теперь же потерпевший поражение боец намеренно подставляет врагу свою шею, укус в которую, несомненно, окажется смертельным. Говорят, что первое впечатление обманчиво, но на этот раз пословица не оправдывает себя.

Подобную же сцену можно наблюдать порой, когда на улице встречаются две дворняжки, два взрослых кобеля. Напрягли ноги, подняв хвосты кверху и взъерошив шерсть, они направляются навстречу друг другу. Чем меньше разделяющее их пространство, тем напряженнее тела и тем выше кажутся псы. Шерсть поднимается дыбом, движения все медленнее и медленнее. Они сходятся не так, как это делают драчливые петухи — голова к голове. Собака почти минует соперника и останавливается в тот самый момент, когда ее голова находится возле хвоста незнакомца. Строгий церемониал требует, чтобы в следующую минуту псы обнюхали друг другу основание хвоста. Если одна

¹ Яремные вены — два крупных кровеносных сосуда, расположенные по бокам шеи и несущие кровь от головы к сердцу.

из собак не в состоянии преодолеть свой страх, она прячет хвост между ногами и начинает быстро сучить им, тем самым скромно отказываясь от своего первоначального согласия вступить в переговоры. Если же оба пса остаются в позах самовосхваления, подняв хвосты кверху наподобие знамен, тогда церемония взаимного обнюхивания затягивается. Пока что еще возможно мирное урегулирование конфликта, если одна из собак, а вслед за ней и другая начнут помахивать хвостами, виляя ими все быстрее. Тогда мучительная нервная ситуация выльется в обычную веселую возню. В противном случае положение становится все более напряженным. Собачьи носы начинают морщиться, губы кривятся, обнажая клыки с той стороны, которая обращена к сопернику, и морды принимают отталкивающее, жестокое выражение. Животные начинают скрести землю задними лапами, раздается глухое ворчание, и в следующее мгновение псы с громкими пронзительными воплями бросаются друг на друга.

Однако вернемся к нашим волкам, которых мы оставили в весьма трудной ситуации. Я не случайно отвлекся от основной темы рассказа именно в этом месте, ибо животные могут очень долго стоять неподвижно друг подле друга, и если для наблюдателя этот период измеряется минутами, то побежденному волку он может показаться часами. Вам кажется, что вот-вот наступит развязка. Затаив дыхание, вы ждете, что в следующий момент зубы победителя разрежут яремную вену неудачника. Но ваш страх безоснователен, ибо этого не случится. В той ситуации, о которой идет речь, сильнейший никогда не тронет побежденного соперника. Вы можете заметить, что победителю и хотелось бы проучить врага, но он просто не может сделать этого! Собака или волк, подставляющие противнику шею, никогда не будут укушены всерьез. Выигравший сражение рычит, ворчит, щёлкает в воздухе челюстями, иногда даже проделывает такое движение, словно встряхивает невидимую жертву. Но это удивительное «запрещение» действует лишь до тех пор, пока потерпевшее животное остается в позе покорности. А поскольку битва остановилась внезапно, в тот самый миг, когда побежденный принял эту позу, побе-

дителю часто приходится застыть в не очень удобном положении. Для него вскоре становится утомительным держать морду вплотную у шеи неприятеля. И тогда победившее животное отходит в сторону. Пользуясь этим, неудачник пытается бежать. Но это удастся ему далеко не всегда, ибо как только он изменит позу подчинения на любую другую, враг сразу же набрасывается на свою несчастную жертву, которая снова вынуждена принять первоначальное положение. Это выглядит так, словно победитель только и ждет момента, когда другой оставит позу покорности и тем самым позволит ему осуществить свое настоятельное желание — укусить врага. К счастью для подчиненного, его властелин к концу сражения одержим неотложным желанием оставить на поле боя свою метку и тем самым закрепить за собой эту территорию. Иными словами, он должен «поднять ногу» около ближайшего вертикального предмета. Эта церемония закрепления права на собственность обычно предоставляет побежденному возможность удрать.

В результате этих простых наблюдений мы подходим к пониманию явлений, которые актуальны и в нашей повседневной жизни. В разнообразном внешнем выражении они окружают нас со всех сторон, словно ожидая, когда мы осознаем их внутреннюю сущность. «Социальные сдерживатели» подобного рода отнюдь не редкость, напротив, они настолько распространены, что мы привыкли смотреть на них как на нечто само собой разумеющееся и, проходя мимо, не останавливаем на них своего внимания. Старая поговорка гласит, что ворон ворону глаз не выклюет, и это одна из немногих справедливых пословиц. Ручной ворон никогда не клюнет в глаз и человека. Когда мой питомец Роу сидел у меня на руке, я специально подносил его к своему лицу так близко, что кончик хищно изогнутого клюва почти касался моего открытого глаза. Поведение птицы в эти минуты было просто трогательным. Нервными, беспокойными движениями ворон убирал клюв подальше от глаза, точно так же, как отец убирает лезвия бритвы от пытливых пальчиков своей крошечной дочери.

Только в некоторых, вполне определенных обстоятельствах Роу не отодвигался от моего лица. У многих видов высших общественных животных, птиц и млекопитающих,

в том числе у всех обезьян, принято чистить одеяние своих собратьев на тех участках тела, которые животное не в состоянии содержать в чистоте самостоятельно. У птиц опрятность и порядок перьев на голове и особенно вокруг глаз в значительной степени зависят от внимания других особей вида. Описывая поведение галок, я уже рассказывал о тех жестах, при помощи которых одна из них приглашает другую расчесать оперение ее затылка. Когда я закрываю глаза и сбоку придвигаю к ворону свое лицо, птица понимает мой жест совершенно недвусмысленно (хотя я и не могу «взъерошить перья» на голове) и сразу же начинает свои косметические операции. Ни разу ворон не ущипнул меня — ведь у птиц эпидермис очень нежен, он не выдержал бы грубых прикосновений. С удивительной аккуратностью птица подвергает каждый волосок химической чистке, протаскивая его между створками своего клюва. Она работает с той самой напряженной сосредоточенностью, которая отличает выискивающую насекомых обезьяну и оперирующего хирурга. Я не шучу: взаимный уход за шкурой у обезьян, особенно человекообразных, не ограничивается ловлей насекомых и чисткой шерсти, но включает также и более тонкие операции — удаление шипов и колючек и даже выдавливание небольших нарывчиков.

Когда ворон манипулирует своим страшным клювом возле открытого человеческого глаза, это действительно зловещее зрелище, и я часто слышал предостережения от свидетелей этой процедуры: «Вы ничего не можете знать — ворон есть ворон», и другие подобные же мудрые высказывания. Я отвечал на это следующим парадоксом: доброжелатель может быть потенциально гораздо опаснее ворона. Нередки случаи, когда человек бывал убит сумасшедшим, до этого скрывавшим свое состояние при помощи хитрости и притворства, столь типичных для подобных заболеваний. Поэтому никогда не исключена вероятность, хотя она крайне мала, что ваш доброжелательный гость находится во власти такого недуга. Но неожиданная утрата взрослым и здоровым вороном своих инстинктивных сдерживателей — это вещь гораздо более невероятная, чем нападение со стороны старого приятеля.

Почему собака обладает сдерживателями, не позволяющими ей укусить в шею своего поверженного врага? Почему у ворона есть сдерживатели, не дающие ему клюнуть в глаз другого ворона? Почему у горлицы нет таких сдерживателей? Дать исчерпывающий ответ на эти вопросы почти невозможно. Для этого нам пришлось бы дать историческое объяснение тех процессов, благодаря которым эти сдерживатели развивались в результате эволюции. Во всяком случае несомненно, что они возникли одновременно с появлением страшного оружия нападения у хищных животных. Как бы то ни было, совершенно очевидно, что подобные психические механизмы необходимы всем вооруженным животным. Если бы ворон клевал в глаз самку и молодых, так же как он клюет всякий движущийся и блестящий предмет, то сейчас уже не было бы этих птиц на земном шаре. Точно так же, если бы собака или волк кусали в шею своих партнеров по стае и, схватив, трясли бы в воздухе, эти виды животных определенно подверглись бы самоистреблению в течение короткого времени.

Кольчатая горлица не обладает сдерживающими механизмами, поскольку ее возможность нанести собрату серьезные повреждения много меньше, а способность спастись бегством настолько велика, что уже одно это служит достаточной защитой против всяких хорошо вооруженных врагов. Только в искусственных условиях, в тесном заточении, когда более слабый голубь не имеет возможности улететь, становится очевидным, что кольчатые горлицы не обладают соответствующими сдерживателями. Многие другие «безвредные» травоядные становятся столь же неразборчивыми в средствах борьбы, когда оказываются в клетке наедине с себе подобными.

Если верить общей молве, косуля занимает второе место после горлицы по мягкости и кротости своего нрава, на самом же деле — это одно из самых отвратительных, коварных и безжалостных животных. Бык косули вдобавок к своему злобному характеру имеет еще острые рога, которые тем более опасны, что животное пускает их в ход без всякого ограничения. В природе это отсутствие контроля вполне объяснимо, ибо даже самая слабая косуля легко убежит от ударов быка. В зоопарке же самца косули можно содержать

вместе с самками лишь в очень большой вольере. Если клетка невелика, бык рано или поздно загонит слабейшего, будь то самка или теленок, в угол вольеры и забодает насмерть. Единственная особенность, которая в какой-то мере страхует от смертоносных рогов животного,— это его манера начинать атаку очень медленно. Косуля не бросается на соперника с опущенной головой, как сделал бы, например, баран, но приближается чрезвычайно спокойно, осторожно ощупывая рогами рога противника. Только когда два быка сплелись рогами и каждый чувствует сильное противодействие со стороны неприятеля, только тогда и начинается борьба не на жизнь, а на смерть. По статистическим данным, собранным прежним директором Нью-Йоркского зоопарка В. Т. Хорнедей, ручные косули ежегодно причиняют гораздо больше неприятностей, чем львы и тигры, главным образом вследствие того, что непосвященный не может расценивать медленное приближение животного как начало серьезного нападения даже и в тот момент, когда рога его находятся уже в угрожающей близости. Внезапно один удар начинает следовать за другим с неожиданной силой, и вам здорово посчастливится, если вы успеете схватить руками острые рога агрессора. А затем следует продолжительная борьба, в ходе которой вы истекаете потом, а руки ваши обагрятся кровью. Только очень сильный мужчина может с большим трудом одолеть быка косули, если сумеет зайти во фланг и пригнуть рога животного к его спине. Пострадавший, естественно, постесняется звать на помощь до тех пор, пока острый кончик одного из рогов не окажется в его теле. Так что примите мой совет: если прелестный ручной самец косули, играя и грациозно покачивая рогами, приближается к вам, ударьте его как можно сильнее по носу своей тростью, камнем или просто кулаком, прежде чем он успеет коснуться рогами вашей персоны.

Теперь судите по справедливости, кто «хорошее» животное — мой друг Роу, чьей инстинктивной сдержанности я могу доверить даже «зеницу ока», или кроткая горлица, которая часами трудилась над тем, чтобы замучить своего супруга до смерти? Кто более «безнравственное» животное — самец косули, способный распороть брюхо самке или теленку своего же вида, если они не смогут спастись бегством,

или же волк, который не может укунить ненавистного врага, когда тот просит пощады?

А сейчас давайте коснемся другого вопроса. В чем сущность всех этих поз подчинения, посредством которых животные общественных видов вызывают к милости своего более сильного собрата? Мы только что видели, что потерпевший поражение волк подставляет зубам победителя как раз те самые участки тела, которые особенно тщательно оберегались им во время жестокой схватки, чем, казалось бы, всячески способствует своему более удачливому сопернику нанести последний удар. Все известные нам сейчас жесты покорности, характерные для общественных видов животных, имеют в своей основе один и тот же принцип: молящий о пощаде неизменно открывает неприятелю наиболее уязвимые органы, которые в момент сражения служат единственной мишенью для завершающего смертоносного выпада. У большинства птиц наиболее болезненное место — это затылок, основание черепа. Когда галка хочет продемонстрировать свою покорность, она приседает на корточки, выгибает шею дугой и, повернув голову в сторону от соперника, слегка наклоняется к нему, словно приглашает его нанести удар клювом в роковое место, где череп сочленяется с позвоночником. Чайки и цапли в такой же ситуации вытягивают шею вперед и держат ее в горизонтальном положении над самой землей, подставляя победителю темя, — в этой позе птица оказывается совершенно беззащитной.

У большинства куриных птиц драка петухов обычно оканчивается тем, что один из драчунов повергает другого на землю и, воспользовавшись своим преимуществом, безжалостно клюет и щиплет своего незадачливого соперника. Лишь у одного вида куриных, у американской дикой индейки, победитель в подобной ситуации щадит побежденного. И как раз для этих птиц характерны особые позы подчинения, задача которых — предупредить смертоносное нападение. Если один из участников столь обычного для индюков необузданного и гротескного поединка приходит к выводу о бесполезности дальнейших усилий, он просто ложится на землю и вытягивает вперед шею. А победитель ведет себя в точности, как волк или собака в подобной же

ситуации; иными словами, он испытывает большое желание напасть на распростертого ниц противника, чтобы клевать и топтать его ногами, но просто не может сделать этого! Все в той же своей угрожающей позе чемпион бродит вокруг да около неподвижного неприятеля, делает выпады в его сторону и все же не трогает врага.

Такое поведение, несомненно идущее на пользу всему индюшачьему племени, может привести к трагическим последствиям для индюка, вступившего в драку с павлином. Такая вещь нередко случается в условиях неволи, поскольку способы, к которым прибегают петухи этих двух видов, чтобы продемонстрировать свое мужское достоинство, более или менее похожи. Несмотря на заметное преобладание в весе и силе, индюк почти неизменно проигрывает матч, поскольку павлин лучше летает и располагает более разнообразными приемами боя. В то время когда красно-коричневый американец¹ еще только разминается перед стычкой, синий индеец уже взлетает в воздух и бьет противника остро отточенными шпорами. Индюку, который приготовился вести бой в соответствии с законами его племени, такая поспешность кажется неоправданным нарушением всех правил. Он еще полон сил, однако сразу же признает себя побежденным и ложится на землю, тем самым намереваясь положить конец всему происходящему. И тут случается ужасное: павлин «не понимает» этого языка жестов. Иными словами, поза подчинения, которую принял индюк, не останавливает боевого задора его врага. Павлин продолжает клевать и лягать поверженного противника, и если никто не явится, чтобы выволить его из беды, то индюк обречен. Чем больше пинков и ударов он получает, тем в большей степени его желание спастись бегством подавляется психофизиологическими механизмами, вызывающими подчиненное поведение. Птица просто не в состоянии вскочить на ноги и бежать прочь.

Тот факт, что многие виды птиц обладают специальными органами, сущность которых — предотвратить нападе-

¹ Автор имеет в виду, что родиной домашнего индюка является Новый Свет. Дикая индейка (*Meleagris gallopavo*) — предок домашнего индюка, обитает в США, Мексике и Центральной Америке. Родина обыкновенного павлина (*Pavo cristatus*) — Индия и Цейлон.

ние со стороны других особей вида, указывает на чисто инстинктивную природу и эволюционную древность этих реакций подчинения. На голове у юных водяных пастушков¹ есть голый, лишенный перьев участок кожи. В тот момент, когда птенец преднамеренно демонстрирует свое темя более старым и сильным птицам своего вида, этот кусочек кожи приобретает насыщенную красную окраску. У высших млекопитающих и у человека можно найти подобные же социальные сдерживатели, и сейчас для нас несущественно, имеют ли они столь же механический и произвольный характер. С точки зрения конечного результата неважно, какие причины не позволяют господствующему индивиду нанести серьезные повреждения своему более слабому собрату — то ли простые, чисто рефлекторные врожденные механизмы, то ли высшие философские соображения и нормы морали. Сущность поведения и в том и в другом случае одинакова: смирившееся существо внезапно отказывается от самозащиты и как будто бы развязывает руки убийце. Но именно в тот момент, когда с пути последнего устранены все внешние препятствия, в его центральной нервной системе возникают непреодолимые внутренние преграды, не позволяющие решиться на последний шаг.

Не так ли и сам человек просит пощады? Гомеровские воины, желая сдаться на милость победителя, отбрасывали в сторону щлем и щит, падали на колени и склоняли голову. Они проделывали те самые действия, которые должны были облегчить вражескому воину его задачу — нанести смертельный удар, а на самом деле удерживали занесенный меч. У Шекспира Нестор говорит Гектору:

Ты в воздухе клинок свой задержал,
Чтоб меч твой на упавшего не падал.

Даже и по сей день многие символы подобного рода сохранились в проявлениях нашей учтивости и вежливости: мы кланяемся друг другу, приподнимаем шляпу, приветствуем знакомых протянутой рукой. Если верить античному

¹ Водяной пастушок (*Rallus aquaticus*) — птица из отряда пастушков, широко распространенная в Евразии. Держится в тростниковых и камышовых зарослях по берегам пресноводных водоемов.

эпосу, то создается впечатление, что обращение к милости победителя у человека не есть следствие «внутреннего запрещения», которое абсолютно непреодолимо. Герои Гомера были далеко не столь мягкосердечны, как наши выпенейдские волки. Поэт приводит много эпизодов, когда поверженного воина убивали без малейшего сожаления. И в норвежских героических сагах есть немало подобных же примеров. Лишь с наступлением эры рыцарских приключений было признано «неспортивным» убивать противника, который просит пощады. Рыцарь эпохи христианства, по существу, был первым, кто в соответствии с нерушимыми традициями и нормами религиозной морали проявлял поистине волчье благородство и непринужденную сдержанность в отношении побежденного врага. Какой удивительный парадокс!

Конечно, врожденные, закреплённые наследственностью сдерживающие механизмы, препятствующие животному без разбору применять свое оружие против других особей своего вида,— это лишь внешний аналог, в лучшем случае — отдаленный предвестник общественной морали человека. Мы должны с крайней осторожностью относиться ко всякой попытке перенесения моральных критериев на отношения между животными. Но здесь я хочу высказать одну свою затаенную мысль. Мне кажется, самое замечательное заключается не в том, что один из волков не в силах вонзить зубы в незащищенную шею другого, а в том, что этот другой вполне полагается на поразительную сдержанность своего более сильного врага. Человечеству есть чему поучиться у этого животного, которое Данте называл *La bestia senza rasse*¹. По крайней мере я извлек из знакомства с поведением волков новое и, очевидно, более глубокое понимание одного места из Евангелия, которое сплюшь и рядом трактуется совершенно неверно, и у меня самого до недавнего времени вызывало резко отрицательное отношение: «Если тебя ударили по одной щеке, подставь другую». Не для того вы должны подставить врагу другую щеку, чтобы он снова ударил вас, а для того, чтобы он не смог сделать этого.

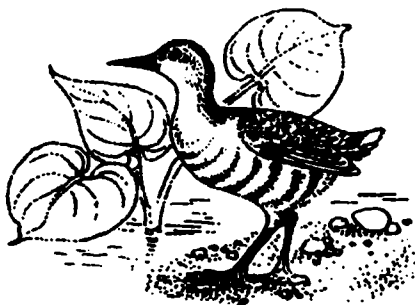
¹ *La bestia senza rasse* (итал.) — зверь, не знающий мира.

Когда в ходе своей эволюции животные приобретают опасное оружие, при помощи которого индивидуум может одним ударом убить другого себе подобного, одновременно, в целях сохранения вида, развиваются и особые сдерживающие механизмы, препятствующие неумеренному использованию такого оружия. Среди хищных зверей есть всего несколько видов, ведущих одиночный образ жизни, и именно эти существа не располагают социальными сдерживателями. Такие животные встречают себе подобных только в сезон размножения, когда их сексуальные эмоции господствуют над всеми остальными и подавляют агрессивность. Среди этих «антиобщественных» отшельников можно назвать белого медведя и ягуара. Как раз им и принадлежит бесславное первенство среди других животных, содержащихся в зоопарках: эти хищники в условиях неволи особенно часто убивают своих собратьев. Система наследственных сдерживающих импульсов вместе с оружием, приобретенным общественными видами животных в процессе эволюции, образует единый отрегулированный комплекс. Обе его составные части развивались параллельно в ходе эволюции каждого вида животных, населяющих нашу планету. Иными словами, и строение тела, и поведение вида — это лишь части единого и неразрывного целого.

И если у Природы путь такой,
Могу ли я не горевать о том,
Куда людей уводит род людской?

Вордсворт был прав: лишь у одного вида живых существ из всех обитающих на Земле оружие не является частью его организма и, следовательно, инстинкт не налагает ограничений на его применение. Это существо — человек. В течение каких-нибудь нескольких десятилетий человеческое оружие превратилось в чудовищную смертоносную силу, которая продолжает безостановочно возрастать. Но для развития сдерживающих начал, так же как и телесных органов, нужно время — не столетия, которыми оперируют историки, но такие длительные периоды, с которыми имеют дело геология и астрономия. Мы получили свое оружие не от природы, мы сами создали его. Как человечество поведет себя в дальнейшем — ограничит ли оно производство

оружия или же выработает в себе чувство ответственности за судьбы планеты, без чего наш мир может погибнуть от наших же собственных рук? Мы должны сознательно и целенаправленно вырабатывать терпимость, раз уже не можем положиться на инстинкт. Свыше тридцати лет назад, в ноябре 1935 года я закончил свою статью «Мораль и оружие у животных» следующими словами: «Придет день, когда два враждующих лагеря окажутся лицом к лицу, перед опасностью взаимного уничтожения. Может наступить день, когда все человечество разобьется на два таких лагеря. Как мы поведем себя в этом случае — подобно горлицам или подобно волкам? Судьба человечества будет зависеть от того, как люди ответят на этот вопрос. Мы должны быть бдительны!

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

С тех пор как я написал две свои небольшие популярные книги о животных — «Кольцо царя Соломона» и «Человек находит друга», — прошло немало лет. Когда я писал их, мною прежде всего руководило желание поделиться с читателем своими мыслями, потребность высказаться, а кроме того, и негодование, которое вызывают у меня многие очень плохие «научно»-популярные книги — книги, которые могут привить детям и неспециалистам ложные представления о поведении животных.

Именно поэтому в своем рассказе о проведенных наблюдениях я прежде всего стремился придерживаться объективной истины с той же точностью, что и в специальной научной статье. Однако при интерпретации фактов, особенно когда речь идет о чувствах и поступках животного, в этих общедоступных книгах, где я обращаюсь к читателю не как ученый к ученому, а просто как человек к человеку, я считал себя вправе писать и о своих раздумьях и предположениях. Это единственная вольность, которую я себе позволил. Она необходима, чтобы в истинном свете представить читателю высших животных, а в применении к данной книге — собак, такими, какими их вижу и понимаю я: наших спутников по жизни, более того, наших друзей.

И в самом деле, почему между двумя видами, между *Homo sapiens* и *Canis familiaris*, не должно быть подлинной дружбы?

Особую радость доставляет мне тот факт, что моя книга о собаках выходит в свет на русском языке.

Обе мои книги — и «Кольцо царя Соломона», и «Человек находит друга» — можно рассматривать как небольшие и весьма скромные введения в этологию. Я позволяю себе говорить об этом потому, что знаю немало естествоиспытателей, которые обратили свое внимание на нашу науку именно благодаря этим книгам.

Поэтому смею надеяться, что и перевод этих книг на русский язык будет способствовать расширению круга тех, кто интересуется этологией.

К. Лоренц

О КОНРАДЕ ЛОРЕНЦЕ И ЕГО КНИГЕ¹

Имя Конрада Лоренца, крупного ученого, одного из создателей этологии² широко известно.

Лоренц родился в 1903 году в Вене. Изучив медицину, зоологию, палеонтологию, психологию и философию, он получил широкое естественнонаучное и гуманитарное образование. По свидетельству самого Лоренца, определяющее влияние на его научное творчество оказали австрийский анатом Фердинанд Хохштеттер и немецкий орнитолог Оскар Хейнрот, труды которого натолкнули молодого ученого на мысль заняться изучением поведения животных.

Отец Конрада Лоренца был известным венским врачом, а его дед — большим любителем и знатоком животных; на прогулки дед всегда выходил в сопровождении ручной гусыни. Семья Лоренца жила в Альтенберге под Веной, где будущий ученый провел свое детство и где происходило большинство из описанных им событий. В просторном саду постоянно жили какие-нибудь животные, рядом — Ду-

¹ Статья публикуется в сокращенном виде. — *Ред.*

² Этология — наука, изучающая поведение животных в естественных условиях. В современном виде этология возникла в 30-е годы XX века главным образом благодаря работам К. Лоренца и Н. Тинбергена.

най, пойменные луга, леса. Еще когда Лоренц учился в гимназии, директор Венского зоопарка Отто Антониус отдавал ему на лечение больных животных.

Горячая любовь к животным, зародившаяся в детские годы, пронизывает все научное творчество Лоренца. Пронизывает она и страницы этой книги.

Как это важно — с малых лет привить любовь к природе, к живому, к жизни! Часто и правильно пишут о том, что жестокость к животным неизбежно переходит в жестокость к людям, порождает бессердечие, эгоизм, грубость. Можно смело добавить — убожество духа, тупоумие, ибо доброе, вдумчивое общение с животными не только обогащает человеческую личность нравственными качествами высшего порядка, но и служит чрезвычайно сильным фактором развития ума. Ничто в мире природы не дает ребячьему уму так много пищи для размышлений, как наблюдения за повадками животных.

Но что значит конкретно развить в человеке — в ребенке или взрослом — любовь к природе, к животному?

Лоренц тысячу раз прав, когда высмеивает так называемую «любовь к животным», — смесь сентиментальности, бессердечности и эгоизма. Горькие упреки ученый адресует тем, кто смотрит на собаку лишь как на объект моды или спорта, кто не видит за экстерьером самого ценного, чем обладает собака, — ее чудесной психики.

Взаимоотношения человека с животными сложны и многообразны. Если любовь к животным — лейтмотив этой книги, то проблема общения и взаимопонимания живых существ составляет основное ее научное содержание.

Так, он рассказывает о процессах запечатления, приуроченных к строго ограниченным «критическим периодам». Не меньшая роль в развитии поведения молодого животного отводится игре. Лоренц посвятил ей главу «О копачьих играх». Конечно, игры бывают разные, и у кошек они выполняют иную функцию, чем, скажем, у обезьян.

Большая часть книги отводится способам общения у животных, их языку. «Разговоры» животных служат самым разнообразным нуждам — выражению внутреннего состояния, взаимному опознаванию, сигнализации об опасности

или просто оповещению о своем присутствии и т. д. Большую роль в общении животных играют выразительные позы и телодвижения, так тонко подмеченные Лоренцем у собак и кошек.

Помимо этих, в своей основе врожденных средств общения, Лоренц упоминает и об индивидуально приобретаемых. Особенно интересны самостоятельно изобретаемые домашними животными способы общения с человеком или с другими животными.

В дополнение к тому, что Лоренц рассказал о пуделе, подававшем лапу не только людям, но и собакам, я сошлюсь на моего кота: приученный «просить», сидя на задних лапах, он добивался этой же позой благосклонности кошек! Конечно, как указывает и Лоренц, это — редчайшее исключение.

Здесь мы подошли к одному из самых трудных и одновременно интересных вопросов — к вопросу об уме, о мышлении животных. Лоренц рассказывает много об уме собаки, о ее интеллектуальном поведении, упоминает он также об интеллекте других животных.

Лоренц отмечает, что собака в своей психической деятельности гораздо более «человекоподобна», чем даже обезьяна. Собаку человек приобщил, приспособил к своей жизни. Одомашненное состояние, сосуществование с человеком, участие в его делах наложили глубокий отпечаток на все проявления интеллектуального поведения собаки. Это не значит, что собака вообще умнее, скажем, шимпанзе, но кое в чем она его, очевидно, и превосходит.

«Человекоподобность» поведения собаки, конечно, чисто внешняя, но проявляется она подчас в удивительных формах. Так, например, я знал собаку, которая совершенно самостоятельно ездила «по своим делам» в центр Москвы. Было очень странно видеть, как она, вскочив в троллейбус, спокойно ложилась под сиденье и без колебаний выходила на нужной остановке.

Как-то мне пришлось высказать свое мнение по поводу одной истории более чем полувековой давности, но подтвержденной очевидцем. Речь шла о собаке, которая в голодном 1921 году по собственной инициативе «определилась

на работу» грузчиком в Севастопольском порту (перетаскивала тюки с причала на баржу), была принята на довольствие на одном из военных кораблей и аккуратно приносила домой — себе и своей хозяйке — заработанную еду.

Что можно сказать по поводу этой истории? Ведь если признать, что все это действительно было, то мы, очевидно, имеем дело с сочетанием ряда случайных совпадений, подлинно интеллектуальных действий собаки, проявлений прежних навыков, выработанных в ходе ее воспитания, да и других компонентов ее психической деятельности. Так, переноска предметов, по-видимому, была ему знакома, и, как каждый хорошо обученный пес, Руслан, надо думать, предпочитал есть только дома, на своем месте. Возможно, в поведении Руслана какую-то роль сыграли и моменты подражания действиям грузчиков. К тому же у собак очень быстро образуются ассоциации, и, раз получив вознаграждение за свои действия, Руслан, естественно, на следующий день вновь отправился к тому же месту в порту. Но все это лишь предположения. Сегодня можно уже считать доказанным, что ни одно животное, включая человекообразных обезьян, не в состоянии понять истинные причинно-следственные связи между предметами и явлениями. Животные в состоянии постигнуть только то, что «на виду», что можно непосредственно наблюдать, что можно увидеть, понюхать, услышать...

Человек же мыслит логическими категориями, формирующимися на основе членораздельной речи, и только это дает ему возможность вникнуть в суть вещей и явлений, познать закономерности природы и общества.

Лоренц справедливо отмечает, что исследования «позволяют нам особенно ясно увидеть человеческую сущность, великие достижения человеческого разума и этики, которых мир животных вообще не знает». Но тут же он приписывает собакам такие этические качества (без кавычек), как стремление к сохранению престижа и достоинства, великодушие, рыцарственное поведение и тому подобное. Как это совместить? Безусловно, в поведении животных содержатся элементы, сходные с человеческим поведением, его «аналоги», равно как и «в человеке есть еще что-то от животного».

Конечно, ряд древних свойств и способностей человек «еще и теперь делит с высшими животными», но едва ли правомерно причислить к этим свойствам сложные человеческие чувства.

У животных все проявления жизнедеятельности, все поведение управляются исключительно биологическими закономерностями. Поэтому принципиально неверно говорить в отношении животных об «общественном» или «социальном» поведении, это равноценно отрицанию всяких качественных различий между поведением человека и животного.

К. Фабри

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧЕЛОВЕК НАХОДИТ ДРУГА

Введение	7
Глава первая. Как, вероятно, все это началось	11
Глава вторая. Два источника преданности	27
Глава третья. Собачьи личности	34
Глава четвертая. Обучение	43
Глава пятая. Собачьи обычаи	55
Глава шестая. Хозяин и собака	67
Глава седьмая. Собаки и дети	71
Глава восьмая. Как выбрать собаку	77
Глава девятая. Призыв к тем, кто разводит собак	84
Глава десятая. Перемирие	90
Глава одиннадцатая. Забор	110
Глава двенадцатая. Много шума из-за маленького динго	115
Глава тринадцатая. Какая жалость, что она не говорит,— ведь она понимает каждое слово	124
Глава четырнадцатая. Права преданности	132
Глава пятнадцатая. Собачье настроение	137
Глава шестнадцатая. О кошачьих играх	146
Глава семнадцатая. Человек и кошка	153
Глава восемнадцатая. Животные, которые лгут	159
Глава девятнадцатая. Кошачья натура	164
Глава двадцатая. Животное, наделенное совестью	172
Глава двадцать первая. Верность и смерть	182

КОЛЬЦО ЦАРЯ СОЛОМОНА

Введение	189
Глава первая. Животные как источник неприятностей	196
Глава вторая. Бойтесь неприятностей — заводите аквариум	205
Глава третья. Разбойники в аквариуме	212
Глава четвертая. Бедная рыбка	217
Глава пятая. Стоит ли смеяться над животными	234
Глава шестая. Сочувствуем животным	243
Глава седьмая. Приобретение питомца	252
Глава восьмая. Язык животных	270
Глава девятая. Приручение землероек	286
Глава десятая. Договор	308
Глава одиннадцатая. Постоянные квартиранты	321
Глава двенадцатая. Мораль и оружие	369
Послесловие автора	386
О Конраде Лоренце и его книге	388

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по «ЗЕЛЕННОЙ СЕРИИ»
присылать по адресу:*

**125499, Москва, Кронштадтский б-р, 376
Издательство АРМАДА**

Лоренц Конрад З.

Л 78 Человек находит друга: Человек находит друга; Кольцо царя Соломона / Пер. с англ. И. Г. Гуровой, Е. Н. Панова; Сост. М. Л. Жданова; Оформл. С. Цылова; Худож. О. А. Келейникова.— М.: АРМАДА, 1995.— 394 с.: ил.— (ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ).

ISBN 5-7632-0031-4

В книгу включены лучшие произведения известного австрийского зоолога и эволюциониста Конрада Лоренца «Человек находит друга» и «Кольцо царя Соломона».

Один из основоположников этологии — науки о поведении животных,— автор увлекательно рассказывает о своих наблюдениях над общением людей с животными и о взаимоотношениях «братьев наших меньших» между собой.

Л 4703010100-58
9СЗ(03)-95 Без объявл.

ББК 84.4А

Зеленая серия

**КОНРАД З. ЛОРЕНЦ
ЧЕЛОВЕК НАХОДИТ ДРУГА**

•

**ЧЕЛОВЕК НАХОДИТ ДРУГА
КОЛЬЦО ЦАРЯ СОЛОМОНА**

•

Составитель серии

М. Л. Жданова

Зав. редакцией

И. Б. Щеглова

Ответственный редактор

Л. В. Гостева

Художественный редактор

Н. Г. Безбородов

Технический редактор

Л. А. Глубокова

Корректоры

Н. К. Пехтерева,

Т. И. Филиппова

Изд. лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93. Сдано в набор
17.04.95. Подписано в печать 21.07.95. Формат 84x108¹/₃₂.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,0. Тираж 30000 экз. Заказ №3859.

Издательство АРМАЦА

125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376

Отпечатано в типографии издательства «Самарский Дом печати»
443086, Самара, просп. Карла Маркса, 201

СЛЕДУЮЩАЯ КНИГА СЕРИИ

ДЖОЙ АДАМСОН

*Выращивание
львенка*

Каждому, кто хоть раз пробовал вырастить какого-нибудь зверя, известно, сколько терпения, сил, знаний и самоотверженности нужно для достижения этой цели. И уж поистине фантастическая преданность и самоотреченность потребовались от Джой Адамсон, чтобы практически в вольных условиях африканского заповедника воспитать львенка, рожденного от свободных родителей, так, чтобы в нем не проснулись врожденные инстинкты и наклонности. Книга Джой Адамсон учит нас любить то, что для многих кажется несущественным и бесполезным. Она показывает, как в общении с животными человек становится духовно чище, богаче, сильнее, как щедро благодарит природа тех, кто относится к ней бережно и любовно. Удивительная история львицы Эльсы, рассказанная Джой Адамсон, прогремела на весь мир, найдя отклик в сердцах тысяч людей во всех уголках нашей планеты.

СЛЕДУЮЩАЯ КНИГА СЕРИИ

ЕВГЕНИЙ СПАНГЕНБЕРГ

*Из жизни
натуральста*

Евгений Павлович Спангенберг посвятил животным всю свою жизнь. Много путешествуя, он познакомился с удивительным миром зверей и птиц разных уголков нашей страны, запечатлев короткие эпизоды и истории из жизни животных, свидетелем или участником которых был, в своих удивительных рассказах. Здесь и трогательная история воробья Малюски, жившего с котом Васькой под одной крышей, взятая из воспоминаний детства, и рассказы о сизоворонке Сивке и вальдшнепе Фомке, о лайке Гаудо, с которой автор путешествовал по Уссурийскому краю. Читая произведения Спангенберга, Вы узнаете много интересного о природе и животном мире низовья Волги, Закавказья, Киргизии, Казахстана, Туркмении, Забайкалья. Эта замечательная книга, написанная простым языком и рассказывающая о впечатлениях, чувствах и переживаниях, знакомых каждому с детства, никого не оставит равнодушным и безучастным к судьбе наших маленьких друзей — кошек, собак, диких зверей, птиц.

Лучшие произведения отечественной и зарубежной
классики о мире животных

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

Вышли в свет:

Дж. ДАРРЕЛЛ

ГОНЧИЕ БАФУТА

*Гончие Бафута
Перегруженный ковчег
Три билета до Эдвенчер*

Дж. ДАРРЕЛЛ

ПОМЕСТЬЕ - ЗВЕРИНЕЦ

*Под палатом пьяного леса
Зоопарк в моем багаже
Поместье - зверинец*

Дж. ДАРРЕЛЛ

ЗЕМЛЯ ШОРОХОВ

*Земля шорохов
Путь кенгуренка
Поймайте мне калобуса*

Дж. ДАРРЕЛЛ

ПО ВСЕМУ СВЕТУ

*По всему свету
Моя семья и другие звери
Птицы, звери и родственники*

Сборник повестей
разных авторов

ЗВЕРОЛОВЫ

*К. Гагенбек О зверях и людях
Ч. Майер Как я ловил диких зверей
Д. Майкл Семья Майклов в Африке*

Дж. ДАРРЕЛЛ

ТОЛЬКО ЗВЕРИ

*Сад богов
Только звери
Пикник и прочие безобразия*

Дж. ДАРРЕЛЛ

КОВЧЕГ НА ОСТРОВЕ

*Золотые крыланы и розовые голуби
Натуралист на мушке
Ковчег на острове*

Дж. АДАМСОН

ПЯТНИСТЫЙ СФИНКС

*Пятнистый сфинкс
Пиппа бросает вызов*

Дж. ХЭРРИОТ

**О ВСЕХ СОЗДАНИЯХ —
БОЛЬШИХ И МАЛЫХ**

Дж. ДАРРЕЛЛ

РОЗИ — МОЯ РОДНЯ

*Рози — моя родня
Филе из палтуса*

Издательство АРМАДА

выпустило и готовит к изданию книги следующих серий:

"РОМАНОВЫ.
Династия в романах"

История
Российского государства
в художественном
жизнеописании
монархов и представителей
правлящих династий

"РЮРИКОВИЧИ"

"СМУТНОЕ ВРЕМЯ"

"ЗАМОК ЧУДЕС"

Сказочные повести и
детская фантастика

"ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ"

Лучшие произведения
отечественных и зарубежных
авторов о животных

"ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК"

Произведения лучших
отечественных и зарубежных
мастеров современной
остросюжетной фантастики

"БОЕВЫЕ РОБОТЫ"

Звездные войны, боевые
машины будущего,
человеческое общество
XXXI века в фантасти-
ческом суперсериале
корпорации FASA

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
ЦИКЛ
ДЖУЛИАН МЭЙ

Многоцветный мир
научной фантастики,
романтики и приключений
в "истории прошлого"
и в "истории будущего"
нашей планеты

"АРМАДА-ДЕТЕКТИВ"

Захватывающие произведения
детективного жанра
известных российских
и зарубежных писателей

Вы можете приобрести наши книги по ценам издательства
у региональных представителей:

Москва:			Воронеж:		
"Демаалс"	(095)	150-07-82	"Амитаб"	(0732)	23-00-02
"Полина"	(095)	276-62-80			
"Стрела"	(095)	306-62-15	Самара:		
"Тригон"	(095)	138-44-62	"Милан"	(8462)	56-92-09
С.-Петербург:			Пермь:		
"Русский Север"	(812)	530-05-36	"Тигр"	(3422)	44-73-54
Н. Новгород:			Ростов-на-Дону:		
"Логос"	(8312)	36-25-80	"Тандем"	(8632)	43-15-37
Челябинск:			Новосибирск:		
"Роска"	(3512)	66-83-11	"Дюна"	(3832)	24-52-67

ВНИМАНИЕ! "Книга — почтой"! Ждем Ваших заявок по адресу: 125499,
Москва, Кроштинский 6-р, д. 376, издательство АРМАДА, с пометкой
"Книга — почтой" на конверте. Оформить подписку и приобрести
отдельные книги издательства Вы также можете по адресу:
Москва, ул. Новый Арбат, д. 30.

КОНРАД ЛОРЕНЦ

*Човек
через друга*

*Колко бърза
Смъртта*